

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

серия основана в 1996 г.

В.А. КАНКЕ

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

*Рекомендовано
Учебно-методическим объединением по образованию
в области экономики и экономической теории
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся
по направлению «Экономика»
и экономическим специальностям*

Москва
ИНФРА-М
2009

УДК 330.1(075.8)

ББК 65.01я73

К19

Рецензенты: *П.А. Ореховский*, д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой Международной академии современного знания (г. Обнинск);
В.Н. Тябин, д-р экон. наук, профессор Государственного университета управления (Обнинский филиал);
А.И. Самсин, канд. филос. наук, профессор Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова

Канке В.А.

К19 Философия экономической науки: Учеб. пособие. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 384 с. — (Высшее образование).

ISBN 5-16-002771-8

Книга представляет собой оригинальный и последовательный курс философии экономической науки. Рассматриваются принципы экономики, революции в развитии экономического знания, новейшие достижения философии науки, вехи методологии экономической теории, ее междисциплинарные связи, основания экономики. Развиваются концепции научно-теоретического строя и прагматического метода. Дается энциклопедически полное изображение панорамы единства экономики и философии науки.

Для студентов, ученых, преподавателей, аспирантов, магистрантов, изучающих курсы «История и философия экономической науки», «Экономическая теория», «История экономических учений», а также широкого круга читателей.

ББК 65.01я73

ISBN 5-16-002771-8

© Канке В.А., 2007

Оригинал-макет изготовлен в Издательском Доме «ИНФРА-М»

ЛР № 070824 от 21.01.93 г.

Сдано в набор 15.03.2006. Подписано в печать 18.07.2006.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Newton.

Усл. печ. л. 24,0. Уч.-изд. л. 24,00.

Тираж 2000 экз. Заказ №

Издательский Дом «ИНФРА-М»

127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в

Тел.: (495) 380-05-40, 380-05-43. Факс: (495) 363-92-12

E-mail: books@infra-m.ru <http://www.infra-m.ru>

Отдел «Книга—почтой»:

(495) 363-42-60 (доб. 246, 247)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всеобщее поверхностное знакомство с предметом экономической теории порождает презрение к специальному знанию о нем.

Обществоведы больше других ученых нуждаются в понимании используемой ими методологии.

Милтон Фридмен

Вынесенные в эпиграф компетентные суждения нобелевского лауреата М. Фридмена определяют основную направленность этой книги. Мы стремимся внести свой посильный вклад в создание последовательного курса философии экономической науки, по поводу отсутствия которого неоднократно высказывали свои сожаления выдающиеся экономисты. Всякая научная дисциплина представляет собой системное образование, в котором достаточно отчетливо выделяются по крайней мере три его части: базовая наука как таковая, ее философия и методика. Применительно к нашему случаю речь идет, очевидно, об экономике, философии экономики и методике экономики. Знание базовой части научной дисциплины не избавляет от необходимости как придания ей понятной для других формы, а для этого нужна соответствующая методика, так и четкой формулировки ее оснований, которые осмысливаются в философии этой науки. Именно философия призвана сообщить науке наивысшую форму концептуальной основательности.

Следует отметить, что три обсуждаемые части научной дисциплины при всей их относительной самостоятельности определяют друг друга. Именно по этой причине никому не дано уютно устроиться в каком-то одном из отсеков научной дисциплины. Любое предложение науки непременно нагружено как философскими, так и методическими аспектами. Бывает так, что эти аспекты не бросаются в глаза, но при тщательном анализе их присутствие обнаруживается всегда.

К сожалению, становление и развитие отдельных частей научной дисциплины не происходят синхронно. Раньше других складывается базовая часть дисциплины. Лишь позднее, иногда с опозданием в десятки лет наступает час философии науки. Это отставание порой принимает хронический характер. Новые успехи науки, как правило, предшествуют соответствующим достижениям ее философии. Рост научного знания всегда предполагает сорев-

нование науки и ее философии. Стоит одной из них замешкаться, как это тотчас же сказывается на судьбе ее союзницы.

Желанный идеал состоит в том, чтобы не было диссонанса между двумя ключевыми частями научной дисциплины. Но продвижение к нему всегда сопряжено с большими трудностями. Обзор состояния современных наук показывает, что лишь некоторые из них сопровождаются достаточно зрелыми философскими концепциями. В этом отношении бесспорными лидерами являются, пожалуй, математика и физика, что, надо полагать, объясняется их солидным возрастом. Ведь не случайно само наличие философии науки свидетельствует о ее зрелости. Что касается многих других наук, то далеко не все из них обзавелись желанной философской спутницей.

Что касается общественных наук, то их философская часть все еще находится в стадии формирования. Это относится и к философии политологии, и к философии правоведения, и к философии социологии, и даже к философии экономики — бесспорного лидера в перечисленном ряде концепций. Обратимся непосредственно к современному состоянию философии экономики, основного предмета нашего интереса.

Видимо, следует признать, что в советской России философия экономики не могла достигнуть высокого уровня развития. Дело в том, что в указанный исторический период, т.е. в 1917–1991 гг., отечественным экономистам было крайне затруднительно не попасть в силки апологетики марксистской, равно как и марксистско-ленинской политической экономии. Культивируемым философско-экономическим теориям, как правило, недоставало критического настроения. Едва ли не все идеи Маркса, в частности метод восхождения от абстрактного к конкретному, считались истинными и всесильными на вечные времена. Но без критики любая наука ржавеет. Состояние современной отечественной философии экономики с ее все еще не преодоленным советским наследством таково, что приходится соответствующий образец искать за рубежом. Впрочем, работа в правильном направлении уже начата, особенно отрадно отметить, что появились первые содержательные учебные пособия нового направления (*Самсин А.И. Основы философии экономики: Учебное пособие для вузов. М., 2003*).

Что касается зарубежных авторов, то в рассматриваемом отношении более других преуспели англичане и американцы. Имеются в виду, в частности, труды М. Фридмана, М. Блауга, Д. Хаусмана,

Т. Хатчисона, Б. Колдуэлла. Оценка трудов зарубежных авторов позволит разъяснить замысел данной книги.

Во-первых, авторы книг и основополагающих статей о философии экономики, как правило, тяготеют к экономике в значительно большей степени, чем к философии наук и, тем более, к философии. Во-вторых, в философии науки они ориентируются исключительно на традицию, идущую от британских и, отчасти, американских философов. Достижения континентально-европейской философии с ее по преимуществу немецкими и французскими корнями учитываются лишь эпизодически. В работах англосаксов явно преобладают неопозитивистские, и особенно постпозитивистские, ориентиры. Даже интереснейшие наработки американских аналитических философов, в частности У. Куайна, Д. Дэвидсона, Х. Патнэма, Р. Рорти, по сути, не используются. В-третьих, пытаясь справиться с динамизмом современного научного знания, экономисты-методологи ориентируются в основном на работы представителей исторической школы в философии науки, т.е. на идеи К. Поппера, И. Лакатоса, Т. Куна и, в значительно меньшей степени, П. Фейерабенда. На наш взгляд, эти идеи нуждаются в существенной трансформации. Но, судя по оцениваемым работам, их авторы затрудняются это сделать. В-четвертых, экономисты-методологи ориентируются на образцы, задаваемые философией физики. Положения этой науки довольно часто некритически переносятся в философию экономики, что приводит к подмене принципов.

Отмеченные выше слабые стороны современной философии экономики свидетельствуют о разрыве, существующем между экономикой и философией науки. Философы и экономисты живут как бы на различных планетах. В противном случае их контакты были бы более тесными. Это обстоятельство определило во многом основной замысел нашей книги — преодолеть разобщенность экономики и философии науки. Мы стремились «сшить» их воедино.

Разумеется, замысел книги нельзя было реализовать без развития новых идей. Отметим две главные из них. Это концепции соответственно единства научно-теоретических ряда и строя и прагматического метода. На наш взгляд, первая концепция позволяет осознать в философской форме динамику современного научного знания, а вторая избавляет от семантического синдрома (читай — физикализма).

Мы стремились также провести критическую переоценку достижений экономической науки, испытывающей затруднения в связи с обилием теоретических конструкций и методологических подходов. Наша главная задача состояла в том, чтобы предложить экономическому сообществу систематизированное и достаточно емкое изложение основополагающих проблем философии экономики. В какой степени это нам удалось, судить читателю.

Со своей стороны мы надеемся, что книга будет полезна как маститым, так и начинающим ученым и преподавателям. В работе над книгой мы стремились создать все необходимые предпосылки для ее использования аспирантами, магистрантами и студентами вузов. Как мы полагаем, она может быть использована в качестве учебного пособия, особенно в курсах «История экономических учений», «Экономическая теория», «История и философия экономической науки».

Мы посвящаем эту книгу всем тем экономистам, которые в бескорыстном стремлении к высотам научного знания без страха и упрека выходят на философское ристалище. Их критические замечания, равно как и всех других читателей, автор примет с неизменной благодарностью.

ГЛАВА 1

ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

1.1. ПРИНЦИП ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Прежде всего определимся с терминологией. Экономическую науку будем называть *экономикой*. Этимология и морфология термина «экономика» прекрасно согласуются с нормами современного русского языка, чего нельзя сказать о маршаллианском термине «экономикс». Отметим специально, что на протяжении всей книги под экономикой понимается именно наука, а не экономические явления. Экономическая теория — это часть экономики, ее языковой и ментальный уровни. Факты в качестве еще одного уровня экономики не входят в экономическую теорию, хотя и находятся с ней в тесной взаимосвязи. И факты, и теория являются составляющими науки.

Начиная систематическое исследование статуса экономической науки, вроде бы следовало сразу же дать ее определение. Исполняя это желание, можно привести, например, определение из популярного словаря Коллинза, в котором экономика — это «наука о наиболее эффективном использовании имеющихся факторов производства с целью максимального удовлетворения неограниченных потребностей общества в товарах и услугах» [143, с. 661]. Но это определение, равно как и всякое другое, легко раскритиковать. Любое определение предмета какой-либо науки всегда является своеобразной теоретической интерпретацией. Сколько существует теорий — столько есть и определений предметов наук. А это означает, что по поводу вышеприведенного определения предмета экономики правомерно поставить вопрос о его теоретической принадлежности. Можно показать, что оно значительно более приемлемо для неоклассика, чем для кейнсианца или, особенно, институционалиста. Несмотря на постоянно возобновляющиеся попытки дать универсальное определение экономике, его поиски остаются бесплодными. Это обстоятельство часто недопонимается даже выдающимися экономистами. «Все мы говорим, определяя экономику, — утверждал Л. Роббинс, — об одном и том же, но до сих пор не решили, о чем именно» [155, с. 10]. Но в отсутствие единства теоретических воззрений нет оснований утверждать, что «мы говорим об одном и том же». Если бы даже единство экономических

теорий было достигнуто, то и в этом случае выделенное «одно и то же» было бы тотчас размыто новыми их успехами.

Из изложенного выше следует, что, избегая ловушек так называемых очевидностей, следует непременно проводить анализ оснований экономической науки, которые согласно философии науки задаются принципами. Принципы — это теоретические положения, которые придают осмысленность законам. Это не главные законы, как часто пишут в учебниках философии, а их смыслы. В отличие от законов принципы никогда не сводятся к признакам изучаемых явлений. В его рафинированной научной форме познание идет по цепочке:

принципы → законы → явления.

Итак, в первую очередь необходимо обратиться к принципам. В этом деле не обойтись без их субординации. Что касается приемлемости проводимой нами субординации, то о степени ее правомерности можно будет судить лишь после того, как она будет представлена в пригодном для критики виде. Мы начинаем с принципа теоретической относительности. Согласно этому принципу все человеческое имеет теоретический статус. На первый взгляд такое утверждение кажется излишне ригористичным. Но это лишь поверхностное представление.

В дословном переводе с греческого *theōria* означает сообщение (*oraw*) о том, что вижу (*thea*). Но уже элеаты Парменид и Зенон в V в. до н.э. отказывались считать видимое за истинное, например полет стрелы. Пожалуй, они были первыми, кто обратил внимание на необходимость согласования наблюдаемого человеком с его интерпретациями. В отсутствие такой согласованности не избежать заблуждений, а ведь задача состоит в том, чтобы уберечься от них.

На пути к принципу теоретической относительности порой встречались весьма необычные, плохо продуманные представления. Дж. Беркли решительно утверждал, что вещи — это не что иное, как комплексы ощущений. «Их *esse* есть *percipi*, и невозможно, чтобы они имели какое-либо существование вне духов или воспринимающих их мыслящих вещей» [22, с. 172]. Существовать — значит быть воспринимаемым (*esse est percipi*). Невозможно отделить друг от друга объект и ощущение, объект и субъект. А. Шопенгауэр считал, что поскольку нет объекта без субъекта, то мир есть наше представление [208, с. 141]. И Беркли и Шопенгауэр ошибочно считали, что теория придает вещам их онтологический статус, а между тем он всего лишь познается в ней.

Определенный вклад в развитие принципа теоретической относительности внес И. Кант. Он интерпретировал любое суждение не иначе, как в горизонте априорных принципов. Бесмысленно вести разговор о вещах-в-себе, которые по определению никак не вовлечены в познавательный процесс.

Развитая философия науки начинается с неопозитивизма, который вскоре встретил своего непримиримого оппонента в лице постпозитивизма. Неопозитивист М. Шлик считал, что в каждом конкретном случае возможна проверка теоретических убеждений на истинность, «констатации являются окончательными» [207, с. 46], неоспоримыми. Это утверждение предполагает, что факты никоим образом не зависят от теории, ибо в противном случае они не могли бы обеспечивать основу познания.

Постпозитивист К. Поппер настаивал на том, что сингулярные высказывания дедуцируются из теории, а это означает, что нет языка, а следовательно, и предложений, свободных от теорий [147, с. 82]. В силу этого фактуальные предложения не могут обеспечить абсолютную научную достоверность теории — они в познавательном отношении сами зависят от нее. После Поппера тезис о том, что факты «нагружены теоретически», будет повторяться многократно. Пожалуй, наиболее полно этот тезис освещен в работах американского аналитика У. Куайна.

Приведем несколько характерных для него выражений. «Истина имманентна и нет ничего более высокого. Мы же вынуждены рассуждать в рамках той или иной теории» [82, с. 341]. «Сама наука, а не первая философия решает, какая реальность должна быть выделена и описана» [82, с. 340]. «Даже наши изначальные объекты — тела — уже являются теоретическими» [82, с. 340]. Правильная идея Куайна состоит в том, что мир человека — это созданный им мир. Всегда и во всем человек руководствуется теорией, и нет ничего, что могло хотя бы в принципе избежать этой участи. И в языке, и в чувствах и мыслях, и в поступках мы всегда не покидаем теорию. Дело обстоит не так, что есть вещи, а мы даем им названия. В теоретической системе человека материальные объекты выступают одной из ее сторон. Они являются такими, каковыми мы их познаем. «Теория, — отмечал Куайн, — представляет собой множество интерпретированных предложений» [83, с. 56–57]. Референция, т.е. соотношение имен и их предметных значений, приобретает смысл лишь в теории. В этом отношении Куайн прав. А не прав он, полагая, что «наука есть не более, чем созданное нами концептуальное средство, служащее для связи одного сенсорного

возбуждения с другим» [82, с. 322]. Сенсорные возбуждения, равно как и вообще чувства, — это всего лишь малая часть нашего мира. Надо бы вспомнить и о мыслях, и о смыслах слов и поступков. Непонятно также, почему Куайн квалифицировал свои воззрения как натурализм [82, с. 340]. Речь явно идет не о натурализме, а о концептуализме. Разумеется, можно только сожалеть о том, что Куайн, как правило, ссылаясь на физику. Вероятно, в этом факте скрыты истоки его натуралистических воззрений.

Очевидно, что перед читателями этой книги всегда должны витать экономические реалии. Для всех наших рассуждений они являются решающей системой отсчета. Имея это в виду, нет необходимости отказываться от воззрений Куайна. Экономические смыслы, так же как и физические смыслы, приобретают определенность в науке. Иного не дано. Итак, человек не может «выпрыгнуть» за пределы постигнутых им смыслов.

А теперь рассмотрим существо главного аргумента, часто выдвигаемого против принципа теоретической относительности и обычно резюмируемого в пафосном заключении: «Но ведь вещи существуют сами по себе, им не нужны подпорки теории!»

Во-первых, заслуживает быть отмеченным, что теории действительно свидетельствуют о существовании вещей и *вне нас*, и *до нас*, и *после нас*. Доказательство этого положения получается наиболее просто в случае учета значимости в современной науке таких дифференциальных форм, как d/dr и d/dt , где r — пространственные, а t — временные координаты. Форма d/dr (или $\partial/\partial r$) вынуждает нас признать, что существует в пространственном отношении внешний для людей мир, в частности Москва и Нью-Йорк. Форма d/dt (или $\partial/\partial t$) позволяет осуществлять не только пред-, но и ретросказание. Показательный пример: согласно научным данным Солнце существует около 5 млрд лет. Заметьте, что этот факт был обнаружен научно-теоретическим, а не интуитивно-созерцательным образом.

Во-вторых, наука позволяет выразить характер наших возможностей. То, как мы взаимодействуем с Солнцем в качестве гравитационных масс, выявляется в физике. Способны ли мы в принципе в какой-то степени изменить ситуацию на Московской фондовой бирже, выясняется в экономической теории.

В-третьих, рост научного знания уточняет наши знания о любых вещах. Допустим, некто сведущ относительно ряда теорий:

$$T_1 \rightarrow T_2 \rightarrow T_3.$$

Более развитая теория дает наиболее корректные сведения о вещах. Надо полагать, этот тезис не нуждается в особом доказательстве.

Таким образом, теории позволяют сформулировать четкие ответы на вопросы: существуют ли вещи вне нас? существовали ли они до нас и будут ли наличествовать после нас? что представляют собой вещи? Но они не санкционируют столь же определенно ответить на вопрос: каковы смыслы вещей безотносительно к нашим учениям? И дело тут не в бессилии теорий, а в том, что последний вопрос поставлен неправильно, без учета состояния нашей концептуальной культуры. Неправомерными бывают не только ответы, но и вопросы. Желание получить из теорий больше, чем содержится в них, неправомерно. Люди руководствуются учениями — и более ничем. Неразумно поэтому ставить любой вопрос без учета этого факта — между прочим, фундаментальной значимости.

Человеческий интеллект в своем творческом воображении способен не только на актуальные концептуальные новации, но и на патологическую гонку за абсолютным. Не только скорость тела, но и знания всегда не абсолютны, а относительны. Такова суть дела. Требовать определения абсолютной скорости и абсолютного знания неправильно. Любые вещи: и Солнце, и автомобиль, и соотношение спроса и предложения — являются для нас такими, какими мы их знаем. Разумеется, отсюда не следует вывод, что вещи существуют благодаря нашим знаниям. Люди рождаются и умирают, но многие вещи не следуют за ними. Такой вывод следует из теорий. Упомянувшиеся выше Беркли и Шопенгауэр явно прошли мимо этого обстоятельства.

Принцип теоретической относительности задает канву любой дисциплины, в том числе и экономической науки. К сожалению, необходимость опоры на него часто недооценивается, а порой просто-напросто не осознается. В таком случае не избежать бездарного в концептуальном отношении блуждания.

Итак, в самом общем плане смысл теоретической относительности состоит в том, что и языковые, и ментальные, и фактуальные формы существуют не иначе как в составе учений, которые, кстати, могут быть как научными, так и ненаучными. Принцип теоретической относительности не должен восприниматься как противопоставление теории фактам.

1.2. ПРИНЦИП КОНЦЕПТУАЛЬНОСТИ

Принцип теоретической относительности задает направление научно оправданного поиска лишь в самом общем плане. Желательно придать ему бóльшую основательность и заостренность. В связи с этим обращает на себя внимание известный факт: научная теория имеет дело с законами. Теория состоит из принципов и законов. А что такое закон? При ответе на этот вопрос разумно использовать символическую запись хотя бы уже потому, что она придает рассуждениям желательную степень определенности, которой не достичь в русле исключительно лингвистических определений.

Выдающийся неопозитивист Р. Карнап записывал закон символически так:

$$(x) (Px \supset Qx) \quad [71, \text{с. } 40]. \quad (1.1)$$

Приведенная запись гласит: объект x обладает признаками P и Q , которые взаимосвязаны между собой (символ $\supset$ фиксирует связь, например причинно-следственную).

Для иллюстрации содержания формулы (1) запишем уравнение количественной теории денег: $Pq = MV$, где P — цены товаров q , M — масса наличных денег, а V — скорость их оборота за данный промежуток времени, например за год. В данном случае x — это рынок; P , M , V и q — его признаки. Связь признаков в данном случае выступает как линейная зависимость. Обычно закон записывается в форме равенства или неравенства. При этом функциональная зависимость, характерная для закона, выступает как соотношение признаков.

Итак, закон есть соотношение признаков. Раз так, то необходимо обратить особое внимание на статус признаков. Любой признак записывается посредством использования переменных (x_i , y_i , z_i и т.д.). Так, цена товара обозначается как P_i . Потребность в переменной возникает постольку, поскольку признак изменчив, количественно вариабелен. Если бы цена товара не обладала вариабельностью, то она обозначалась бы не как P_i , а просто как P .

Обратим теперь пристальное внимание на статус переменных, например все того же P_i , P_j , т.е. $P_1, P_2, \dots, P_n$, в качестве P тождественны друг другу, а отличаются лишь в количественном плане. Своеобразие переменной состоит в том, что она представляет как качественную одинаковость отдельных признаков, так и их количественное различие. Переменные свидетельствуют о компакти-

фицированности мира науки. В отсутствие признаков он бы распался на хаос единичностей, лишенный даже малейшей упорядоченности.

До сих пор мы упорно держались в области логического, которая способна представлять любой из структурных уровней мира человека. Этих уровней существует по крайней мере три. Мы имеем в виду мир предметов, мир чувств и мыслей, мир языка. Мир человека многомерен (рис. 1.1).

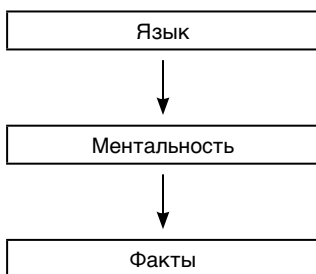

Рис. 1.1. Многомерность мира человека

С самого начала параграфа мы исходим из научных данных. Разумеется, делалось это не случайно, а с вполне очевидной целью. Надо было избежать околонучных аргументов, способных увлечь нас в пучину плохо проясненных и, как правило, ошибочных рассуждений. В науке не следует отвлекаться от сути дела, которая выше фиксировалась в рассуждениях о признаках как единстве общего и единичного.

Новая постановка вопроса состоит в том, что следует обратиться к трем уровням науки. Что представляют собой признаки в мире соответственно фактов, ментальности и языка?

В мире фактов признаки — это свойства и отношения предметов, например физических тел, особей, людей, товаров и т.д.

В мире ментальности признаки выступают как понятия. Утверждая это, обратимся вновь к символьной записи признаков. Достаточно в этой связи рассмотреть знак P_i , где под ним подразумевается любой признак. Не выпуская из поля зрения P_i , зададимся следующими вопросами. Что такое применительно к сфере ментальности P (без прямого указания на количественные градации) и P_i (с акцентом на эти самые градации)? На наш взгляд, это соответственно мысль (одна мысль) и чувства. Заметим, что, например, мысль «цена» неизбежно переплетена с чувствами.

Если исходить из развитого выше представления о признаках, то, обратив на это обстоятельство пристальное внимание, неправомерно противопоставлять мысли и чувства. Они неразлучно объединены в понятиях: невозможно P_i разделить на P (мысли) и P_i без P (чувства). Развиваемое воззрение может вызвать у читателя резкое неприятие в том случае, если он убежден, что чувства и мысли — это принципиально разные вещи. Такого рода убеждение широко распространено, но оно является заблуждением, результатом плохо проясненных представлений, изолированных от существа науки. Если мы желаем понять ментальное научно, то нам придется — иного не дано — обратиться к нетривиальной природе признаков. И тогда неизбежно появляется понимание мыслей и чувств как «срезов» понятий. Отказаться от этого положения — значит поставить крест на научном образовании. Мы предлагаем читателю убедиться посредством своих собственных размышлений, что у человека не бывает чувств, не «нагруженных» мыслями, и мыслей, не «нагруженных» чувствами. Убедившийся в этом без труда поймет положение о понятийной природе как мыслей, так и чувств.

В мире языка предикаты представлены общими и единичными именами, или, точнее, универсальными и сингулярными предложениями. И вновь выявляется слитность общего и единичного. Подобно тому как невозможно «развести» мысли и чувства, неразделимы и универсальные и сингулярные предложения. Пример универсального предложения: «Товарам присущи цены». Пример сингулярного предложения: «Цена данного товара равна 5 рублям». В обоих случаях используется слово «цена», и в обоих случаях имеется в виду, что цены качественно тождественны, но количественно переменны.

Итак, наука имеет дело с признаками, которые выступают в трех различных формах: как признаки предметов, понятия и термины с переменными значениями.

В связи с обсуждаемой проблематикой мы вновь оказываемся в затруднительной терминологической ситуации. Дело в том, что в философию науки пока еще не введен термин, который бы обозначал признак как единство общего (качества) и единичного (количества). Имеющиеся на эту роль кандидаты неудачны. По определению, «универсалии» имеют дело только с общим, но не с единичным, «понятия» и «концепты» — только с миром теории, т.е. с миром ментального и языкового, но не с фактами. Все попытки подключить к обсуждаемой проблематике возможности иностранных языков также не привели к успеху.

1.3. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

Понимание принципа концептуальности затемняется наличием целого ряда спорных вопросов, освещение которых в научной литературе оставляет желать лучшего. Некоторые из них целесообразно рассмотреть хотя бы в предварительном плане уже сейчас, на первых стадиях анализа.

А. О признаках предметов. Здесь особенно много разногласий вызывают два вопроса. Во-первых, справедливо ли считать предметы совокупностью свойств и отношений? Во-вторых, тождественны или всего лишь сходны свойства и отношения, измеряемые в одних и тех же единицах? Обратимся для начала к первому из этих вопросов.

Допустим, мы рассматриваем электрон. Он *обладает* (так обычно выражаются) массой, зарядом, спином, энергией, скоростью. С научной точки зрения электрон есть совокупность этих свойств. Нет такого стержня, на который нанизаны свойства. Электрон не обладает свойствами, он есть их объединение. Резонно говорить о свойствах товара, капитала, денег, занятости. Но всякий раз следует иметь в виду, что согласно научному методу кроме свойств и отношений ничего другого не удалось обнаружить. Существовать — значит быть свойством или взаимосвязью свойств. Как отмечал Куайн, «принять объекты некоторого вида — значит рассматривать их как значения наших переменных» [82, с. 328]. Это верно лишь при одном уточнении: значениями переменных всегда являются свойства и отношения.

Обратимся теперь к вопросу о сходстве свойств. Для англосаксов характерно подчеркивание сходства свойств, но ни в коем случае не их качественной тождественности. Такая позиция восходит, по крайней мере, к Дж. Локку. Он полагал, что существуют только отдельные вещи, которые обладают не общими, а *сходными* качествами [99, с. 467–468]. Имеется в виду, что концептуальное представление есть известное огрубление действительности. Допустим, что цена одного товара равна 10 руб., а цена другого товара — 15 руб. Вопрос: можно ли утверждать, что цены двух рассматриваемых товаров качественно тождественны? На наш взгляд, не только можно, но и нужно. Все дело в том, что ни Локку, ни его современным последователям, в том числе и У. Куайну [86], не удалось показать, чем же отличаются так называемые сходные качества друг от друга. Есть два принципиальных способа рассуждения: либо показать различие свойств, считающихся сходными, либо

согласиться, что они качественно тождественны. Мы не видим альтернативы второму способу понимания природы признаков. Два свойства измеряются одной и той же мерой не потому, что они сходны, а в силу их действительной однокачественности.

Но почему даже выдающиеся философы столь осторожны, а порой и нетерпимы к интерпретации свойств как качественно тождественных? На наш взгляд, сказывается приверженность к традиции, некогда ориентировавшейся на вывод общего из единичного. В таком выводе видели избавление от постулирования иллюзорных сущностей, никак не представленных единичными реалиями. В свете успехов принципа концептуальности старая приверженность к номинализму У. Оккама (существует не общее, а единичное, обозначаемое именами) потеряла свою значимость. Как известно, согласно требованию «бритвы Оккама» не следует преумножать число сущностей. Есть единичное, нет надобности еще и в общем. Но суть дела заключена в другом: общее не прибавляется к единичному, а группирует его в своеобразные кластеры. В итоге реализуется своеобразный принцип научной экономии, огромное многообразие единичных реалий сводится к относительно короткому списку свойств и отношений, представленных переменными.

Заканчивая разговор о свойствах предметов, разумно подчеркнуть их отличие от отношений. Недопустимо ставить знак равенства между, с одной стороны, относительностью свойств и, с другой стороны, отношением свойств. Свойство — характеристика данного объекта, отношение есть связь нескольких свойств. Цена товара зависит от многих обстоятельств, и следовательно, она относительна. Но она присуща именно данному товару. Отношение попадает в поле анализа исследователя тогда, когда рассматривается связь различных свойств, например связь уровня цен со степенью занятости населения. Научные законы — это всегда отношение, но никак не свойство.

Б. Ментальная концептуальность. Спорные вопросы концептуальности применительно к ментальной области обычно выступают как коллизия мыслей и чувств. Так называемые рационалисты с их историческими лидерами Р. Декартом, Г. Лейбницем и И. Кантом исходят из мыслей, а затем от них совершают переход к чувствам. Оппоненты рационалистов в лице сенсуалистов или эмпирицистов (Дж. Локк, Д. Юм, Э. Мах) начинают с чувств (ощущений, впечатлений) и переходят от них к мыслям. И рационалисты, и сенсуалисты считают противостояние мыслей и чувств очевидным фак-

том, отталкиваясь от которого они устремляются в путь — либо от мыслей к чувствам, либо от чувств к мыслям. Но действительное положение вещей таково, что упомянутый выше путь иллюзорен, а потому его никому не суждено осуществить.

Элементарной формой познания в области ментального является понятие, а не мысль или чувства. Но пикантная особенность элементарных форм состоит в том, что они по определению считаются изначально заданными. Это означает, что их возникновение не может быть представлено как пошаговый процесс. Вполне правомерно утверждать, что сознание человека явилось на свет в качестве метаморфозы возможностей биологического мозга. Но при этом спонтанный процесс возникновения понятий не поддается детализации. Исследователю не остается ничего другого, как признать существование спонтанных процессов.

Несостоятельное противопоставление мыслей и чувств дает о себе знать в любой из современных наук, в том числе в экономике. Два весьма показательных примера: концепции субъективной полезности и рациональных ожиданий. В первой из этих концепций много сенсуализма с английскими (И. Бентам, Дж.С. Милль, Г. Сиджвик) и австрийскими (К. Менгер, Е. Бём-Баверк) корнями. Во второй дает отчетливо о себе знать противопоставление рационализма и иррационализма, сторонники которого настаивают на иррациональных ожиданиях. Налицо явная путаница. Мысли и чувства как таковые, т.е. в качестве самостоятельных, отделенных друг от друга сущих, не существуют. Можно лишь сожалеть, что устаревшие представления о формах познания столь прочно вошли в ткань современного языка, что избавление от них является исключительно трудным делом. Люди привыкли представлять себе познание в противостоянии мыслей и чувств. Речь идет о привычке, которая заслуживает искоренения.

В контексте проводимого анализа заслуживает упоминания также феномен интуиции. Латинское *intueri* означает пристальное всматривание. В философии науки интуиция понимается обычно либо как мгновенное постижение каких-то смыслов, либо как понимание целого без вхождения в его детали. Следует заметить, что обе позиции являются далеко не безупречными. Процесс познания всегда требует времени. Голословное утверждение, что познание может быть мгновенным, является не более чем идеализацией, которой некритически приписывают пышный титул интуиции. Что касается целого, то после всестороннего развития системного подхода невозможно избежать вывода, что оно познается не иначе как

взаимосвязь элементов. Интуитивист в бездоказательной манере отрицает структурированность систем, что, разумеется, недопустимо.

В заключение следует отметить, что тема ментальной концептуальности является золушкой современных научных исследований. Нет ни одного сколько-нибудь развитого философского направления, в котором она была бы в центре исследований. В рассматриваемом контексте некоторых комплиментов заслуживает разве что феноменология Э. Гуссерля. Но даже в ней сохраняется разобщенность чувств (их здесь называют переживаниями) и понятий (феноменологи называют их эйдосами). Феноменологи полагают, что к эйдосам ведет синтез переживаний. Этот синтез способствует развитию понятий, но никак не является подготовкой его рождения.

Еще одно заблуждение состоит в том, что сферу ментальности относят исключительно к области психологии. В действительности же среда ментальности давно поделена между науками. В физике, биологии, экономике — везде наличествуют особые понятия, особые ментальности, о своеобразии которых психологи смогут судить лишь в том случае, если они вплотную займутся проблематизацией частных наук. Пожалуй, перед психологией есть лишь два пути: либо она вплотную начинает заниматься ментальными уровнями различных теорий, либо вырождается в собрание суждений, не обладающих востребованной наукой основательностью. На наш взгляд, психология экономики все еще остается недописанной главой философии экономики.

В. Языковая концептуальность. После трудов швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра концептуальность языка стала в науке едва ли не общепринятым фактом. «Языковой знак, — подчеркивал он, — связывает не вещь и ее название, а *понятие* (курсив наш. — В.К.) и акустический образ» [169, с. 99]. Но если языковой знак обозначает именно понятие, то и язык как целое в каждой своей части представляет понятийное, концептуальное содержание. Здесь выясняется одно исключительно важное обстоятельство.

В мире языка концептуальность выражается особыми терминами, обозначающими признаки, как-то: «масса», «валентность», «цена», «доход», «прибыль». Но надо иметь в виду и так называемые предметные общие термины, например «деревья», «люди», «поступки», «товары». Все эти термины не являются концептами, ибо они обозначают не свойства, а предметы. Обозначение предметов приобретает глубокий смысл, не иначе как будучи увязано в

единое целое с концептами. К тому же приходится учитывать, что последние могут быть поверхностными, не выражающими суть дела. В связи с этим Лейбниц в его заочной полемике с Локком проводил различие между номинальными и реальными определениями. Лишь реальные определения показывают определяемое во всем богатстве его свойств [93, т. 2, с. 291, 297]. В отличие от реального номинальное определение «скользит» по поверхности смысла, не более того.

Понимание природы концептуальных определений имеет важнейшее значение для уяснения существа взаимоотношения экономики и философии экономики, равно как и науки и философии в целом. Очень часто философии приписывается форма концептуальности, которой она в действительности не обладает. В философии широко используются общие термины (вещи, свойства, отношения, товары, цены, взаимодействие), но они не являются философскими концептами. Неправомерно считать, например, что экономика имеет дело с концептами первого, а философия экономики — с концептами второго порядка, определяющими суть экономических явлений. На долю философии приходится проблематизация трудностей науки, приводящая к более глубокому пониманию ее существа.

Имея в виду развитие философии в XX в., следует отметить два очень важных обстоятельства. В предшествующей этому веку эпохе язык понимался как следующий за ментальностью, его самостоятельность явно недооценивалась. Подчеркивание в XX в. самостоятельности языка часто сопровождалось игнорированием, особенно со стороны герменевтов и аналитиков, его связи с ментальностью. Другая нежелательная тенденция состоит в придании языку уже не только относительной, но и абсолютной самостоятельности. Это характерно, например, для постструктуралистов и постмодернистов (Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Лиотар), язык в таком случае изолируется от фактуальной области.

Связь языка со сферами ментальности и фактуальности, безусловно, существует, но она не отменяет его относительной самостоятельности, о чем немало исключительно важного написано философами XX в. (герменевтами, постструктуралистами, постмодернистами и аналитиками). Самое существенное в теме самостоятельности языка состоит в том, что часть знаний не приходит к нему извне, а образуется в нем самом. Логика научных дискурсов, развивающаяся по законам аргументации и полемики, сама по себе приводит к приросту знания, который затем переводится в область

ментальности и фактуальности. К сожалению, этому аспекту дела не уделяется должного внимания во всех науках без каких-либо исключений, в том числе и в экономике. Создается впечатление, что в каждой из наук не дописаны целые главы, в которых следовало бы представить их как форму языка.

1.4. ЦЕННОСТИ И ЦЕЛИ

Многообразие наук свидетельствует о многообразии концептов. Ясно, что их природа меняется от одной науки к другой. Если бы это было не так, то существовала бы только одна наука. В чем же состоит специфика экономических концептов? Избегая пространного ответа на этот вопрос, воспользуемся некоторыми работами семиотики — науки о знаках, в рамках которой разумно различать синтаксические, семантические и прагматические науки. Согласно Ч. Моррису, синтактика, семантика и прагматика изучают соответственно отношения знаков друг к другу, отношение знаков к их объектам и отношение знаков к интерпретаторам [122, с. 50].

В этой связи обращает на себя внимание статус соответственно логико-математических, естественно-научных и гуманитарных наук. В качестве представителя логико-математических наук рассмотрим простейшую из них — арифметику. В ней речь идет о свойствах чисел, прежде всего натуральных. Числа 1, 2, 3 ничего не обозначают, их смысл реализуется в соотношении друг с другом, и только так. В качестве представителя естественно-научных дисциплин рассмотрим физику. В отличие от арифметики физика имеет дело с реальными явлениями, каковые обозначаются посредством понятий и терминов. Люди при всей их творческой активности не в состоянии изменить или же отменить физические явления и законы. Они вынуждены принимать их такими, какими они являются. Семантика всегда имеет дело с фиксациями природного. Физика, химия, геология, биология — это семантические науки.

В качестве представителя гуманитарных наук рассмотрим экономику. Концепты и законы экономических явлений установлены не природой, а конституированы людьми. Статус экономических явлений зависит от самих людей. Он неизбежно воспроизводится их поступками, к которым относится даже бездействие. Человек вынужден проектировать экономику, выражать к ней свое отношение. В отличие от законов природы экономические законы не

воспринимаются как нечто данное свыше на вечные времена. Проективный характер экономических качеств вынуждает к терминологическим новациям. Очевидно, что недопустимо характеризовать экономические концепты в том же самом ключе, что и физические.

Концепты естествознания выступают в качестве констативов, они констатируют природные явления. В свете предыдущих разъяснений назовем экономические концепты проективами. Читатель вправе сделать нам упрек в использовании непривычных ему терминов. Реагируя на это возможное возражение, отметим, что констативы часто классифицируются как *описательные понятия* (дескрипции), а проективы — как *ценности*. Такова известная научная форма, избежать обсуждения которой невозможно. Итак, придется обратиться к теме ценностей.

Ценность — это концепт. Такой весьма обязывающий вывод подкрепляется тем, что в экономической науке используются переменные. Но, как отмечалось выше, использование переменных — характерный признак концептуального устройства науки. В экономической науке любой концепт специфицируется в соответствии с ее тремя уровнями: фактуальным, ментальным и языковым. Рассмотрим для начала ценность как понятие. Обращение к теме ценностей вынуждает нас обратиться к истории вопроса. В противном случае многие его болевые точки останутся невыясненными.

Увязать тему ценностей с научным методом одними из первых пытались представители баденской школы неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Но у них не обошлось без очевидного конфуза. Оба считали, что для гуманитарных наук в отличие от наук о природе характерен не генерализирующий (от лат. *generalis* — общий), а идеографический (от лат. *idios* — особенный и *grapho* — пишу), или индивидуализирующий, метод. Наукам о природе они приписывали закономерности, а наукам о культуре — отношение к ценностям. Ценности противопоставлялись любым понятиям. Правильная же логика состоит в противопоставлении ценностей не любым понятиям, а только конструктам логико-математических наук и дескрипциям естествознания. Недопонимание сути принципа концептуальности не позволило неокантианцам придать теме ценностей научный характер.

Более удачно распорядились темой ценностей в конце 1920-х гг. феноменологи М. Шелер и Э. Гартман. Они отлично сознавали характер ценностей. Их беда состояла в том, что они оставались в

пределах сугубо философских рассуждений. По Шелеру, религия в ценностном отношении состоятельнее науки. По поводу научного характера ценностей он, равно как и Гартман, мог сообщить немного.

Крайне превратное отображение нашла тема ценностей в неопозитивизме. От имени философии, которая претендовала на высокое звание философии науки, Л. Витгенштейн безапелляционно заявил, что в мире нет ценностей, ибо они, дескать, нефактуальны. По сути, имелось в виду, что невозможны предложения не только этики, но и всех гуманитарных наук [38, с. 70]. «Добро лежит вне пространства фактов» [38, с. 414]. Основу такого рода утверждений составляет физикализм — самая яркая форма натурализма. Но даже отказ от него, явившийся результатом взаимной критики неопозитивизма, постпозитивизма и аналитической философии, не придал теме ценностей подобающий ей статус. Ярко выраженные в этих трех философских направлениях номиналистические тенденции, выпячивание единичного в ущерб общему не позволяют многим исследователям признать безо всяких оговорок, что концептами гуманитарных наук являются не понятия-дескрипции, а ценности. Есть немало и таких ученых, которые избегают темы ценностей из-за боязни стать заложником субъективизма с его явной ориентацией на навязывание науке личностных предпочтений. Достаточно очевидно, что этот страх имеет метафизические корни. Бесспорно, что ценности изобретаются людьми, но отсюда никак не следует их произвольный характер. Нет никаких оснований ставить знак равенства между субъективностью ценностей и субъективным произволом. *Homo economicus* регулирует свои поступки. Отмечая этот факт, приходится признать, что человек использует особые концепты, позволяющие ему ставить перед собой определенные цели. Именно их разумно называть ценностями. Если бы ценностно-целевое начало пронизывало природу в той же самой степени, что и общество, то не было бы смысла в различении дескрипций и ценностей.

Ценности и цели — это разные, но не существующие друг без друга диспозиции концептов. Ценность по отношению к цели есть ее основание. Цель не является основанием самой себя. Она достигается в процессе совершения поступков. Человек, поставивший перед собой определенную цель, всегда делает это в силу своей воли к реализации некоторой ценности. В качестве смысловой мотивации ценность содержит в себе цель как свою динамическую возможность-перспективу. Цель не возникает сама по себе, она

рождается из ценности. Применительно к цели всегда правомерен вопрос: «Почему?». На вопрос: «Почему ты поставил перед собой именно эту цель?» следует ответ: «Такова моя ценность».

Понимание ценности как понятия, видимо, не сопряжено с особыми трудностями. Пожалуй, большинство исследователей согласится с тем, что ценности вырабатываются самим человеком, причем в специфических для его природы областях деятельности, т.е. в ментальности и языке. Сложнее обстоит дело с уразумением природы ценностей как признаков товаров, услуг, действий. С одной стороны, вроде бы не приходится сомневаться в их реальности, но, с другой стороны, они не обнаруживаются в предметных телах экономических явлений. Выход из обозначенной коллизии видится в том, что выработанные людьми ценности вмещаются природным телам, в результате последние приобретают символическое (знаковое) значение. Ценностное бытие предметов является символическим. Символическое не значит иллюзорное. Его жизненную силу не следует недооценивать.

1.5. ПРИНЦИП ИЕРАРХИИ И АВТОНОМИИ ЦЕННОСТЕЙ

Перейдем к рассмотрению вопроса о соотношении ценностей, в том числе экономических ценностей (э-ценностей). Напомним читателю, что взаимосвязь ценностей образует аксиологический закон. Следует отметить, что в научной литературе крайне редко рассматриваются варианты взаимосвязи концептов. Но это, бесспорно, важнейший вопрос. Чтобы обнаружить его болевые точки, сопоставим экономику с другими науками.

В исчислении высказываний, являющемся простейшим разделом математической логики, простые высказывания объединяются в сложные посредством пропозициональных связей: и ($\wedge$), или ($\vee$), «если ..., то...» ($\rightarrow$) и т.д. И в логике, и в математике используются определенные правила вывода из исходных формул новых. И физик и экономист с успехом используют аппарат логики и математики, он им необходим, но недостаточен.

Физику важно установить не только координацию физических признаков, но и их субординацию. Рассмотрим простейшую формулу (второй закон Ньютона) $F = ma$. Что важнее — сила (F), масса (m) или ускорение (a)? Пожелавший изменить ускорение (a) сможет этого добиться за счет изменения F и m , но сами они по отношению к a автономны. Можно показать, что пространственно-временные характеристики выступают проявлениями импульс-

но-энергетических характеристик, т.е. те и другие неравнозначны. Такова природа физических явлений.

Экономист имеет дело с ценностями, любая формула экономического закона выступает как связь э-ценностей. Но и здесь не обходится без субординационных связей. Существенно в этой связи, что сами люди инициируют ценности. А это означает, что они вольны в субординации ценностей. Анализ всего спектра экономических школ и воззрений показывает, что едва ли найдется такая экономическая ценность, которая кем-то не водружалась на вершину иерархии э-ценностей. Исследователь вынужден признать автономность всех э-ценностей и их известную самодостаточность.

Очевидно, что успех экономического дела зависит от изобретательности экономиста, его умения сочетать уже известные э-ценности и придумывать новые. Этот аспект дела настолько актуален, что резонно, придавая ему самостоятельное значение, продолжить его обсуждение в специальном параграфе.

1.6. ПРИНЦИП ЭФФЕКТИВНОСТИ

Человек — существо творческое. В экономической области его творческая природа проявляется самыми различными способами, но прежде всего — в особой избирательности при субординации э-ценностей. Экономист создает ментально и словесно различные системы э-ценностей и сравнивает, сопоставляет их. Как уже отмечалось, обладание ценностями делает его целеполагающим существом; сравнение целей, возможных и действительных, вынуждает его осуществлять тот или иной выбор. Творческая и избирательная природа человека делает его эффективным, или результативным, существом. Пока под эффективностью понимается линия поведения человека, которой ему не дано избежать, а именно: он вынужден избирать среди многих альтернатив некоторые из них. Мы не утверждаем, что человек избирает лучшую из доступных его воображению альтернатив. Это было бы излишне сильное требование. Достаточно признать, что экономист как-то обращается с альтернативами и в итоге принимает то или иное решение.

Но насколько успешно принято решение? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться непосредственно к экономической теории. Как известно, она считает основным предметом своего анализа выработку стратегии наиболее эффективного экономического поведения человека. Ученые с энтузиазмом, заслу-

живающим высокого доверия, одни оценки экономических ценностей максимизируют, другие минимизируют. Их идеалом является достижение максимальной эффективности экономической жизни.

Но поскольку субъектам экономической жизни не удастся осуществлять свою деятельность идеальным образом, постольку кажется, что существует разрыв между требованиями теории и экономической практикой. На наш взгляд, упомянутый выше разрыв является мнимым. Это выясняется сразу же после уточнения статуса научной теории.

Рафинированная теория многофункциональна. Ее назначение состоит не только в концептуальном представлении некоторых идеалов, но и в создании аппарата для интерпретации неудачных теорий. Последнее обстоятельство часто недооценивается. Бесспорно, что агенты экономической жизни от ученого и бизнесмена до продавца в торговой палатке руководствуются неодинаковыми учениями. Как наука должна реагировать на этот факт? Скрупулезным изучением всего спектра экономических теорий? Если бы это был единственно возможный путь осмысления экономической жизни, то ученые были бы вынуждены устремиться в дурную бесконечность — дурную, потому что им в той или иной форме пришлось бы оправдывать нерафинированное экономическое знание. К счастью, есть другой путь.

В науках давно установлено, что развитая теория есть ключ к менее развитой. Иначе говоря, неразвитое знание интерпретируется на основе развитой теории. В абсолютном большинстве случаев повседневные представления понимаются как *отклонения* от развитых научных воззрений. Экономический человек, какой бы теорией он ни руководствовался, а избежать этой участи ему не суждено, непременно выбирает среди альтернатив; следовательно, он оптимизирует свое поведение таким образом, каким ему это удастся. Но, разумеется, его поведение может быть неудачным, приводящим, например, к банкротству. Впрочем, крайне существенно понимать, что смысл любого экономического поведения, как успешного, так и неуспешного, постигается лучшими экономическими теориями, теми самыми, которые пропагандируют ученые и педагоги.

Как подчеркивал в своей концепции фаллибилизма постпозитивист К. Поппер, человек — существо ошибающееся. Он отклоняется от правильной теории, но он не в состоянии найти ей замену. Это означает, что в смысловом отношении доминируют не

суррогаты экономического понимания, а его вершинные формы, в которых центральное место занимает тема эффективности. Те исследователи, которые осознают это обстоятельство, становятся убежденными сторонниками *принципа* экономической эффективности. Согласно этому принципу все люди действуют единообразно, они оптимизируют ценности таким образом, чтобы достичь максимально эффективного результата. В приведенной формулировке принципа эффективности не утверждается, что все люди действуют безошибочно. Заблуждения людей ни в коей мере не ставят под сомнение принцип эффективности. Если бы они имели фатальную значимость для науки, то пришлось бы отказаться вообще от всех научных принципов, ибо их недопонимания не удастся избежать даже гениям от науки. Наука сильна тем, что она позволяет осмысливать ошибки, а затем и избегать их.

1.7. ПРИНЦИП ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Со времен Сократа известно, что далеко не всегда знание само по себе действенно. Успех дела обеспечивают те люди, которые воспринимают экономическую теорию не иначе как свою жизненную обязанность. В связи с этим трудно переоценить значимость принципа ответственности. Речь идет о том, что экономический человек сознательно, убежденно руководствуется принципом эффективности. Принцип экономической ответственности — это принцип экономической эффективности в действии.

Актуальность принципа экономической ответственности состоит в том, что он кладет конец индифферентному отношению к экономической теории, причем со стороны как ее последователей, так и создателей. Во главу угла ставится успех теоретического дела, а вместе с ним, разумеется, и практики. Отсутствие подлинной заинтересованности в успехе экономического дела, которое часто проявляется, например, в таких суждениях, как: «Это всего лишь теория, а я человек практики», «Я — ученый, теоретик, а не практик», воспринимается в свете принципа экономической ответственности как явное недопонимание статуса и назначения экономической науки.

Ученым пришлось обратиться к теме ответственности далеко не случайно [68]. Как выяснилось, простыми средствами с кризисными явлениями не справиться. Развитая общественная жизнь становится достоянием личностей, людей, которые способны переплавить экономическую теорию в активную личностную позицию.

В этой связи часто говорят, что «следует взять ответственность за успех дела на себя». Хорошо сказано, особенно если понимать, что воля к успеху неминуемо потребует теоретического творчества. Согласно принципу ответственности даже наилучшая теория достойна совершенствования.

1.8. ПРИНЦИПЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РЯДА И СТРОЯ

До сих пор в основном обсуждался статус одной теории, но экономическая наука состоит из многих теорий. Следовательно, необходимо обратиться к анализу этого множества. Существует ли какая-либо связь между экономическими теориями, а если существует, то какой именно она является? В связи с этими вопросами совершим краткий экскурс в философию науки.

Монотеоретичность. Эту концепцию отстаивали неопозитивисты (Р. Карнап и др.). Суть их позиции такова: у истинной теории нет конкурентов.

Тезис Дюгема — Куайна гласит, что наличную научную теорию всегда можно подкорректировать таким образом, чтобы она соответствовала экспериментальным фактам. Речь идет о программе конвенционализма [67, с. 268–269], согласно которой теории условны. Каков характер связи между ними, не выясняется. Множество теорий допускается, но оно упорядочивается едва-едва, в соответствии с весьма «рыхлым» требованием: используйте ту теорию, которая удобна для данного случая.

Концепция отбора и смены теорий по праву должна быть связана с именем постпозитивиста К. Поппера, настаивавшего на том, что новая теория аннулирует старую [147, с. 458]. Новая теория отменяет старую, актуальной же всегда является одна теория. Как видим, критицизм Поппера недалеко ушел от монотеоретичности неопозитивистов, с которыми он так яростно спорил.

Концепцию несоизмеримости теорий развивали постпозитивисты П. Фейерабенд и Т. Кун, оба являлись представителями так называемой исторической школы [84, с. 140–141; 179]. Эти философы полагали, что теории несоизмеримы в силу непреодолимого различия природы их концептов. Несοοизмеримые теории не образуют связанного целого.

Концепция соответствий теорий была выдвинута физиком Н. Бором [150]. Согласно этой концепции старая теория по отношению к новой выступает как ее предельный и вместе с тем частный случай. Так, если в формулах специальной теории относитель-

ности Эйнштейна считать $c = \infty$ (c — скорость света), то они переходят в формулы классической механики.

Итак, рассмотрено пять концепций, в которых так или иначе проводится сопоставление теорий, старых и новых. Главное впечатление от них такое: они не справляются с проблемой взаимосвязи теорий. Их сторонники недопонимают актуальность научно-теоретического ряда теорий. Наша мысль состоит в том, что при всем их различии теории, в том числе и экономические, образуют не хаос, а вполне упорядоченное проблемное целое, или научно-теоретический ряд. В обоснование этой позиции можно привести ряд аргументов.

Во-первых, в образование экономистов включается курс истории экономической теории, где одну за другой рассматривают экономические концепции. Во-вторых, установлено, что такой курс актуален и для новичка, и для маститого ученого. В-третьих, содержание истории экономической теории никак не свидетельствует в пользу рассмотренных выше концепций монотеоретичности, тезиса Дюгема — Куайна, несоизмеримости и соответствия теорий. В объяснении нуждается, пожалуй, не наличие самого научно-теоретического ряда, а его смысловой стержень. На наш взгляд, этим стержнем является прежде всего школа проблемности. Верно, конечно, что теория всегда есть ответ, разумеется своеобразный, на определенные вопросы. Вопросы, которые вызывают новые вопросы, древние греки называли проблемами. Исчерпать проблемы не удастся, а потому в высшей степени актуальной становится школа проблемного понимания. Без исторического научно-теоретического ряда проблемное понимание является ущербным, урезанным, не обеспечивающим успех экономического дела.

По мнению Т. Негеши, нельзя исключить возвращения старых идей. «Вот почему мы и должны изучать историю экономической мысли» [129, с. 18]. На наш взгляд, причины необходимости изучения старых теорий другие. Во-первых, без них невозможно обойтись. Стоит только на словах отказаться от них и попытаться обойтись без их упоминания, как сразу же дает о себе знать удивительное обстоятельство: старые, вроде бы преодоленные идеи начинают воспроизводиться заново. На вершине науки можно удержаться лишь в том случае, если без усталости совершать поход к ней, начиная с ее подножия. Желание отказаться от старых теорий неминуемо приводит к их воспроизведению, причем со всеми им

присущими недостатками. Во-вторых, без старых теорий не удастся понять в полной мере содержательность новых теорий.

Таким образом, история экономической науки свидетельствует о том, что ее логика не исчерпывается одной теорией, а предстает как ряд теорий, объединенных исторической и проблемной связями. Согласно постпозитивисту И. Лакатосу, историческую связь образуют конкурирующие научно-исследовательские программы. Т. Кун обращал внимание на смену парадигм, периодов, так называемых нормальных наук, признающихся сообществом ученых образцовыми, парадигмальными, между которыми властвует ураган научных революций. Но ни у Лакатоса, ни у Куна не объясняется, каким именно образом осуществляется связь между различными этапами научной теории. В этой связи необходимо обратиться к принципу научной актуальности.

До сих пор констатировалось само наличие научно-теоретического ряда, но немного было сказано о том, что скрепляет его в единство. Подчеркивалось, что проблемный метод реализуется в процессе перехода от старых теорий к новым. Но эта констатация способна привести к заблуждениям. Если бы логика экономической теории всегда направлялась от старого к новому, то она неизбежно воспроизводила бы огромный массив исторических заблуждений. Где-где, а в науке совсем не обязательно идти дорогами былых заблуждений. Суть дела состоит в том, что сам научно-теоретический ряд постоянно обновляется. Согласно принципу научной актуальности наиболее развитая теория — ключ к интерпретации содержания старых теорий и освобождения их от всего того, что не выдержало огня научной критики. История экономической теории и присущая ей внутренняя логика — это принципиально разные вещи. Приведем в этой связи две формулы.

$$T_1 \rightarrow T_2 \rightarrow T_3; \quad (1.2)$$

$$T_3 \Rightarrow T_2 \Rightarrow T_1. \quad (1.3)$$

Формула (1.2) иллюстрирует исторический ход развития экономических теорий: бег времени переносит от одной теории к другой; пока еще не определены сравнительные достоинства теорий. Формула (1.3) иллюстрирует процесс «наведения порядка» во взаимосвязи теорий. Содержание T_1 и T_2 интерпретируется на основе T_3 . T_3 — ключ к пониманию T_2 и T_1 .

И формула (1.2) и формула (1.3) представляют определенные ряды, но, и это крайне существенно, их смысловые линии значи-

тельно отличаются друг от друга. Ряд (1.2) имеет ярко выраженный *проблемный* характер. Восхождение $T_1 \rightarrow T_3$ преодолевает противоречия, разрешаются парадоксы. Ряд (1.3) строится не по проблемному подходу. В нем на первый план выходит *интерпретация*. Предельно рафинированным в концептуальном отношении выступает не проблемный подход с его неясностями и противоречиями, а интерпретационный. Ряд (1.3) заканчивает научное строительство, начатое рядом (1.2). Принципиальное смысловое отличие двух рядов друг от друга целесообразно закрепить терминологически. За рядом (1.3) мы предлагаем закрепить термин «научно-теоретический строй». Выражение «строй» призвано отобразить максимальную степень научной упорядоченности. Логика научно-теоретического строя символизируется двойной стрелкой.

Нетрудно заметить не только различную смысловую направленность научно-теоретического ряда (НТР) и научно-теоретического строя (НТС), но и их единство. Без научно-теоретического ряда научно-теоретический строй разваливается, ибо не может существовать вне своей основы. К тому же избавиться от научных проблем раз и навсегда не удастся. Как только обнаруживаются проблемы, относящиеся к T_3 или к T_2 и T_1 , так сразу же приходится включать проблемный подход, а он переводит (1.3) в состояние (1.2). С другой стороны, преодоление противоречий НТР предполагает интерпретацию, а следовательно, логику НТС. Попытки освободиться от одного из двух рядов не проходят. Более того, не удастся и «списать с борта» науки отдельную теорию, например T_1 , которая вроде бы отжила свой век. Объясняется это, видимо, тем обстоятельством, что информационный потенциал строя $T_3 \Rightarrow T_2 \Rightarrow T_1$ больше, чем, например, строя $T_3 \Rightarrow T_2$. Формально рассуждая, можно утверждать, что потенциал T_2 и T_1 содержится в T_3 . Его, дескать, всегда можно извлечь из T_3 . В этой аргументации не учитывается, что знание становится действительным лишь после его реализации. Именно поэтому НТС имеет преимущество перед своими «урезанными» формами.

Не сосчитать числа книг, в которых реализован проблемный подход ряда $T_1 \rightarrow T_2 \rightarrow T_3$, но есть и книги с логикой научно-теоретического строя. Такова, например, монография Т. Негеши [129], в которой, образно говоря, показано, как П. Самуэльсон постоянно корректирует А. Смита. Достижение научно-теоретического строя показывает, что ликвидирована былая разобщенность наук. НТС — это не сумма нескольких отдельных теорий, а их *синтез*.

Упомянутый синтез свидетельствует о слабости теорий Фейерабенда и Куна о несоизмеримости теорий. Теории остаются разобщенными не для всех, а лишь для тех, кто отказывается от принципа научно-теоретического строя или же, что чаще всего имеет место, не способен толково им распорядиться. Утверждается, что понятия менее развитой теории настолько отличаются от понятий более развитой теории, что их никаким образом невозможно сопоставить. Но действительно проводимые интерпретации свидетельствуют о другом. Приведем на этот счет два примера — один из физики, а другой из экономики.

В ньютоновской физике использовались представления об абсолютных пространстве и времени, теперь от них отказались. Развитая физика позволила внести коррективы в классическую механику. Пришлось отказаться от понятий абсолютного пространства и времени, но не от понятий энергии и импульса.

В экономических теориях А. Смита, Д. Рикардо, Дж.С. Милля, К. Маркса не использовался математический анализ и, соответственно, представление о предельных величинах. В наши дни концепции указанных выше авторов интерпретируются с использованием представлений о так называемых предельных величинах. Инвентаризация старых теорий вполне возможна, и проводится она всесторонне. Старая и устаревшая теория — это далеко не одно и то же. В отличие от устаревшей теории старая теория в модифицированном виде включается в научно-теоретический строй. Сознательный или бессознательный отказ от принципа научно-теоретического строя приводит к так называемому разорванному, фрагментарному сознанию со всеми вытекающими отсюда нежелательными последствиями. Но поле экономической науки является лоскутным лишь до тех пор, пока его теории не приведены исследователями в синтетическое единство.

Отметим также, что в дидактике буквально всех научных дисциплин широко распространено мнение, что научно-теоретический ряд хорош уже тем, что он знаменует собой восхождение от простого к сложному. Это мнение глубоко ошибочное. Так называемые простые теории, открывающие хронологию научно-теоретического ряда, буквально кишат противоречиями. Они не просты, а противоречивы и запутаны. Этимологически слово «простой» означает *становящийся вперед*, но этому условию удовлетворяет любая теория. Пожалуй, дидактическое правило «от простого к сложному» вообще не несет сколько-нибудь важной смысловой

нагрузки. Экономиста, очевидно, интересует суть дела, какой бы она ни была.

Дидактическую иллюзию восхождения от простого к сложному часто пытаются оправдать как путь обхождения трудностей, связанных с необходимостью использования соответствующего математического аппарата, например теории вероятностей. Трудности математического порядка конечно же имеют место, но они всецело являются дидактическими, а не сущностными. Они вполне преодолимы. Никто ведь не способен запретить предварить изучение экономической теории хорошо поставленным курсом математики.

На наш взгляд, формула (1.3) $T_3 \Rightarrow T_2 \Rightarrow T_1$ намного содержательнее и в дидактическом отношении, более выверенная, чем формула (1.2) $T_1 \rightarrow T_2 \rightarrow T_3$. Даже курсы по истории науки имеет смысл излагать в последовательности (1.3).

1.9. О ЛОГИКЕ ПРОБЛЕМНОГО И ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО МЕТОДОВ

Научно-теоретический ряд постоянно витает перед лицом исследователя как некоторое целое, которое приходится совершенствовать в соответствии с проблемным методом. Какова логика проблемного метода? Выше уже отмечалось, что она не является дедуктивной, но какой же? Достаточно развернутый ответ на этот вопрос потребует упоминания не только дедукции, но и индукции.

В науках наиболее общепризнанным является дедуктивное или, в формулировке неопозитивиста К. Гемпеля, гипотетико-дедуктивное объяснение. Он изображал его следующим образом [41, с. 93]:

$$C_1, C_2, \dots, C_m$$

$$L_1, L_2, \dots, L_r$$

Логическая дедукция

E.

Здесь $C_1, C_2, \dots, C_m$ — утверждения об определенных фактах (их часто называют начальными условиями); $L_1, L_2, \dots, L_r$ — законы (гипотезы); E — предложение о том, что объясняется, предсказы-

вается или ретросказывается. Факт E выводится (демонстрируется) из фактов C_i под эгидой законов L_j . Логическая дедукция совершается по правилам логического вывода и может включать много звеньев. Гемпель утверждал, что гипотетико-дедуктивное рассуждение характерно для всех наук, обладающих фактуальным содержанием. «Решающим требованием для любого объяснения остается то, что экспонандум (то, что требуется объяснить. — *В.К.*) должен подводиться под общие законы» [41, с. 105].

Что касается так называемого индуктивного рассуждения, то оно ни в коей мере не является оппонентом дедуктивного. Индукция должна объяснить, каким образом достигается знание законов, а дальше включается... схематика дедуктивного объяснения. Сердцевина индуктивного метода строится по схеме: а) известно, что факты a, b, c есть K ; б) будем считать, что и d есть K . Пункты а) и б) позволяют выделить ценности, а вслед за этим и их взаимосвязи. Затем включается механизм логического вывода. Именно последнее обстоятельство позволяет англичанам от Шерлока Холмса до Дж.С. Милля утверждать, что они пользуются дедуктивным методом. Сторонники индуктивного и дедуктивного методов по-разному объясняют процесс выделения законов, но в плане понимания сути умозаключений, приводимых к ретро- и предсказаниям, они едины.

Экономисты часто используют прием *ceteris paribus* (при прочих равных условиях). Он позволяет им концентрировать внимание на соотношении двух-трех ценностей (остальные считаются при этом неизменными). На наш взгляд, широкое распространение среди экономистов приема *ceteris paribus* в основном объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, значительно большей приверженностью экономистов к лингвистическим переменным, чем, например, представителей естествознания. Во-вторых, следованием одному из образцов, характерному для механизма принятия решений, предполагающему попарные сравнения ценностей.

Но ни *ceteris paribus*, ни дедукция не объясняют логику проблемного метода, столь актуального в деле упорядочивания научно-теоретического ряда. Как представляется, здесь на первый план выходит абдукция. Проблематика абдукции впервые была разработана американским философом и логиком Ч.С. Пирсом, в наше время она получила дальнейшее развитие в трудах Н.Р. Хэнсона, Т. Никлза и ряда других авторов [158, с. 52–57].

Абдукция позволяет, во-первых, переходить от следствий к причинам. Если наблюдается факт C и предполагается, что C происхо-

дит при A , то A признается истинным. Более существенно, во-вторых, то, что абдукция позволяет понять механизм научного открытия законов: а) наблюдаются факты C_i ; б) если бы имела место гипотеза (закон) H , то она непротиворечиво объясняла бы C_i ; в) следовательно, есть основание предполагать, что именно гипотеза H позволяет непротиворечиво объяснить C_i .

Отталкиваясь от абдукции, нетрудно понять логику проблемного вывода: а) наблюдаются факты C_i ; б) C_i фиксируется в рамках закона H_1 ; в) C_i и H не согласуются друг с другом; г) если H_2 , то он согласуется с C_i ; д) C_i интерпретируется в горизонте H_2 ; е) H_2 считается истинным; ж) H_1 интерпретируется в горизонтах H_2 ; з) H_1 включается в научно-теоретический строй, возглавляемый H_2 .

Разумеется, проблемная абдукция не противоречит правилам логического, в том числе дедуктивного, вывода. Важно понимать, что дедукция никогда не предшествует абдукции, а всегда идет вслед за ней. К сожалению, в учебниках абдукции уделяется явно недостаточное внимание. Видимо, предполагается, что дедукция — удел новичков, а абдукция — привилегия гениев. Это большое заблуждение. Экономические явления проблемного характера даже в чисто учебных целях невозможно уместить в спокойное ложе дедукции.

О логике интерпретационного метода известно еще меньше, чем об абдукции. Принцип соответствия представляет этот метод в крайне упрощенном виде. Менее развитая теория понимается как всего лишь частный случай более развитой теории. На наш взгляд, логике интерпретационного метода пока еще не придумано адекватное его содержанию название. Очень рискованно называть интерпретацию дедукцией. Последняя всегда имеет место в рамках одной и той же теории, а интерпретация относится к взаимосвязи концептов различных наук. Интерпретация выступает как обоснование концептов менее развитой науки с позиций более развитого учения. Допустим, удастся объяснить макроэкономическую ценность с позиции микроэкономики, в частности уместность агрегированных величин в условиях, когда случайные моды гасят постоянные. Речь явно идет об определенном типе обоснования. А имя ему *интерпретация*.

1.10. О СООТНОШЕНИИ НАУЧНОГО И НЕНАУЧНОГО ЗНАНИЯ

До сих пор речь шла о научно-теоретическом строе. Но теории ведь бывают и ненаучными. Научно-теоретический строй непосредственно соотносится с вершиной теоретического ряда. Если

это так, то возникает вопрос о соотношении научного и ненаучного знания. Но какое знание вообще заслуживает не очень благозвучного эпитета — ненаучное? На наш взгляд, такое, которое не удастся включить в научно-теоретический строй науки. Представления средневековых теологов о незаконности процента на заемные деньги, требование меркантилистов о непременном ограничении импорта, воззрение физиократов о сельском хозяйстве как единственном производительном секторе экономики — это все примеры ненаучных воззрений. С другой стороны, требования средневековых теологов о назначении справедливых цен, меркантилистов о необходимости накопления запасов золота и серебра, физиократов о развитии сельского хозяйства принимаются современными учеными во внимание. Приведенные примеры понадобились для того, чтобы подчеркнуть важнейшее обстоятельство: ненаучное знание поддается интерпретации и оценке с позиций научного знания.

Потенциал топ-теории настолько высок, что он, разумеется, после формирования научно-теоретического ряда, не нуждается в подпитке со стороны тех теорий, которые чужды ему. Само становление научно-теоретического строя означает, что экономистам удалось включить в него достоинства всех других теорий. На первый взгляд кажется, что сделанное утверждение противоречит тезису о плюралистичности теорий, столь излюбленному постмодернистами. Нами признается многообразие теорий, но не их хаотическая разобщенность. Бесспорно, что рост научного знания осуществляется не иначе как на фоне многообразия теорий. Бывает так, что одна теория как бы «поглощает» другую. Но до прореживания многообразия теорий до такой степени, что в вершине научно-теоретического ряда остается всего одна теория, дело, как правило, не доходит. Крайне важно, однако, что применительно к любой конкретной ситуации возможно ранжирование теорий. Как это делается, нами показано в [65, с. 387–400]. Плюрализм теорий ни в коей мере не исключает возможности их упорядочения — операции, которая в конечном счете как раз и приводит к формированию научно-теоретического строя.

Продолжая разговор о ненаучном знании, следует отметить, что в составе экономики оно не котируется сколько-нибудь высоко. Мало кто ставит его на один уровень с наукой. В философии же любителей ненаучного знания значительно больше, чем в экономике. Здесь вполне серьезно могут утверждать, что по своим достоинствам мифология и теология, а также здравый смысл не только

не уступают науке, но даже превосходят ее. Объяснение этого факта нам видится в том, что многие философы не успевают за поступью наук. Отсюда произрастает их тяга к ненаучному знанию. Отметим еще раз: ненаучное знание осваивается наукой, причем вполне успешно. Однако никому из адептов ненаучного знания не удалось создать такую теорию, достоинства которой выходили бы за рамки соответствующего научно-теоретического строя.

В заключение данного параграфа коснемся еще одной дидактической проблемы. В отличие от отечественных экономистов, большинство из которых откровенно тяготеет к академическому стилю изложения, их западные коллеги не считают зазорным писать тексты в стиле, близком к научно-популярному. Именно этот стиль, назовем его дидактическим, характерен для многих западных вузовских учебников экономики. Все дело в том, что необходимо эффективно объединять науку и образование. Для академического стиля характерно безразличное отношение к дидактике, поэтому в деле образования он не всегда уместен. Дидактический стиль изложения учитывает возможности обучаемых, в том числе присущие им лексику и тип заинтересованности жизнью. Опытный дидактик знает, что обучаемый усваивает ту теорию, которой его учат, что очень часто его способности недооцениваются, что дидактический поиск всегда позволит найти такую манеру изложения учебного материала, которая при всей своей кажущейся непритязательности позволит разъяснить студенту суть любой теории наиболее исчерпывающим образом.

1.11. ИСТИННОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Не подлежит сомнению, что экономисты умеют ранжировать теории по степени развития их достоинств. Это обстоятельство можно констатировать выражением: «Теории обладают различными степенями истинности». Вопрос в том, как именно определяется истинность соответствующей экономической теории.

Истина — это одна из центральных тем философии науки. Но длительное время ее не удавалось перевести из области чисто умозрительных метафизических утверждений в русло хорошо обоснованных научных положений. Дело сдвинулось с места после того, как польский логик А. Тарский в 1935 г. развил концепцию, по его терминологии, семантической истины [175]. Он предложил схему определения истины по *T*-схеме (*T* — начальная буква английского слова *truth* — истина):

«*P*» истинно тогда и только тогда, когда *P*.

Предикат истинности принадлежит высказыванию в кавычках, т.е. «*P*». Пример Тарского гласит: «Предложение «Снег бел» истинно тогда и только тогда, когда снег бел». Этот пример не назовешь удачным, он относится скорее к области обыденного, чем научного языка. В философии науки желательно начинать с научных рассуждений, а не с повседневных, способных ввести в заблуждение из-за их недостаточно проясненной концептуальности. Чтобы прояснить смысл высказывания «Снег бел», необходимо углубиться далеко в сферу физики и химии, что не входит в наши намерения.

Как показал Тарский, его определение истины позволяет развернуть теорию всех тех понятий, которые относятся к логической семантике (понятия выполнимости, следования, синонимии и т.д.). Неудивительно, что именно работы Тарского стоят у истока начавшегося после 1935 г. и продолжающегося поныне логико-семантического бума. Впрочем, нас интересует не логика, а экономическая наука. В связи с этим представляются вполне уместными некоторые критические замечания в адрес Тарского. Логика не всесильна, она имеет дело с воображаемыми мирами. Простой пример разъяснит ситуацию.

Рассмотрим предложение «Высказывание “Пегас — крылатый конь” истинно тогда и только тогда, когда Пегас — крылатый конь». Существует ли Пегас в качестве реального или вымышленного объекта, средствами логики не установить. Ограниченность логики вынуждает выходить за ее пределы. А это означает, что необходимо вполне конкретно учитывать потенциал отдельных наук, в том числе, например, отличие математики не от физики, а от экономической теории. Существенно, что закавыченное высказывание можно взять из арсенала любой науки. Приведем на этот счет соответствующие примеры.

«Предложение “ $2 \times 2 = 4$ ” истинно тогда и только тогда, когда $2 \times 2 = 4$ ». Очевидно, имеется в виду, что предложение « $2 \times 2 = 4$ » истинно в том случае, если оно может быть обосновано в полном соответствии с состоянием арифметики как науки.

Второй пример возьмем из физики. «Предложение “ $F = ma$ ” истинно тогда и только тогда, когда $F = ma$ ». На этот раз истинность закавыченного предложения определяется экспериментально. В случае математических истин эксперимент излишен. Математика не является экспериментальной наукой. Рассмотрим теперь пример из экономической науки.

«Предложение “При прочих равных условиях рост занятости населения приводит к росту инфляции” истинно тогда и только тогда, когда при прочих равных условиях рост занятости населения приводит к росту инфляции». Можно заключить в кавычки любую экономическую рекомендацию независимо от ее истоков — кейнсианских, монетаристских или же каких-либо других. Разумеется, ситуация в экономике является принципиально другой, чем, например, в математике и физике.

Приведенные примеры показывают, что, пожалуй, Тарский, утверждая, что он дает исключительно семантическое определение истины, а не синтаксическое или прагматическое, был излишне категоричен. Истинному высказыванию было разрешен контакт исключительно с тем, что *есть*, но не с тем, что *должно* быть. Эта произвольная в методологическом отношении акция никак не учитывает, что вопрос о существовании чего бы то ни было должен рассматриваться не иначе как на основании теории (вспомните принцип теоретической относительности). Естьность нельзя определить безотносительно к теории. Когда упор делается на том, *что есть*, то стремятся обойтись без теории, выделить абсолютный критерий истинности, но найти его пока еще никому не удалось.

На наш взгляд, в определении истины Тарского речь идет не о соответствии высказываний реальным объектам, а о соотносительности языкового, а также ментального уровня науки с ее фактуальным уровнем. Но нас интересуют в первую очередь не любые теории, а наиболее значимые в составе наук. Идея такова: до тех пор пока в определение истины не будет включено представление о научно-теоретическом строе, самому этому определению не удастся избавиться от метафизической составляющей, не совместимой с научной философией. Предикат истинности присущ далеко не любому предложению, а лишь высказыванию, которое входит в состав научно-теоретического строя. При переходе от указанного ряда к отдельной теории, а от нее к отдельному предложению, возможность опоры на определение истины ослабевает и в конечном счете становится вообще недействительной. Стремление Тарского сопоставить предикат истинности каждому определенному предложению безотносительно к его теоретическому статусу не лишено известной доли наивности. Таким образом, определение истины Тарского может быть модифицировано следующим образом: «Предложение “*P*” истинно тогда и только тогда, когда, во-первых, *P*, во-вторых, “*P*” входит в состав научно-теоретического строя».

Еще один недостаток определения истины Тарского состоит в том, что оно, как уже отмечалось, будучи применимым к любому типу наук, не учитывает их особенности. Требование соответствия «*P*» и *P* не является ни синтаксическим, ни семантическим, ни прагматическим. Оно всего лишь выражает координацию различных уровней науки — языкового, ментального, фактуального. Упомянутое требование координации явно недостаточно для определения истины. Оно непременно должно быть дополнено с учетом специфики той науки, которая является предметом рассмотрения. В связи с этим обратимся к трем типам наук — синтаксическим, семантическим (дескриптивным или описательным) и прагматическим.

Примерами синтаксических наук являются, например, логика и математика. Логическое или математическое предложение считается *правильным* тогда и только тогда, когда оно обосновано. Критерий обоснованности применим не только к доказываемым теоремам, но и к аксиомам, которые не должны приводить к парадоксам. Выше предложения логики и математики названы *правильными* преднамеренно, с тем чтобы спровоцировать вопрос о правомерности их аттестации в качестве истинных. Исходя из предложения, что регулятив истинности имеет общенаучную значимость, вполне правомерно правильное логическое или математическое предложение считать истинным. Считать по-другому — значит отказываться от методологического уровня анализа в угоду некритически проводимой абсолютизации потенциала отдельных наук, например физики.

Физика наряду с другими естественно-научными дисциплинами, такими, как космология, химия, геология, биология, относится к семантическим наукам, их еще называют дескриптивными, или описательными. Вопреки распространенному мнению семантические науки описывают не только то, что есть, но и то, что было и будет. Им, очевидно, подвластны все три модуса времени — прошлое, настоящее и будущее. Критерий обоснованности актуален для любой семантической науки, но он недостаточен в качестве критерия истинности. Предложения естествознания признаются истинными лишь в том случае, если они *подтверждаются* наблюдениями и экспериментами. При этом сами наблюдения и эксперименты интерпретируются теоретически. Современный исследователь не станет утверждать, что восход и заход Солнца свидетельствуют о его вращении вокруг Земли, хотя плохо осведомленному в космологии человеку это представляется именно таким образом.

В естествознании теория считается истинной лишь в том случае, если она позволяет объяснить весь спектр наблюдаемых от ее имени явлений.

В отличие от семантических наук прагматические дисциплины, а к ним относятся, в частности, все общественные науки, в том числе и экономика, имеют дело не с причинной детерминацией начальными состояниями конечных состояний, а с ценностно-целевыми мотивациями. Разумеется, это обстоятельство должно как-то учитываться в определении прагматической истины. Но каким образом? Сказать, что прагматическая теория подобно естественно-научным дисциплинам *подтверждается*, — значит отождествлять ее с ними. Надо полагать, регулятив подтверждаемости разумно закрепить за естествознанием, а применительно к прагматическим наукам использовать какой-то другой критерий. Какой? Вот в чем вопрос.

Один из основателей прагматизма Ч. Пирс разъяснял суть дела так: «Следует рассмотреть все диктуемые некоторым понятием следствия, которые будет иметь предмет этого понятия. Причем те, что согласно этому понятию будут иметь практический смысл» [145, с. 138]. В другом месте он отмечал, что «самый, пожалуй, поразительной чертой новой теории было признание наличия неразрывной связи между рациональным познанием и рациональной целью — как раз это последнее соображение и продиктовало выбор имени *прагматизм*» [145, с. 158]. То, что Пирс называл понятием, в нашей терминологии есть ценность, мотивирующая людей на достижение некоторых целей. Естественно-научная теория позволяет исходя из понятий-дескрипций и представления о причинно-следственной взаимосвязи событий описывать различные состояния природных систем. Прагматическая наука, руководствуясь ценностями и представлением о мотивациях как динамических истоках поступков людей, объясняет не только наличие и возможность различных целей, но и их известную альтернативность. Прагматическая теория, которая не позволяет упорядочить возникшие цели по степени эффективности, экономистами опровергается.

Итак, определение прагматической истины может быть таким. «Предложение “*S*” истинно тогда и только тогда, когда: во-первых, “*S*” входит в состав научно-теоретического строя; во-вторых, есть *S*; в-третьих, *S* объясняется как ценностно-целевой феномен; в-четвертых, *S* фиксирует эффективную цель». Применить это определение к экономической науке несложно. Достаточно под-

черкнуть, что речь идет не о произвольном, а об экономическом научно-теоретическом строе.

Проведенный анализ проблемы истины показывает, что, во-первых, напрасны надежды на нахождение абсолютных или так называемых простых критериев истины, их не существует. Во-вторых, решающее значение в определении истинности того или иного предложения имеет не соответствие фактам, понимаемое как атомарный феномен, а используемый тип обоснования. Вне обоснования критерий истины не обладает смыслом. И семантическая, и прагматическая теория подтверждаются фактами. Обе они имеют фактуальный характер. Их своеобразие определяется различными методами обоснования.

При определении критерия истины очень часто пытаются выйти за пределы принципа теоретической относительности. Определение Тарского «Предложение “ S ” истинно тогда, и только тогда, когда S » создает впечатление, что S нетеоретично. Но признание S нетеоретическим — это явный рецидив метафизики, не совместимой со статусом науки. Истина — это научный феномен. Он знаменует собой согласованность трех уровней науки — языкового, ментального и фактуального. Представление об истине призвано исключить научные неудачи. Требование синтаксической истины не допускает отхода, например, от аксиоматически выводного знания. Регулятив семантической истины настаивает на описании связи состояний. Концепция прагматической истины не терпит отхода от объяснения ценностно-целевых поступков людей.

Очень часто само определение истины считают чем-то вторичным по отношению к статусу изучаемых явлений. Разумеется, статус, например, физических и экономических явлений различен. Но статус есть статус, к проблеме истины он имеет вторичное отношение. Каким бы ни был статус изучаемых явлений — природным, социальным или чисто воображаемым, он в соответствии с назначением науки познается не иначе как в истинной теории.

Старое-престарое убеждение, что факты даны исследователю не вместе с теорией, а раньше ее и, следовательно, теория должна соответствовать им как своей предпосылке, давно уже пора сдать в архив. Истина как соответствие высказываний и умозаключений фактам имеет всецело *внутринаучный* характер. Кстати, обычно пишущие о проблеме истины подчеркивают соответствие предложений фактам (о понятиях и умозаключениях вспоминают редко, и совершенно напрасно). Но истину вполне можно определить и как соответствие фактов умозаключениям и предложениям. Ска-

зывается простое обстоятельство: в соответствии уровней науки нет первого и второго. Разумеется, справедливо утверждать, что, например, физический мир существовал задолго до появления людей, но этот факт стал известен из истинной теории, он не предвещает определение истины.

Выше отмечалось, что истинное предложение входит в состав научно-теоретического строя. При всей правильности этого утверждения оно нуждается в дополнительной комментарии. Регулятив истины нацелен на обеспечение роста научного знания. Верно, что истинное изложение (равно как и истинное умозаключение) входит в состав научно-теоретического строя. Но неверно, что любой научно-теоретический ряд состоит из истинных предложений. Критерий истины призван обеспечивать совершенствование научно-теоретического строя.

При определении экономической истины приходится сопоставлять фактуальные (эконометрические) данные с содержанием предложений и умозаключений. Разумеется, здесь не обходится без трудностей, которые П. Отмахов резюмирует следующим образом [140, с. 69–70]: 1) экономическая наука не дает точных прогнозов, а поэтому их трудно проверить; 2) если предсказание выработано, то оно проверяется посредством статистики, которая всегда содержит элемент неопределенности; 3) в экономической науке в отличие от ситуации в физике нельзя поставить контрольный эксперимент; 4) экономическая теория имеет идеологический характер, что затрудняет ее фальсификацию. Из четырех приведенных аргументов четвертый представляется нам наиболее слабым. Хорошо аргументированная критика экономической теории позволяет избавиться ее от идеологических моментов, чуждых ей по определению. Что касается аргументов 1), 2) и 3), то они также не безупречны. Во всех трех случаях проявляется желание потребовать от экономической науки того, чего она в принципе не может дать, а это означает, что присутствует тоска по метафизике.

Экономическая наука дает те прогнозы, которые она дает. Что значит дать *точный прогноз*? Дать тот прогноз, который доступен в пределах научно-теоретического строя. П. Отмахов считает, что экономическая теория обосновывается статистическими данными, а они содержат элемент неопределенности. Но само наличие статистики — это не недостаток теории, а ее сущностная черта. Во всех эмпирических науках статистике присущ элемент неопределенности. В этом отношении ситуация в физике выглядит не лучше, чем в экономике. К тому же надо учесть, что существуют хоро-

шо разработанные методики обработки статистических данных. Что касается неопределенности, то она далеко не всегда является нежелательной. Заслуживает критики та неопределенность, которая является результатом поспешных суждений и эконометрической неряшливости. Что же касается неопределенности, выступающей органичной чертой экономических ретро- и предсказаний, то она опять же имеет сущностный характер.

П. Отмахов сожалеет, что в экономической теории нельзя поставить контрольный эксперимент. Но, во-первых, ушли те времена, когда в экономике вообще не ставили лабораторных экспериментов, за них теперь дают даже Нобелевскую премию. Во-вторых, любой экономический эксперимент, в том числе рейганомика в США или монетаризм эпохи Ельцина в России, имеет контрольный характер. В-третьих, с так называемыми решающими экспериментами даже в физике дела обстоят не так радужно, как это порой кажется несведущим относительно ее трудностей людям. Показательный пример. В соответствии с гордостью физиков — квантовой теорией поля — они вынуждены считать, что механизм гравитационных взаимодействий обеспечивают особые частицы — гравитоны и гравитины. Но у них нет даже малейшей надежды на то, что когда-нибудь удастся зафиксировать эти частицы непосредственно в эксперименте, ибо для этого необходимы энергии, недостижимые в условиях Земли. Общее правило, которое характерно для любой науки, гласит: для обоснования истинности теории необходима вся совокупность данных наблюдений и экспериментов.

Установление истинности экономических суждений — это сложный, многоступенчатый процесс. Но он и возможен, и действительно вновь и вновь получает свою реализацию. Отнюдь не случайно в истории экономической мысли то и дело случались кризисы, например с неоклассикой в 1970-х, с кейнсианством в 1980-х, с монетаризмом в конце 1980-х гг. Все эти кризисы явились следствием, по крайней мере, частичной фальсификации вышеупомянутых экономических теорий. Метаморфозы теорий явно свидетельствуют в пользу актуальности регулятива истинности в экономической науке.

1.12. ПРАГМАТИЧЕСКИЙ МЕТОД В ЭКОНОМИКЕ. СООТНОШЕНИЕ ПОЗИТИВНОЙ И НОРМАТИВНОЙ ТЕОРИИ

Философию экономической науки часто, на наш взгляд не вполне правомерно, называют методологией (методология — это всего лишь составная часть философии науки), но при этом вопрос о методе экономики не всегда ставится в центр анализа. Даже выдающиеся методологи из числа экономистов не дают сколько-нибудь ясной характеристики существа экономического метода, т.е. того способа обоснования, который используется в экономике. В замечательной во многих отношениях книге М. Блауга [24], посвященной методологии экономической науки, термин «метод» даже не включен в обширный предметный указатель. Чтение книги создает впечатление, что Блауг считает методом экономики фальсификационизм постпозитивиста К. Поппера. Но это утверждение ни в коей мере не учитывает специфику экономической теории. А ведь речь должна идти о методе, который выражает специфику именно экономической науки, а не, например, физики, все еще воспринимаемой некоторыми экономистами в качестве образцовой науки.

Д. Хаусман, осуществляя обзор стандартной западной методологической литературы [194], в качестве методов экономической науки рассматривает дедуктивизм Дж.С. Милля, неопозитивизм, фридмановское попперианство и эклектику. Наилучшей методологией он считает эклектику. Он подчеркивает, что в области методологии экономики надо не исходить из готовых рецептов, а тщательно исследовать деятельность экономистов [194, № 3, с. 109]. Остается неясным, почему экономисту надо быть эклектиком. На наш взгляд, правильное понимание содержания экономического метода предполагает опору на потенциал как философии науки, так и экономики. Обе стороны, философы и экономисты, заслуживают доверия, но они способны на принципиальные ошибки.

Анализ экономической литературы показывает, что в центре современного спора о методе экономической науки стоит вопрос о соотношении так называемой позитивной и нормативной науки. Абсолютное большинство экономистов тяготеет к установкам позитивной науки, т.е. науки, освобожденной, по определению, от голословных утверждений. «Критерий опровержимости, — утверждает М. Блауг, — может разделить все экономические высказывания на позитивные и нормативные и, таким образом, подсказать нам, в какой области надо сосредоточить наши эмпирические ис-

следования. При этом можно показать, что даже нормативные тезисы часто имеют скрытые позитивные основания, что оставляет нам надежду когда-нибудь проверить их эмпирически. Однако некоторые основополагающие нормативные теоремы никогда не удастся подвергнуть эмпирической проверке» [25, с. 659]. Позитивная наука отвергает то, что нельзя удостоверить или опровергнуть фактическими данными. Поэтому она тяготеет к идеалу описания. Почему именно описания? Потому что изначально предлагается описание того, что существует реально, а не в сомнительных прожектах по поводу должного. Но что относится к прожектам? Согласно утверждению многих экономистов — это ценностные суждения. По мнению М. Блауга, экономическая наука многим обязана немецкому философу и экономисту Макс Веберу, который настолько ясно изложил доктрину свободы общественной науки от ценностей (*Wertfreiheit*), что «сейчас непонимание сказанного им непростительно» [24, с. 197]. Но что же он, собственно, сказал столь в высшей степени бесспорного?

«Задачей эмпирической науки, — отмечал М. Вебер, — не может быть создание обязательных норм и идеалов, из которых потом будут выведены рецепты для практической жизни» [34, с. 347]. «Эмпирическая наука никого не может научить тому, что он *должен* делать, она указывает только на то, что он *может*, а при известных обстоятельствах на то, что он *хочет* совершить» [Там же, с. 350]. Не наука, а человек «взвешивает и совершает выбор между ценностями, о которых идет речь, так, как ему велят его совесть и мировоззрение» [Там же, с. 348], «а также вера» [Там же, с. 351]. В одной из своих поздних работ Вебер выдвигает требование, которое он сам называл «тривиальным», разделять «две группы гетерогенных проблем: установление эмпирических фактов (включая выявленную исследователем оценивающую позицию эмпирически исследуемых им людей), с одной стороны, и *собственную* практическую оценку, т.е. свое *суждение* об этих фактах (в том числе и о превращенных в объект эмпирического исследования «оценках» людей), рассматривающее их как желательные или нежелательные, т.е. свою в этом смысле оценивающую позицию — с другой» [Там же, с. 558].

Приведенная цитата явно свидетельствует об известной корректировке Вебером своей первоначальной позиции. Два выражения, заключенные в скобки, показывают, что он признает возможность эмпирического изучения ценностей, или, как выражался Вебер, «оценивающих» позиций и «оценок». Вопреки Блаугу Вебер не

утверждал свободу науки от ценностей. К сожалению, и Вебер и Блауг не анализируют природу экономических фактов. Что они представляют собой? В связи с поставленным вопросом обратимся, например, к феномену цен товаров. Очевидно, что они *устанавливаются* людьми, теми самыми, которые принимают решения и совершают действия. А это означает, что цены — это признаки ценностно-целевых действий людей. Приведенный пример весьма показателен: экономическая наука всегда имеет дело с ценностями, а значит, и с целями. Вебер выражался недостаточно строго — «оценивающие» позиции, «оценки» и т.п., явно повторяя ошибку своих неокантианских (В. Виндельбанда и Г. Рикерта) и герменевтических (В. Дильтея) учителей, предпочитавших говорить об *отношении* к ценностям там, где надо было говорить о самих *ценностях*. Речь идет об издержках первопроходцев, недостаточно ясно представлявших себе концептуальный статус ценностей. Итак, тезис о *Wertfreiheit* должен быть отвергнут. Тот, кто его принимает, неизбежно скатывается к натурализму, ибо он вынужден придавать фактам статус не социальных, а природных реалий.

Решающая мысль Вебера состоит не в *Wertfreiheit*. Но в чем же? В том, что из сферы науки исключаются мировоззрение, совесть и вера принимающего решения человека, а следовательно, и сами решения. Но новейшая экономическая теория не только не устраняется от изучения феномена принятия решений экономическими агентами, а, наоборот, делает на нем акцент. Свидетельство тому — великолепные работы Г. Саймона, Г. Беккера, Ф. Махлупа и многих других экономистов, в том числе и лауреатов Нобелевской премии.

Но как объяснить стремление М. Вебера вывести за пределы науки мировоззрение, совесть и веру и следует ли оправдывать его стремление? На наш взгляд, Вебер принижал возможности науки; он недопонимал, что все человеческое, в том числе и мировоззрение, и совесть, и вера, подпадает под ее юрисдикцию и в конечном счете имеет концептуальный характер, правда более или менее ярко выраженный.

М. Вебер стремился обезопасить общество, в первую очередь обучаемую молодежь, от различного рода притязаний: «политике не место в аудитории» [34, с. 721]. Отсюда требование к университетским профессорам: учите науке, а ваши ценности и веру оставьте вне аудитории. Требование подлинно научного характера личных убеждений ученых и преподавателей он подчинил интересам необходимости различения науки, опирающейся на факты, и все-

го того, что имеет сугубо нефактуальный характер и неподвластно научной критике. Брезгливо относясь к политиканству, он, желая отстраниться от него, принизил науку. Вебер в пуританских традициях хотел сохранить чистоту науки, но, уклоняясь от боя, смелым не станешь.

По Веберу, наука в силу ее фактуального характера исключает личностную позицию. Вряд ли стоит соглашаться с этим мнением. Наука, причем любая наука, есть творение человека. Ее присвоение, в том числе преподавателем, неминуемо приводит к авторской интерпретации. Именно по этой причине невозможно найти даже двух преподавателей, которые бы учили совершенно единообразно. Но отличия, существующие между преподавателями, не являются произвольными.

Арифметика учит, что $2 \times 2 = 4$. По Веберу, школьник или студент волен как руководствоваться, так и не руководствоваться этим результатом. Но такой вывод противоречит практике выставления школьных и вузовских оценок. Практика обучения состоит не в воспитании у студентов пренебрежительного отношения к научным выводам, а в превращении их в жизненную позицию. Учитель математики будет «мучить» малыша до тех пор, пока он не усвоит правило $2 \times 2 = 4$ непоколебимо твердо. Получающего экономическое образование его педагоги изо дня в день учат принимать эффективные решения и вести себя результативно. В зависимости от конкретных условий это может достигаться, например, установлением равновесных или же монопольных цен.

Разумеется, научная теория не усваивается автоматически. Понимание ее как ученым, так и студентом связано со многими трудностями. Но они не определяются произволом субъекта, вынужденного в своем стремлении к научному знанию избавляться от ошибок и заблуждений.

М. Вебер был лично знаком с известным американским прагматистом У. Джеймсом. Но, несмотря на это знакомство, он явно следовал европейским традициям противопоставления теории практике. Неудивительно поэтому, что он ограничивал сферу науки. В этой связи значительный интерес вызывает позиция выдающихся американских экономистов, впитавших прагматизм, как говорится, с молоком матери. В соответствии с прагматической максимой они вроде бы не должны выделять в экономике позитивную и нормативную части. Но многие из них это делают. Почему они «предают» свою философскую почву?

В плане понимания американской научной культуры весьма показательна позиция П. Самуэльсона. Его докторская диссертация «Основания экономического анализа» [249] имела подзаголовок «Операциональное значение экономической теории». Абсолютное большинство специалистов считало, что Самуэльсон пришел к операционализму не случайно, а следуя прагматическим максимам. По определению, операционализм не признает понятий, значение которых не поддается экспериментальной проверке. Лозунг операционалиста таков: понятийный характер присущ лишь тому, что можно измерить. Для операционалиста деление на теорию и практику неправомерно, теория насквозь практична. Какое-либо противопоставление теории практике, измерительным данным неправомерно. Ортодоксальный операционалист никогда не согласится с тем, что теория сначала придумывается и лишь затем сопоставляется с фактами. По его мнению, факты изначально включены в теорию. Символически он приветствует формулу $T(\phi)$, но не $T \rightarrow \phi$ или $\phi \rightarrow T$ (T — теория, ϕ — факты).

Но П. Самуэльсон не стал обсуждать тонкости прагматизма и операционализма, равно как и соотносительность теории и фактов. «Под имеющей операциональную значимость теоремой я подразумеваю, — отмечал он в 1948 г., — просто гипотезу об эмпирических данных, которая могла бы в принципе быть опровергнута хотя бы в идеальных условиях» [249, с. 4]. По поводу этой цитаты М. Блауг резонно замечает: «Однако это не совсем операционализм в его общепринятом понимании» [24, с. 156]. Аргумент П. Самуэльсона довольно банален: экономическая теория должна быть соотнесена с фактами и в соответствии с их результатами либо принята, либо отвергнута. Допускаемые им «идеальные условия» последовательный операционалист никогда не признает. После 1948 г. П. Самуэльсон уточнил свою позицию, утверждая, что экономическая теория имеет описательный характер. «Первая задача экономической науки состоит в том, чтобы описать, проанализировать и объяснить динамику производства, безработицы, цен и других подобных явлений, а также установить соотношения между ними» [163, с. 9]. Создается впечатление, что Самуэльсон понимает экономическую теорию исключительно как описательную, семантическую, а не проективную науку. Впрочем, в своей Нобелевской лекции (1970) он вполне сознательно придает принципу максимизации прагматическую значимость. «Само название предмета моей науки — «экономика» — подразумевает экономию или максимизацию»; «итак, в самой основе нашего предмета заложена идея максима-

ции»; «только в последней трети нашего века, уже в период моей научной деятельности, экономическая наука начала активно претендовать на то, чтобы приносить пользу бизнесмену-практику и государственному чиновнику» [162, с. 184]. Требование экономить (например, ресурсы) имеет нормативный характер. Поздний Самуэльсон, видимо, признает нормативный характер экономической науки. Впрочем, его аргументацию трудно назвать ясной. Мы поступим, пожалуй, более разумно, если оставим ее в покое и сосредоточим свое внимание непосредственно на проблемных вопросах интерпретации содержания метода экономической науки. Обратимся в этой связи к так называемой гильотине Д. Юма.

Шотландский философ и экономист Д. Юм обратил внимание на то, что, как он полагал, в этических теориях неправомерно переходят от *есть*-предложений к *должен*-предложениям: «Я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно *есть* или *не есть*, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки *должно* и *не должно*. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна» [215, с. 229]. Аргумент Юма приобрел скандальную известность. Он стал стандартным средством опровержения научного характера всех этических теорий, так называемых *moral sciences*, в число которых согласно нормам английского языка следует включать и экономическую науку. В стремлении спасти научное «лицо» экономики ее адепты предпочитают избавиться от *должен*-предложений. Соглашаясь с Юмом, они утверждают, что экономика вслед за всеми подлинными науками имеет дело исключительно с *есть*-предложениями. Как выясняется, эта логика далеко не безупречна. Чтобы убедиться в этом, обратимся к эквивалентным антонимам [24, с. 191], для удобства анализа пронумерованных нами.

«Гильотина Юма»: эквивалентные антонимы

позитивный	нормативный	(1)
есть	должно быть	(2)
факты	ценности	(3)
объективный	субъективный	(4)
описательный	предписывающий	(5)
наука	искусство	(6)
истинный/ложный	хороший/плохой	(7)

(1) *Позитивный/нормативный*. Под нормой в экономике понимают узаконенную тем или иным способом экономическую реко-

мендацию. Вопрос: действительно ли позитивный и нормативный являются антонимами, разделенными пропастью? Со времен французского философа О. Конта, основателя позитивизма (середина XIX в.), позитивное понимается как научное, возвысившееся над философским, которое, по определению, признается чем-то ненаучным, непозитивным. Противопоставлять позитивному нормативное — значит рассуждать нелогично, создавать путаницу, выходом из которой может быть только критика, а не что иное. Нормативное можно противопоставить ненормативному, но никак не позитивному.

(2) *Есть/должно быть*. Трудно придумать более сомнительный в научном отношении термин, чем *есть*. В грамматике это слово признается логической связкой, только и всего. «Роза — красная». Тире — заменитель слова «есть» (английского *is*, немецкого *ist* и т.д.). ЕСТЬность можно понимать как существование. Но и этот ход неудачен в свете изысканий философов-аналитиков, в частности Б. Рассела и Г. Фреге, показавших, что существование не относится к признакам предметов. Правильное в научном отношении предложение гласит: *С есть Р*, но не *С есть* или *Р есть*. Можно попытаться интерпретировать *есть* как настоящее, но тогда его придется соотнести не с должным, а с прошлым и будущим. Таким образом, оппозиция *есть/должно быть* также является результатом поспешных суждений.

(3) *Факты/ценности*. И на этот раз нет антиномии. Факты могут иметь ценностный характер. Ценности фактуальны, об этом свидетельствуют, в частности, все общественные науки.

(4) *Объективный/субъективный*. Объективный, т.е. не зависящий от людей. Но любая наука является творением людей, и в этом смысле она субъективна. Под субъективным часто понимается произвольное, не выдерживающее научной критики. Но в таком случае предикат субъективный относится, например, к физикам отнюдь не меньше, чем к экономистам.

(5) *Описательный/предписывающий*. В отличие от оппозиций (1)–(4) эта представляется, на первый взгляд, непротиворечивой. Присмотримся к оппозиции (5) более внимательно. Описание какой-либо экономической ситуации недоступно не сведущему в науке человеку. Экономист не описывает поступки людей, а интерпретирует их на основе теоретических представлений, которые ему известны. В содержательном отношении описание не является чем-то изначальным, оно следует за интерпретацией (объяснением). Научное объяснение выявляет спектр возможностей (альтернатив),

наличие которого позволяет осуществить предписание, т.е. выдать хорошо обоснованную рекомендацию. Строго говоря, предписание следует не за описанием, а за выделением спектра альтернатив. Если на мгновение в угоду адептам существующей номенклатуры слов обозначить «выделение спектра альтернатив» одним словом «описание», то выясняется, что нет антонимии между описанием и предписанием. Утверждать противоположное — демонстрировать полнейшую неосведомленность относительно теории принятия решений. В экономической литературе широко распространено мнение, что ученый может без всякого ущерба для своей позиции дистанцироваться от принятия решения. Выделив альтернативы экономического поведения, он, не желая быть этически ангажированным, останавливается и отказывается от рекомендаций. Но вряд ли удастся назвать хотя бы одного экономиста, который смог действительно удержаться от рекомендаций. Неужели те выдающиеся экономисты, которые выдавали вполне конкретные практические рекомендации, а для перечисления их понадобилась бы не одна страница, грубо нарушали суверенитет экономической науки? По нашему мнению, при всем их желании они не могли не давать рекомендаций. Устанавливая вес различных альтернатив, экономист невольно сопоставляет их. Он в принципе не может занять устойчивую позицию стороннего. Даже если экономист вопреки принципу ответственности занял бы исключительно индифферентную позицию, все равно, думается, ему не удалось бы удержаться в этом состоянии. Неминуемо срабатывал бы механизм спонтанного нарушения мнимого равновесия всех возможных альтернатив. Там, где есть альтернативы, неизбежно выясняется, что они не равнозначны. Не будет лишним вспомнить в этом месте и о теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серла, показавших, что любой речевой акт обладает не только сугубо описательной, но и иллокутивной (в конечном счете ценностной. — *В.К.*) силой [139, с. 189–192]. Иллокуция чаще всего выступает как совет, рекомендация, более или менее решительное указание. Ученый не может принять решение за бизнесмена или правительственного человека. Поэтому он вынужден ограничиться иллокутивным актом. Тот же, кто по своему социальному статусу обязан добиться определенного результата, совершает перлокутивный акт. Но если ученого-экономиста не допускают до принятия решения, то это не означает, что перлокутивные акты не входят в область его компетенции. Надо полагать, экономическая наука полностью выродилась бы, если бы она считала перлокутивные акты, т.е. экономические поступки людей, не своей

собственной сферой действия, а областью какой-то неэкономической дисциплины. Как видим, и оппозиция описательный/предписывающий не выдерживает критики.

(6) *Наука/искусство*. Снова речь идет о мнимой оппозиции. И это несмотря на мнение, распространенное чрезвычайно широко, в том числе среди ученых и философов. Оппозицией науке является ненаука, но никак не мир искусства, смысл которого нам известен благодаря науке (искусствоведению) и философии (эстетике).

(7) *Истинный/ложный* против *хороший/плохой*. И эта постулируемая антонимия не является действительной. В параграфе 1.11 в деталях объяснено, что критерий истинности является регулятивом не только естествознания, но и обществознания, в том числе экономической науки. Прагматическая истина, характерная для экономики, и семантическая истина, обязательная в мире естествознания, — это не одно и то же. Но отсюда никак не следует, что прагматическая истина должна быть сопряжена не с функциями истинный/ложный, а с оценками хороший/плохой. Оппозиция (7) является результатом недопонимания сути прагматических наук. Противники прагматической концепции истины часто критикуют У. Джеймса, который позволил себе, например, такое сомнительное утверждение: «Мысль “истинна” постольку, поскольку вера в нее выгодна для нашей жизни» [53, с. 352]. Но следует заметить: из двух основателей прагматизма — Пирса и Джеймса — лишь первый был настоящим философом науки. Критика околонуточных размышлений Джеймса ни в коей мере не ставит под сомнение актуальность прагматической концепции истины. Ее разработка остается актуальной задачей современной философии науки, в том числе философии экономической теории.

Итак, «гильотина Юма» не столь опасна, как это обычно считается. Она должна быть отнесена к риторике, которая никак не может справиться с проблемой специфики любой прагматической, в том числе экономической, науки. Тезис о том, что наука руководствуется исключительно *есть*-предложениями, невозможно оправдать. Юм полагал, что этик, руководствуясь *должен*-предложениями, обязан их вывести из *есть*-предложений. В действительности же обществоведы рассматривают ценностные предложения как основу гуманитарных наук, поэтому нет необходимости в их выведении. Что касается *есть*-предложений, то они используются экономистами тогда, когда они описывают результаты своих наблюдений и измерений.

Анализ «гильотины Юма» вынудил нас пройти дорогами недостаточно отрефлектированных, только на первый взгляд действительных, а на самом деле мнимых оппозиций. Тому, кто в своем стремлении выразить *differentia specifica* экономической науки, склонен к языку оппозиций, можно посоветовать не блуждать в потемках *есть-* и *должен-*предложений, а вполне сознательно провести сопоставительный анализ различных типов наук и сравнить, например, прагматическую теорию с семантической. Для прагматической науки характерны особые понятия (ценности, а не дескрипции), особая концепция истины (прагматическая, а не семантическая), особый метод (прагматический, а не семантический). Метод экономической науки является прагматическим. Это означает, что в экономической науке понятия являются ценностями, используется концепция прагматической истины, а следовательно, и критерий эффективности; выводы же теории непременно становятся рекомендациями, придающими смысл всем поступкам экономических агентов. Субъектами экономической теории выступают не только ученые, но и практики тоже. Экономическая теория является прагматической, а не позитивной или нормативной.

Метод экономической науки — не жидущийся на индуктивизме дедуктивизм Милля, не восхождение от абстрактного к конкретному Маркса, не фальсификационизм Фридмена и Блауга, не эклектизм Хаусмана. Все перечисленные экономисты не выражают в должной степени своеобразие различных типов наук, в том числе экономической науки. Они исходят из некоторых положений философии науки, а затем пытаются их специфицировать применительно к экономической теории. Но до четкого выделения своеобразия прагматических наук они так и не доходят. Автор неоднократно убеждался в том, что в экономической литературе широко используется следующий достойный критики тип аргументации. Во-первых, что-то сообщается от имени философии науки. Во-вторых, не осознается должным образом, что при этом, по сути, высказываются положения из философии физики (мы имеем в виду пресловутые тезисы о *есть-*предложениях, о позитивных науках и т.п.). В-третьих, ставится под сомнение проблемный характер концептов экономической науки. В-четвертых, ее насильно переводят в стан так называемых описательных наук. В-пятых, в методологическом отношении экономическую науку отождествляют с физикой. Перечисленные выше пять пунктов — это идеология дескриптивизма, в том числе физикализма, в действии. Ясно,

что она вызвана к жизни не успехами физики, а недопониманием сути экономической науки.

Что касается термина «нормативная наука», то он, пожалуй, также неудачен. Экономическая наука может быть названа аксиологической, ибо она оперирует ценностями. Из признания этого факта никак не следует, что необходимо ставить во главу угла нормы, некоторые установления. Показательно в связи с этим положение в области юридической науки. Нормативно право как свод установленных законов, но не правоведение, учитывающее самые различные возможности, связанные с миром юридических ценностей. В интересах тех или иных агентов, например государственных органов, экономическая наука может отважиться на постулирование некоторых экономических норм. Но сама экономическая наука к ним не сводится.

Охарактеризованный выше прагматический метод характерен для всех аксиологических наук, в том числе политологии, юриспруденции, технических дисциплин. Вполне правомерно требовать, чтобы применительно к экономической науке прагматический подход был дополнительно конкретизирован. Это несложно сделать, для этого достаточно, по крайней мере для начала, отметить, что в отличие от своих гуманитарных соседей только экономическая наука занимается динамикой производства, цен, объема продаж, прибылей, инвестиций и т.п.

В заключение данного параграфа во избежание возможных недоразумений сделаем два замечания. Во-первых, отметим общезивилизационный характер статуса прагматической науки. Было бы неверно утверждать, что прагматические науки обязаны своим происхождением исключительно американскому прагматизму как культурному феномену. К научной прагматике привел интерес к практическим проблемам. Она была достигнута благодаря усилиям не только американских прагматистов, но и английских утилитаристов, немецких трансценденталистов (кантианцев), русских марксистов. В течение XX в. прагматические науки стали достоянием всего цивилизованного человечества, а не только отдельных избранных наций.

Во-вторых, еще раз отметим, что нет абсолютно никаких оснований ставить под сомнение научный статус прагматических наук. Их статус безупречен не менее чем статус, например, математики и физики. Методологи экономической теории часто рассуждают так, как будто им изначально известны очевидные критерии подлинной научности (позитивность, описательность и т.д.). Но тако-

го рода критериев не существует. Подлинная задача методологического анализа требует осознания специфики экономической науки, а не навязывания ей чуждых ее существу принципов.

1.13. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА И ЭТИКА

Вопрос о соотношении экономики и этики остается открытым [78, 136]. Лишь в одном отношении нет, пожалуй, разногласий. Все согласны, что в той или иной форме единство экономики и этики должно быть реализовано. Но какова эта форма? Вот в чем камень преткновения. Среди тех, кто настаивает на единстве экономики и этики, господствует убеждение, что они представляют собой разнородные системы, тем не менее достойные объединения. Этика признается экзогенной, внешней по отношению к экономике. Порой этику в ее причастности к экономике уподобляют религии. Обе, дескать, не содержатся в экономике, но достойны быть включенными в нее. Как, мол, иначе противостоять коррупции, бюрократизму, обману, мошенничеству и другим язвам экономической деятельности людей. «Опираясь на современные знания и исследования, — отмечает Г. Коррационари, — можно утверждать, что теория обратной связи между этическими ценностями и экономическим развитием наиболее соответствует истине» [78, с. 20].

На наш взгляд, концепция сугубо экзогенного соотношения экономической науки и этики во многом неудовлетворительна. Она не учитывает должным образом статус этики. А между тем от него многое зависит. В зависимости от определения статуса этики решается вопрос о ее соотношении с экономической наукой. Итак, для начала необходимо определиться со статусом этики. В связи с этим целесообразно совершить экскурс в область истории развития этического знания.

Этика — философская дисциплина, и это, пожалуй, бесспорно. Но для современного знания характерно, что философия в целом, а следовательно и любая ее часть, является проблематизацией тех или иных наук. Этот вывод относится к этике отнюдь не меньше, чем, например, к философии физики. Следовательно, этики нет без гуманитарных наук. Ради краткости изложения абстрагируемся от технических, экологических, медицинских наук, также существенным образом непосредственно причастных к статусу этики. В соответствии со сказанным выше этика является составной час-

тью философии гуманитарных наук. Экономическая этика — это органическая часть философии науки.

К сожалению, научный базис этики очень многими недопонимается, в том числе абсолютным большинством профессиональных этиков, как правило выступающих от имени не науки, а исключительно философии. Начиная с Аристотеля и вплоть до виднейших современных этиков господствует традиция, согласно которой этика рассматривается как конкретная наука, якобы имеющая дело с особыми моральными явлениями. В действительности же такого рода явления отнюдь не рядоположены экономическим, политическим и другим общественным отношениям, а характерны именно для них. Приходится констатировать, что органическая связь науки и этики нарушается. В итоге вместо союза науки и этики приходится наблюдать их отчуждение. Конечно, осуществить подлинный союз науки (в нашем случае экономики) и этики нелегко уже постольку, поскольку от исследователя требуется двойная компетенция. Но это не повод для того, чтобы приветствовать науку без этики и этику без науки. Наличие указанного выше разрыва приводит к односторонним оценкам союза науки и этики.

Значительная часть экономистов относится к этике совершенно индифферентно. Традиционная этика, в которой они не обнаруживают ни малейших следов экономических концептов, вполне заслуженно не вызывает у них симпатии. Им не остается ничего другого, как сосредоточиться на экономической науке как таковой. В этой связи чаще всего реализуются следующие три позиции.

1. Многие экономисты ограничиваются рассмотрением так называемой позитивной экономической науки. Этика им чужда.

2. Другая значительная часть экономистов склонна ставить знак равенства между нормативной экономической наукой, занимающейся идеалами [72], и этикой.

3. Наконец, есть и такие экономисты, которые сближают экономическую этику с одной из экономических теорий, а именно с теорией благосостояния. На наш взгляд, эта позиция в значительной степени характерна для М. Блауга [24, с. 205–207, 210–211].

В отличие от профессиональных экономистов философы, стартовые к экономике от традиционной этики, рассуждают в принципиально иной манере. Для них этика экзогенна экономической теории, она должна подключаться к экономике извне. Показательна в этом отношении монография П. Козловски «Принципы этической экономики» [76]. Он стремится добиться успеха за счет присоединения к этике потенциала философии Аристотеля, И. Канта,

а также феноменолога М. Шелера. Предпринимаемые попытки оказываются неудачными, причем по достаточно банальной причине: и Аристотель, и Кант, и Шелер не были по-настоящему сведущими ни в науке вообще, ни в экономической науке. На первый взгляд кажется, что исследователям, придерживающимся концепции экзогенного соотношения этики и экономической науки, можно посоветовать обратиться к этическим теориям не давно минувших веков, а к лучшим этическим системам, созданным в XX в., например к таким, как аналитическая этика Р. Хэара, этика малых групп М. Фуко, критико-рационалистическая этика франкфуртцев К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса. Впрочем, этот совет вряд ли способен привести к решающему успеху. Причина все та же: экзогенная по отношению к экономической теории этика безразлична к ее концептуальному потенциалу.

На наш взгляд, при оценке взаимоотношения экономической науки и этики необходимо исходить из следующих трех положений. Во-первых, экономическая этика принадлежит экономическому знанию, она эндогенна, а не экзогенна по отношению к нему. Во-вторых, экономическая этика находится в определенных соотношениях с политической, социологической, правовой этикой. Эти этики экзогенны по отношению к экономическому знанию. В-третьих, все этические системы соотносятся с определенными конкретными науками. Так, психологическая этика должна основываться на психологии, правовая этика — на правоведении, социологическая этика — на социологии. Пора осознать в полной мере, что научный базис едва ли не всех этических теорий выдающихся философов, например Аристотеля, Канта, Хэара, *недостаточен*.

Экономическая этика — это и не нормативная экономическая теория, и не экономика благосостояния, а знание, получаемое в процессе проблематизации экономической науки и группирующееся вокруг принципа экономической ответственности. Без всяких преувеличений можно констатировать, что современная экономическая этика — это этика ответственности. Отход от нее неминуемо ведет к засилью формализма или, иначе говоря, к потере экономической наукой своей подлинности. В таком случае происходит расхождение целей экономических агентов, растет их враждебность друг к другу со всеми вытекающими отсюда нежелательными последствиями. Нельзя забывать о том, что любая функция полезности строится в процессе принятия решений и последующих их корректировок. В этом деле решающее значение приобретает человеческий фактор. Его всесторонний учет как раз и вынуждает к

развитию этической составляющей экономического знания. Максимизация прибыли, сохранение естественного уровня безработицы, структурирование экономических рисков — все это позволяет достичь желаемых целей лишь в том случае, если экономическое поведение реализуется не принудительно, а в связи с взаимной заинтересованностью людей.

На наш взгляд, экономическая этика находится в стадии становления. Она приобретет относительную самостоятельность лишь после того, как проблематизации прагматически понятой экономической науки примут систематический, а не спорадический, как в наши дни, характер. Читателю, который сомневается в действительности экономической этики, мы предлагаем обратиться к урокам развития современного менеджмента, особенно концепции всестороннего управления качеством (*Total Quality Management*) [8]. В менеджменте этическая составляющая настолько очевидна, что она буквально бросается в глаза. Мы полагаем, что экономическая теория в конечном счете будет вынуждена обратиться к этике в не меньшей степени, чем менеджмент.

Итак, экономическая этика всецело относится к экономическому знанию, где-то в другом месте ее невозможно обнаружить, и следовательно, не нужно к этому стремиться. Но не только экономикой жив человек; а раз так, то выясняется необходимость обеспечения взаимосвязи экономической этики с другими актуальными неэкономическими дисциплинами, как-то: политическая этика, правовая этика, техническая этика, экологическая этика. Указанную связь можно объяснить, руководствуясь феноменом так называемого ценностного вменения. Экономические, политические, экологические, технические ценности могут быть и часто являются знаком друг друга. Суть обсуждаемой ситуации состоит в том, что в конечном счете полнота человеческой жизни кульминирует в максимально эффективной реализации междисциплинарных этических связей. Отметим специально, что все подлинно этическое появляется не иначе как в результате проблематизации определенных наук. Подлинная этика не небожительница, а философская составляющая рафинированного знания, призванная дать человеческому бытию максимальную полноту и эффективность. Что же касается так называемой этики вообще, то она представляет собой набор явно недостаточно прорефлектированных предписаний, концептуальный потенциал которых либо является ничтожным, либо трудно извлекаем из-под толщи эрзац-ценностей. Избегая малопродуктивных этических блужданий, целесооб-

разно сразу же обращаться к потенциалу единства науки и философии.

1.14. О ПРЕДМЕТЕ ЭКОНОМИКИ И ФИЛОСОФИИ ЭКОНОМИКИ

В начале главы мы не стали задерживаться на определении экономической науки по причине недостатка концептуальных средств. Теперь они есть, а потому можно высказать ряд суждений по поводу определения экономической науки или же, как часто выражаются, ее предмета. При определении предмета экономики действенен очень простой рецепт: возьмите лучшее руководство по той или иной экономической науке, откройте оглавление и, выбрав из него избранные места, представьте их как искомый предмет. Недостаток этого рецепта состоит в его концептуальной невыразительности. Он создает неверное представление, что каким-то неведомым образом, еще до развертывания потенциала экономической науки известно, с чем именно суждено иметь дело экономисту, причем безотносительно к его концептам. Но без них нет экономической науки как таковой. Крайне существенно для обсуждаемой темы, что экономическая наука начинается с экономических ценностей, а значит, и с прагматической истины, и с прагматического метода. *Экономическая наука — это система экономических ценностей, придающая смысл поступкам людей.* Речь идет, конечно же, не обо всех поступках людей, а лишь о тех из них, которые подвластны экономической науке. Смысл так называемых политических поступков людей заключен не в экономике, а в политологии. В приведенном выше определении экономической науки при желании слова после запятой — «придающие смысл поступкам людей» — можно опустить. Если речь идет о ценностях, то значит, и о поступках людей. Вне поступков людей ценностей нет. Разумеется, определение экономической науки может быть более или менее пространным. Актуально, в частности, и такое определение экономической науки: это наука, концептуальное содержание которой составляют экономические ценности, концепция прагматической истины, прагматический метод и принципы эффективности и ответственности. Кажется, по поводу необходимости придания определению экономической науки отчетливого концептуально-теоретического содержания сказано достаточно.

Отметим еще, что специфике экономической науки часто приписывают несвойственные ей черты. Это характерно, например, для

сторонников так называемого экономического империализма и методологического индивидуализма. «Я пришел к убеждению, — подчеркивает Г. Беккер, — что экономический подход является всеобъемлющим, он применим ко всякому человеческому поведению...». «Главный смысл моих рассуждений заключается в том, что человеческое поведение не следует разбивать на какие-то отдельные отсеки, в одном из которых оно носит максимизирующий характер, в другом — нет, в одном мотивируется стабильными предпочтениями, в другом неустойчивыми, в одном приводит к накоплению оптимального объема информации, в другом не приводит» [21, с. 29, 38]. Р. Хейлбронер резко возражает «империалистам» от экономики: «Нет никакой универсальной науки об обществе» [191, с. 54]. Он считает вполне возможным и даже желательным разжалование экономической теории в качестве первой дамы общественных наук в валеты [191, с. 42]. В отличие от «экономического империализма» методологический индивидуализм, весьма характерный для многих представителей австрийской школы, например Ф. Хайека, придает всему экономическому статус единичного, индивидуального, неповторимого.

«Экономический империализм» и методологический индивидуализм — это две крайности в понимании метода экономической науки. Г. Беккер, заметив, что прагматический метод характерен не только для экономической науки, превращает его в гуманитарный абсолют. Для этого нет никаких оснований. Прагматический метод в экономике и, например, в политологии — это в ценностном отношении принципиально разные вещи.

Что касается методологического индивидуализма, то он не в ладах с концептуальным статусом ценностей. Его сторонники видят в них исключительно индивидуальное, а общее просто-напросто игнорируется. В мире ценностей общее и индивидуальное невозможно отделить друг от друга. К тому же приходится учитывать, что в полном соответствии с данными синергетики в действиях экономических агентов наблюдаются так называемые образцовые (аттракторные) линии поведения. Следовательно, реальность экономических явлений такова, что в них индивидуальное в принципе не может приобрести самодовлеющего значения.

Определение предмета экономики позволяет перейти к дефиниции предмета философии экономики. Самое лаконичное его определение гласит: предметом философии экономики является экономическая наука. Недостаточность этого определения состоит в отсутствии в нем должной заостренности, той самой, которая

придает философии любой дисциплины жизненность, актуальность. С учетом сказанного и учитывая многовековые наработки в области философии науки, мы предпочитаем такое определение предмета философии экономики. Предметом философии экономики является критика, проблематизация и тематизация экономической науки. Критика нынешнего состояния экономики нацелена на выяснение ее подлинных достижений и избавление от противоречий и изъянов. Проблематизация обнаруживает «болевые точки» и намечает пути их преодоления. Тематизация заостряет внимание на новых путях познавательного поиска.

ГЛАВА 2

РЕВОЛЮЦИИ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

2.1. ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: КЛАССИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Выше неоднократно отмечалось, что постижение смысла экономических явлений осуществляется не в одной теории, а в научно-теоретическом ряде. Пора определиться с его статусом. Это позволит придать дальнейшим рассуждениям большую основательность и строгость. Разумеется, при построении научно-теоретического ряда должна быть учтена история экономических учений. Научно-теоретический ряд — это концептуальное постижение истории экономического знания. Исторический дискурс стал для современной экономической теории обязательным ее компонентом, причем в силу целого ряда факторов [106]. В контексте философского анализа особенно актуально, что абсолютное большинство экономистов-теоретиков в своих трудах считают обязательным рассмотрение эстафеты экономических учений. В этом факте нельзя не видеть признак определенной методологической зрелости современной экономической науки. Отрадно отметить, что в распоряжении отечественного читателя имеются первоклассные руководства по истории экономических теорий [25, 61, 62, 129, 142, 166].

Обращаясь к истории экономических учений, необходимо определиться относительно направленности дальнейшего анализа. В первую очередь следует обратить внимание на метаморфозы теорий, стадии научных революций, логику роста экономического знания и его связь с философией. Среди многих метаморфоз экономического знания выделим прежде всего те, которые явно претендуют на статус научных революций. Это повороты, связанные с успехами трудовой теории стоимости, маржинализма, кейнсианства и вероятностной экономической теории.

Становление экономической научной теории вполне правомерно связывается прежде всего с именем Адама Смита. Опираясь на понятие стоимости, он сумел придать всему комплексу экономических вопросов концептуальное единство [13, с. 186]. Этого единства не было у всех его предшественников, в том числе у меркантилистов и физиократов. Позиция Смита относительно природы

стоимости не во всем была последовательной, но это обстоятельство не меняет сам факт концептуальной проницательности шотландского мыслителя. В нашу задачу не входит анализ всей системы экономических понятий Смита, в частности соотношения доходов, заработной платы, прибыли и ренты. Важно выделить основное достижение Смита — выявление концептуального стержня экономической науки. Благодаря этому успеху Смит перешел рубеж, который разделяет наукообразную экономическую теорию от подлинно научной.

Смит был не только выдающимся экономистом, но и философом. Впрочем, было бы преувеличением считать, что его экономический успех обеспечили исключительно его философские воззрения. В философии Смит был довольно типичным представителем английского Просвещения. Его учителями в области этики были Ф. Хатчесон и А. Фергюсон. Характернейшая особенность мыслителей Просвещения состояла в их приверженности к метапреференции естественного института (правила, порядка). Все должно быть естественным — и чувство, и социальное устройство. Смит утверждал, что людей связывают естественное чувство симпатии, способность разделять чувства друг друга. Наиболее полно чувство симпатии может проявиться не в любом, а прежде всего в естественном социальном устройстве, исключая влияние государства (принцип *laissez-faire*). Чувство симпатии, а вместе с ним и эстетический интерес конституируют «невидимую руку» — иначе говоря, могучую естественную силу, которая направляет всех по пути рыночного процветания. Смит проявил себя в качестве этика на полтора десятка лет раньше, чем в качестве экономиста. Но в системе его заключительных воззрений этика не предшествует, а скорее идет вслед за экономической теорией. Как выяснил Смит, поведение участников экономического процесса регулируется системой цен. Следовательно, в конечном счете именно эта система является ключом к пониманию *homo moralis*.

Следует отметить, что в плане приверженности к метапреференции «естественный порядок» Смит имел влиятельного предшественника в лице французского физиократа Франсуа Кенэ, представившего *ordre naturel* в знаменитых экономических таблицах (1758). Однако по концептуальной рафинированности теория Кенэ существенно уступала теории Смита.

Мнение, согласно которому «если и можно говорить об *обособивании* «невидимой руки» рынка, то оно было скорее теологическим. Идея о том, что «невидимая рука» была органичной частью рели-

гиозного мировоззрения Смита» [62, с. 48], нам представляется спорной. В отличие от средневековых мыслителей просветители исходили не из божественной идеи, а из сил разума. Соотечественник Смита Дж. Толанд — автор книги «Христианство без тайн», а И. Кант написал книгу «Религия в пределах разума». Просветители желали сделать естественной не только физику и экономическую теорию, но и теологию. Все в их представлениях становилось естественным постольку, поскольку в век механистического мировоззрения им были неведомы ценности как концепты. Экономические явления считались столь же естественными, как и механические процессы. Для своего времени Смит был неплохим философом, но даже он оказался не в состоянии дополнить созданную им экономическую теорию ее философией. В XVIII в. философия экономической теории в качестве отдельной дисциплины отсутствовала. Высказывается мнение, что Смит выработал абстракцию «экономического человека» за счет идеализации экономической действительности, что позволило изучать явления в чистом, а не в искаженном виде. Но понятие стоимости санкционирует объяснение реальных экономических явлений самих по себе, без каких-либо их идеализаций. Именно это, на наш взгляд, и понял Смит. Идеализация представляет собой один из приемов познания, далеко не всегда уместный в научном анализе. Идеализация не позволяет обосновать понятие стоимости. Подробнее об идеализациях см. параграф 4.5.

2.2. ВТОРАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: МАРЖИНАЛИЗМ

В любом современном руководстве по истории экономических учений непременно отмечается маржиналистская (от фр. *marginal* — предельный) революция, начало которой принято датировать 1871 г. У ее истоков стояли У.С. Джевонс, К. Менгер, Л. Вальрас, а также А. Маршалл. Маржиналистская революция знаменует собой ту гряду, которая разделяет классическую и неоклассическую экономические теории. Соотношение этих двух теорий свидетельствует не за, а против тезиса Дюгема — Куайна: классику невозможно подправить таким образом, чтобы она включала в себя неоклассику.

Каковы решающие методологические новации маржиналистов? По мнению В.С. Автономова, это методологический индивидуализм (общественные явления объясняются поведением отдельных индивидов), статический (а не динамический) и равновесный под-

ходы, экономическая рациональность (признание оптимального устройства мира), предельный анализ, математизация [62, с.178–179]. В основном, соглашаясь с этим кратким методологическим резюме, обратимся к главному интересу нашего анализа: где и каким образом маржиналисты обеспечили *концептуальную* революцию?

Очень часто утверждается, что решающая новация неоклассиков состояла в замене трудовой теории стоимости концепцией субъективной ценности товара. Но А. Маршалл сочетал обе теории, и, как будет показано в дальнейшем, он не был эклектиком. Пожалуй, кратчайший путь к пониманию концептуальных новаций неоклассиков обеспечивает акцент на том, что принято называть предельным анализом. При этом мы бы хотели предостеречь от весьма распространенной ошибки, согласно которой предельный анализ — это прежде всего или всего лишь математика, так называемый математический анализ. Решающий момент состоит не в математике как таковой, а в том, каким образом благодаря ей удастся пробиться к самой сердцевине концептуальности. Наука превратилась бы в очень легкое занятие, если бы к ее заветным недрам вела асфальтовая дорога.

Так называемые дифференциальные формы (dx , dy и т.п.) могут быть сколько-угодно малыми, а это означает, что они в известной степени неподвластны прямому эксперименту. Но доступное ему очень часто концептуально познается не иначе как благодаря математическому анализу. Довольно банальная мысль состоит в том, что экспериментальные данные не позволяют вывести новые концепции, а всего лишь облегчают их конституирование. В этой связи очевидно, что рассуждения с позиций здравого смысла о графиках желаний потребителей ни в коей мере не объясняют сам статус экономической теории, ибо им всегда недостает концептуальности.

«Основную проблему экономики, — был уверен Джевонс, — можно свести к строгой математической форме, и лишь отсутствие точных данных для определения ее законов или функций методом индукции никогда не позволит ей стать точной наукой» [52, с. 67]. Как истинный англичанин Джевонс не мог не испытывать тоски по методу индукции, но она оставляет в полном неведении относительно того, каким же образом достигается в экономической теории строгая математическая форма. «Такие сложные законы, как законы экономики, невозможно точно проследить в каждом частном случае. Их действие можно обнаружить только для сово-

купностей и методом средних. *Мы должны мыслить в соответствии с формулировками этих законов в их теоретическом совершенстве и сложности; на практике же мы должны удовлетвориться приближительными и эмпирическими законами* [51, с. 75]. Дживонс полагал, что в агрегированном результате «разнонаправленные случайные и вносящие искажения воздействия нейтрализуют друг друга» [Цит. по: 129, с. 277]. Ему очень хотелось в соответствии с максимой индуктивизма объяснить «теоретическое совершенство» законов. На наш взгляд, его рассуждения выиграли бы в доказательной силе, если бы он свои выводы иллюстрировал фактом возможности математического моделирования. «Теоретическое совершенство» законов экономической науки нельзя вывести, его нужно взять за аксиоматическую основу.

Приверженность Дживонса к «методу средних» показывает, что не следует зачислять его в безоговорочные сторонники методологического индивидуализма. Вопреки установкам последнего он полагал, что есть такие «вопросы, на которые нельзя дать ответ при рассмотрении отдельных случаев» [Там же]. Налицо явный методологический холизм, который характерен также для Л. Вальраса.

Причинно-следственные связи интересовали Вальраса значительно меньше, чем функциональные зависимости, а последние он соотносил с состоянием общего равновесия системы. В итоге цена оказывается равновесной, т.е. системной, характеристикой. Вальрас допускал корректировку цен, совершаемых до осуществления сделок. Эта корректировка контрактов выступает как нащупывание (фр. *tâtonnement*) равновесных цен, и именно они оказываются подлинными ценами. На наш взгляд, Вальраса следует отнести скорее к сторонникам методологического холизма, чем индивидуализма.

Что касается концепции общего равновесия, то, по нашему мнению, она относится к разряду не статических, а синхронических теорий. Вальраса интересовала гармония во времени, описываемая совокупностью уравнений, а не диахрония (смена качественно разнородных состояний). Согласно теории Вальраса будущее таково же, как настоящее.

Философскую позицию Вальраса очень выразительно представляет следующий пассаж: «Математический метод не является экспериментальным; это рациональный метод, .. чистая экономическая наука должна абстрагироваться и определить идеально типические концепции в тех терминах, которые она использует для своих построений. Возвращение к реальности не должно происходить до

тех пор, пока сама научная система не будет полностью завершена, и только после этого она сможет быть обращена на практические нужды» [Цит. по: 129, с. 290]. Вальрас явно выступал как правоверный сторонник французского рационализма, истоки которого восходят к Р. Декарту; в отличие от англичанина Дживонса его не мучает индуктивистская тоска. С высот сегодняшнего дня нетрудно подметить слабые места в аргументации Вальраса.

Справедливо подчеркивая неэкспериментальный характер математики, Вальрас напрасно считал экономический метод математическим. В экономической теории сказывается действенность математического моделирования. Экономическая теория *связана* с математической теорией, но она не является ею.

Не прав Вальрас также в том, что чистые экономические теории должны абстрагироваться от эмпирических реалий. Неразумно абстрагироваться от того, что постигается в концептуальном постижении. Проводимое им деление на чистую и прикладную экономические теории также сомнительно. Выражение «прикладная наука» часто приводится некритически. Говорят о прикладной математике, например о математической физике. Но физика есть физика, а не математика, какими бы предикатами ее ни награждали. Физику и математику связывает операция математического моделирования. Именно это обстоятельство выражается неологизмом «математическая физика».

Что касается суждений Вальраса об *идеально типических концепциях*, то и их нельзя назвать ясными. Любая наука оперирует концептами, природа которых в высшей степени необычна и содержательна. Ссылка на то, что концепты, а вслед за ними и теории являются идеально-типическими, чрезвычайно запутывает суть дела. Сторонники представлений об идеальных типах, а самым видным их философом являлся не Вальрас, а М. Вебер, сначала, как они выражаются, уходят от реальности, а лишь затем возвращаются к ней. Но, как уже отмечалось, идеализация — это всего лишь методический прием, а не сущностный акт, объясняющий конструирование концепций. Все рассуждения об идеальных типах — это дань теории абстракций, которая в научном отношении явно недостаточна. Концепты с самого начала придумываются такими, что представляют реальность. Подлинная задача науки состоит не в уходе от реальности и затем в возвращении к ней, а в ее концептуальном постижении.

Вальрас, называя математический метод рациональным, вслед за этим придавал рациональный характер всей экономической на-

уке. И с этим ходом мысли не следует соглашаться. Ни математика, ни экономическая теория не являются чисто рациональными, рассудочными, отделенными от мира чувственности концепциями. Как отмечалось раньше, в ментальном отношении понятия сочетают в себе мыслительное (а именно его часто считают рациональным) и чувственное. Вклад Вальраса в экономическую теорию состоит прежде всего в ее обогащении оптимизационными методами, благодаря которым определяются законы, т.е. как раз и создается экономическая теория. Там, где в ходу предельные величины и оптимизационные методы, концептуальность науки как бы обнажается и больше не является латентной, потаенной, она теперь находится на виду у всех.

Только теперь, после выделения нескольких контрапунктов маржиналистов мы считаем целесообразным обратиться к учению представителей австрийской школы (К. Менгера, Ф. Визера, Е. Бём-Баверка). Такой методический прием используется не случайно, а с целью избежать рассуждений, которые прописываются по ведомству здравого смысла и считаются разом как наглядными, так и очевидными. Нас интересует не столько так называемая субъективная теория полезности, сколько ее концептуальный смысл. По Менгеру, «ценность — это суждение, которое хозяйствующие люди имеют о значении находящихся в их распоряжении благ для поддержания их жизни и благосостояния, и поэтому вне их сознания она не существует» [2, с. 101]. *«Ценность вещи, — вторил Менгеру Бём-Баверк, — измеряется величиной предельной пользы этой вещи»* [203, с. 79].

Программа Менгера, как он объяснял ее в предисловии к первому изданию его главного труда «Основания учения о народном хозяйстве» (1871), состояла в сведении феноменов экономической жизни к простейшим наглядным элементам, в качестве которых выступают значения благ ввиду удовлетворения посредством их определенных потребностей. Проект Менгера, равно как и всех «австрийцев», — это с философской точки зрения программа так называемых эмпириокритиков, виднейшими представителями которых считаются Р. Авенариус и Э. Мах (оба австрийцы). Но вряд ли Менгер следовал за своими выдающимися соотечественниками-философами. Дело в том, что его главная работа была опубликована раньше, чем труды Авенариуса и Маха. Тем не менее, в философском отношении ранние представители австрийской школы, бесспорно, являются эмпириокритиками. Беду же эмпириокритицизма в философском отношении всегда видели в его недостаточ-

ной концептуальности [65, с. 214]. Памятуя об этом, обратимся к критическому анализу тех принципов, которые защищали основатели австрийской школы.

Исходное звено рассуждений Менгера выглядит чуть ли не самоочевидным: материальные блага приносят людям пользу, ибо позволяют им удовлетворять свои потребности. Блага обладают значением для человека, а потому ценности субъективны, т.е. являются феноменами его психики. Это рассуждение подозрительно густо насыщено так называемыми очевидностями, в западню которых как раз и попадают исследователи, относящиеся к философии пренебрежительно. Старое философское правило гласит: очевидности достойны сотрясения. В связи с этим целесообразно перейти на язык ценностей-концептов.

Утверждение, что люди удовлетворяют посредством материальных благ свои потребности, лишено концептуальной формы, и в этом состоит его понятийная недостаточность. Представители австрийской школы полагают, что можно, рассуждая о неконцептуальных реалиях, плавно, без какого-либо скачка достигнуть такого фундаментального концепта экономической теории, как ценность. Потребности, их удовлетворение, материальные блага — это все непонятное, а ценность — понятие. Налицо явная иллюзия последовательной выработки концепта «ценность». Чтобы преодолеть ее, необходимо существенно скорректировать логику представителей австрийской школы. Как это сделать — вот в чем вопрос. На наш взгляд, упомянутую выше коррекцию вполне возможно осуществить, в частности, следующим образом.

Человек — существо, реализующее свои ценности посредством материальных благ. В исходном своем качестве ценности являются ментальными образованиями. Они *вменяются* товарам и услугам, равно как и языковым выражениям. В итоге ценностное содержание пронизывает не только ментальность, но и язык, и мир товаров и услуг. Причем каждый из этих трех уровней экономического содержания человека в качестве ценностной реальности обладает относительной самостоятельностью. Иначе говоря, неправомерно считать ценности сугубо ментальными образованиями, неязыковыми и непредметными. Материальные блага или услуги не потому обладают *пользой*, что они *удовлетворяют потребности*, а потому, что они являются вполне самостоятельными ценностями, которыми владеют, пользуются, распоряжаются. Так называемая полезность вещи — это ценность. Последнее выражение, представляющее собой парафраз определения Е. Бём-Баверка —

ценность вещи есть ее предельная польза, наводит на нетривиальную мысль: употребляя два различных термина, а именно «полезность» и «ценность», экономисты, как ни странно, говорят об одной, а не о двух реальностях. Но обозначение одной реалии двумя терминами — это логическая неряшливость. Избегая ее, придется отказаться либо от термина «полезность», либо от термина «ценность». Полный отказ от термина «ценность» плох тем, что концептуальному строю экономической науки придается скрытый, латентный характер. В силу этого, по нашему мнению, в контексте неоклассической теории целесообразно отдать приоритет термину «полезность». Но полезность, об этом нельзя забывать, имеет ценностный характер. Это означает, что она является концептом. К сожалению, представители австрийской школы недопонимали институт ценностей как концептов. Они очень часто используют слово «ценность», но не концепт «ценность». Чтобы понять значение товарного блага для человека, необходимо понятие ценности.

В предыдущем абзаце использовалось представление о *вменении* ценности. Речь идет о еще одной новации представителей австрийской школы. Она состояла в том, что ценность благ более высокого порядка во всех случаях регулируется ожидаемой ценностью благ более низкого порядка, которые необходимы для удовлетворения потребностей людей. Фундаментальное значение придается базовым потребностям. Имеется в виду, что ценность непосредственно потребляемых благ вменяется всем факторам производства, какими бы высокотехнологичными они ни были. Итак, реализуется следующая причинно-символическая связь (рис. 2.1).

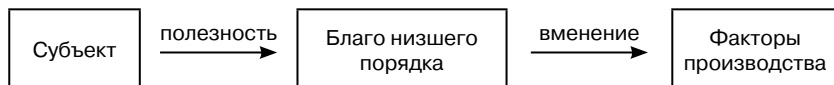

Рис. 2.1. Логика метода австрийской школы

Выше уже было отмечено, что полезность есть не что иное, как владение, пользование и распоряжение товарами. Но что же представляет собой так называемое вменение? Каков механизм вменения? Как дать феномену вменения такое истолкование, которое не оставляло бы сомнений в его научности? На наш взгляд, вменение — это исключительно *семиотическая* связь. Ее природу нельзя понять без семиотики. Суть дела состоит в том, что субъект (*S*) определяет нечто (*C*, т.е. товары, услуги, факторы производства) *знаком* (символом) своих ценностей. Таким образом, на языке со-

временной науки вменение есть не что иное, как символическая связь $S \rightarrow C$. Эту связь можно назвать семиотической, но лучше ее считать символической, памятуя о том, что в семиотике, науке о знаках, концепты понимаются именно как символы.

На рис. 2.2 указаны отношения двоякого рода: полезность и вменение. Но если речь идет исключительно о ценностном содержании экономической реальности, то целесообразно сделать акцент на операции символизации (рис. 2.2).

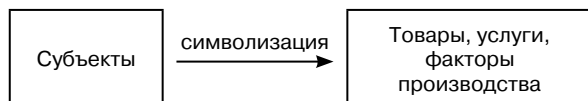

Рис. 2.2. Символизация ценностей

Субъект символизирует свои жизненные ценности во всем, что включается в сферу его экономической деятельности. В эпистемологическом (познавательном) смысле символизация есть интерпретация (дословно: посредничество). В процессуально-предметном смысле символическая связь выступает как владение, пользование, распоряжение тем, без чего человек не в состоянии осуществлять свою экономическую жизнь. Недостаточная концептуальная проработанность воззрений представителей австрийской школы обусловила спорность целого ряда их утверждений.

Полагают, что ценность есть феномен исключительно сознания, в действительности же он присущ и языку, а также товарам, услугам, факторам производства. Важно понимать, что символическое бытие ценностей не есть их небытие. Именно поэтому мы вынуждены прописывать ценности не только по ведомству сознания.

Утверждается, что ценность — субъективный феномен, но и это суждение излишне категорично. Уже символизация выводит ценности за пределы субъекта, отдельной личности. К этому следует добавить, что в процессах развития всегда проявляется следующая закономерность: каждая его часть приобретает относительную самостоятельность. В свете этой закономерности ценность языка и мира товарно-денежных отношений имеет объективный характер.

Утверждается, что ценность относится к миру психических реалий. Сказано по крайней мере неточно. Психическое изучается психологией. Создается впечатление, что экономические ценности являются предметом изучения не экономической науки, а психологии. Налицо явный психологизм. Избегая его, целесообразно интерпретировать экономические ценности как *ментальные* образования. Концептуально-ментальное входит в состав любой науки,

хотя и не исчерпывает ее содержания. Ментальное как аспект (уровень) экономического мира изучается именно экономической наукой. Разумеется, существует определенная междисциплинарная связь между экономической наукой и психологией, но она никак не сводится к их тождеству.

Маржиналистская революция нашла свое известное завершение у А. Маршалла. Особенно важное значение имели две идеи великого экономиста: а) сочетание понимания стоимости как ментальной ценности и как издержек производства; б) вовлечение в анализ спектра разных по календарной длительности экономических периодов (мельчайших, кратких, долгих и очень долгих) [113, т. 2, с. 12]. Двойная интерпретация Маршаллом природы стоимости, во-первых, со стороны спроса и, во-вторых, со стороны предложения не является уступкой ни эклектизму, ни концептуальному строю экономической классики. Маршалл понимал лучше, чем его маржиналистские предшественники, что мир экономического не представляет собой монолит, всецело расположенный в мире ментальности. Он отчетливо выделял по крайней мере два уровня экономической реальности: ментальный и процессуально-предметный. А вот языковой уровень экономической теории не привлек его внимания. Выделение Маршаллом спектра экономических периодов позволило ему переместить акцент с вальрасовской статичности на динамику или, выражаясь точнее, с синхронизма на диахронизм. Разумеется, экономическая динамика выступает у Маршалла в очень специфическом виде, а именно как эстафета равновесных периодов. Подробнее о философии А. Маршалла см. параграф 4.3.

Итак, вторая революция в экономической науке — маржиналистский поворот — имела важнейшее значение в деле прояснения ее концептуального содержания. Суть этого поворота состояла в понимании экономических ценностей как предельных параметров, конституируемых в процессах оптимизации всех сторон экономических процессов.

2.3. ТРЕТЬЯ РЕВОЛЮЦИЯ: КЕЙНСИАНИЗМ

После анализа маржиналистского поворота перейдем к рассмотрению кейнсианской революции, которая, по утверждению М. Блауга, «действительно состоялась» [25, с. 628]. Суть занимаемой им методологической позиции Джон Мейнард Кейнс обозначил следующим образом: «Я назвал эту книгу “Общая теория

занятости, процента и денег”, акцентируя внимание на определении “общая”. Книга озаглавлена так, чтобы мои аргументы и выводы противопоставлять аргументам и выводам *классической* теории, на которой я воспитывался и которая, как и 100 лет назад, господствует над практической и теоретической мыслью правящих и академических кругов нашего поколения. Я приведу доказательства того, что постулаты классической теории применимы не к общему, а только к особому случаю, так как экономическая ситуация, которую она рассматривает, является лишь предельным случаем возможных состояний равновесия. Более того, характерные черты этого особого случая не совпадают с чертами экономического общества, в котором мы живем, и поэтому их проповедование сбивает с пути и ведет к роковым последствиям при попытке применить теорию в практической жизни» [73, с. 224]. Фактически Кейнс подверг критике не классическую, а неоклассическую школу.

Громкая заявка Кейнса на создание им *общей* теории экономической динамики привела к острейшей постановке вопроса о философских основаниях его концепции. Опровергается ли неоклассическая теория целиком или же только некоторые ее выводы, относящиеся, например, к пониманию проблем занятости, процента и денег? Сторонник воззрений И. Лакатоса мог бы переформулировать наш вопрос следующим образом: разрушил ли Кейнс только «защитный» слой неоклассики или же и ее «твердое ядро»? Кейнс, пожалуй, не посягал на «твердое ядро» неоклассики, о чем свидетельствует его уважительное отношение к смыслу развитой до него теории. Он лишь указывал, что экономисты старой школы отклонились от правильного «хода мысли» [Там же, с. 231]. Кейнс не отрицал, что цены определяются предельными первичными издержками. Иначе говоря, «твердое ядро» неоклассики, представленное в методологическом плане достоинствами предельного анализа, оставалось в силе. Это в блистательной манере показал неоклассик Дж. Хикс в знаменитой статье «Мистер Кейнс и “классики”». Логика интерпретации» [195]. Используемый им неоклассический метод анализа не вызвал сколько-нибудь существенных возражений со стороны Кейнса.

Первоначально казалось, что Хиксу удалось непротиворечивым образом синтезировать неоклассику с кейнсианством. Но длительная история так называемого хиксианского кейнсианства с его *IS-LM* (*Investment—Saving—Liquidity—Money*) моделью выявила действительный предмет спора. Им оказался вопрос о субординации агрегированных (макрэкономических) показателей. Разгорелся

нескончаемый спор о числе переменных, которые должны быть учтены и, что особенно важно, об их субординационном весе. Если неоклассики в центр теории ставили концепцию цен, то кейнсианцы — предположения (ожидания) как фактор, определяющий размеры производства и занятость. Вплоть до настоящего времени ни первым, ни вторым не удалось создать такую теорию, которая была бы признана представителями обоих лагерей. Это обстоятельство приводит к важным методологическим выводам.

Один из них состоит в том, что экономическая действительность не поддается простому описанию. Эконометрика позволяет зафиксировать многие показатели, но не характер субординационных связей между ними. В этой связи перед экономистами открываются широчайшие возможности для творчества, которое становится больше чем благим делом — необходимостью. Причем множасьщиеся неудачи экономистов по обнаружению единственной субординационной связи, придающей «твердость» всей структуре экономических ценностей, наводят на вывод, что ее поиски обречены на неудачу. Вполне возможно, что экономическая теория в принципе не способна учесть, каким образом люди будут менять свои предпочтения. В силу этого теория должна быть ситуативной. Поэтому оказываются несостоятельными претензии как Кейнса на создание общей теории, так и Хикса на изобретение «обобщенной общей теории» [195, с. 62].

Претензия Хикса является иронической реакцией на утверждение Кейнса, что ему в отличие от неоклассиков удалось создать *общую* экономическую теорию. Хикс и Кейнс полемизировали по поводу единого экономического закона. Исходя из методологических интересов и стремясь выявить философские основания кейнсианства, поставим вопрос по-другому: что нового привнес Кейнс в экономическую теорию, причем фундаментального, имеющего непреходящее значение? На наш взгляд, это особый концептуальный смысл, имя которому «предположение» или, как стали выражаться позднее, «ожидание».

Кейнс был первым, кто понял, что все экономические ценности являются ожиданиями, которым он придал — и именно это было в новинку — если не полностью концептуальный, то, по крайней мере, квазиконцептуальный характер. И классики и неоклассики, рассуждая о предвидениях, культивировали вполне определенный дискурс. Для них ожидание было нечто, во-первых, вполне очевидное, во-вторых, вторичное. «Невидимая рука» Смита, материалистическое понимание истории Маркса, равновесные

состояния Вальраса представляют собой концептуальные ходы, нивелирующие всю проблематику ожиданий, которым отказывают в динамической силе. В принципиально другой философской манере рассуждал Кейнс. Для него ожидания имеют решающее значение всегда и везде, в том числе и в равновесном состоянии.

Для маржиналистов экономические понятия были ментальными образованиями, которым они затруднялись дать какое-либо запоминающееся название. Как нам представляется, экономические ценности интерпретируются неоклассиками в качестве переживаний, может быть наслаждений, но никак не ожиданий. В модусе времени переживания воспринимаются ими как нечто, находящееся исключительно в настоящем, воспринимаемое здесь и сейчас. С философской точки зрения такой подход должен быть назван ортодоксально неопозитивистским. Неопозитивисты первой волны, например М. Шлик и А. Айер, пытались существо науки свести именно к переживаниям, которые интерпретировались в качестве эмоций (утилитарист будет рассуждать о наслаждениях).

Все маржиналисты были утилитаристами, но не прагматистами. Последние ни в коем случае не рассматривают настоящее в отрыве от будущего, то и другое увязывается ими в неразрывную цепь. Именно так поступал Кейнс, порывавший в итоге с утилитаризмом. Он рассуждал следующим образом. От затрат производителя до покупок его продукции проходит какое-то время. Следовательно, предприниматель «должен стараться составить как можно более точные предположения о будущем, которые позволили бы ему судить о том, сколько потребители согласятся заплатить, когда удастся, наконец (прямо или через посредников), по истечении известного, может быть, и долгого периода времени продать готовый товар. У предпринимателя нет другого выбора, кроме как руководствоваться такими предположениями, если он вообще хочет заниматься производством, требующим времени» [73, с. 255]. Придадим логике экономических рассуждений Кейнса философский смысл. По сути, он ставил вопрос о концептуальном постижении дления, временной протяженности экономических процессов. Ожидания — это, возможно, лишь частичные понятийные постижения бренности экономических процессов, но последняя, по крайней мере, вовлекается в концептуальный контекст. Вольно или невольно Кейнс реализовал прагматическую максиму, согласно которой понятие составляет единство со своими следствиями [145, с. 138].

Отметим специально, что ожидания Кейнса обладают в составе экономической теории общенаучной значимостью. После него понимание экономических ценностей в качестве ожиданий стало познавательной нормой. В составе неоклассического направления ожидания получили вполне определенную, а именно неоклассическую, интерпретацию. В результате появилась так называемая теория рациональных ожиданий Дж. Мута, Р. Лукаса, Л. Рэппинга. Они рассматривают концепты ожиданий в другом ключе, чем кейнсианцы. Но существенно, что оба лагеря придают ожиданиям статус экономических ценностей. Таким образом, новаторство Кейнса состояло не столько в том, что он привлек внимание экономистов к одной из недооцененных ими теме или проблеме, сколько в представлении экономических концептов в новом виде. В данном случае нет необходимости отвлекаться на анализ кейнсианских доктрин предпочтения ликвидности, роли государственных инвестиций и фискальной политики. Все эти доктрины, приобретающие смысл не иначе как посредством использования ценностей в ранге ожиданий, тем не менее, не знаменуют собой самый фундаментальный уровень методологического анализа, в котором определяется сам статус экономических ценностей.

Забываясь о фундаментальном уровне теории Кейнса, следует, пожалуй, отметить его стремление увязать теоретические представления с повседневным опытом [73, с. 228]. Критикуя неоклассиков, он не упускал случая указать на разрыв между их утверждениями и реальным опытом. Прагматическая максима вынуждает кейнсианцев вполне сознательно и целенаправленно стараться не отклоняться ни на йоту от реальности. В неоклассике «разрыв» между теорией и практикой является обычным делом. Вспомним Вальраса, рассуждавшего о чистой и прикладной теориях. Кейнсианцы стремятся не допустить отклонения теории от практики, отсюда проистекает их приверженность к экономическому представлению непосредственно потребительских и инвестиционных функций. В философском отношении эта приверженность указывает на неопозитивистские корни методологии Кейнса. Он не мыслит экономической теории вне принципа верификации, от имени которого настаивают на проверке фактическими данными любого теоретического положения. Итак, в философском отношении Кейнс во многом выступал как неопозитивист, придерживающийся прагматической максимы. Его вклад в методологию экономической теории определяется: а) истолкованием экономических ценностей в

качестве предположений (ожиданий); б) новой постановкой проблемы субординации экономических ценностей.

Склонность кейнсианцев к неопозитивистскому принципу верификации не убергла их теорию от тяжелых критических ударов. Бедствия стагфляции и слампфляции, поразившие западные страны в 1960-х гг. не удалось преодолеть за счет кейнсианских рецептов, связанных, в частности, с регулированием текущих инвестиций и норм процента по займам. В этой связи С. Вайнтрауб делает интересный вывод: «Отныне с “кейнсианской революцией” было покончено. Тем не менее, сама теория Кейнса смогла отделаться сравнительно малыми потерями» [31, с. 92]. Пожалуй, Вайнтрауб излишне категоричен. Если теория не была опровергнута полностью, то и с «кейнсианской революцией» не было покончено. На наш взгляд, кейнсианство действительно заслуживает многих критических стрел, ибо в области изучения субординационных связей оно порой занимало и занимает довольно бесхитростную позицию. По мнению Вайнтрауба, «вряд ли сам Кейнс виноват в том, что кейнсианцы так чудовищно неверно понимали его теорию, скорей всего, в этом повинны, так сказать, “второсортные” кейнсианцы, принявшие стандартную трактовку указанной теории» [Там же, с. 118]. Ирония развития кейнсианства состоит в том, что еще никому не удалось представить его в адекватном виде. Может быть, это свидетельствует о его недостаточной концептуальной зрелости? По крайней мере одно очевидно: в экономический научно-теоретический ряд кейнсианство должно быть включено.

2.4. ЧЕТВЕРТАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ТЕОРИЯ ОЖИДАЕМОЙ ПОЛЕЗНОСТИ И ПРОГРАММНО-ИГРОВОЙ ПОДХОД

При всем своем новаторском содержании кейнсианская революция имела половинчатый характер. Поставив в центр анализа феномен ожидания, Кейнс не сумел придать своей теории концептуально-вероятностный статус. И это несмотря на то, что он являлся автором «Трактата о вероятности» [235]. Но любое ожидание всегда имеет вероятностный характер. А это означает, что после новаций Кейнса возникла необходимость перевести экономическую теорию на вероятностные рельсы. Сам Кейнс, рассуждая о будущем, в основном проецировал настоящее на будущее. «Такова обычная практика — брать существующую ситуацию и проецировать ее на будущее, внося поправки лишь в той мере, в какой у нас имеются определенные основания ожидать перемен» [73, с. 339].

Как это часто бывает в современной науке, помощь пришла со стороны математики. Для всех экономистов было очевидно, что субъект экономического процесса, руководствуясь своими предпочтениями, выбирает наилучший для себя исход среди всех возможных. В этой связи приобретает важнейшее значение концепт математического ожидания:

$$M[x] = \sum p_i x_i,$$

где вероятности p_i соответствуют признакам x_i [23, с. 11]. Приведенное выше равенство само по себе, разумеется, не обладает каким-либо экономическим весом. Но он появляется в случае установления соответствия указанного равенства экономическим реалиям. Операция так называемого математического моделирования позволяет сформулировать концепт экономического ожидания:

$$E[u] = \sum p_i u(x_i),$$

где E — экономическое ожидание; $u(x_i)$ — полезности исходов x_i , а p_i — их вероятности. Экономическое ожидание — это ожидаемая полезность. Руководствуясь ее наличием, экономический субъект осуществляет те или иные поступки, цель которых всегда можно представить как некоторую оптимизацию, что позволяет вновь опереться на формальный аппарат математики, в частности теории исследования операций, разделом которой является *теория игр*. Игрой называется ситуация, в которой каким-то образом взаимодействуют несколько заинтересованных сторон, каждая из которых имеет дело с альтернативами. Таким образом, задачей теории игр в экономике является принятие решений в условиях будущего, задаваемого посредством вероятностей. Это будущее может быть достоверным (вероятности $p_i = 1$), определенным (вероятности p_i заданы и известны), неопределенным (вероятности p_i либо не заданы, либо неизвестны).

Приоритет в обогащении экономической теории игровым подходом принадлежит прежде всего Дж. фон Нейману [130]. Но даже он, гений математики, не сразу обратил внимание на эквивалентность матричных игр и линейного программирования [214, с. 228—229]. Эта эквивалентность свидетельствует о недопустимости противопоставления игрового и программного подходов. Речь должна идти об одном, а именно программно-игровом подходе.

Математическое программирование — дисциплина о нахождении экстремумов целевых функций на множествах конечномерно-

го векторного пространства, определяемых различного рода ограничениями [114, с. 601]. В зависимости от вида целевых функций, а в экономической теории они представлены функциями полезности, и ограничений различают линейное, нелинейное, квадратичное, целочисленное, стохастическое и динамическое программирование. Чтобы решить конкретную задачу, необходимы содержательные экономические предположения относительно функции полезности.

В контексте интересующего нас вопроса о вершине современного научно-теоретического ряда крайне важно, что программно-игровой подход является универсальным для микроэкономики и, по сути, макроэкономики. Степень его универсальности значительно выше, чем у математического анализа. В связи с этим показательно, например, что в институциональной экономике в качестве аппаратной базы используется не дифференциальное исчисление, а теория игр [135, с. 75]. Хотя этот факт не часто признается экономистами, но, по сути, все достижения, характерные для ортодоксальной неоклассики, не только воспроизведены на базе программно-игрового подхода заново, но и переосмыслены в рамках теории ожидаемой полезности. То же самое справедливо по отношению к кейнсианству, равно как и по отношению к неокейнсианству. Все по-настоящему современные экономические теории переведены на вероятностно-игровые рельсы. Показательна в этом смысле компоновка обзорного труда «Панорама экономической мысли конца XX столетия» [142]. Центральная ее часть фигурирует под названием «Экономическая теория» и содержит 17 глав. Но лишь в двух из них — в главах, посвященных ожиданиям в экономической теории и теории игр, фигурируют актуальные методологические новации.

М. Блини, оценивая ситуацию в экономической науке в конце XX в., непрекращающееся противостояние неоклассиков и кейнсианцев, поставил вопрос о новом синтезе. Вывод, к которому он пришел, нам представляется и правильным, и весьма симптоматичным. «Старый теоретический спор не был выигран ни одной из сторон, но возникли некоторые важные научные новации типа рациональных ожиданий и разработок в области теории игр, которые дали экономистам инструменты анализа, позволяющие решать проблемы, казавшиеся прежде неразрешимыми» [26, с. 178]. Заметим также, что этот же концептуальный инструментарий используется институционалистами.

На наш взгляд, обсуждаемые решающие изменения произошли в экономической науке в 1970-е гг. благодаря прежде всего работам Р. Лукаса, М. Фридмена, Т. Сарджента и Н. Уоллеса, Дж. Нэша, Р. Зельтена. Предпосылки для рассматриваемых инноваций были заложены, разумеется, ранее, в первую очередь Дж. Нейманом и О. Моргенштерном (1944) и Дж. Мутом (1961). Но вплоть до 1970-х гг. вероятностно-игровой подход проходил сложными путями свой инкубационный период. Нечто похожее имело в свое время место в физике. Квантовая механика появилась лишь в середине 1920-х гг. Подготовлена же она была блестящими работами первоклассных физиков, например таких, как Н. Бор и Л. де Бройль.

История экономических учений в XX в. часто представляется таким образом, что впереди всех движется великолепная троица — неоклассическая, (нео)кейнсианская и (нео)институциональная школы, которые, несмотря на неутраченные взаимные обвинения, сохраняют свою идентичность. Такое представление затемняет суть происходящей концептуальной динамики. Именно поэтому правомерно, на наш взгляд, говорить о вероятностно-игровой экономической науке, часто функционирующей в образе теории ожидаемой полезности. Вероятностно-игровая экономическая наука имеет самостоятельное значение. Методологический ход, согласно которому она просто-напросто включается в состав каждой из упомянутой выше троицы, вызывает большие сомнения и очень напоминает тот случай, когда телега ставится впереди лошади.

2.5. О НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ СТРОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

В предыдущих параграфах анализ одной за другой четырех научных революций позволил построить научно-теоретический ряд как последовательное преодоление исторически возникавших проблем. В этой связи научно-теоретический проблемный ряд может быть представлен следующим образом:

$$\rightarrow T_{\text{кл}} (1776-1870) \rightarrow T_{\text{неокл}} (1871-1935) \rightarrow T_{\text{кейнс}} (1936-1970) \rightarrow T_{\text{в.-игр}} (1971 \text{ по настоящее время})$$

В качестве точек отсчета избраны годы издания великолепных трудов выдающихся экономистов. Приведенная хронология, разумеется, несколько произвольна хотя бы постольку, поскольку в ней учтены лишь самые ключевые концептуальные трансформации. При желании можно учесть периоды формирования экономиче-

ских парадигм, т.е. образцовых экономических теорий. В таком случае к периоду, например, классической теории должен быть отнесен и XVIII, и XVII, и даже XVI вв. Соответственно удлиняются периоды и других последовавших за классикой экономических парадигм. Надо полагать, найдутся и такие экономисты, которые будут настаивать на удлинении периодов функционирования всех экономических парадигм вплоть до наших дней. В частности, ортодоксальная неоклассика актуальна, дескать, и в наши дни. В таком случае отрицается ценность научно-теоретического ряда, каждому его этапу придается абсолютно самостоятельное значение постольку, поскольку экономические парадигмы не соизмеряются друг с другом. Наша позиция, естественно, другая, мы настаиваем как раз на соизмеримости теоретических парадигм. Разумеется, есть экономисты, которым чужд, например, вероятностно-игровой подход; и следовательно, они будут отрицать доминирующее значение вероятностной экономической теории по отношению, например, к неоклассике. Но проводимое ими отрицание является следствием не их прозрений, а концептуальных упущений. В стремлении к обеспечению научного роста экономического знания эти упущения должны быть подвергнуты критике.

Присмотримся внимательнее к логике приведенного выше научно-теоретического ряда:

$$T_{\text{кл}} \rightarrow T_{\text{неокл}} \rightarrow T_{\text{кейнс}} \rightarrow T_{\text{в.-игр}} \quad (2.1)$$

Эта логика имеет проблемный характер. Она показывает, как в контексте теории преодолевались одна за другой проблемы, которые в соответствии с терминологией Т. Куна вполне можно классифицировать в качестве головоломок. Существенно, однако, что они к настоящему времени *уже* преодолены. Считать по-другому — значит невольно воспроизводить заблуждения, которые недостойны включения в новейшее знание. В качестве аналогии анализируемой ситуации можно рассмотреть некоторые исторические уроки развития математики. В этой области знания без усталости избавляются от парадоксов, образующих нескончаемую череду. Об этих парадоксах *помнят*, но заблуждения, которые привели к их появлению, не включаются в новые теории. Мы приходим к выводу, что проблемно-хронологический подход хорош на стадии построения научно-теоретического ряда, но впоследствии он должен уступить место безупречному с позиций сегодняшнего дня подходу, предельно содержательному в концептуальном отношении. В экономическом знании, равно как и в любом другом, на

смену логике парадоксов непременно приходит логика тщательно выверенных концептуальных постижений (выводов). С учетом этого научно-теоретический *ряд* (2.1) должен быть преобразован в *строй* (2.2):

$$T_{\text{в.-игр}} \Rightarrow T_{\text{кейнс}} \Rightarrow T_{\text{неокл}} \Rightarrow T_{\text{кл}}. \quad (2.2)$$

При изображении научно-теоретического ряда знак $\rightarrow$ символизирует переход от одной теории к другой, выступающий как преодоление затруднений, проблем. Знак $\Rightarrow$ знаменует собой не проблемную, а интерпретационно-логическую связь. Проведенное выше преобразование ряда (2.1) в строй (2.2) осуществлено в строгом соответствии с принципом научной актуальности, согласно которому развитая теория есть ключ к неразвитой. В границах строя (2.2) теории не сменяют друг друга. Можно сказать, что они образуют не исторический, а концептуально-логический строй, структуру экономического знания. Строй (2.2) вездесущ и всемогущ в том смысле, что он поглощает любую порцию экономического знания и тотчас же дает ей истолкование. Если это знание является, например, неоклассическим, то на него обрушивается потенциал кейнсианства и теории экономической вероятности (все то, что находится в ряде (2.2) слева от $T_{\text{неокл}}$). Строй (2.2) неразрывен, но его левая часть непременно доминирует над правой в том случае, если от имени последней выступает неразвитое знание.

В данной книге экономическое знание часто вписывается в контекст всего научного знания вообще. С этой позиции представляет определенный интерес сопоставление научно-теоретических рядов соответственно физики и экономического знания. Физика — бесспорный концептуальный лидер всего естествознания. Большинство философов науки считают ее образцовой теорией, своеобразной системой отсчета для определения научного веса нефизического знания. Пожалуй, такая позиция содержит изрядную дозу физикализма. Но она никак не противоречит самой возможности и целесообразности сравнения двух наук — физики и экономики.

Из табл. 2.1 следует, что на единство физики и экономики указывает их математический аппарат. Тот факт, что, например, в классической физике и экономической неоклассике используется один и тот же тип математического моделирования, явно указывает на их не только формальное, но и содержательно-концептуальное родство. Часто, но не всегда существует параллелизм между

Сравнение научно-технических рядов физики и экономики

<i>Физика</i>	<i>Математический аппарат</i>	<i>Экономика</i>
Доклассическая физика (Г. Галилей и др.)	Элементарная математика	Классическая экономическая теория (А. Смит, Дж.С. Милль, К. Маркс)
Классическая физика (И. Ньютон и др.)	Математический анализ	Неоклассическая экономическая теория (У. Джевонс, Л. Вальрас, К. Менгер)
Проквантовая физика (Н. Бор, Л. де Бройль)	Теория вероятностей, теория игр (в экономике)	Кейнсианство, ранняя теория игр (Дж. фон Нейман, О. Моргенштерн), программирование (Л. Канторович)
Квантовая физика (В. Гейзенберг, П. Дирак)	Операторная алгебра (в физике), теория игр (в экономике)	Зрелая теория игр (Дж. Нэш, Р. Зельтен), теория ожидаемой полезности (Р. Лукас, Т. Сарджент)

основателями соответственно физических и экономических теорий. Дж. Кейнсу трудно подобрать визави в физике. Его разумно сравнить с А. Эйнштейном и ранним Н. Бором. Все трое сведущи в вероятностных представлениях, но не настолько, чтобы решающим образом трансформировать излюбленные ими науки. Интересно, что Дж. фон Нейман, гений науки середины XX в., осмыслил вероятностным образом как физику, так и экономику. Впрочем, только в последнем случае ему суждено было стать подлинным новатором, но это выяснилось лишь к 1970-м гг.

Во избежание всяких недоразумений отметим, что недопустимо слишком прямолинейно интерпретировать вероятностную схожесть новейших физики и экономики. В физике уравнение, подобное, например, уравнению Шредингера, описывает эволюцию во времени физических состояний. Подобного нет в экономической теории. В рамках характерного для экономической теории прагматического подхода вероятностные определения функционируют по-другому, чем в границах семантического метода физики. Экономические субъекты стремятся определить и реализовать оптимальные линии своего поведения, физическая природа эволюционирует по экстремумам механически, в соответствии с содержанием физических взаимодействий. Как бы то ни было, но-

вейшая научная мысль ставит во главу угла как в физике, так и в экономической теории вероятностные представления.

2.6. НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И МЭЙНСТРИМ

В экономико-методологической литературе широко используется концепт мэйнстрима — основного течения, которое отождествляется с неоклассическим подходом. В связи с этим в контексте нашего изложения возникает вполне естественный вопрос о тождественности друг другу научно-теоретического строя и мэйнстрима. Обсуждение этого вопроса позволит с несколько иной точки зрения, чем это делалось ранее, осветить концептуальное содержание научно-теоретического строя. Обзор литературы убедил нас в том, что не найти лучшей стартовой площадки для обсуждения поставленного выше вопроса, чем нетривиальные суждения В.С. Автономова — великолепного отечественного методолога и прекрасного знатока как отечественных, так и зарубежных экономических теорий. Разумеется, суждения авторитетного методолога приводятся не только ради пропаганды высокоинтеллектуальных знаний, но прежде всего в интересах проблемно-критического анализа. Приведенные ниже аргументы пронумерованы нами с целью облегчить их восприятие читателем. Все они содержатся в интереснейшей обобщающей главе «Единство и многообразие современной экономической теории».

1. С конца 1890-х гг. «господствующей ортодоксией в мировой экономической мысли является маржиналистская (неоклассическая) теория, основанная на модели рационального (максимизирующего) человека в равновесном мире» [3, с. 756].

2. «Неоклассическая теория оказалась удивительно способной к адаптации. Несколько модифицировав свои предпосылки, она включила в себя анализ рискованных ситуаций (с помощью теории ожидаемой полезности), нерыночного поведения (экономический империализм Беккера), общественных и политических институтов (новый институционализм)» [Там же].

3. В современной экономической теории господствует «“основное течение” (мэйнстрим), ядром которого является неоклассический подход» [Там же, с. 757].

4. «Критерии принадлежности той или иной теории к основному течению скорее интуитивны: отражение в учебниках, наличие нобелевских премий» [Там же].

5. Основное течение включает «новые достижения экономического анализа: игровые модели, теорию поиска, гипотезу рациональных ожиданий и др.» [3, с. 756].

6. Общие методологические принципы, характеризующие неоклассический подход, сохраняются [Там же, с. 757].

7. «Теоретические направления, использующие иные модели мира или человека (например, кейнсианская макроэкономика), имеют тенденцию со временем выпадать из основного течения и на их место приходят новейшие приложения неоклассической теории (новая классическая макроэкономика Р. Лукаса и пр.)» [Там же].

8. «В настоящее время основное течение включает неоклассическую микроэкономику (включая теорию общего равновесия), новую классическую макроэкономику, Чикагскую макроэкономическую школу и некоторые остатки кейнсианства, некейнсианские теории и, все в большей мере, новый институционализм» [Там же].

9. «Критики неоклассического подхода, отмечая его слабые места и излагая свои частные альтернативы, до сих пор не претендовали на создание всеобъемлющей системы» [Там же, с. 758].

10. «Главное исключение (из мэйнстрима. — В.К.) — вопрос о макроэкономической политике — здесь в учебниках приходится излагать конфликтующие между собой неоклассические, монетаристские и посткейнсианские версии. Но это объясняется именно тем, что макроэкономические теории в меньшей степени опираются на гипотезы о рациональном поведении, чем микроэкономические» [Там же].

11. «Напротив, учебник психологии сразу же подразделяется на изложение различных психологических школ, оперирующих совершенно разными системами терминов» [Там же].

12. «Именно принятые на вооружение экономистами модели рационального человека и равновесного мира способствовали прогрессирующей математизации экономической теории, выделяющей ее из всех общественных наук» [Там же].

13. «С другой стороны, повышенная степень абстракции основного течения, его относительная независимость от реальных фактов представляет собой серьезную методологическую проблему... Повышенный уровень абстрактности, позволяющий применить в чрезвычайно широких масштабах математический инструментарий, приводит в конечном счете к проблеме выбора между “истинной и строгостью”» [Там же, с. 759].

14. «Более конкретные, поверхностные уровни анализа остаются сферой обитания альтернативных основному течению подходов: институционального, поведенческого, эволюционного, в меньшей степени посткейнсианского и неоавстрийского» [3. с. 756].

15. «Сам жанр теоретического трактата, дающего последовательное системное изложение всех основных проблем экологической науки, видимо, безвозвратно ушел в прошлое» [Там же, с. 760].

16. «Выбор уровня абстракции, в принципе, должен быть функцией от объекта исследования и характера поставленной задачи» [Там же].

17. «В каждой из областей (отраслей) экономического анализа мы можем обнаружить не один, а несколько подходов, обычно конфликтующих друг с другом» [Там же, с. 761].

18. «Практически не существует методологических подходов, позволяющих объяснить все проблемы. Правда, неоклассический подход в принципе на это способен, но, как уже отмечалось, за счет понижения содержательности и утраты нетривиальности выводов» [Там же].

Приступая непосредственно к критическому анализу приведенных выше аргументов, восемнадцати весьма актуальных и своеобразных выводов и тезисов, сразу же отметим особенность нашей позиции. Мы руководствуемся концептом научно-теоретического строя. Неоклассический подход занимает в нем достойное место, но не более того. С нашей точки зрения, представление об основном течении (мэйнстриме) приемлемо, но лишь в том случае, если оно понимается в контексте научно-теоретического строя экономической теории. Если же понимать мэйнстрим так, как В.С. Автономов, т.е. в качестве развертывания потенциальных возможностей исключительно одного, а именно неоклассического, подхода, то научно-теоретический строй экономики как раз к нему и редуцируется. И тогда неминуемо возникают коллизии мэйнстрима с альтернативными ему подходами, например кейнсианским или эволюционным. Отход от научно-теоретического строя экономической науки к узко понятому мэйнстриму не позволяет в полной мере выявить ее концептуальное единство. Альтернативы существуют по отношению к неоклассически понятому мэйнстриму, но не относительно научно-теоретического строя экономической теории. Разумеется, он не представляет собой нечто раз и навсегда законченное, но, надо полагать, теоретические новации не разрушат его, а будут способствовать его трансформации и росту. Новые

концепции как в физике, так и в экономике не перечеркивают старые теории, а лишь обновляют их содержание в рамках научно-теоретического строя.

В аргументе 1 характеризуется экономико-теоретическая ортодоксия, ее приверженность к «модели рационального (максимизирующего) человека в равновесном мире». Но согласно последующей аргументации рассматриваемая модель признается отнюдь не ортодоксальной, а исключительно восприимчивой к новациям. Распространенное в экономической литературе отождествление максимизирующего человека с рациональным является следствием смещения двух уровней анализа. Дело в том, что *ratio* в отличие от максимизации является не экономическим, а философским термином. Рациональным является не только максимизирующий (в экономическом смысле) человек, а любой субъект, причем постольку, поскольку он руководствуется концептами (а избежать этой участи никому не дано). Максимизирующий человек есть максимизирующий человек, только и всего. Именованное его рациональным человеком не дает прироста знания. Что касается приверженности неоклассики к равновесному миру, то она не абсолютна. И неравновесный мир отнюдь не чужд неоклассикам.

В аргументе 2 утверждается удивительная способность неоклассической теории к адаптации. На наш взгляд, в рассматриваемом выводе В.С. Автономов приписывает творческий потенциал научно-теоретического строя неоклассической экономической теории. Дело отнюдь не в том, что неоклассика адаптируется к своим оппонентам, а в том, что *вместе с ними* она, будучи существенно трансформированной, обеспечивает наращивание научно-теоретического строя экономической науки. Так называемой теории ожидаемой полезности в рамках неоклассики как таковой, т.е. не выступающей в качестве органичной части научно-теоретического строя, не существует.

В аргументе 3 утверждается доминанция «основного течения» и его ядра, неоклассического подхода. Наш комментарий: само представление об основных и неосновных течениях является следствием неубедительного концептуального анализа, не достигающего представления о научно-теоретическом строе экономической науки. С этой точки зрения можно сказать, что выделение основных и неосновных течений вообще не нужно. Все научные экономические теории входят в состав научно-теоретического строя, а это означает, что в концептуальном отношении они тождественны. Теории несоизмеримы лишь до тех пор, пока они не

включены в состав научно-теоретического строя, не абсорбированы им. Чтобы быть правильно понятыми, сошлемся на физику. В историческом плане квантовая механика явилась альтернативой классической (ньютоновой) с ее концептами абсолютного пространства и времени. Но классическая механика не сдана в архив. Почему? Потому что она переосмыслена таким образом, что перестала противоречить квантовой механике. Пришлось отказаться от концепции абсолютного пространства и времени. Но при этом не отказались от импульсно-энергетического представления, равно как и от пространственных и временных координат. Как выяснили физики, классическая, релятивистская (эйнштейновская) и квантовая механика соизмеримы друг с другом, и следовательно, они не являются альтернативами. Нечто аналогичное ситуации в физике имеет место и в экономической теории.

До тех пор пока неоклассика и, например, кейнсианство не сопоставлены концептуально друг с другом, они являются альтернативами. Если же это сопоставление удалось провести, то они уже не противоречат друг другу. Нет противопоставления теорий — нет и классификации их в качестве основных и неосновных. Естественно, и представление о ядре основного течения перестает быть актуальным. Для характеристики научно-теоретического строя термины «ядро» и «оболочка» малоподходящие. Памятуя об историческом происхождении научно-теоретического строя, резонно выделять в нем нечто вроде четырех ступеней: вероятностно-игровую экономическую теорию, кейнсианство, неоклассику и классику. В этой классификации неоклассика занимает почетное третье место. В рамках представления о научно-теоретическом строе экономической теории актуально не представление о его ядре (где оно? его нет), а разве что представление о вершине этого строя, которая представлена вероятностно-игровой экономической теорией. Впрочем, даже выделение концепта вершины научно-теоретического строя не во всем убедительно. Дело в том, что в отличие от исторического научно-теоретического ряда в научно-теоретическом строе нет структуры его предшественника постольку, постольку все теории приведены к одному и тому же концептуальному единству. Выделение вершины научно-теоретического строя приводит к разрушению этого единства, и тогда вновь возникают призраки ранее преодоленных альтернатив.

Тезис 4 о невозможности достаточно ясного (аргументированного) отнесения той или иной теории к основному течению также спорен. В мире науки, в том числе экономической, руководству-

ются критерием научной истины. Он достаточен для того, чтобы либо включить теорию в научно-теоретический строй, либо убедиться в невозможности такого включения.

В аргументе 5 утверждается, что постоянно изменяются границы неоклассического подхода за счет включения в него новых моделей и гипотезы рациональных ожиданий. В действительности же изменяется не только неоклассика, наращивается научно-теоретический строй.

В соответствии с аргументом 6 рост экономического знания сопровождается сохранением методологических принципов неоклассики. Выходит, что в отличие от самой теории ее методологические основания незыблемы и, следовательно, консервативны. Но в действительности методология теории синхронна ей самой. Это положение иллюстрировалось нами выше при построении научно-теоретического строя.

В аргументе 7 В.С. Автономов приводит интересное наблюдение, согласно которому новые, не согласуемые с неоклассическим подходом теории выпадают из него, но им на смену приходят их неоклассические аналоги. Суть подмеченного им явления состоит, на наш взгляд, в другом: либо теория выдерживает экзамен на концептуальную состоятельность — и тогда она включается в научно-теоретический строй, либо она не проходит этот экзамен и существует в качестве непрорефлексируемого должным образом знания. При этом всегда находятся авторы, которые эрзац-знание представляют как недооцененную новацию.

Значимость аргумента 8 нам видится в том, что в состав научно-теоретического строя включаются все наиболее актуальные экономические теории.

Согласно аргументу 9 критики неоклассического подхода не создали и даже не претендовали на создание всеобъемлющей системы. Суть дела нам вновь видится в актуальности научно-теоретического строя. Он существует в одном-единственном виде, а потому невозможно придумать ему альтернативу. Что же касается неоклассического подхода, рассматриваемого вне контекста научно-теоретического ряда, то он неоднократно подвергался вполне успешной критике, в том числе со стороны кейнсианства и неокейнсианства.

По мнению В.С. Автономова (тезис 10), в отличие от микроэкономики в макроэкономике неоклассические, монетаристские и посткейнсианские теории конфликтуют друг с другом. Такой вывод является следствием разобщения теорий, желания во что бы то

ни стало втиснуть их в ложе автономной методологии неоклассики, сопровождаемой абсолютизацией гипотезы о рациональном поведении экономических агентов. Последовательная опора на концептуальный регулятив научно-теоретического строя снимает мнимую альтернативу экономических теорий. Ориентация монетаризма на денежную, а посткейнсианства на фискальную политику не выводит их за пределы научно-теоретического строя.

В аргументе 11 утверждается, что в психологии теории несоизмеримы друг с другом. Это суждение невозможно обосновать. Что касается нашего анализа, то он свидетельствует против этого суждения. Лишь на первый взгляд кажется, что самые влиятельные психологические теории, а это фрейдизм, необихевиоризм и когнитивизм, противоречат друг другу. А между тем и в психологии можно и следует руководствоваться представлением о научно-теоретическом ряде и строе. К сожалению, в рамках данной книги мы вынуждены ограничиться этим заключением тезисного характера.

Согласно аргументу 12 именно методология неоклассического подхода способствовала успеху математизации экономической теории. С этим выводом трудно согласиться. Все современные теории выступают от имени математического моделирования и в этом смысле математизируются. Науки не могут обойтись не только без математики, но и без семиотики, лингвистики, логики, информатики, т.е. комплекса наук, которые часто называют общенаучными. Нет такой научной методологии, которая была бы несовместимой с признанием актуальности математического моделирования. Дело обстоит не так, что сначала вырабатывают методологию, а затем в зависимости от нее теория математизируется или не математизируется. Кейнсианство согласуется с программой математизации отнюдь не меньше, чем неоклассика. Кто знает математику, тот сумеет воспользоваться ее достижениями в любой науке. Ситуация с математизацией напоминает о способностях людей искусства. Поэты не умеют говорить без рифмы, композитор способен переложить на музыку все, что попадет в область его внимания, в том числе и... любую экономическую теорию. Можно станцевать и классику, и неоклассику, и кейнсианство, выразив в движениях как их соизмеримость, так и своеобразие. Талантливые аспирантки выдающегося отечественного философа А.Ф. Лосева, бывало, протанцовывали перед ним содержание диалогов Платона, и строгий учитель угадывал в их балетных па как раз тот смысл, который они уразумевали лишь после его длительных объяснений. Любой

прозаический текст можно переписать на язык рифмы, музыки, танца, а также логики, математики, информатики и прочих общенаучных дисциплин.

В аргументе 13 утверждается, что математический инструментарий имеет абстрактный характер и в итоге он ставит исследователя перед сложной проблемой выбора между «истиной и строгостью». Выходит, что чем строже математика, тем дальше отход от экономической истины. В.С. Автономов явно полагает, что используемая в экономической теории математика представляет собой некую абстракцию от тех или иных черт реальной действительности. Операция абстрагирования ведет, дескать, к отходу от действительного положения вещей. Но математика придумывается человеком благодаря его творческому воображению безотносительно к миру природы и общества. Изобретатели и основатели математического анализа И. Ньютон, Г. Лейбниц, О. Коши, К. Вейерштрасс ни от чего не абстрагировались, они никак не учитывали определенность экономической действительности, не входившей в предмет их теоретического интереса. На наш взгляд, суть обсуждаемого дела состоит в следующем.

Связь математики с экономической теорией обеспечивается посредством экономико-математического моделирования, а оно бывает более или менее успешным. За возможные неувязки ответственна не математика, в том числе ее «строгость», а недостаточная экономико-математическая проницательность исследователя. Что же касается успеха экономико-математического моделирования, то он всегда свидетельствует о неразрывности экономической истины и ее так называемой математической формы. Успех экономико-математического моделирования свидетельствует о нерасторжимом единстве математической строгости и экономической истины, а потому сам выбор между ними невозможен. Во избежание недопонимания отметим, что к обсуждаемой проблематике лишь косвенное отношение имеют часто используемые в экономико-математическом моделировании упрощающие приемы. Если, например, кейнсианец предлагает считать, что в течение рассматриваемого периода средняя заработная плата остается одной и той же и, следовательно, выражается не функцией, а константой, то он вводит упрощение. Но возможности математики таковы, что и сам наш кейнсианец, и его неоклассический оппонент могут выразить уровень заработной платы в виде функции, зависящей от n переменных. Рассматриваемое упрощение актуально лишь тогда, когда оно уместно в том или ином, например в дидактическом, отноше-

нии. Итак, существенно, что не упрощения ведут к выяснению сути экономической теории, а эта суть определяет уместность и целесообразность упрощающих приемов.

В аргументе 14 В.С. Автономов приводит интереснейшее наблюдение. Он отмечает, что для альтернативных основному течению подходов, в частности институциональных, поведенческих, эволюционных, характерен более поверхностный и конкретный уровень анализа. В.С. Автономов правильно подметил, что экономические теории обладают различной степенью концептуальной содержательности. Этот вывод крайне важен, ибо он кладет конец теоретической «всеядности», когда сертификат научной состоятельности бездумно вручается любой теории в полном соответствии с центральным тезисом методологического анархизма американско-австрийского философа П. Фейерабенда: любая теория для чего-нибудь сгодится («*anything goes*»). На наш взгляд, именно теории, для которых характерен поверхностный уровень анализа, часто поднимаются на щит теми, кто недооценивает концептуальную содержательность научно-теоретического строя. Ему нет альтернатив. Все так называемые альтернативы научно-теоретическому строю имеют мнимый характер, который обеспечивается их концептуальной поверхностностью. А вот с тезисом В.С. Автономова, что поверхностные уровни анализа более конкретны, чем их оппоненты, мы не можем согласиться. Конкретное, т.е. многообразное, доступно концептуально-углубленному анализу отнюдь не меньше, чем квазинаучным теориям. Вопрос в том, насколько содержательно постигается конкретное. В принципиальном отношении теории отличаются друг от друга не степенью своей конкретности (или абстрактности), а степенью концептуальной основательности.

В аргументе 15 В.С. Автономов полагает, что системное изложение всех основных проблем экономической теории безвозвратно ушло в прошлое. На наш взгляд, это предположение не соответствует действительному положению вещей. Прежде всего возьмем на себя смелость утверждать, что самому В.С. Автономову буквально во всех его работах удается продемонстрировать, причем в блистательной манере, как раз то системное изложение, саму возможность которого он склонен отрицать. Смысл нашей полемики с В.С. Автономовым состоит отнюдь не в отрицании его выдающегося вклада в развитие методологии экономической теории. Наша цель достаточно скромна, она состоит в подчеркивании актуальности представлений о научно-теоретическом

строе, без учета которых даже аргументы выдающихся методологов теряют в силе.

Сравните многостраничные курсы истории экономических учений. Некоторые из них представляют собой сборники отдельных текстов, не взаимосвязанных между собой концептуальным единством. Ясно, что в таком случае отсутствует системное изложение материала. Но является ли рыхлый, не проясненный в концептуальном отношении плюрализм неизбежной необходимостью? Разумеется, не является. Чтобы в этом убедиться, достаточно сознательно руководствоваться представлением о научно-теоретическом строе экономической теории. В таком случае все, а не только основные экономические проблемы нанизываются на один и тот же концептуальный стержень, и за счет этого достигается системность изложения. К этому методологическому идеалу, как нам представляется, близки работы М. Блауга.

В аргументе 16 выбор уровня абстракции ставится в прямую зависимость от характера объекта исследований и поставленных задач. На наш взгляд, следует говорить не об уровне абстракции (теория абстракций устарела!), а о математических средствах. Они действительно не могут быть произвольными.

В аргументе 17 В.С. Автономов констатирует, что в экономическом анализе конфликтуют друг с другом несколько подходов. Эта констатация верна, но она не свидетельствует в пользу принципиальной несоизмеримости экономических теорий. Отметим еще раз: критический анализ позволяет обнаружить далеко не очевидную соизмеримость на первый взгляд кажущихся несоизмеримыми теорий.

В аргументе 18 В.С. Автономов утверждает, с одной стороны, что нет универсальных методологических подходов, а с другой стороны, таковым представляется неоклассический подход, но с оговоркой, что его выводы порой теряют в содержательности. Истоки парадокса, к которому пришел В.С. Автономов (нет универсального метода, но таковым является неоклассический подход), нам видятся в следующем. Он близок к постижению концептуального единства экономической науки. Это единство интерпретируется им как универсальность неоклассического подхода. Но так как этот подход отличается от других подходов, возникает тезис об отсутствии универсальной экономической теории. Парадокса В.С. Автономова можно избежать, но тогда придется использовать в качестве концептуального регулятива представление о научно-теоретическом строе. При этом само представление об универсаль-

ном подходе оказывается излишним. Суть дела такова. Каждый из подходов — классический, неоклассический, кейнсианский и вероятностно-игровой — сам по себе не универсален. Но в составе научно-теоретического строя они трансформируются таким образом, что возникает не имеющий альтернативы научно-теоретический строй. Он знаменует собой концептуальную логику экономического знания, у которой нет альтернативы, но она всегда устремлена в свое проблемное будущее. Научно-теоретическому строю подвластны и все центральные области, и все закоулки экономической науки. Везде его содержательность и нетривиальность не имеют себе равных.

Итак, мейнстрим и научно-теоретический строй экономической теории — это два концептуальных регулятива, каждый из которых призван представить состояние современного актуального экономического знания. Различия этих регулятивов представляет табл. 2.2.

Таблица 2.2

Мейнстрим и научно-теоретический строй экономической теории

<i>№ п/п</i>	<i>Мейнстрим</i>	<i>Концепция научно-теоретического строя экономической теории</i>
1	Современное экономическое знание не обладает внутренним единством	Современное экономическое знание обладает внутренним единством, которое выражается его научно-теоретическим строем
2	Неоклассический подход занимает центральное место в экономической теории	Неоклассический подход в рамках научно-теоретического строя представляет одну из его ступеней
3	Существуют подходы, не соизмеримые с неоклассическим подходом	Не соизмеримые с неоклассическим подходом концепции не существуют. Это ясно из того, что все подходы входят в один и тот же научно-теоретический строй
4	Некоторые экономические теории альтернативны друг другу	Некоторые экономические теории лишь на первый взгляд кажутся альтернативами. Концептуальный анализ выявляет их единство
5	Неоклассический подход способен к восприятию достижений других концепций	Достижения экономической теории заключены в научно-теоретическом строе как целом, но не в отдельной его части
6	Основному течению экономической мысли противостоят неосновные	Экономические теории не бывают основными или неосновными. Они различаются по степени их концептуальной содержательности. В рамках научно-теоретического строя степень концептуальной содержательности у всех подходов одинакова

№ п/п	Мэйнстрим	Концепция научно-теоретического строя экономической теории
7	Неоклассический подход подвержен феномену научного роста постольку, поскольку он адаптируется к достижениям альтернативных ему теорий	Научный рост характерен для научно-теоретического строя
8	Методологические принципы неоклассического подхода незыблемы	В составе научно-теоретического строя методологические принципы неоклассического подхода трансформируются в соответствии с методологией кейнсианства и вероятностной экономической теории
9	Ни одна методологическая концепция не способна включить в себя достоинства всех экономических теорий	Научно-теоретический строй объединяет в себе методологические достоинства всех экономических теорий
10	Мэйнстрим связан с математикой органичнее, чем альтернативные ему теории	Для всех экономических теорий характерна органичная связь с математикой
11	Альтернативные мэйнстриму подходы конкретнее его	Экономические теории отличаются друг от друга не по степени их конкретности, а по степени концептуальной содержательности. Чем выше последняя, тем выше и степень конкретности теории. Развитая теория конкретнее всех других
12	Невозможно системное изложение экономического знания	Системное изложение экономического знания обеспечивается посредством научно-теоретического строя

2.7. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Как учил постпозитивист К. Поппер, научная критика должна быть направлена против любой теории. Усилия по фальсификации теории призваны не ослабить, а укрепить ее научный статус. Руководствуясь этим правилом, попытаемся найти аргументы *против*, а также *за* концепцию научно-теоретического строя. Наше внимание направлено на попытки дать интегральную оценку состояния современной экономической науки. В этой связи исследователи, работы которых рассматриваются далее, неминуемо оказываются в сфере проблематики научно-теоретического строя.

Следовательно, появляется контекст, позволяющий уточнить его статус.

Весьма содержательный обзор состояния современной экономической теории осуществил Н.Г. Мэнкью. Он выделил три категории исследований.

Во-первых, «широкое признание аксиомы рациональных ожиданий является, пожалуй, крупнейшим отдельно взятым сдвигом в макроэкономике за последние два десятилетия» [126, с. 67].

Во-вторых, множатся попытки объяснить макроэкономические явления с помощью неоклассической методологии. «Последние работы показали, что модели рыночного равновесия имеют более широкий спектр применимости, чем думали раньше, и что от них не стоит так легко отказываться» [Там же].

В-третьих, проводятся исследования, цель которых — «поставить хрестоматийный кейнсианский анализ на более прочные макроэкономические основания» [Там же]. Мэнкью приходит к выводу, что «аксиома рациональных ожиданий заняла ныне в инструментарии экономической науки столь же прочное место, как аксиомы о том, что фирмы максимизируют прибыль, а домашние хозяйства — полезность» [Там же, с. 76–77]. Американский экономист под аксиомами экономической науки явно понимает основополагающие принципы теории.

Все три аргумента Мэнкью гармонируют с представлением о научно-теоретическом строе. Это ясно постольку, поскольку он стремится связать в одно целое неоклассику и кейнсианство под эгидой теории ожиданий (а она, как известно, требует вероятностных представлений). Объединение методологических оснований экономических направлений как раз и образует то, что нами названо научно-теоретическим строем. Мэнкью пишет о периоде «смятения, раскола и разброда в макроэкономике, который продолжается поныне» [Там же, с. 67]. Но он стремится наметить пути преодоления анархического плюрализма и, не владея концептом научно-теоретического строя, тем не менее, постоянно находится как бы вблизи него.

Интересно и важно с методологических позиций, что Мэнкью широко использует представление о научной революции. Он называет революционной гипотезу рациональных ожиданий и связанную с ней новую классическую (точнее, неоклассическую. — *В.К.*) перестройку макроэкономики [Там же, с. 71]. В этой же манере характеризуется новая кейнсианская макроэкономика. Заметно, что Мэнкью занят поиском возможных консенсусов

представителей экономических направлений, особенно неоклассиков и кейнсианцев. Он полагает, что первые строят модели безупречно работающих рынков, а вторые полагают, что «экономические колебания можно объяснить лишь теми или иными изъянами рынка» [126, с. 73]. Существенно, на наш взгляд, что позиции неоклассиков и кейнсианцев, по сути, не антагонистичны друг другу. Это ясно постольку, поскольку как неоклассики, так и кейнсианцы упускают из поля своего внимания нечто такое, что является предметом интереса их оппонентов.

Итак, как нам представляется, анализ Мэнкью с философских позиций интересен тем, что в нем в недостаточной, но тем не менее в определенной форме представлена концепция преодоления разобщенности экономических направлений посредством развития представления о научно-теоретическом строе экономической теории. На этом фоне его порой чрезмерная ориентация на неоклассику воспринимается как некритическое восприятие мейнстрима.

У. Баумоль в своей нашумевшей обзорной статье анализирует состояние экономической теории с других позиций, чем Мэнкью. «Моя неортодоксальная точка зрения, — отмечает он, — состоит в том, что наибольший научный прогресс по сравнению с началом века можно обнаружить не в теоретических новациях, а в развитии эмпирических исследований и применении теоретических концепций к решению конкретных практических проблем» [20, с. 80]. «По существу же, главный переворот произошел в трех сферах. Первая — формализация макроэкономических исследований. Вторая — создание новых действенных инструментов для эмпирических исследований и их применение для описания функционирования реальной экономики, а также для верификации и повышения содержательности самой теории. Третья сфера, где достижения менее всего признаны, — получившие широкое распространение исследования теоретического и экономического анализа *в прикладных целях*... Утверждение, что главные отправные пункты развития экономической науки XX столетия следует искать в указанных трех сферах — центральный вывод этой статьи» [Там же, с. 74].

Баумоль не выходит за пределы сопоставления экономических теорий, и в этом смысле его логика не противоречит сколько-нибудь существенно линии аргументации Мэнкью. Но в отличие от последнего он делает акцент на формализме экономических теорий и его эмпирических и прикладных аспектах. Обращает на себя внимание известная философская непоследовательность Баумоля,

который явно искусственно противопоставляет теорию, с одной стороны, и ее формальные, эмпирические и прикладные аспекты — с другой. Все эти аспекты существуют не где-то в стороне от теории, а составляют ее же органические черты. Баумоль по старинке отделяет теорию от практики. Но согласно принципу теоретической относительности смыслы практики имеют теоретический характер. Успех так называемых прикладных исследований означает, что произошло решающее изменение самой теории — в частности, ее смыслы стали более всеобъемлющими.

Следует отметить, что в философии науки поступи теории, в частности расширению ее поля действительности, не уделяется должного внимания. Теория, дескать, в случае расширения ее области действия остается одной и той же. Налицо явное заблуждение, игнорирование статуса понятий, а в случае экономической теории — ценностей. Область действительности ценности — ее важнейшая характеристика. Баумоль не учитывает этого обстоятельства.

Он вполне справедливо отмечает, что в XX в. область действительности экономической теории расширилась необычайно, она используется, в частности, для объяснения широкого спектра повседневных ситуаций. С нашей точки зрения, это означает, что укрепляется научно-теоретический строй экономической науки, в экономической области он становится вездесущим, сбрасывает латентную оболочку, скрывающую его суть. Главный смысл обзорной статьи Баумоля нам видится в том, что развитие экономической науки свидетельствует в пользу укрепления принципа теоретической относительности, а вместе с ним и научно-теоретического строя экономической науки.

Одно место из статьи Баумоля привлекло наше особое внимание. «Теория игр, — отмечает он, — определенно привнесла в экономику мощный математический инструментарий, *революционизирующее* (курсив наш. — В.К.) значение которого состоит в том, что он дал экономистам возможность освободиться от исключительной зависимости от формального аппарата физики. Новый подход — это гибкий метод анализа разнообразных конкретных проблем и ситуаций на олигопольных рынках. Добавьте сюда выявленную связь математического аппарата теории игр с математическим программированием, теорией двойственности и другими аналитическими новациями XX в., и станет ясно, что сфера исследований олигополии (равно как и другие области анализа, которые возможно интерпретировать в терминах теории игр) претерпела глубокие изменения» [20, с. 90–91]. Приведенная цитата вызывает

риторический вопрос: неужели «глубокие изменения» и «революционизирующее значение», о которых толкует Баумоль, не выражают трансформацию самой теории? Почему он полагает, что решающие изменения в экономической науке произошли не в теории?

Баумоль считает, что благодаря теории игр удалось избавиться от «исключительной зависимости от формального математического аппарата физики». Разумеется, это не так. В экономической теории никогда не было и грана аппарата физики. Математический анализ выступает стороной как физико-математического, так и экономико-математического моделирования, но от этого он не становится ни физическим, ни экономическим феноменом.

Баумоль полагает, что теория игр придала теории олигополии единство, но лишь отчасти, ибо ее выводы «каждый раз “привязываются” к конкретной модели, иначе говоря, к конкретной рассматриваемой ситуации», а потому не существует универсальных заключений относительно олигополистического поведения [20, с. 91]. Формула о наличии единства, но лишь частичного парадоксальна и с позиций логических требований, предъявляемых к научному анализу, она вряд ли может быть признана приемлемой. Суть дела состоит в том, что вопреки мнению Баумоля ситуативный характер выводов, получаемых на основе теории игр, равно как и отсутствие универсальных правил поведения, ни в коей мере не умаляет достигнутое благодаря этой теории единство экономического знания.

Обратимся теперь к еще одному обзорному труду, на этот раз монографическому [142], в котором дается широкая панорама современной экономической теории. В нем также фигурируют хорошо известные экономические персонажи: неоклассика, кейнсианство, теория рациональных ожиданий, микро- и макроэкономика. Один из авторов сборника, М. Блини, утверждает, и, как нам представляется, вполне правомерно, что удастся преодолеть разобщенность неоклассики и кейнсианства. «То, что возникает, видимо, можно обозначить термином “неокейнсианский синтез”, в котором имеет место гораздо более тесная связь между микро- и макроэкономикой, чем когда-либо со времен кейнсианской революции» [26, с. 178]. Вывод Блини подтверждает мысль о том, что в концептуальном отношении рост экономического знания сопровождается не его фрагментаризацией, а налаживанием органической концептуальной связности теории. К сожалению, это обстоятельство прошло мимо внимания как авторов книги, так и ее ре-

цензента, отметившего, что главы книги не причесываются под «единую точку зрения» и не вгоняются «в какую-то скучную схему». «Но именно это позволило составителям двухтомника представить экономическую мысль конца XX столетия (а точнее, его последней четверти) как многослойный, противоречивый и глубоко дифференцированный процесс, благодаря которому в ней существуют как основное течение — мэйнстрим (причем в нем идут свои “бродильные” процессы, так что его облик сегодня определяет отнюдь не только неоклассика), так и многие другие альтернативные течения и направления экономического анализа» [137, с. 109]. Рецензент уподобляет книгу «Панорама экономической мысли конца XX столетия» картине «художника-модерниста, где заявленный образ проглядывает сквозь сложное переплетение мазков и красок — методологических подходов, экскурсов в историю, характеристик отдельных теорий или обзора целых направлений экономического анализа» [Там же].

Отметим со всей определенностью, что ссылки на модернизм в искусстве, на необходимость избегания скучных схем, единых точек зрения, на противоречивость и многосложность роста экономического знания не только не проясняют концептуальное содержание современной экономической теории, а даже затемняют его малопродуктивными отступлениями от сути дела. А оно имеет концептуальный статус.

В данном случае предметом обсуждения является не скука, не схематичность, не унылое единообразие, не калейдоскопичность постмодернизма, а концептуальная основательность экономического знания, в том числе возможность преодоления его фрагментарности и сепарабельности. В любой науке рост ее единства приветствуется. Далеко не случайно физики ищут (и находят!) единство теорий элементарных частиц и космологии, а экономисты — микро- и макроэкономики. Бесспорно, что развитие экономического знания сопряжено с различного рода коллизиями, в том числе противоречиями. Но не менее бесспорно, что экономисты должны стремиться к преодолению этих противоречий. В контексте проводимого анализа это означает, что либо а) констатируют наличие мэйнстрима и альтернативных ему направлений, либо б) руководствуются представлением о научно-теоретическом строе экономической науки и уже с этих позиций оценивают гипотезу как самого мэйнстрима, так и его противостояния другому экономическому знанию.

Авторы рассматриваемого двухтомника вроде бы исходят из концепции мейнстрима. И все-таки, как нам представляется, это всего лишь их стартовая позиция. Дело в том, что одна из стержневых идей книги выступает как синтез экономических направлений; в этой связи обсуждается и неоклассический синтез, и неокейнсианский синтез, и синтез микро- и макроэкономических теорий. Синтез экономических теорий — это всегда путь от концепции мейнстрима к концепции научно-теоретического строя экономической теории. Вышеупомянутые авторы прошли этим путем, но отнюдь не в безупречной методологической форме.

До сих пор рассматривались концепции, в которых само наличие мейнстрима воспринималось как исключительно позитивное явление. Но значительный интерес представляют также теории, авторы которых демонстрируют либо несколько отстраненное, либо даже резко критическое отношение к мейнстриму. Как правило, в таких случаях акцент делается на альтернативных мейнстриму теориях. Впрочем, рано или поздно непременно выявляется потребность в диалоге с неоклассикой. Без диалога экономических теорий не обойтись. Весьма показательна в этом смысле статья В. Маевского, анализирующего соотношение эволюционной теории и ортодоксии. Следует заметить, что эволюционная теория признается одним из лидеров альтернативных мейнстриму теорий.

В. Маевский связывает определенность эволюционной теории с принципами разнообразия, неоднородности агентов, неравновесия, неопределенности развития, неустойчивости, а ортодоксию с исследованиями, в которых «акцент делается на *прямо противоположных* (курсив наш. — В.К.) принципах застывшего многообразия, однородности агентов, равновесия, детерминизма, устойчивости и т.д.» [102, с. 4]. Несмотря на «прямую противоположность» двух рядов принципов, он сознательно стремится «к диалогу с ортодоксией, к созданию эволюционно-ортодоксальной теории» [Там же, с. 5]. Похоже, что на горизонте замаячил грозный призрак парадокса, сочетания несоизмеримого. Опыт развития науки свидетельствует, что такое сочетание невозможно; оно возможно лишь тогда, когда стороны, признающиеся альтернативными, являются лишь мнимо противоположными. Этот вывод можно проиллюстрировать следующим образом. Принципы равновесия и неравновесия совместимы лишь в том случае, если они подпадают под эгиду одного и того же принципа, более общего, чем они. Скажем,

они рассматриваются как частные случаи определенных функциональных зависимостей факторов спроса и предложения.

Совмещения ортодоксии с эволюционной теорией В. Маевский стремится достичь за счет следующей логики, признающей непротиворечивой. Экономическая эволюция имеет место благодаря инновациям, которые приводят к неравновесию. «Вместе с тем эти же неравновесные процессы объективно относятся к сфере компетенции ортодоксии, поскольку они оцениваются краткосрочным рынком через предпринимательскую прибыль, а последняя входит в состав равновесной цены. Значит, синтез эволюционной и ортодоксальной теорий представляет собой не просто одно из желательных, но обязательных направлений развития экономической науки» [102, с. 11]. На наш взгляд, приведенная выше логика небезупречна. Во-первых, она не учитывает, что инновация может запускать механизм не только равновесной, но и неравновесной цены. Последняя также может обеспечить предпринимательскую прибыль. В условиях, например, монополии она может обеспечить даже бóльшую предпринимательскую прибыль, чем равновесная цена. Но, как известно, и равновесная цена обладает своими преимуществами. Таким образом, равновесная и неравновесная цены не вступают в конфликт друг с другом, по крайней мере, на методологическом уровне. Равновесие не исключает неравновесие. Они исключают друг друга лишь в том случае, если каждому из них придется статус автономной ценности. Но такая акция не усиливает, а ослабляет потенциал экономической науки в целом.

На примере соотношения равновесия и неравновесия мы стремились показать, что не существует так называемых *противоположных* парных системных принципов типа меняющегося и застывшего многообразия, устойчивости и неустойчивости, детерминизма и индетерминизма. Принципы экономической теории содержатся в ней самой, их нельзя позаимствовать, например, из физики. Рост же научно-экономического знания свидетельствует не о противоположности методологических принципов различных экономических теорий, а о их непротиворечивом соединении в рамках научно-теоретического строя. Если бы принципы устаревших теорий не пересматривались, то они действительно противоречили бы принципам их более удачливых соперниц. Но они трансформируются, и в этом все дело. Современное значение неоклассики определяется не ее приверженностью принципу застывшего многообразия, а нахождением актуальных закономерностей. Так, например, неоклассические интерпретации экономического

роста по Р. Солоу позволяют понять особую значимость так называемых стационарных состояний, при которых темпы увеличения, в частности, капитала и труда оказываются одними и теми же. Экономический рост — это частный случай эволюции экономических явлений. Неоклассика, таким образом, отнюдь не противоречит эволюционному подходу. Разумеется, его интерпретация должна вестись с позиций научно-теоретического строя. Без представлений о вероятностях, неопределенностях, рисках невозможно понять феномен инноваций, в том числе и в рамках неоклассики.

Таким образом, ортодоксия — это односторонняя позиция. Если же она и заслуживает обсуждения, то непременно с намерением развенчать ее односторонность, нарочитость. Представителям эволюционной экономической теории нет особой необходимости вступать в диалог со сторонниками упрямой ортодоксии, для них значительно важнее обеспечить ей достойное место в научно-теоретическом строе. Рассуждениями о преимуществах неравновесного подхода перед равновесным этого не добиться. Важно выделить и понимать эволюционные *закономерности*, доступные соответствующему обсчету. Отметим также, что не следует ставить знак равенства между математическими концептами равновесия и неравновесия и их экономическим статусом. В экономической теории равновесие и неравновесие приобретают ценностный характер, а потому допускается возможное доминирование каждого из них.

В. Маевский заканчивает свою, безусловно, интересную статью следующим выводом: «Диалог с ортодоксией необходимо перевести из плоскости взаимных критических претензий в область сотрудничества, создания новой экономической теории, совмещающей принципы двух базовых теорий» [102, с. 14]. На наш взгляд, диалог экономических теорий, причем всех, а не только избранных, оказывается концептуальным, продуктивным, позволяющим избежать пустых претензий не иначе как в рамках научно-теоретического строя.

Разговор о противоборствующих теориях часто начинают с упоминания идей Й. Шумпетера по поводу необходимости инноваций. Новшества вроде бы способны поставить под сомнение любые устоявшиеся теории. П. Винарчик, отмечая вклад Й. Шумпетера в экономическую теорию, утверждает, что его наследие является «либо инкроментальным дополнением к мэйнстриму, либо потенциальным революционным вызовом ему» [36, с. 26]. В очередной раз приходится сталкиваться с противопоставлением «либо — либо». Но

представление об инновациях характерно в наши дни для всех сколько-нибудь актуальных экономических теорий. Уже одно это указывает на концептуальную слабость формулы «либо — либо». Она появляется не случайно, а в результате обособления мейнстрима и искусственного противопоставления одних экономических теорий другим. Решительные критики мейнстрима не учитывают важнейшее обстоятельство: эта критика несостоятельна уже постольку, поскольку само его обособление концептуально неправомерно.

Крайне резкой критике подвергает мейнстрим В.И. Марцинкевич. Он утверждает, что в нем не учтены такие фундаментальные принципы общечеловеческого научного познания, как «методы диалектической логики, историзм, средства социально-классового анализа, традиции экономико-статистического исследования, не укладывающиеся в формализованные рамки эконометрических моделей» [112, с. 37]. В мейнстриме вместо диалектики используется формальная логика, которая бесполезна в анализе творческого труда, под угрозой оказывается точность языковых выражений [Там же], а в негативном плане упоминается также прагматизм [Там же, с. 39].

На наш взгляд, главные аргументы В.И. Марцинкевича имеют по преимуществу философский характер, а в качестве таковых они явно неудачны. Едва ли не все представители так называемого мейнстрима, а это в основном англоязычные авторы, уже с университетской скамьи воспитаны в традициях и новшествах аналитической философии, у истоков которой в Англии стояли Дж. Мур, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, а в США Ч. Пирс, Р. Карнап и У. Куайн. Как раз в этой философии логике и точности языковых выражений уделяется первостепенное внимание. В отличие от отечественных авторов абсолютное большинство английских и американских экономистов прекрасно сведущи в математической логике, в частности в логике предикатов первого порядка. Математическая логика превзошла, причем существенно, формальную логику, восходящую к имени Аристотеля, по всем статьям. Так называемая диалектическая логика, статус которой должен быть связан прежде всего с именем Гегеля и лишь во вторую очередь с именем Маркса, не является разумной альтернативой математической логике. В науке диалектической логике, изобилующей неясными определениями о тождестве противоположностей и достоинствах противоречий, принадлежит лишь скромное место, отнюдь не то, которое обеспечило бы триумф какой-либо, в том числе экономической, дисциплины.

Кажется, что математическая логика формальна по определению как причастная к сфере математики, для которой характерны ограничительные теоремы. Но и это «обвинение» не совсем верно. Любые логико-математические формализмы, продуктивно использованные при моделировании экономических явлений, не умаляют, а усиливают концептуальную силу экономической теории.

Тезис о беспомощности неоклассики в концептуальном постижении творческого труда и, шире, экономического творчества вообще кажется очень сильным, но и ему недостает основательности. Ни в одной из экономических теорий, в том числе в институционализме, не содержится теория творчества. Почему? На наш взгляд, потому, что творчество осмысливается по преимуществу не в границах научно-теоретического строя, а в границах научно-теоретического хронологического ряда, причем на основе проблемного метода. Два примера, соответственно из физики и экономической науки, пояснят суть дела.

Физики оперируют классической механикой Ньютона и релятивистской механикой Эйнштейна, но теория их взаимосвязи не представляет собой особую физическую концепцию. Она выступает как критический анализ проблемных аспектов классической механики, осуществленный в начале XX в. В символической записи $T_{\text{кл}} \rightarrow T_{\text{рел}}$ научное творчество А. Эйнштейна, А. Пуанкаре, М. Борна и других создателей релятивистской физики знаменует стрелка $\rightarrow$. Если же благодаря форме записи $T_{\text{кл}} \rightarrow T_{\text{рел}}$ совершен переход к фрагменту научно-теоретического строя $T_{\text{рел}} \Rightarrow T_{\text{кл}}$, то новая стрелка $\Rightarrow$ имеет, как уже отмечалось, не проблемный, а логико-интерпретационный характер, в котором уже нет былых, проблемных противоречий. Нечто аналогичное ситуации в физике имеет место и в экономической науке: сравните $T_{\text{нео}} \rightarrow T_{\text{кейнс}}$ и $T_{\text{кейнс}} \Rightarrow T_{\text{нео}}$. Важно понимать, каким именно образом в науке постигается феномен творчества, а именно, в переходе от $T_1 \rightarrow T_2$ к $T_2 \Rightarrow T_1$. В этом переходе логическое и математическое моделирование занимает достойнейшее место. Особо отметим, что нет оснований обвинять логику и математику в бессилии перед творческими процессами. Обратимся еще раз к символической записи $T_1 \rightarrow T_2$ как стадии научно-теоретического хронологического ряда. Математическое моделирование способствует концептуальной основательности как T_1 , так и T_2 . Что же касается перехода от T_1 к T_2 , то его осмысление предполагает сопоставление уместности математического моделирования, характерного для рассматриваемых теорий. Основательный научный анализ экономической науки предпола-

гает сопоставление, например, типов моделирования, осуществляемого посредством математического анализа и теории игр. Неправоммерно требовать, чтобы само это сопоставление было представлено особым математическим формализмом.

Итак, на наш взгляд, феномен творчества получает свое осмысление в переходе от научно-теоретического хронологического ряда к научно-теоретическому строю. Этот переход не является однократной интегральной акцией, совершаемой в тиши кабинета. Он столь же многообразен, как и процесс творчества.

Видимо, в данном месте уместны также короткие замечания в адрес прагматизма. Отечественные авторы часто отождествляют прагматизм с нагруженным меркантильными моментами эгоистичным отношением к жизни. Недопонимается, что прагматизм (и неопрагматизм) — это весьма солидная философская концепция, призванная придать теории практическую актуальность.

В нескольких предыдущих абзацах нам пришлось встать в позу защитника мэйнстрима. Это было сделано с целью показать, что его критика вне концепции научно-теоретического строя экономической науки малопродуктивна. Отнюдь не любая критика мэйнстрима актуальна.

Проводимый анализ приобретает все более общий характер. В связи с этим представляет интерес статья В. Тарасевича, положения которой он предлагает для дискуссии [173]. Тарасевич считает, что экономическая наука оказалась перед постнеоклассическим вызовом. В развитии науки выделяются три этапа: классический (ровесник Нового времени), неоклассический (две первые трети XX в.), постнеоклассический (последняя треть XX в.). В течение первых двух этапов законодателями моды являлись естественные науки. Теперь же в центр внимания ставятся человекоразмерные универсальные системы, которые в большей степени исследуются в синергетике. «Жестким ядром» фундаментальной экономической науки (ФЭН) остается экономика, но «она должна рассматриваться не столько как способ производства, рынок, народное хозяйство или совокупность взаимодействующих субъектов и объектов, сколько как *сложная человекоразмерная система* с действующим в ней не просто экономическим человеком или даже человеком-личностью, а человеком как космобиосоциальным существом, в котором нераздельны сознательное, под- и бессознательное начала» [173, с. 113].

Пафос этой тирады завораживает, и все-таки, как нам представляется, имеет смысл вернуться с космических высот и глубин бес-

сознательного начала на грешную земную почву, в данном случае экономическую. В порядке введения в тему отметим, что экономисты порой относятся к философам с явной неприязнью. Но, с другой стороны, они же часто воспринимают их идеи без должной экспертизы. В данном случае мы имеем дело со второй тенденцией. Поясним ее суть.

С каждой наукой в процессе ее развития происходят различного рода метаморфозы, наиболее значимые из них принято называть научными революциями. Сколько революций прошли соответственно, например, математика, физика, биология, экономическая наука? Ровно по три, а именно классическую, неоклассическую и постнеоклассическую метаморфозу? Конечно же нет. Общеизвестно, что Евклид превратил математику в науку. Случилось это не в Новое время, а за две тысячи лет до него. Однако этого примера достаточно, чтобы отказаться от представления, согласно которому один и тот же тип наук характерен для вполне определенных исторических эпох. Неправомерно считать, например, что так называемая классическая наука относится всецело к Новому времени. Продолжим математическую линию рассуждений. Математический анализ, неевклидова геометрия, теория множеств — все это революции, которые случились до начала XX в. А сколько их было в XX в.? Число научных революций, а также парадигм зависит от вводимых критериев. Пока еще никто не доказал, что их должно быть ровно три. При желании можно определить всю нерелятивистскую физику классической, но как тогда быть с теорией электромагнитных явлений Максвелла? Неужели она не имеет революционного характера? Мы далеки от мысли считать критерии выделения научных революций произвольными. Мы считаем иначе: революционная поступь науки проходит по теориям. Только в этом случае она получает концептуальное выражение. Это обстоятельство далеко не всегда учитывается любителями универсальных обобщений. Не очень заботясь о внутренней структуре отдельных наук, они придумывают некоторую схему, которая почему-то навязывается ими непременно от имени философии. В итоге последняя предстает как совокупность по преимуществу номинальных, а не концептуальных положений. Слова впечатляют, а их суть — нет. Возьмем на себя смелость утверждать, что создатели триады классическая — неоклассическая — постнеоклассическая наука никак не учитывали структуру экономической науки. В. Тарасевич в своей статье ссылается на П. Флоренского, В.И. Вернадского, ряд философов во главе с В.С. Степиным. Речь идет об уважаемых име-

нах, но не специалистах в области экономической науки. Экономическая наука всегда находилась и будет находиться перед вызовом определенного круга проблем, но они выступают проявлениями именно ее концептуальных достижений и трудностей.

Поясняя ситуацию, обратимся к тезису о якобы космическом характере человека, в том числе как изобретателя и пользователя экономической теории. Сказать вполне нормальному экономисту, в том числе Нобелевскому лауреату, что он не учитывает космическую судьбу человека, значит повергнуть его в недоумение. А между тем суть дела, которая в данном случае представлена в крайне закамуфлированной форме, что и вызывает замешательство, достаточно проста.

Экономист, по определению, является знатоком экономических концепций; все, с чем ему приходится иметь дело, выступает для него в экономическом облики. Политические, социально-общественные, религиозные, природные, в том числе космические, реалии выступают для него представителями экономических ценностей, которые он им вменяет. Космосом как природным объектом занимаются космологи. Если последние предупредят человечество, что к Земле движется астероид, которого во избежание худшего необходимо взорвать серией взрывов водородных бомб, то экономистам придется принять участие в спасательной акции, в частности определить необходимые денежные затраты. Они это будут делать как экономисты, но, разумеется, в сотрудничестве с космологами. Приведенный простой пример показывает, что экономист отнюдь не безразличен к космической судьбе человека. Существенно, что он ее понимает экономически. Экономический человек изначально является космобиосоциальным существом, ему не надо им становиться. Экономист должен учитывать связь им любимой науки с другими науками. Он это делает, как уже отмечалось, посредством ценностного вменения. Требование, которое уместно предъявлять к экономисту, таково: будь максимально сведущим в экономической науке, в том числе и в ее философии, и реализуй междисциплинарные связи.

В. Тарасевич называет фундаментальную экономическую науку философией экономических наук и ждет именно от нее революционных инноваций [173, с. 114–115]. Но философией экономической науки является ее философия, только и всего. Само выделение феномена фундаментальной экономической науки в отличие от нефундаментальной крайне сомнительно. Что же касается революционных инноваций экономической науки, то отметим еще

раз, что их целью является в первую очередь она сама вместе со своей философией.

Параграфы принято завершать заключениями. Следуя этому правилу, отметим, что смысл данного параграфа состоит в том, что концепция научно-теоретического строя придает философской оценке состояния современной экономической науки необходимую концептуальную основательность. В поисках ее то абсолютизируют значимость мэйнстрима, то стремятся наладить его диалог с ему противоречащими системами, то поднимают на щит мнимую альтернативу основному мнению, то одобряют постмодернистский хаос экономической теории, то занимаются поисками инноваций вдали от экономической теории. Все эти попытки приводят к парадоксальным и в этом их качестве неприемлемым выводам. Проблема взаимосвязи экономических теорий нуждается в тщательном философском осмыслении. Бесспорно, что в данном параграфе она не рассмотрена исчерпывающим образом. Достаточно того, что показано, каким образом эта проблема может быть осмыслена на путях концепции научно-теоретического строя экономической науки. Наша главная цель состояла в приобщении читателя, возможно, к малоизвестному ему инструментарию методологического анализа экономической науки.

2.8. МНОГООБРАЗИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Историю развития экономической науки можно представить в следующем виде (табл. 2.3).

Некоторые аспекты табл. 2.3 поясняются в следующих комментариях.

1. Таблица 2.3 приведена для того, чтобы представить историю развития экономической науки в легкообозримом виде. Рассуждая об экономических реалиях, всегда надо иметь в своем воображении экономическое целое. Что касается колонки «Принципы и ценности», то ее назначение весьма скромное — всего лишь сориентировать, так сказать в первом приближении, читателя в концептуальном поле экономической науки.

2. Таблица 2.3 производит впечатление, что экономические теории не образуют единого целого. Это впечатление рассеивается в случае учета различного рода синтезов, «сшивающих» в единое полотно теории, кажущиеся на первый взгляд альтернативными. Приведем на этот счет несколько примеров.

Основные экономические теории

<i>Теории и школы</i>	<i>Годы</i>	<i>Авторы</i>	<i>Принципы и ценности</i>
Меркантилизм	С 1664 г.	Т. Ман, Дж. Стюарт	Металлические деньги
Физиократия	С 1758 г.	Ф. Кенэ, М. Тюрго	Сельское хозяйство
Классическая экономическая теория	С 1776 г.	А. Смит, Д. Рикардо, Дж.С. Милль	Труд как субстанция стоимости, справедливое распределение богатства
Марксизм	С 1859 г.	К. Маркс	Отсутствие эксплуатации
Институционализм В том числе: историческая школа	С середины XIX в.	Ф. Лист, Г. Шмоллер	Единство экономической и социальной жизни, эволюция, мотивации
«старый» институционализм	С 1867 г.	К. Маркс, Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт	Государство как экономический институт, гармония бизнеса и технологии
неоинституционализм	С 1940-х гг.	Р. Коуз, Дж. Стиглиц, Дж. Бьюкенен	Права собственности, оптимальные контракты, трансакционные издержки
новая институциональная экономика	С 1980-х гг.	Дж. Норт, Л. Тевено	Соотносительность экономических институтов и личных интересов экономических агентов
Маржинализм	С 1871 г.	У. Джевонс	Предельные полезность и производительность
В том числе: общая теория равновесия	С 1874 г.	Л. Вальрас, В. Парето	Равновесие как оптимальное состояние
австрийская школа	С 1871 г.	К. Менгер, Л. фон Мизес, Ф. фон Хайек	Субъективная полезность
Теория экономического развития	С 1942 г.	Й. Шумпетер	Инновации, предпринимательская прибыль
Неоклассическая экономическая школа	С 1890 г.	А. Маршалл, Дж. Хикс, П. Самуэльсон	Оптимальное размещение редких ресурсов для удовлетворения потребителей
Новая классика, в том числе теория рациональных ожиданий	С 1970-х гг.	Дж. Мут, Р. Лукас, Т. Сарджент, Р. Холл	Обеспечение оптимума целевых функций экономических агентов с учетом их рациональных ожиданий
Кейнсианство В том числе:	С 1936 г.	Дж.М. Кейнс, Дж. Барро	Фискальная политика государства как средство преодоления «провалов» рынка

неокейнсианство	С 1960-х гг.	Дж. Грей, Н. Мэнкью, А. Лейон-хуфвуд	Влияние коллективных договоров, уровня заработной платы, несовершенной конкуренции на адаптацию цен
посткейнсианство	С 1960-х гг.	Р. Харрод, С. Вайнтрауб, Х. Минский	Контрактные соглашения и система взаимных зачетов как обеспечение успешного функционирования экономической системы в условиях неопределенности
Монетаризм	С 1960-х гг.	М. Фридмен, К. Бруннер, А. Шварц	Влияние денег на функционирование экономики
Теория экономического роста	С середины XX в.	Е. Домар, Р. Солоу	Экономический рост
Эволюционная теория	С середины XX в.	А. Алчиан, Р. Нелсон, С. Уинтер	Иновации в условиях неопределенности
Вероятностная экономическая теория В том числе:			
теория игр и экономической оптимизации	С 1944 г.	Дж. фон Нейман, О. Моргенштерн, Дж. Нэш	Выигрышная стратегия экономического поведения
теория ожидаемой полезности	С 1947 г.	Л. Сэвидж, М. Фридмен, Д. Канеман	Принятие решений на основе учета объективной и субъективной вероятности
поведенческая экономическая теория	С 1947 г.	Г. Саймон, Р. Зельтен	Определение и реализация удовлетворительного варианта поведения в условиях неполной информации
теория экономической информации	С 1961 г.	К. Эрроу, Дж. Стиглер, Дж. Акерлоф	Поиск информации, преодоление нежелательных последствий асимметрии информации
теория человеческого капитала	С 1964 г.	Г. Беккер, Т. Шульц	Эффективность образования

К. Маркс, критикуя классиков, тем не менее считал, что его теория продолжает идущую от них традицию. А. Маршалл соединил маржинализм с классикой. Дж. Хикс объединил неоклассику с кейнсианством в теории, которая не вызвала существенных возражений со стороны Дж. Кейнса. Усилия Хикса были поддержаны многими выдающимися экономистами, в том числе П. Самуэль-

соном, что привело к периоду так называемого неоклассического синтеза. Обычно обращают внимание на то, что неоклассики движутся в сторону кейнсианства, но есть и обратное движение. Современные неокейнсианцы, испытывая неизменный интерес к процессу адаптации цен, явно стремятся к союзу макро- и микроэкономики, не отвергая при этом неоклассическую интерпретацию последней. В этой связи вполне оправданно говорят о неокейнсианском синтезе.

Очень часто теоретический синтез реализуется не посредством объединения теорий, а в процессе переноса из одной концепции в другую основополагающих концептов. Показательный пример: исторически концепт «деньги» восходит к меркантилизму, у Кейнса он находился на одном из передних планов, а затем основатель монетаризма М. Фридмен поставил его непосредственно на первое место. Интереснейшие метаморфозы осуществлены в составе экономической науки с концептом «ожидание». «Позаимствовав» этот концепт у кейнсианцев, неоклассики возвысили его в теории рациональных ожиданий. Кейнсианцы различных школ переняли у неоклассиков идею оптимизации.

3. Связность экономических теорий приводит к появлению экономистов универсального, «многопрофильного» плана. Все более редкими становятся фигуры ортодоксального марксиста, неоклассика, кейнсианца. Й. Шумпетера одни считают безусловным приверженцем неоклассики, другие — ее главным ниспровергателем. М. Фридмен много сделал для утверждения неоклассической доктрины, но его вклад, например, в теорию ожидаемой полезности свидетельствует о том, что он вышел за ее пределы. Прекрасный союз фон Нейман — Моргенштерн, казалось, ничем не угрожал неоклассике, но именно они стоят у истоков новейшего этапа экономической теории, в том числе нового институционализма. Если руководствоваться представлением о научно-теоретическом строе экономической науки, то обсуждаемый феномен современной многопрофильности экономистов не вызывает ни малейшего удивления. Строго говоря, любой экономист относится не к отдельной экономической теории, а к научно-теоретическому строю экономической науки.

4. В предыдущем параграфе отмечалось, что поспешные попытки представить хронологический ряд теорий в так называемых философских обобщениях часто вводят в заблуждение. Мы протестовали против попыток уместить всю современную науку в узкое трехместное ложе: классика — неоклассика — постнеоклассика.

Вопрос ставился так: при различного рода обобщениях следует всячески избегать номинальных определений, т.е. таких, в которых нет концептуальной основательности. В связи со сказанным обратим внимание на следующие три обстоятельства.

Во-первых, следует отметить, что использование приставок нео- и пост- при наименовании экономических теорий позволяет благополучно избежать номинальной опасности. Концептуальное различие соответственно кейнсианства, некейнсианства и посткейнсианства может быть обосновано достаточно строго. То же самое относится к триаде: классика, неоклассика, новая классика (читай: постнеоклассика).

Во-вторых, имеет смысл подвергнуть тестированию научно-теоретический строй экономической науки: *вероятностно-игровая экономическая теория* $\Rightarrow$ *кейнсианство* $\Rightarrow$ *неоклассика* $\Rightarrow$ *классика*. Не произошла ли и в данном случае утрата концептуальной глубины? На наш взгляд, потери концептуальности не произошло, ибо упомянутый выше строй сохраняет жесткую преемственность с хронологическим рядом теорий. Компоненты научно-теоретического строя выделялись в соответствии не с внешними для экономической теории критериями, а как раз в полном соответствии с ее концептуальным устройством.

В-третьих, обилие экономических теорий невольно наводит на естественный вопрос: все ли они органично охватываются научно-теоретическим строем экономической теории? Думается, что да. И вот почему. Меркантилизм и физиократия — это протонауки, не достигшие стадий теоретических систем. В силу этого основания они не должны включаться непосредственно в научно-теоретический строй экономической науки. Что касается институционализма, теории экономического роста и эволюционной теории, то все они «расслаиваются» в соответствии со своими классическими, неоклассическими, кейнсианскими и вероятностно-игровыми интерпретациями.

ГЛАВА 3

ЧТО ЭКОНОМИСТУ ЖЕЛАТЕЛЬНО ЗНАТЬ ИЗ ФИЛОСОФИИ НАУКИ?

3.1. АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

М. Блауг первую часть своей знаменитой книги о методологии экономической науки назвал так: «То, что вы хотели узнать о философии науки, но боялись спросить». Речь идет о довольно забавной ситуации. Экономисту как знатоку экономических теорий философия науки нужна, но знает он ее плохо. Сам экономист не в состоянии создать философию науки, а, обращаясь к философии, он встречается с таким разбросом мнений, который способен вызвать у него разочарование. В многотомных сочинениях по истории философии учения излагаются, как правило, некритически, научные тексты соседствуют с мифологическими и теологическими повествованиями. В абсолютном большинстве курсов по философии науки она почему-то интерпретируется исключительно с позиций плохо продуманных неопозитивизма и постпозитивизма, а это означает, в частности, что за бортом анализа остаются многие актуальные наработки, относящиеся, например, к таким философским направлениям, как феноменология, герменевтика, постструктурализм, постмодернизм. Итак, какая же философия науки нужна экономисту и где ее взять?

Что касается М. Блауга, то он пошел по пути, который характерен для представителя английской философской культуры. Масштабный методолог экономической науки ограничился рассмотрением хорошо известной из философии науки дилеммы: неопозитивизм — постпозитивизм. В значимости ее не приходится сомневаться, но она составляет лишь часть актуальной для экономиста философии науки. Понимая это, мы намерены предложить читателю краткий очерк философии науки, написанный под девизом: не слишком много, но и не очень мало. Нашу задачу мы видим в том, чтобы выявить главные проблемные линии развития философии науки, — те самые, которые, на наш взгляд, либо уже используются в экономической науке, либо начинают использоваться, либо, судя по некоторым тенденциям, будут использоваться. Стремясь помочь читателю максимально задействовать его творческое философское воображение, мы предлагаем его вниманию

широкую панораму теорий. Тому, кто будет недоволен лаконичностью текста, мы осмеливаемся рекомендовать другие наши работы [65, 67].

Оговорим также реализуемый в данной главе метод изложения. В соответствии с рассуждениями, приводившимися ранее при анализе экономических концепций, нам следовало бы сначала построить хронологический ряд, а затем выделить его научно-теоретический строй, возглавляемый концепциями XX в. Но такой метод изложения требует много места, которого в данном случае в нашем распоряжении нет. В создавшихся условиях мы вынуждены пойти на дидактическую «хитрость». Формально способ изложения будет выглядеть как построение теоретико-хронологического ряда, но, по сути, мы будем всегда исходить из его научно-теоретического строя. Это означает, что хронологический ряд теорий будет оцениваться с позиций сегодняшнего дня, в связи с чем уместны предложения типа: «согласно современным представлениям», «в соответствии с современной наукой» и т.д. Описываемый способ изложения допустим также постольку, поскольку приведенные в главе I книги сведения (о принципе теоретической относительности и др.) относятся как раз к научно-теоретическому строю философии науки. Отметим также, что на протяжении всей главы философские положения иллюстрируются на экономическом материале. Это позволяет наметить точки актуального включения потенциала философии науки в экономическую теорию. Итак, первой в хронологическом ряде теорий нас встречает философия науки Античности.

Античная наука нашла своего энциклопедически образованного систематизатора в лице Аристотеля. Обобщая смысл научного поиска античных писателей, он отмечал, что предметом их анализа были четыре рода причин: материальная, движущая, формальные и целевые начала, или первоосновы [15, т. 1, с. 81]. Аристотель — типичный античный мыслитель. Хорошо известно, что в науке самое главное — ее концептуальное содержание, выражаемое прежде всего посредством понятий и законов. Этот аспект дела остался у Аристотеля явно в тени. Он рассуждал о причинах, а не о их концептуальном постижении. В сферу концептуального Аристотель попадал как бы случайно, лишь тогда, когда рассуждал о формах, противопоставлявшихся им платоновским идеям.

Сердцевина античной философии науки — это, бесспорно, проблематика идей Платона и форм Аристотеля. Все античные мыслители стремились разрешить головоломку соотношения единого

и многого, но лишь двум упомянутым выше гениям удалось это сделать в понятийной манере. С учетом этого попытки представить единое в виде материальных субстанций, как-то: воды (Фалес), воздуха (Анаксимен), эфира (Анаксимандр), огня (Гераклит), атомов (Левкипп и Демокрит), бытия (Парменид); движения в образе: вражды и любви (Эмпедокл), борьбы противоположностей (Гераклит), сцепления атомов (Левкипп и Демокрит); цели как: первичного блага (Платон), счастья (Аристотель) — должны быть оценены как явное недопонимание статуса науки, выражающееся в недостатке концептуализма.

Со страниц произведений Платона *идея* предстает как умопостигаемый прообраз чувственно-предметного мира. Вещи причастны идеям. Аристотель понимает *формы* как последнее видовое различие вещей [15, т.1, с. 213]. С высот сегодняшнего дня смысл спора Платона и Аристотеля достаточно очевиден. Платон ориентировался на общее, а Аристотель — на единичное. Согласно же современным представлениям общее и единичное «склеены» друг с другом крепко-накрепко, их невозможно отделить друг от друга. В любой науке используются так называемые переменные величины x_i (например, массы (m_i) в физике, цены (p_i) в экономической теории). Нельзя отделить x от i . Платон увлечен общим (x), которое он обособляет от любого x_i . Аристотель делает акцент на отдельном, i -м x , но не замечает, что, например, x_1 качественно тождественно с $x_2, x_3, \dots, x_n$. Критикуя античных гениев, разумеется, не следует забывать, что именно благодаря им мы оперируем представлением о понятиях увереннее, чем они. Итак, главное достижение античной философии науки состоит в ее понятийной проницательности, которое представлено платоновской концепцией идей и аристотелевской теорией форм.

Заслуживают упоминания еще два урока развития античной философии науки. Первый из них состоит в уяснении условий апоретичности теории, а второй — в так называемом пифагорейском синдроме.

Элеаты Парменид и Зенон являются авторами апорий (буквально: нет (a) щели (поры) в рассуждениях). Быстроногий Ахилл не может догнать черепаху, ибо, пока он достигнет ее нынешнего состояния, она успеет переместиться на некоторое расстояние вперед, и так сколь угодно большое количество раз. С современной точки зрения апории возникают в случае неадекватности теории. Отсюда следует правило: подвергайте те теории, которыми вы руководствуетесь, тесту апоретичности, это — путь к выяснению их

изъянов. Вспомните об экономических парадоксах: низкие цены на очень полезные товары (соль, вода), высокие цены на редкие товары (товары Грифина), случаи невозможности снижения уровня инфляции и пр. Надо не избегать апорий и парадоксов, а стремиться к их выявлению. Все неразвитые теории апоретичны. Топ-теорией является та теория, которая позволяет избежать апорий и преодолеть парадоксы.

Пифагор придал статус субстанций, т.е. первичных, не нуждающихся в объяснении сущностей, числам. В результате он пришел к панматематической позиции. Пифагорейский синдром состоит в абсолютизации математики, в придании ей самодовлеющего значения, в забвении определенности той науки, в которой используется математическое моделирование. В экономической науке пифагорейский синдром проявляется очень часто, но не всегда с ним борются успешно. Порой значимость математики полностью отвергается, но в таком случае снижается уровень концептуальности науки.

Наконец, следует вновь упомянуть Аристотеля постольку, поскольку его имя вписано в историю развития экономической теории. «Все, что участвует в обмене, должно быть каким-то образом сопоставимо. Для этого появилась монета... Все должно измеряться чем-то одним. Поистине такой мерой является потребность» [15, т. 4, с. 156]. Можно привести другие выдержки из текстов Аристотеля, которые указывают на то, что он владел или почти владел понятием цены товара. Но развить экономическую теорию как систему положений он не был в состоянии. К тому же Аристотель отождествлял экономическую теорию с этической, а это недопустимо.

Итак, значение античной философии науки для современной экономической теории определяется прежде всего следующими положениями:

- развитие представлений о концептах как понятиях;
- тестирование теории на апоретичность;
- предупреждение об опасности пифагорейского синдрома (читай: абсолютизации математики);
- выработка двух методов: диалектического (Сократ) — спорьте и иронизируйте друг над другом до тех пор, пока не выявите идеи (читай: понятия), и аксиоматического (Платон, Аристотель, Евклид). Подробнее об этих двух достижениях см.: [65, с. 30–31, 51, 71].

3.2. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Вопреки существующему мнению Средние века отнюдь не являются перерывом в развитии философии науки. В поддержку этого вывода рассмотрим, во-первых, знаменитый спор об универсалиях, во-вторых, теоретический аспект религиозного мировоззрения.

Спор об универсалиях (от лат. *universalis* — общий) имел прямое отношение к основаниям научного знания, ибо, по сути, обсуждалась проблема концептов. В споре участвовали три стороны: реалисты, концептуалисты и номиналисты.

Реалисты (Фома Аквинский и др.) подчеркивали, что общее представляет суть самих вещей. Они продолжали линию Аристотеля, считавшего, что формы присущи самим вещам. Смысл реализма состоит в определенном истолковании природы вещей. Если утверждается, что все тела обладают массой и все массы качественно тождественны друг другу, то налицо реализм. Если же массы признаются качественно нетождественными друг другу, то реалистическая позиция покидается. Реализм характерен для народов, проживающих в континентальной части Европы, но не для, например, англосаксов. Последние считают признаки вещей качественно сходными, но не тождественными. Строго говоря, качественно тождественными и сходными могут быть не вещи, а их признаки. Эта тонкость средневековыми реалистами никак не учитывалась. Реалисты считали, что универсалии присущи и уму человека в качестве понятий. Но представить природу этих понятий сколько-нибудь детально им так и не удалось.

В отличие от реалистов концептуалисты (от лат. *conceptus* — понятие) стремились показать, каким именно образом вырабатываются понятия. Согласно П. Абеляру, понятия выражают результат обобщения в уме сходных свойств вещей. Понятия имеют не онтическое (от греч. *он* — сущее), а сугубо теоретическое значение. Концептуалистам не удалось сколько-нибудь толково объяснить ни критерии выработки понятий, ни вопрос о том, что им соответствует в действительности. Их первейшая заслуга состоит в придании понятиям теоретической значимости.

Номиналисты (от лат. *nomen* — имя), среди которых выделялся своим талантом У. Оккам, умудрились перевести проблематику универсалий, а значит и понятий, в сферу языка. В их интерпретации вся рассматриваемая проблематика исчерпывается представлениями о словесных знаках. Слова часто обозначают совокуп-

ность сходных вещей, только и всего. Они не обозначают какие-либо сущности. Согласно «бритве Оккама» не следует умножать сущее сверх необходимости. Существуют единичные объекты, чувственные знания, словесно-знаковая деятельность человека; не существуют платоновские идеи, аристотелевские формы, универсалии в вещах. Номинализм имеет великие заслуги перед семиотикой — наукой о знаках, но он явно не справился с проблемой наличия всеобщих законов и общих для данного класса вещей признаков (свойств и отношений).

Как видим, средневековые мыслители преуспели в выделении многоуровневости науки. Все вместе они констатировали три уровня науки: вещный, ментальный и языковой. По поводу соотношения этих трех уровней науки они могли сообщить немного. Стремясь показать, что воззрения средневековых философов имеют определенное значение для современных экономистов, обратимся к феномену цены товара.

Сторонники трудовой теории стоимости — типичные реалисты. Они полагают, что стоимость есть признак вещей, а именно овеществленный труд. Маржиналисты отказываются от реалистической точки зрения, для них стоимость есть способность удовлетворить потребность людей. Они находятся между реалистами и концептуалистами. Немало и таких экономистов, которые вообще ничего не сообщают о природе стоимости, — это, надо полагать, номиналисты. Все три точки зрения современных экономистов интересны, но никак не исчерпывают природу стоимости.

Обратимся теперь к урокам развития в Средние века религиозного мировоззрения. Ради определенности сосредоточим наш интерес на христианстве. В этой связи существенными являются следующие моменты. Во-первых, следует определить религию как некоторый образ жизни. Во-вторых, он так или иначе осмысливается, а для этого нужна теория, в качестве которой выступает либо теология (от греч. *theos* — бог), либо религиоведение. В-третьих, теология — это теория о сакральном, святом; следовательно, она не является этикой. В-четвертых, теологии не чужд и этический план поведения людей; так называемая христианская этика понимается в рамках теологии как символ теории сакральности. В-пятых, только религиоведение, но не теология, способно выступать с научных позиций. Теология руководствуется принципами ретроспективизма (обращенности в прошлое: лучшая теория создана в далеком прошлом), догматизма (догматы непоколебимы), дидактизма (назидательности), религиозного символизма (земное есть символ по-

тустороннего), экзегетики (истолкования библейских текстов в горизонтах божественного), экстазма (интуитивно-чувственного постижения мира, потустороннего человеку). Научное религиозеведение противопоставляет: ретроспективизму — принцип научной актуальности; догматизму — критический рационализм; дидактизму — дидактику, теорию обучения; религиозному символизму — семиотику, науку о знаках; экзегетике — научный анализ; экстазму — ментальное и языковое восприятие.

Для дальнейшего исследования существенно, что в Средние века наука выдержала испытание теологией. Постепенно она стала теснить ее все более и более решительно. Наконец, обратимся к вкладу христианской теологии в экономическую науку. В этой связи в курсах истории экономических учений обычно вспоминают о концепции справедливой цены Фомы Аквинского, который перечислил условия оправдания дохода [210, с. 239] и осуждал вместе с другими схоластами ростовщичество. Для предмета нашего интереса существенно, что схоласты использовали определенный метод анализа. Суть его состояла в том, что, не имея возможности исходить из содержания экономической науки, они пытались навязать ей сакрально-этические идеи. Такой метод анализа не мог привести к существенному успеху. Экономическая этика состоятельна лишь в том случае, если она вырастает на базе экономической теории, во-первых, и вступает в координацию с другими этиками, политологической, правоведческой, социологической — во-вторых. Оба эти условия в Средние века едва ли могли быть выдержаны сколько-нибудь строго.

Итак, в экономических горизонтах заслуга средневековой философии науки состоит:

- в достаточно отчетливом выделении трех уровней науки;
- попытке объединить экономическую теорию с этикой.

3.3. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Эпоха Возрождения (Ренессанса) — это XV—XVI вв. Резонно поставить вопрос об объекте возрождения. Едва ли не единодушно все мыслители этой эпохи считали, что возрождались философия, а также литература и искусство Древней Греции. Иначе говоря, возрождались философия и гуманитарные науки, представленные вариантами протополитологии (Н. Макиавелли), протоэтики (М. Монтень), протоэстетики (воззрения великих литераторов

(от Петрарки до Шекспира) и художников (от Рафаэля до Микеланджело).

Более или менее очевидно, что происходило с философией. Она в лице своих лучших античных представителей, а именно платонизма, аристотелизма, неоплатонизма, энергично выводилась из теологии на свет реальной жизни. Возрожденцы не столько выбирали самую действенную из существующих философских систем — (нео)платонизм или аристотелизм, сколько преобразовывали их. В результате были сконструированы основания возрожденческой философии: посюсторонность, антропологический подход, артистизм, авангардизм, гуманизм. Налицо не что иное, как возрожденческая философия в ее собственном бытии. Философия возрождалась, а вот с философией науки дела обстояли плоховато. Вслед за естественно-научными дисциплинами буквально все гуманитарные науки находились в зачаточном состоянии. Но в отсутствие наук философия науки не может состояться.

В интересующей нас области гуманитарных наук наиболее крупными фигурами эпохи Возрождения были, пожалуй, Н. Макиавелли и М. Монтень. Вопреки широко распространенному мнению центральная мысль «Государя» Макиавелли состояла не в правиле «цель оправдывает средства», а в предпочтении общественного блага индивидуальному. «Вдумавшись, мы найдем немало такого, что на первый взгляд кажется добродетелью, а в действительности пагубно для государя (как главного представителя республики. — В.К.)» [105, с. 90–91].

Монтень стремился разработать *естественную* этику. Стремясь к максимальной ясности и простоте суждений, он опасался обращаться к развитым философским учениям и школам. «Мои правила жизни, — отмечал он, — естественны, и для выработки их я никогда не прибегал к учению какой-либо школы» [121, с. 650]. Во главу угла Монтень ставил такие добродетели, как нравственная простота и чистота, порядочность, благородство, отвага, милосердие. Его страх перед теорией у современного исследователя должен вызывать улыбку.

Что касается экономической теории, то она как таковая вообще отсутствовала в эпоху Возрождения, но исподволь создавалась база для меркантилизма XVII–XVIII вв. Вспомним, что *mercante* (торговец, купец) — итальянское слово. Следует отметить, что жизненная ориентация возрожденцев привлекала их внимание к экономической сфере. Обет бедности гуманисты, особенно Л. Валла, отрицали, они последовательно защищали частный интерес, ин-

дивидуализм. Вопреки средневековым моралистам, они были убеждены, что жить непорочно можно не только в бедности, но и в богатстве.

Главная заслуга выдающихся возрожденцев нам видится в том, что они, без устали накапливая фактические данные, подготовили плацдарм для нововременной науки. К сожалению, возрожденцы упустили из виду своеобразие теоретического уровня знания. Быть в науке эмпиристом, пожалуй, необходимо, но не достаточно.

3.4. НОВОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

3.4.1. Галилеанская революция: метод идеализаций

Г. Галилей, по признанию многих экспертов, является основателем теоретической физики. Нам же он интересен не столько как физик, сколько в качестве изобретателя метода идеализаций. Талант Галилея особенно явственно раскрылся в том, что он обнаруживал *общее* там, где другие его просто-напросто не были способны выявить. Галилей выявил качественную одинаковость всех инерциальных систем отсчета, движения и покоя, ускорения падающих в гравитационном поле Земли тел различной массы. Попробуем определить суть галилеанского метода. Она, как нам представляется, состоит в следующем.

Во-первых, физические эксперименты следует проводить так, чтобы они в максимальной степени свидетельствовали о законах, по возможности не обремененных побочными обстоятельствами. Отсюда известное правило: выделяйте явление в «чистом» виде.

Во-вторых, посредством продуктивного воображения надо убрать последние преграды к законам, т.е. осуществить идеализацию. Мысленно можно представить себе, что тела движутся строго равномерно, не испытывая воздействия сил. Здравомыслящий человек будет утверждать, что идеализации огрубляют действительность, искажают ее. Но мыслитель масштаба Галилея понимает, что они к мысленному огрублению действительности вообще не имеют никакого отношения. Они являются способом выделения научных законов. Нет никаких оснований уподоблять часто используемые в науке приемы упрощения научным идеализациям.

Перейдем от механики к экономической теории. Используются ли в ней идеализации? Конечно используются. Приведем на этот счет два показательных примера. Экономисты широко применяют представление о равновесии спроса и предложения. Сугубо экспериментальным путем его установить невозможно. Если поставля-

емые на рынок товары раскупаются, то налицо бóльшая гармония между предложением и спросом, чем в ряде других случаев. Но нет никаких оснований считать, что эта гармония является не чем иным, как равенством. В этой ситуации на помощь как раз и приходит идеализация. Но как и в чем проявляется ее действенность? Теория утверждает, что равенство спроса и предложения, во-первых, возможно. Во-вторых, к нему надо стремиться, ибо в таком случае итоги экономической деятельности оказываются наиболее результативными (эффективными). Экономист делает предположение (в этом и состоит, по существу, операция научной идеализации), имеющее практические последствия, характер которых позволяет утвердиться либо в необходимости идеализации, либо в ее ошибочности. Итак, как выясняется, идеализация есть форма концептуального постижения действительности.

В связи с темой идеализации следует вспомнить о принципах относительности, или инвариантности. Любая наука начинается с принципа относительности, согласно которому все явления постигаются единообразно. Галилей как раз и прославился тем, что установил принцип относительности применительно к инерциальным системам отсчета: они все равноправны, т.е. описываются одними и теми же законами. Экономическая теория также начинается с принципа относительности: все экономические явления подчиняются одним и тем же законам. На наличие в экономической теории принципа относительности (инвариантности) почему-то не обращается внимание. А между тем он есть — это во-первых; и во-вторых, он является опять же результатом идеализации. Кстати, принцип экономической относительности не имеет ничего общего с так называемым экономическим империализмом, который связан с односторонним акцентом на принципе максимизации.

Итак, отметим в качестве вывода, что метод идеализации, инициированный около четырех веков тому назад Галилеем, актуален для современной экономической науки (см. также параграф 4.5).

3.4.2. Ньютонианская революция: истинное как математическое

Галилей заложил краеугольные камни в основание физики, но выстроить здание последней удалось лишь Ньютону. Осуществленный Ньютоном переворот в научном мышлении состоял в осмыслении физических явлений посредством дифференциальных, а также тесно связанных с ними интегральных законов. «Диффе-

ренциальный закон, — отмечал А. Эйнштейн, — является той единственной формой причинного объяснения, которое может полностью удовлетворить современного физика. Ясное понимание дифференциального закона есть одно из величайших достижений Ньютона» [212, с. 81]. Но было еще одно важнейшее нововведение Ньютона, которое, кстати, тесно примыкает к методологическим открытиям Галилея.

Ньютон называл истинным временем и пространством не то, что постигается чувствами, а *математическое* время и пространство [133, с. 30–32]. В отличие от обыденного истинное постигается математически. Добавим от себя: по Ньютону, истинное, т.е. по-настоящему научное, значит математическое. Смысл ньютоновской методологии состоит в том, что идеализация понимается как математизация науки. Смысл идеализации как научного приема в различного рода вербальных разъяснениях всегда сопровождается некоторый ореол таинственности. Ньютон развенчивает его: нет ничего таинственного в идеализации, она выступает как переход к математической форме. Математизация не огрубляет действительность, а выражает ее глубочайший пласт концептуальности.

Сказанное выше о значении идеализации и математизации имеет непосредственное отношение к экономической науке. А. Смит, Д. Рикардо, Дж.С. Милль, К. Маркс использовали неадекватные сути экономического анализа математические средства. Последние были выявлены впервые лишь маржиналистами, а А. Маршаллом им была даже придана каноническая дидактическая, по преимуществу геометрическая, форма.

Современный экономист действует не в манере Галилея, а в стиле Ньютона. Чувственную фиксацию экономических явлений он вписывает в математическую форму. За счет этого как раз и достигается концептуальная глубина.

Итак, в качестве вывода отметим, что, начиная с Ньютона, идеализацию стали осуществлять в науке в форме ее математизации. Важно правильно понимать смысл как научной идеализации, так и математизации (о смысле последней см. также параграф 5.4).

3.4.3. Эмпирицистская методология

3.4.3.1. Британская линия: Бэкон — Гоббс — Локк — Беркли — Юм

Одна из характернейших особенностей философии Нового времени — ее эпистемологическая (греч. *epistema* — знание) направленность, т.е. преимущественная ориентация на теорию познания.

На протяжении столетий неуклонно укоренялось воззрение, согласно которому определенность явлений становится понятной посредством знаний о них. Иначе говоря, пробивал себе дорогу принцип научно-теоретической относительности: научное понимание невозможно без теории.

Эпистемология развивалась в двух основных направлениях, основателями которых были соответственно Фр. Бэкон и Р. Декарт: эмпирицистском и рационалистском. В плане развития эмпирицистской линии особенно преуспели британские авторы, заложившие весьма устойчивые философские традиции, которые характерны для современных философов и экономистов Англии и США.

Чаще всего британские эпистемологи культивировали следующие три подхода: исходным пунктом познания считались ощущения; мысли интерпретировались как результат рефлексивной обработки ощущений; слова и предложения понимались номиналистически, в явном соответствии с философией У. Оккама. Наибольший вклад в развитие нововременного британского эмпирицизма внесли Фр. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Дж. Беркли и Д. Юм.

Фрэнсис Бэкон известен как автор «Нового органа наук» (1620). Название произведения свидетельствует о его антиаристотелевской направленности. Ученики и последователи Аристотеля называли органом совокупность его логических произведений. По Бэкону, для наук о природе требуется новая философия, новый свод правил, органон. Эта идея вполне разумна. Вопрос в том, насколько успешно Бэкону удалось ее реализовать.

Как и Аристотель, Бэкон рассуждал о *формах*, а это означает, что в понятийном отношении он не сумел превзойти своего античного визави. Более успешным был проект Бэкона по развенчанию различного рода идолов, призрачных, а не научных предвосхищений свойств природы. Он полагал, что избежать идолов можно за счет следующих операций. Во-первых, следует исходить из экспериментальных данных. Во-вторых, надо восходить по цепочке: *факты* → *чувства* → *мысли*. В-третьих, следует руководствоваться индуктивным методом. Индукция (лат. *inductio* — выведение) — форма логического вывода, целью которого является постижение посредством восхождения от единичного к единичному же некоторого правила, закона.

Приходится отметить, что реализация Бэконом своего оригинального проекта была весьма далека от удачной. Во-первых, бла-

гое пожелание исходить исключительно из данных опыта невозможно, ибо даже их фиксация предполагает наличие теории. Во-вторых, невозможно перейти от чувств к мыслям (понятиям). Опять же ясно почему: чувства не существуют отдельно от мыслей. В-третьих, сколько бы фактов ни охватывалось индукцией, она никак не позволяет совершить скачок к теоретическому закону, имеющему дело со всеми фактами, а не только с теми из них, которые были охвачены шагами индукции.

Эмпирицистскую эстафету от Бэкона приняли Т. Гоббс и Дж. Локк. В отличие от своего предшественника оба отказались от понимания концептов как аристотелевских форм, которым они противопоставили абстракции. Что именно представляют собой абстракции, постарался объяснить Локк, бесспорно ключевая фигура эмпирицистской методологии. По Локку, познание выступает как процесс наполнения и обогащения сознания, первоначально представляющего собой как бы пустую комнату (*empty cabinet*) или чистую доску (*tabula rasa*), идеями. Локковские идеи — это, по сути, чувственные впечатления. Всегда надо помнить, что с идеями Платона они не имеют ничего общего.

Согласно Локку, чувственные впечатления преобразуются в понятия, поскольку отвлекаются, абстрагируются от тех качеств, которые не характерны для всех индивидов данного рода или вида. Ум удерживает чувственные впечатления лишь тех качеств, которые *сходны* у всех индивидов [99, с. 468]. Существуют только отдельные вещи, но они обладают не общими, а *сходными* качествами [Там же, с. 467–468]. Следовательно, у вещей нет сущностей, подобных тем, наличие которых постулировали Аристотель и Фома Аквинский. Таким образом, Локка нельзя причислить к реалистам. При желании его можно причислить к материалистам постольку, поскольку он принимает, что вещи существуют независимо от сознания людей. В концептуальном же отношении он в качестве приверженца теории абстракций занимает нечто вроде среднего положения между реалистами и номиналистами. Такая же позиция характерна и для Гоббса, заявлявшего, что «в мире нет ничего общего, кроме имен» [44, с. 67].

Теория абстракций неудовлетворительна, опровержение ее дал спустя 200 лет после Локка феноменолог Э. Гуссерль. Почему же она столь живуча, ведь даже многие современные исследователи являются ее сторонниками? Дело в том, что в теории абстракций содержится момент истины: понятия действительно представляют чувства в их одинаковости. Но эта одинаковость достигается не в

процессе абстрагирования, а в результате концептуального постижения, не отказывающегося от учета всех, в том числе и самых нетривиальных, черт чувств и мыслей.

После Локка были Беркли и Юм. Джордж Беркли прославился, как уже отмечалось, своим тезисом *esse est principii*: существовать — значит быть воспринимаемым [22, с. 172]. В этом тезисе явно сказывается недостаток концептуальности. Для современного экономиста существует то, о чем толкует наиболее эффективная экономическая теория. Принципы оптимизации, входящие в состав экономической науки, не воспринимаются, но тем не менее они существуют.

Дэвид Юм, а для экономической теории он представляет значительно больший интерес, чем Беркли, не без энтузиазма продолжил реализацию проекта эмпирицизма: в науке нет ничего, кроме чувственных впечатлений. Он хотел добиться успеха за счет последовательного анализа синтеза чувственных впечатлений. Юм явно желал придать новые импульсы методу индукции, степени которой при желании можно считать за своеобразный синтез. Юму не удалось избежать существенных трудностей, особенно при попытке осмыслить феномен причинно-следственной связи.

Согласно Юму, когда говорят о причинно-следственной связи, то практически имеют дело с некоторой *привычкой* и *верой*. Многократно наблюдая, что *B* наступает после *A*, люди привыкают к этому наблюдению и у них исподволь, незаметно для них возникает вера в причинно-следственную связь, реальность которой в принципе недоказуема. Если *B* следует за *A*, то это не означает, что именно *A* вызвало к жизни *B*. «*Все наши суждения относительно причин и действий основаны исключительно на привычке и вера является скорее чувствующей, чем мыслящей частью нашей природы*» [215, с. 269]. Проект эмпирицизма привел Юма, по сути, к тупику. Сердцевина тогдашней науки — причинно-следственная связь была признана верой и привычкой, а не научно достоверным феноменом.

Установка Локка на эмпирицистскую методологию позволила ему весьма продуктивно включиться в разработку проблем экономической науки. Желание объяснить все эмпирически очевидными фактами привело его к трудовой теории собственности, в рамках которой собственность понималась как *естественное* право человека. В полном соответствии со своим пониманием особой значимости в жизни людей чувственности Локк считал, что «естественная стоимость (*natural worth*) какой-либо вещи состоит

в ее способности удовлетворить потребности или служить удобствам человеческой жизни» [Цит. по: 108, с. 44]. Защищая право собственности, Локк не смог объяснить огромные масштабы экономического неравенства людей буржуазного общества. Как и следовало ожидать, эмпирицистская методология не уберегла Локка от апоретического мышления.

Теоретический статус экономической науки не способны были обосновать ни Локк, ни другой философский авторитет для экономистов — Юм. Оба не владели прагматическим методом.

Исторически известно, что в конечном счете британский эмпирицизм в существенной степени способствовал становлению экономической науки. Как это случилось? Почему его слабые стороны не стали преградой на пути прогресса экономической теории? На наш взгляд, при ответе на этот вопрос следует учитывать следующий ряд обстоятельств.

Эмпирицизм британских авторов не мог не привести их к утилитаризму с его принципом наибольшего счастья для наибольшего числа людей, где счастье понимается как чувственный феномен, близкий к наслаждению. Как известно, в пропаганде утилитаризма больше всех преуспел И. Бентам, настаивавший, кстати, на подсчете величины счастья. На манер ньютоновской механики он приписывал наслаждению и отвращению *силы* соответственно притяжения (привлекательности) и отталкивания (непривлекательности). По Бентаму, наслаждения следовало бы соизмерять друг с другом по их интенсивности, длительности, степени достоверности, времени наступления. Критиками тотчас было замечено, что калькуляция Бентама пригодна для подсчета наслаждений (счастья) не только людей, но и... свиней. Не Бентаму, а лишь Миллю удалось придать утилитаризму известный научно-презентабельный вид [117].

Часто утверждается, что английские утилитаристы являются наследниками гедонизма Эпикура. Это мнение не учитывает, что британский утилитаризм вырос на почве эмпирицистской методологии, в том числе теории абстракций, каковой у Эпикура не было.

Сам по себе утилитаризм вряд ли мог обеспечить успех экономической теории. Показательно возмущение К. Маркса, называвшего Бентама «гением буржуазной глупости» [108, с. 624]. Ориентированный на рационализм Гегеля, Маркс не мог допустить, что решающие экономические новации придут со стороны утилитаризма. И тем не менее это случилось... благодаря математическому

анализу, столь блестяще испытанному в деле моделирования экономических явлений У. Джевонсом и другими маржиналистами. Именно математическое моделирование позволило эмпирицистам успешно оперировать экономическими концепциями. Итак, подведем итоги.

- Для эмпирицистской методологии характерна теория абстракций.
- Опора на чувственность придает эмпирицистской методологии черты экзистенциальной (жизненной) обостренности.
- В моральной области эмпирицизм приводит к утилитаризму.
- Утилитаризм органично смыкается с экономической теорией лишь в случае его дополнения математическим моделированием экономических явлений.

3.4.3.2. Первый и второй позитивизмы

Для полноты картины рассмотрим, во что превратилась эмпирицистская методология в XIX в. Вывод такой: она привела к позитивизму сначала француза О. Конта (первый позитивизм), а затем австрийцев Р. Авенариуса и Э. Маха (второй позитивизм).

Конт полагал, что познание проходит три стадии: теологическую, метафизическую (философскую), научную (позитивную). В соответствии с этими стадиями на смену общественным лицам, каковыми ранее являлись священники и философы, в индустриальную эпоху приходят ученые и промышленники. Программа позитивизма состоит не в ориентации философии на науку, а в ее принижении, в искусственном навязывании ей почерпнутых из науки образов.

Объявив законом трех стадий свои глобальные притязания на определение природы научного знания, Конт оказался перед сложнейшими проблемами, с которыми ему, по сути, так и не удалось справиться. Выяснить природу науки он не сумел даже при условии, что порой выражал неудовольствие эмпирицизмом. Конт понимал научные законы лишь как регулятивные последовательности явлений, данных субъекту в его опыте: мы способны установить, *как* происходят процессы, но не *почему* они происходят. Речь идет об отрицании причинно-следственных связей. Налицо так называемый функциональный подход, который противостоит динамическому, причинно-следственному. Не только Юм, но и Конт не были в состоянии научно осмыслить причинно-следственные отношения, которым, следует отметить, в экономической теории всегда уделяли первостепенное внимание. Дж.С. Милль, который

с восторгом принимал позитивизм Конта, тем не менее, вопреки его методологии, утверждал, что «научное исследование состоит в объяснении следствий из его причин» [116, с. 733]. К функциональному методу обычно тяготеют исследователи, преувеличивающие значение математики. Математическая функция нескольких переменных никак не устанавливает их субординацию. Но в экономическом анализе без учета неодинаковой значимости факторов и мотивов действий людей не обойтись.

Второй формой позитивизма стал эмпириокритицизм (*Empirio-kritizismus*) австрийцев Р. Авенариуса и Э. Маха, которые намеревались «очистить» опыт от всех метафизических (читай: философских) предположений. Законы и психологии, и физики были сведены к ощущениям. До подчеркивания конструктивного характера мышления дело так и не дошло. Заслуживает одобрения желание позитивистов освободить науку от всего наносного, но достойно сожаления, что их так называемая *критика* не была доведена до действительно актуальной философской проблематизации.

3.4.4. Рационалистская методология

3.4.4.1. Рационализм Р. Декарта, Г. Лейбница и И. Канта

В отличие от своих британских коллег основоположники рационалистской методологии француз Р. Декарт и немцы Г. Лейбниц и И. Кант стремились в полной мере учесть потенциал не чувственности, а ума человека. Лейбниц, обвинив Локка в незнании реальных, сущностных определений и в предпочтении им номинальных дефиниций, был во многом прав. Рационалистская методология начинается с идей, под которыми понимаются понятия как мысленные образования, и от них стремится перейти к чувствам и фактам. Налицо такая цепочка: *мысли* → *чувства* → *факты*. В сфере мысли господствует *дедукция* как движение по артериям аксиом и правил вывода к окончательным заключениям. С этими заключениями сверяются чувства в качестве непосредственных представителей фактов.

Рене Декарт прославился своими рассуждениями о необходимости начинать научный анализ с ясных идей. Тщательный анализ его трудов показывает, что под ясными идеями он числил аксиомы математики и в меньшей степени — постулаты физики.

Готфрид Лейбниц на место декартовых аксиом математики поставил аксиомы формальной логики Аристотеля, дополнив их

принципом достаточного основания: «Ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым без достаточного основания» [93, т. 1, с. 418].

Иммануил Кант, не желая быть формалистом, стал исходить из так называемой трансцендентальной (лат. *transcendus* — выходящий за пределы) аналитики. Речь идет об определенной разновидности философской логики, оперирующей категориями количества, качества, отношения (в том числе причинно-следственной зависимости) и модальности. Рассудок содержит совокупность чистых понятий (категорий), посредством которых он может что-то понимать в поставляемых опытом беспорядочных созерцаниях. А переход от чистых понятий к созерцаниям обеспечивает трансцендентальная схема, которая выступает продуктом воображения [69, с. 221, 222]. На основе чистых понятий воображение человека выстраивает созерцания в синтетический ряд. Кант искренне полагал, что именно он благодаря трансцендентальной схеме объяснил возможность науки, ее понятийного характера.

В своих научно-философских построениях Кант встретился с существенными трудностями. Во-первых, он полагал, что философию науки можно развивать фактически независимо от самой науки. Это заблуждение, характерное для очень многих философов, в том числе и современных, приводит к построениям, не обладающим подлинной научной силой. Во-вторых, Кант считал так называемые априорные принципы чем-то самоочевидным (сказывалось влияние Декарта?!): они, дескать, каждому известны. Так, всякий нормальный человек владеет принципами закономерности, способностью различения удовольствия и неудовольствия, абсолютным нравственным законом (поступай в соответствии с высшим моральным долгом), необходимыми для построения соответственно естествознания, эстетики и этики. Он явно не учитывал нетривиальность как наук, так и философии наук. В-третьих, Кант, подобно всем рационалистам, отделял рассудок и разум от чувственности. В результате чувственность постигается формально. Феноменолог М. Шелер спустя более века после Канта назовет его этику жизненно бессодержательной, формальной. Наконец, в-четвертых, Кант хотел, но не сумел выявить своеобразие гуманитарных наук. Он представлял их себе в виде этики и эстетики. Но это философские, а не базовые научные дисциплины. До интересующей нас темы, а именно экономической теории, он так и не добрался.

Какой же основной урок следует из развития рационализма в XVII—XVIII вв.? Любому ученому, в том числе и экономисту, следует руководствоваться:

- философскими категориями (Кант);
- формальной логикой (Лейбниц);
- математикой (Декарт).

3.4.4.2. Рационализм И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля

Проект философии науки вызывал среди лучших немецких философов необычайный энтузиазм, о котором свидетельствуют работы И. Фихте, Ф. Шеллинга и Г. Гегеля. Каждый из них был недоволен Кантом, но, по сути, продолжал его усилия. Все трое желали придать науке подлинный характер за счет не формальной, а философской логики. Иоганн Фихте занялся дедуцированием принципов: 1) Я полагает себя; 2) Я противопоставляет себе не-Я; 3) Я соотносится с не-Я. Фридрих Шеллинг провозгласил тождество субъекта и объекта; без этого, дескать, нет науки, не обремененной произволом субъекта. Наконец, Георг Гегель создает диалектическую логику тождества противоречий, пульсирующей триадами: тезис → антитезис → синтез (качество → количество → мера, сущность → явление → действительность и т.д.).

Фихте и Шеллинг провозгласили себя идеалистами, причем трансцендентальными. Гегель же объявил себя диалектическим идеалистом. Из трех рассматриваемых авторов Гегель, бесспорно, был самым основательным. Исходя из диалектической логики, он пытался последовательно построить все здание науки. Фихте и Шеллинг в своей научной подготовке сильно уступали Гегелю. Неадекватность их научной позиции особенно отчетливо проявилась в их желании использовать в философии науки потенциал искусства (оба были романтиками). И Фихте и Шеллинг не учитывали, что не искусство, а искусствоведение является научной дисциплиной. А оно, вполне возможно, занимает достойное место в мире науки, но не более того. Шеллинг хотел перенести в философию науки категорию символа. Эта попытка ему не удалась, ибо он не владел аппаратом научной семантики, отцом которой стал позднее американец Ч.С. Пирс.

Гегель был убежден, что он в противовес формальной логике создал содержательную, диалектическую логику. Но возникает риторический вопрос: разве можно создать содержательную логику, не используя содержание наук? Беда Гегеля состояла в том, что он

не сумел должным образом распорядиться союзом науки и философии науки.

Внимательный читатель, возможно, подозревает нас в том, что мы выводим его далеко в сторону от экономической науки. Это не так. Без уяснения сути логики Гегеля нельзя понять Маркса, а это уже далеко не безразличная фигура для любого знатока экономической теории. В экономическом отношении британский эмпирицизм доминировал у Дж.С. Милля, а немецкий рационализм — в работах К. Маркса (см. параграфы 4.1 и 4.2).

В качестве вывода отметим, что усилиями Фихте, Шеллинга и Гегеля впереди кантовской трансцендентальной аналитики категорий была поставлена диалектическая логика. В результате основания рационализма приобрели следующий вид: диалектическая логика (Гегель) → трансцендентальная логика (Кант) → формальная логика (Лейбниц) → математика (Декарт).

3.4.4.3. Два варианта неокантианства и *Methodenstreit*

В немецкой философии науки всегда относились с подозрительностью к эмпирицизму и индуктивизму. В середине XIX в. немецкая философия, устремившись в заоблачные дали гегелевского абсолютного духа, потеряла почву под ногами. Недовольные как диалектическим рационализмом Гегеля, так и приземленным британским эмпирицизмом, философы искали новые пути обоснования наук. Так возник призыв «Назад к Канту».

Неокантианство — философское движение 1870—1918 гг. После окончания Первой мировой войны оно потеряло некоторую ранее присущую ему консолидацию. Из всех стран Европы неокантианство было наиболее популярным в Германии, где образовались два его центра: на севере (Марбургская школа) и на юго-западе (Баденская школа). Наиболее видными представителями Марбургской школы были Г. Коген, П. Наторп и Э. Кассирер, а Баденской — В. Виндельбанд и Г. Риккерт. Исторически получилось так, что между марбургцами и баденцами сложилось известное разделение труда: первые оказались более сильными в области логико-математических наук, вторые — в гуманитарной сфере.

А. Марбургская школа

Бесспорным лидером марбургцев был Герман Коген. Главная его новация состояла в обогащении кантианства достижениями математики XIX в. И неевклидова геометрия, и математический анализ, и понятие функции, считал он, являются продуктами свободной деятельности рассудка, а не результатом обобщения чувств-

венных данных посредством образования абстракций. Не чувственность, как полагал Кант при интерпретации возможности арифметики и геометрии, а мышление является первоисточником науки. Вещи и чувства не даны нам, а заданы как загадки. Что они представляют собой, человек узнает на основе науки, рассудка.

Свой научный метод, а он по праву считается априористическим, марбургцы относили ко всей культурной жизни, извлекая его из лона математики и отчасти естествознания. Интересно проследить за тем, как марбургцы пытались приспособить его к специфике гуманитарных наук. Во-первых, они исходили из положения, что основу всех гуманитарных наук составляет этика. Во-вторых, марбургцы опирались на понятие функционального ряда переменных величин, у которого нет окончательного конечного пункта. Отсюда извлекалась этическая формула П. Наторпа и социал-демократического политика Э. Бернштейна: «Движение — все, цель — ничто». В-третьих, они стремились конкретизировать этику посредством использования юридических формул. Разумеется, оставалось в силе требование реформ («движение — все»). В итоге родилась идея постепенного построения общества товарищеской солидарности (Коген и социал-демократ Ф. Лассаль). Вместо классовой борьбы марбургцы предлагали путь постепенных реформ в интересах трудящихся. Ясно, что марксисты и Лассаль, и Бернштейн назвали оппортунистами в рядах рабочего движения.

Строго говоря, марбургцам не удалось подвести под общественные науки сколько-нибудь основательную методологическую базу. Именно по этой причине им не суждено было существенно способствовать развитию экономической науки. Априоризм, постоянно увлекаемый в область этики, якобы автономной от жизненных реалий, было трудно увязать с актуальными задачами экономической науки.

Б. Баденская школа

Самое интересное у баденцев — учение о ценностях. И В. Виндельбанд и Г. Риккерт придерживались убеждения, что для естествознания характерен генерализирующий (от лат. *generalis* — общий), а для гуманитарных наук — идеографический (от лат. *idios* — особенный и *grapho* — пишу), или индивидуализирующий, метод. В первом случае используются понятия, а во втором — ценности. К сожалению, баденцы допустили отнюдь не безобидную перестановку принципов, исходя в своей логике из доминирования в естествознании общего, а в исторических науках — единичного. В этой связи они наукам о природе приписывали закономерности,

а наукам о культуре — *отношения к ценностям*. Правильная же логика состояла в рассмотрении в качестве исходных принципов соответственно метода семантических (описательных) понятий и метода прагматических понятий, т.е. ценностей.

Если бы баденцы не допустили упомянутую перестановку принципов, то они пришли бы к правильному выводу о наличии во всех науках как общего, так и единичного. Известное различие состоит лишь в том, что единичное и общее в естествознании описываются *дескрипциями*, а в исторических науках они понимаются на основе *ценностей*.

«Историческая наука, — утверждал Г.Риккерт, — имеет дело с ценностями лишь постольку, поскольку объект, понятый индивидуализирующим способом, имеет *вообще какое-нибудь* значение для ценности» [154, с. 207]. Но суть дела состоит в том, что ценности позволяют интерпретировать смысл поступков людей. Вопреки баденцам исторические науки интересуются не только единичным, но и общим, именно поэтому в них столь большое внимание уделяется ценностям.

Мысль об эквивалентности «соотнесения с ценностью» и интерпретации посредством ценностей была хорошо известна баденцам. Но они ее отвергли, будучи уверенными, что, как разъяснял их позицию М. Вебер, интерес к историческому индивидууму, например к «Фаусту» Гете или к «Капиталу» Маркса, не выразить родовым понятием [34, с. 450–452]. Мы сталкиваемся здесь с поразительным недопониманием сути метода гуманитарных наук. Разумеется, «Капитал» Маркса неповторим. Верно также, что подведение его под категорию «научно-экономическое произведение» не сулит каких-либо решающих прозрений. Но поставим вопрос по-другому: можно ли понять «Капитал» без ценностей? Очевидно, нет. Более того, выясняется, что эти ценности не могут быть произвольными, их надо взять из арсенала экономической науки. «Капитал» — неповторимый труд, но понимаем мы его посредством тех же самых ценностей (экономических понятий), что и произведения А. Маршалла, Дж. Кейнса и М. Фридмана. Своеобразие культурно-исторического объекта не приходит в противоречие с его концептуальным постижением посредством ценностей. Земля — уникальный геологический объект, но познаем мы его посредством описательных *понятий*. «Капитал», экономика России или США — это тоже уникальные объекты, но они познаются концептуально, т.е. посредством понятий, в данном случае экономических ценностей. Граница между науками о природе и науками

об обществе разделяет не *общее* и единичное, а *семантические* и *прагматические* концепты.

Итак, несомненная заслуга баденцев состоит в том, что они, во-первых, специфику гуманитарных наук связали с институтом ценностей; во-вторых, соотнесли выработку ценностей со способностью практического разума — излюбленного предмета обсуждения их философского учителя И. Канта. Относительно природы ценностей и их измерений баденцы часто высказывались неточно. Но надо иметь в виду, что в учении о ценности они были первоходцами.

B. Methodenstreit

Эпохи грандиозных философских и экономических исследований далеко не всегда совпадают друг с другом. Это обстоятельство затрудняет сопоставление философии и экономической науки. Но бывает и так, что они, неожиданно столкнувшись друг с другом, вынуждены вступить в трудный диалог. Такие события произошли в 1883 г. Именно в этом году опубликовали свои труды основатель австрийской школы Карл Менгер («Исследования о методе социальных наук и политической экономии в особенности») и герменевтик сознания Вильгельм Дильтей («Введение в науку о духе»). На эти два труда оперативно откликнулся довольно резкой рецензией «К вопросу о методологии государственных и социальных наук» глава «новой» исторической школы Густав фон Шмоллер. Как выяснилось, все трое были обеспокоены одним и тем же, а именно методом гуманитарных наук. В отличие от Дильтея Шмоллер и Менгер были экономистами, спор между ними быстро принял довольно ожесточенный характер, во многом обусловленный различием их политических позиций. Шмоллер был одним из официальных идеологов Германского рейха, вызывавшего ненависть у каждого свободолюбивого австрийца, в том числе и Менгера. Разумеется, нас интересуют не политические, а методологические разногласия Шмоллера, Менгера, а также Дильтея.

В интересах дальнейшего исследования нам представляется наиболее целесообразным следующий план. Будут определены исходные позиции методологических дуэлянтов, вычленены актуальные проблемы рассматриваемого спора, намечены пути разрешения этих проблем. Последний момент является центральным. Дело в том, что с современной точки зрения воззрения всех трех авторов далеки от безупречных. Они были скорее в состоянии поставить проблемы, чем разрешить их.

Г. Шмоллер в методологическом отношении принадлежал к очень влиятельному во второй половине XIX в. движению немецкого историцизма (Л. Ранке, Т. Моммзен, Г. Дройзен и др.). Для немецкого историцизма были характерны следующие черты [152, с. 287]:

- замена абстрактных обобщений наблюдением индивидуального характера исторических событий;
- интерпретация истории как творения людей;
- отрицание возможности сведения исторических наук к естествознанию.

Основная проблема историцистов являлась кантианской, необходимо было понять различие, существующее между естествознанием и гуманитарными науками. Но априоризм Канта их не устраивал. В связи с этим они несколько сдвигались в сторону позитивизма Конта и Милля: исследователей должны интересовать конкретные эмпирические факты. Впрочем, утилитаризм британских экономистов немецким историкам был явно несимпатичен. Они не желали быть захваченными исключительно приземленной эмпирией. Но как ее избежать? Устремиться в сторону культуры и этики. Именно это стремление характерно для Шмоллера. Он считал национальную экономику этической дисциплиной или «великой морально-этической» наукой [77, с. 68–69]. Товары, капитал, рынок, обмен, государство — все это числится за экономической наукой, но ее главный предмет другой, а именно этика, культура, общность языка, истории и обычаев. Всеобщее — это дух народа, нации. Не останавливаясь на ряде национальных предрассудков Шмоллера, которые он, впрочем, умел приглушать, обратим внимание на то, как разрешался им важнейший методологический вопрос о соотношении единичного (индивидуального) и общего. Для Шмоллера жизнь каждого человека индивидуальна, а вот дух народа — это общее. Главная его беда состояла в том, что он не понимал статуса экономических понятий.

Для Шмоллера появление работы К. Менгера было явным признаком дискредитации экономической теории в немецкоязычном мире. Менгер вполне сознательно присоединился к философии английских утилитаристов. Свою позицию он считал весьма выверенной и в теоретическом, и в этическом плане. Для представителей австрийской школы политико-этическое содержание их теории состояло в укреплении института свободного рынка как неперемennого условия свободного развития каждой нации [240]. Утверждение Шмоллера, что подлинная экономическая теория не должна

быть абстрактной, закованной в формулы и теоремы, универсальной, не учитывающей своеобразие исторических эпох и наций, Менгеру, равно как и его последователям, представлялось ошибкой историцизма, обусловленной частично методологическими, но еще больше политическими причинами.

Что касается В. Дильтея, то он вслед за известным историком Г. Дройзеном полагал, что природу люди *объясняют*, а духовную жизнь *понимают*. Объяснение предполагает подведение частных случаев под общее (закон). Но что происходит в гуманитарном познании? Дильтей увидел выход из затруднительного положения в цепочке: жизнь — личность и ее мир переживаний — понимание. Жизнь заключается во взаимодействии личностей. Полнота жизни вплоть до ее неразличимых глубин сопутствует личности в ее переживаниях. «... Сопережитое дано в понимании» [55, с. 130]. Дильтей стоял у истоков учения о ценности, которое, как уже отмечалось, целенаправленно развивалось баденцами В. Виндельбантом и Г. Риккертом. Впрочем, в отличие от этих авторов у Дильтея слишком много метафизики переживаний, несовместимой с серьезным отношением к концептуальности, без которой немислима наука. Интересно, что представители австрийской школы признали в Дильтее близкого им по духу исследователя. Надо полагать, они считали принципиально совместимыми защищаемую ими теорию полезности с философией переживаний. Следует, однако, заметить, что *полезность* из маргиналистской теории — это больше чем переживание, она выступает в качестве ценности как концепта.

Для Шмоллера, особенно в последний период его жизни, философия Дильтея была отчасти приемлема, ибо он трактовал ценности как результат функционирования чувств [77, с. 76]. Но он не мог обнаружить у Дильтея самого главного, а именно высоких откровений духа народа. В конечном счете, полагал он, все переживания личности укоренены в этике и культуре народа.

Как нам представляется, для рассматриваемого спора методов, *Methodenstreit*, характерны несколько смешений: абстрактного с конкретным; индивидуального с общим; индукции с дедукцией; длительного исторического с настоящим; философии экономической науки с самой этой наукой. В одних случаях то, что должно рассматриваться как слитное, например единое и общее, расчленяется; в других случаях то, что должно рассматриваться как раздельное, например этика и экономическая наука, некритически объединяется. Проблемы выдвигаются, но не решаются.

Все три спорящие стороны обладали смутными представлениями о характере экономических концептов, т.е. об экономических ценностях. Если бы акцент был сделан на их концептуальной природе, то тотчас бы выяснилась бездумность противопоставления единичного (индивидуального) и общего. Отпало бы обвинение Шмоллера в адрес Менгера, что в его теории нет индивидуального (экономические ценности непременно объединяют в себе индивидуальное и общее). А сам он имел бы возможность встретиться с общим не в туманной этической дали, а в экономической науке, руководствующейся экономическими ценностями. Противопоставление абстрактного и конкретного также надуманно, ибо понятия не являются абстракциями.

Складывается впечатление, что Шмоллер — индуктивист, а Менгер — дедуктивист априорного толка. Но и это различие несостоятельно. Этика Шмоллера, в частности его представление о социальной справедливости и необходимости социализма, отнюдь не следовала из отдельных исторических фактов. И Шмоллер и Менгер придумывали свои концепты таким образом, чтобы обеспечить успех дела экономического развития. Они действовали единообразно, при случае используя дедуктивный вывод. Отзываясь негативно об использовании в экономической науке математики, Шмоллер допускал грубую методологическую ошибку. Эффективность математизации экономической науки значительно выше, чем он предполагал. Настаивая на сопряженности экономической науки и этики, Шмоллер был, несомненно, прав, но он отождествлял их, а это уже ошибка. Экономическая этика конституируется лишь там, где продуктивно и всесторонне проблематизируется сама экономическая наука. Ни Шмоллер, ни Менгер не преуспели в этом. Захваченный многообразием экономических отношений, Шмоллер отказывался допустить, что оно может быть понято концептуально. А между тем это действительно возможно, но для этого нужна значительно более развитая теория, чем та, которая была в распоряжении экономистов XIX в. Основанием многих критических аргументов Шмоллера, инициатора *Methodenstreit*, было противопоставление макро- и микроэкономики. Выступая от имени макроэкономики, Шмоллер, естественно, не мог найти ответы на свои недоуменные вопросы в микроэкономической теории Менгера. Что же касается Дильтея, то его чувственная теория понимания, по сути, не могла помочь экономистам. Подлинная природа концептов гуманитарных наук им так и не была выяснена.

Анализируемый *Methodenstreit* интересен не столько безукоризненными выводами (их, по сути, нет), сколько сочетанием, порой довольно странным, философских и экономических аргументов. Пытаясь разобраться в своем собственном деле, экономистам пришлось обратиться к философии. Шмоллер объединил в своих воззрениях Конта (ибо настаивал на опоре на факты), Канта (в поиске абсолютной этики) и Гегеля (постоянно ссылаясь на дух народа). Менгер объединил английский утилитаризм (развивая концепцию субъективной полезности) с априоризмом Канта (настаивая на чистой, не замутненной прагматическими реалиями экономической теории). Обе стороны в поздний период их творчества терпимо относились к учению о ценностях, стартовавшему у Дильтея и получившему относительно законченный смысловой вид у неокантианцев Виндельбанда и Риккерта, а затем у знаменитого социолога М. Вебера. Кстати, английские маржиналисты в отличие от своих австрийских коллег всегда относились к понимающей философии Дильтея — Вебера крайне отстраненно.

К сожалению, это также необходимо отметить, интереснейшие исследования экономистов-маржиналистов прошли мимо внимания философов, в том числе баденцев. В случае если бы они проанализировали концептуальный состав экономической теории Менгера, то им пришлось бы внести коррективы в свое учение о ценностях, не связывая их статус исключительно с индивидуализирующим (идеографическим) методом.

Отметим в заключение данного параграфа, что в конечном счете неокантианская философия науки сблизилась с экономической наукой. *Methodenstreit* вызвал к жизни целый ряд методологических вопросов, разработка которых привела к философии науки XX в.

3.5. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ XX в.

3.5.1. Неопозитивизм

На рубеже XIX и XX вв. в философии сложилась уникальная ситуация. Она не успевала за бурным развитием наук, особенно математики и физики. Потребность же в ней была очень высокой: ученые разрабатывали необычные вопросы, разрешение которых, например парадоксов теории множеств, без развитой философии оказывалось невозможным. Именно в этих условиях востребованным оказался неопозитивизм, или логический позитивизм. Инициаторами его конструирования были два превосходных логика — англичанин Б. Рассел и немец Г. Фреге. Их усилия, особенно

Б. Рассела, нашли поддержку у двух выдающихся философов — Дж. Мура и Л. Витгенштейна. Рассел, Мур и Витгенштейн образовали кембриджскую группу неопозитивистов.

Центральная идея неопозитивистов состояла в том, что всякая наука опирается на высказывания, а они являются предметом изучения логики. Научный анализ, в том числе и философский, максимально достоверен лишь в том случае, если он логически строг. Логика, точнее логический анализ языка, — ключ к непротиворечивой философии. Вопрос в том, *какая именно* логика нужна для обеспечения успешного развития наук. Логика обыденного языка недостаточно продумана и приводит к многочисленным несуразитцам. Удивляться этому не приходится, ведь даже в математике, часто принимаемой за оплот строгости в науке, парадоксы насчитываются десятками. Необходима такая логика, которая смогла бы справиться и с парадоксами математики, и с различного рода философскими утверждениями неясного содержания. В этой связи Фреге и Рассел решающим образом способствовали развитию математической логики с ее визитной карточкой — логикой предикатов первого порядка.

В науке достаточно часто новая программа нуждается в ярком оформлении, в чем-то вроде манифеста. Эту задачу применительно к логическому позитивизму удачнее других исследователей разрешил Л. Витгенштейн в своем «Логико-философском трактате» (1921). В отличие от Рассела он интересовался больше языком, чем логикой. Размышляя над статусом языка, Витгенштейн выработал ответ на вопрос, который стал для него основным: как язык соприкасается с миром предметов и внутренним миром человека? Он рассуждал следующим образом.

«Мир — действительность во всем ее охвате», «мы создаем для себя картины фактов»; «картина — модель действительности» [38, с. 8]. Картина есть изображение, и в качестве такового она должна иметь нечто общее с изображаемым [Там же, с. 9]. В чем же заключается это общее, ведь ясно, что логические и языковые знаки не похожи на ими отображаемое? Данное обстоятельство, по Витгенштейну, не закрывает путь к обнаружению логики мира. Дело в том, что, и в этом заключается его новация, факты соотносятся между собой так же, как элементы логической картины [Там же, с. 8]. Структура логики аналогична структуре мира. Логика находит непосредственное изображение в языке.

Итак, в виде схемы аргументацию Витгенштейна можно представить следующим образом (рис. 3.1).

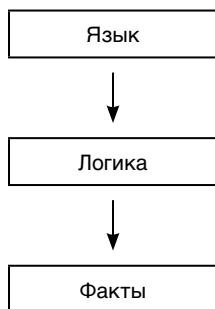

Рис. 3.1. Трехуровневый аппарат Витгенштейна

Логика занимает место центра, она представляет глубинную структуру как фактов и их соотношений, так и языка. Для Витгенштейна факты — это то, с чем имеет дело естествознание, но никак не обществознание. Он уверен, что о всех ценностях, в том числе этических, эстетических и религиозных, нельзя сказать ничего ясного, фактуального, а следовательно, о них лучше *помолчать* [38, с. 12, 25, 70]. По поводу экономической теории Витгенштейн, насколько нам известно, не высказывался. Но, судя по его аргументации, ее научный статус он не признавал.

Самому Витгенштейну его философия науки первоначально казалась предельно ясной и очевидной, но в действительности она содержит массу недоговоренностей. Он ничего не сказал по поводу понятий, исключил из анализа сферу ментальности, полностью проигнорировал статус гуманитарных наук. С учетом сказанного, отдав должное раннему Витгенштейну, резонно обратиться к тем исследователям, которые сумели представить неопозитивистскую философию науки наиболее исчерпывающим образом.

Среди неопозитивистов было немало первоклассных философов: М. Шлик, О. Нейрат, Х. Рейхенбах, К. Гёдель, А. Айер, но даже на их фоне выделялся своими достижениями Р. Карнап. Именно его воззрения резонно взять за основу в дальнейших рассуждениях. Для удобства читателя ниже основные положения неопозитивистской философии науки выделяются курсивными предложениями в начале абзацев. Свою основную задачу неопозитивисты видели во всестороннем обеспечении достоверности научного знания.

Наука начинается с логики. Так считали очень многие неопозитивисты, именно поэтому их называли логическими позитивистами. В первый период своего творчества Карнап потратил много усилий, пытаясь создать особую логику, которая позволила бы по-

строить всю философию науки. В конечном счете он был вынужден отказаться от своего замысла. Как выяснилось, всемерное развите логики и есть то, что необходимо другим наукам.

«Наука начинается с непосредственных наблюдений отдельных фактов» [71, с. 43]. На первый взгляд, смысл приведенного предложения очевиден, но это не так. Оно содержит угрозу соскальзывания в психологизм и в связанный с ним релятивизм. Действительно, наблюдения осуществляются людьми, следовательно, задействуется их психика. Неопозитивисты увидели выход из положения в том, что вместо наблюдений, да и фактов, стали говорить о *предложениях*, которые называли по-разному — элементарными, протокольными, базисными. Их смысл Шлик видел в том, что они не только стоят в начале процесса познания, но и позволяют проверить (верифицировать) предсказания теории [207, с. 45]. Выводы Шлика вызвали к жизни новые вопросы. Если познание начинается с базисных предложений, то каким образом исходя из них приходят к теоретическим фактам? Действительно ли верификация переводит предложения-гипотезы в разряд истинных предложений?

К установлению теоретических законов приближает логическая индукция. Неопозитивисты никогда не отрицали наличие теоретических законов. В противном случае им пришлось бы отказаться от логики, что, разумеется, было для них неприемлемо. Но им было важно не только констатировать наличие теоретических законов, но и показать, каким образом они достигаются. Они считали очевидным, что философия науки должна каким-то образом объяснить механизм научного открытия теоретических законов. Чем в большей степени будет разъяснен этот механизм, тем более ясный вид приобретет наука. Мало утверждать, что научные законы придумываются, надо еще показать, каким образом это происходит. Карнап предпринял весьма неординарную попытку объяснения логики научного открытия [71, с. 71–85]. Он считал, что от свидетельства e к гипотезе h обеспечивает переход так называемая индуктивная, или вероятностная, логика, впервые развитая (внимание!) экономистом Дж.М. Кейнсом [235]. Речь идет о том, что из одного высказывания с определенной вероятностью следует другое. Есть множество случаев, о которых умалчивает дедуктивная логика, когда логическая импликация, следующая правилу «если e , то h », осуществляется с вероятностью $0 < p < 1$. Чем качественнее свидетельство e , и чем их больше, тем ближе p к единице. Карнап пришел к выводу, что нет прямого, достоверного пути от наблю-

дений к теоретическим фактам, но есть стезя, приближающая к ним [71, с. 77]. Он полагал, что вероятности логической импликации (p) можно придать численное значение, но каким образом это можно сделать, Карнап так и не объяснил. Не имея возможности в деталях рассмотреть судьбу карнаповской логики открытия, выскажем осторожное суждение, что она не бессмысленна. К открытию теоретического закона нас приближает не только умело поставленный эксперимент, но и тщательно продуманная логико-вероятностная импликация. Несколько отвлекаясь от анализа неопозитивистской методологии науки, отметим к сведению читателя четыре пути научного открытия: 1) открытие как результат вероятностно-индуктивного рассуждения; 2) открытие как результат абдукции (Ч.С. Пирс); 3) открытие как догадка, которую невозможно обосновать в какой-либо логической форме (Поппер, Витгенштейн); 4) открытие как результат языковой игры (есть основание считать, что такая позиция близка к воззрениям Л. Витгенштейна, Ю. Хабермаса, М. Фуко).

Истинность теоретических законов удостоверяется их подтверждением. Положение о том, что истинная теория должна, по определению, подтверждаться фактами, кажется очень простым, но и оно содержит ряд тонкостей. Первоначально многие неопозитивисты (М. Шлик, Ф. Вайсман), увлекаемые идеалом абсолютно истинной теории, придерживались концепции абсолютной верификации. В свете вероятностной логики от идеала достижимости абсолютно истинной теории пришлось отойти. Как объяснялось выше, предложение наблюдения и формулировка теоретического закона объединены не однозначной, а вероятностной связью. Отсюда следует, что подтверждение лишь вероятностным образом фиксирует истинность теоретического закона. «Никогда нельзя достигнуть *полной* верификации закона» [71, с. 61]. К. Гемпель, внимательнее других неопозитивистов проанализировавший феномен подтверждения теории, отмечал, что если отчет о наблюдении подтверждает гипотезу h , то он также подтверждает каждое следствие из h , равно как и любую гипотезу, эквивалентную h [41, с. 68–69]. Постулату верификации (от лат. *verus* — истина и *facere* — делать) придавалось значение самого основополагающего принципа. Нешуточное замешательство возникло после уяснения постулативного характера принципа верификации: сам принцип верификации непроверяем. Длительное замешательство неопозитивистов было инспирировано их нежеланием признать, что положения теории следует дополнять методологи-

ческими предпочтениями, каковым и является принцип верификации.

С предложениями наблюдения теоретические законы связывают правила соответствия [71, с. 315]. Имеется в виду, что теоретические законы содержат неинтерпретированные термины. Правила соответствия как раз и должны обеспечить интерпретацию последних. Руководствуясь неопозитивистской методологией, рассмотрим, пожалуй, наиболее сложный случай соответствия теоретических и экспериментальных терминов. Речь идет об уравнении квантовой механики: $\hat{A}\varphi = a\varphi$, где $\hat{A}$ — оператор соответствующей характеристики; φ — волновая функция; a — собственное значение оператора $\hat{A}$. В эксперименте фиксируется a , но не φ и $\hat{A}$. Но так как анализируемое уравнение связывает воедино $\hat{A}$, φ и a , то подтверждение a вместе с тем есть и подтверждение φ и $\hat{A}$, которые не фиксируются экспериментально, но тем не менее подтверждаются. Перейдем к примерам из экономической науки.

Все средние и агрегированные величины не фиксируются экспериментально, но они подтверждаются. Другой пример. Оптимизации невозможно зафиксировать как таковые, но они подтверждаются результативными действиями по усовершенствованию экономики. И наконец, пожалуй, самый актуальный случай из области экономической науки. Значения функции полезности невозможно зафиксировать непосредственно, но иногда они считаются подтвержденными, ибо без них нельзя осмыслить стоимостные показатели. В связи с обсуждением правил соответствия уместно коснуться вопроса о так называемой *чистой* и *прикладной* экономической теории. В *Methodenstreit* Г. Шмоллер отрицал первую, а К. Менгер настаивал на ее уместности. Все экономисты, которые не в ладах с наблюдаемыми фактами, непременно объявляют себя сторонниками чистой теории. В соответствии с логикой Карнапа правила соответствия представляют собой органичную часть любой теории, в контексте которой уместны предложения наблюдения. О чистой теории речь может пойти только в том случае, если органическая ткань теории будет разорвана, в результате чего теоретические законы приобретут противоречащую их подлинному статусу самостоятельность. Таким образом, чистая теория — это методологический нонсенс. Критикуя придание чистой экономической теории самостоятельного статуса, Шмоллер был прав. Но он, совершая неочевидную ошибку, пренебрегал вместе с чистой экономической теорией далеко не тривиальным *концептуальным* статусом экономической науки.

Для логико-математических дисциплин характерны аналитические, а для физики — синтетические предложения. В неопозитивизме всегда соперничали два подхода: в качестве образцовой науки принималась либо логика, к которой редуцировалась математика, либо физика, к которой сводились все естественно-научные дисциплины. Карнап зафиксировал различие этих двух подходов в утверждении, что наука оперирует двумя принципиально противоположными по своему статусу типами предложений — аналитическими и синтетическими. Истинность аналитического предложения определяется исключительно значением входящих в него терминов, она не нуждается в подтверждении. Истинность синтетических предложений *подтверждается*. Для логико-математических наук характерны исключительно аналитические предложения. Они входят также в состав всех других наук, впрочем не выражая их специфику. Поясним ситуацию примером из экономической науки.

Предложение «Увеличение уровня безработицы ведет к росту цен» признается истинным лишь в случае его подтверждения; следовательно, оно является синтетическим. Совсем не обязательно снижение уровня безработицы сопровождается ростом цен. Предложение «Снижение уровня безработицы ведет к росту числа занятых в народном хозяйстве» является аналитическим, ибо по определению ясно, что снижения безработицы нельзя достичь без увеличения занятых в экономике людей. Порой аналитические предложения признаются тавтологиями. Но следует учитывать, что в отличие от тавтологий аналитические суждения могут приводить к росту актуального знания. Если бы дело обстояло по-другому, то математики и логики перестали бы доказывать столь излюбленные ими теоремы. Деление предложений науки на аналитические и синтетические актуально постольку, поскольку оно фиксирует разнотипность наук. В философии науки очень часто хотят обойтись универсальными рецептами там, где они в принципе не способны учесть многообразие наук. Разумеется, карнаповская классификация предложений явно недостаточна для выражения своеобразия всего спектра наук. Хорошо уже то, что пусть недостаточно, но тем не менее учитываются особенности определенных наук.

На наш взгляд, существует более продуктивная классификация научных предложений, чем карнаповская, а именно: есть все основания выделять синтаксические, семантические и прагматические предложения. Аналитические предложения — это синтаксические предложения. Синтетические предложения — это семантические предложения (семантика нуждается в феномене подтверждения).

Беда Карнапа состояла в том, что, не будучи знатоком гуманитарных наук, он не учитывал их специфику и в результате не выделял *прагматические* предложения. Именно к этому типу предложений относятся все предложения с экономической спецификой, о которой уже много было сказано в предыдущих текстах.

В науке есть точки произвольности [153, с. 57]. Еще в 1934 г. Карнап провозгласил принцип толерантности. «В логике неуместна мораль. Каждый может строить свою собственную логику, т.е. свою форму языка, так, как он пожелает» [220, с. 45]. Провозгласив вначале максимальный либерализм в приверженности к той или иной теории, Карнап затем стал его ограничивать. Со ссылкой на Пуанкаре он утверждал, что должна избираться наиболее простая теория [71, с. 224]. Принцип толерантности переводится Карнапом в плоскость принципа конвенционализма, который увязывается с принципом простоты.

Спор о конвенционализме принял в науке XX в. особенно острые формы в связи с тем, что общую теорию относительности (теорию тяготения) можно строить, используя аппарат как евклидовой, так и неевклидовой геометрии. Ясность в спорную ситуацию внес еще один, наряду с Карнапом, гений неопозитивизма, Х. Рейхенбах. Им было выяснено, что в случае использования евклидовой геометрии в составе общей теории относительности появляются универсальные силы, которые... невозможно зафиксировать экспериментально, т.е. их наличие не подтверждается. Погоня за простотой (евклидова геометрия, дескать, проще неевклидовой) приводит к негативным последствиям, а именно к утрате теорией своей концептуальной зрелости. В любой науке, в том числе и экономической, принцип концептуальной зрелости не терпит чуждого ему доминирования, в частности, принципа простоты, тем более что его статус не прояснен должным образом.

Содержательный анализ, проведенный Рейхенбахом, не привел к отказу от конвенционализма. Он лишь показал неуместность его грубых форм. Рейхенбаху удалось найти такие в высшей степени нетривиальные научные сюжеты, в которых нет возможности выбора между теоретическими предположениями. «Освобождение от произвольности описания природы достигается не наивно — абсолютным ее отрицанием, но только признанием и определением точек произвольности» [153, с. 56]. Если в приведенной цитате заменить слова «описание природы» на выражение «понимание экономической жизни», то, на наш взгляд, получится актуальное для научного творчества эвристическое предписание.

Наукам нужна философия науки, а не метафизика. Неопозитивисты отрицали метафизику как учение о таких причинах, которые достижимы, но не научными методами. Они никогда не ставили знак равенства между метафизикой и философией науки. Известная недоговоренность тем не менее оставалась. Резкий на выводы Л. Витгенштейн отмечал: «Результат философии не “философские предложения”, а достигнутая ясность предложений» [38, с. 24]. Если вопреки ему считать философию совокупностью предложений, то они окажутся и не аналитическими, и не синтетическими. Витгенштейн назвал бы их бессмысленными. Карнап с таким выводом вряд ли согласился бы. Судя по его произведениям, умудренный опытом, он пришел к выводу, что всякая наука обладает некоторыми *основаниями* и они как раз и образуют философию данной науки. Что именно представляют собой эти *основания*, он не разъяснял. Попробуем это сделать за него. На наш взгляд, философские предложения не только уместны, но и необходимы постольку, поскольку в них ставятся и разрешаются проблемы. А это означает, что они конечно же не являются бессмысленными. Философские предложения имеют не аналитический и не синтетический, а проблемный и метанаучный характер. Если мы ставим вопрос: «Имеют ли место в экономической науке теоретические конвенции?», то налицо философское и к тому же проблемное предложение. Ответ на вопрос будет философским.

Итак, неопозитивизм сумел развить интереснейший вариант философии науки, который сохраняет актуальность по сегодняшний день.

3.5.2. Постпозитивизм К. Поппера и критика неопозитивизма

Переходим к поиску слабых мест в неопозитивистских построениях. В этой связи лучшим адресатом является философия постпозитивиста К. Поппера. Кажется, нет ни одного положения неопозитивизма, которое бы Поппер не подверг жесточайшей критике. В современной философии науки постпозитивизм Поппера котируется столь высоко, что его резонно считать не просто отдельной теорией, а, пожалуй, целым направлением. Разумеется, желательнее определить основания философствования Поппера. На наш взгляд, они являются следующими.

- Центральная задача философии — познание мира [147, с. 35].
- Познание мира осуществляется в форме научных теорий: «теории — это сети, предназначенные улавливать то, что мы

называем “миром”, для осознания, объяснения и овладения им» [147, с. 82].

- Подлинное познание реализуется как рост научного знания, как смена теорий [147, с. 50].
- Метод обеспечения роста научного знания состоит в «четкой формулировке обсуждаемой проблемы и критическом исследовании различных ее решений» [147, с. 36].
- Критический анализ имеет дело с проблемами, которые в случае научно-эмпирической теории выступают как противоречия теории и экспериментальных фактов.

Исходное звено всех рассуждений Поппера — теория. Просто удивительно, к скольким нетривиальным новациям приводит такая позиция. На первый взгляд кажется, что она вполне приемлема для неопозитивистов, но это не так. Неопозитивист, будь то Витгенштейн или Карнап, начинает философию науки либо с логического анализа языка, либо с предложений наблюдения. Поппер с такой постановкой вопроса категорически не согласен. Дело в том, что теория господствует и над экспериментальной работой, и над языком [147, с. 143, 148]. То и другое интерпретируется в свете теории. Поппер исходил тем самым из принципа теоретической относительности. Тезис о господстве теории над языком Поппер не стал развивать, а вот с неопозитивистским пониманием базисных предложений как выражений фактов он расправился самым решительным образом.

Согласно Попперу, неверно, что научное познание начинается с фактов, их наблюдений и описаний, ибо и первое, и второе, и третье теоретически нагружены. Кажется, что аргументацию Поппера можно опровергнуть следующим образом. Если факт не объясняется теорией, то он независим от нее и, следовательно, тезис о теоретической нагруженности фактов несостоятелен. На это Поппер ответил бы, в нашей реконструкции его воззрений, следующим образом. Теоретическая нагруженность факта F означает, что он непременно определенным способом интерпретируется, а это невозможно без теории. Если интерпретация противоречива, то это не означает, что она отсутствует. Противоречивая интерпретация, будучи с точки зрения рациональной дискуссии невыносимой, свидетельствует о необходимости смены старой теории (T_1) новой (T_2). Поппер полагал, что со своей концепцией фактов и базисных предложений неопозитивисты не в состоянии избежать ловушки психологизма [147, с. 131]. Если базисные высказывания не интерпретируются теоретически, т.е. посредством универсаль-

ных предложений, то они непременно выступают формой чувств, а это как раз и ведет к психологизму как негативному с научной точки зрения явлению.

Любая теоретическая система, если лишить ее основания, рухнет как картонный домик. Поппер стремился подтвердить это правило в своей критике неопозитивизма. Отрицание фактуального базиса науки тотчас же ставит под решающее сомнение и феномен подтверждения теории, и, следовательно, и верификацию, и индуктивный метод (восходить к теории не от чего), и различие (демаркацию) научного и ненаучного знания, и даже тезис об истинности научной теории.

Раз верификация теории фактами невозможна, то имеет место нечто другое, чем верификация, а именно фальсификация (опровержение). Базисные предложения способны фальсифицировать, опровергать теорию. Существует явная асимметрия между верификацией и фальсификацией. Если даже признать возможность подтверждения, то тем не менее ясно, что *универсальное* предложение никак не может быть обосновано конечным числом подтверждений. С другой стороны, всего одно базисное предложение способно опровергнуть весь теоретический закон.

Поппер вместо подтверждения использовал представление о *подкреплении* теории. Подкрепление теории придает ей не истинность, а лишь устойчивость, укрепляет ее. Он признавал наличие *степени* подкрепления, но ставил ее в зависимость от степени фальсифицируемости: «Гипотеза, которая фальсифицируема в более высокой степени или более проста, также и подкрепляется в более высокой степени» [147, с. 212]. Лучше всего подкрепляются наиболее точные теории. Хироманты и гадатели также оперируют теориями, но такими, которые в силу их расплывчатости не подкрепляются. Поппер иронизировал над неопозитивистами: раз вы считаете наилучшими наиболее вероятные теории, то, по сути, поддерживаете позиции хиромантов и гадателей, т.е. людей, руководствующихся ненаучными теориями.

Методологическая позиция Поппера вынуждает его отказаться от традиционного понимания концептов «истинно» и «ложно»: «Вместо того, чтобы говорить: “Предсказание p истинно при условии теории t и базисного высказывания b ”, мы можем сказать, что высказывание p следует из (непротиворечивой) конъюнкции t и b . Фальсификацию теории можно описать аналогичным образом. Вместо того, чтобы назвать теорию “ложной”, мы можем сказать, что она противоречит определенному множеству принятых базис-

ных высказываний» [147, с. 221]. Суть предложения Поппера состоит в том, что на место смутного представления о *соответствии* (что это такое?) теории фактам ставится *выведение* из теоретических высказываний базисных. Поппер полагал, что он придал адекватное содержание теории семантической истины Тарского [174], который, несмотря на новаторство своих воззрений, продолжал придерживаться теории абсолютной истины [147, с. 221]. А между тем само представление об истине излишне, а если даже допустить правомерность его, то по крайней мере надо отказаться от принятия возможности *абсолютной* истины.

У Поппера связь между теорией и базисными предложениями обеспечивает не индукция, а исключительно дедукция. Поэтому он объявлял себя сторонником гипотетико-дедуктивного метода. Теории — гипотезы, от которых приходится отказываться в случае их фальсификации. Метод индукции — иллюзия, ибо переход от сингулярных высказываний к универсальным в принципе невозможен.

Теории, которые в принципе нефальсифицируемы, в силу их изолированности от фактов не удовлетворяют признаку научности. Демаркация между наукой и ненаукой возможна, причем исключительно благодаря фальсификации [147, с. 62].

Альфой и омегой методологии Поппера является феномен теории как совокупности универсальных высказываний, т.е. высказываний, относящихся ко всем элементам данного класса. Кажется резонным поставить вопрос о научном открытии теорий. Поппер не избегал его. Он полагал, что «каждое открытие содержит “иррациональный элемент” или “творческую интуицию” в бергсоновском смысле» [147, с. 52]. Поппер брал себе в союзники Эйнштейна с его утверждением, что универсальные законы «могут быть получены только при помощи интуиции» [Там же]. Прокомментируем позицию Поппера.

На наш взгляд, она непоследовательна: недопустимо предпосылать что-либо исходному звену, теории, в данном случае методологии науки. Если ты начинаешь с теории, то непоследовательно ей предпосылать интуицию. Начиная с бергсоновской интуиции, невозможно заполучить попперианство. Вопрос «Но теории же открываются?» лишь на первый взгляд кажется вполне правомерным. При другом мнении следует спросить: «А каковы основания интуиции?» Согласно Попперу, «наш взгляд на мир в каждый данный момент неизбежно пропитан теорией» [147, с. 582]. Надо полагать, и интуиция тоже. Значит, начиная построение науки с

интуиции, мы уже оперируем теорией. Итак, вырисовывается следующее положение дел. Рождение человека было рождением теоретического человека. А далее, если оставаться в рамках методологии Поппера, запускается содержательный процесс роста научного знания, приводящий к замене старой теории новой. Таким образом, путаных и невразумительных рассуждений об интуиции можно избежать.

Поппер давал повод считать, что рост научного знания начинается не с теории, а с проблем. Он приводил схему

$$P_1 \rightarrow TT \rightarrow EE \rightarrow P_2. \quad (3.1)$$

Мы, дескать, начинаем с некоторой проблемы P_1 , переходим к предположительной теории TT , если надо, подвергаем ее процессу устранения ошибок EE , это приводит к новой проблеме P_2 [147, с. 455]. Но исходная проблема ведь тоже теоретически нагружена, она в конечном счете представляет собой не что иное, как коллизию между теорией и базисными предложениями. В простейшем виде проблему можно представить формулой

$$P \equiv T \perp S,$$

где T — теория, в рамках которой формулируется проблема; S — базисное предложение; $\perp$ — знак коллизии, несогласованности T и S . С учетом сказанного относительно природы проблем формулу (3.1) можно записать таким образом, что полностью реабилитируется основополагающее значение теории (читай: принципа теоретической относительности):

$$T_1 (P_1^1) \rightarrow EE \rightarrow T_2 (P_1^2) \rightarrow T_2 (P_2^2). \quad (3.2)$$

Мы начинаем с проблемы P_1 в рамках T_1 , а затем переходим к P_1 в рамках T_2 (верхний индекс показывает на теоретическую принадлежность проблемы) и т.д.

Переход от одной теории к другой не укладывается в дедукцию, но он и не выступает как необъяснимое озарение. Изобретение новой теории — многоступенчатый, а не одношаговый процесс. О нем каждый ученый может рассказать очень многое.

Итак, Поппер сумел противопоставить неопозитивистской методологии науки свою, которую принято называть постпозитивистской. В следующем параграфе будет сделана попытка частичного примирения двух методологий. Заодно они будут представлены в легкообозримом виде.

3.5.3. Можно ли примирить Карнапа с Поппером?

Сравнение неопозитивизма и постпозитивизма приводится в табл. 3.1.

Таблица 3.1

Неопозитивизм и постпозитивизм

№ п/п	Неопозитивизм	Постпозитивизм
1	Наука имеет теоретический характер	Верно
2	В экспериментальные науки входят теории и факты	Верно
3	Базисом науки являются факты	Неверно. Базисом науки являются теории, точнее, проблемы в их составе
4	Факты фиксируются органами чувств и выражаются базисными предложениями, они не зависят от теории	Неверно. Базисные предложения науки выводятся из теорий. При фиксации фактов чувственный компонент имеет вторичное значение
5	Благодаря вероятностной индукции восходят от фактов к теории	Это иллюзия
6	Объяснение фактов предполагает подведение сингулярных высказываний под универсальные	Верно. Гипотетико-дедуктивному способу объяснения нет альтернативы. Объяснение фактов предполагает использование теорий-гипотез
7	Теория нуждается в проверке	Верно
8	Теория подтверждается	Неверно. Теория подкрепляется
9	Наука имеет дело с фактами	Неверно. Наука имеет дело с проблемами
10	Теория должна соответствовать фактам	Неверно. Из теории должны выводиться базисные предложения
11	Теория верифицируется	Неверно. Она фальсифицируется
12	Научное знание отличается от ненаучного	Верно. Всегда можно провести границу между научным и ненаучным знанием
13	Отличить научное знание от ненаучного позволяет верификация	Неверно. Указанное отличие позволяет провести фальсификация теорий и их сравнение друг с другом
14	Наука начинается с логического анализа языка	Логический анализ языка — один из моментов научного знания
15	Цель науки — добиться ясного знания	Сказано неточно. Цель науки — обеспечить рост научного знания
16	Теоретические законы с предложениями наблюдения связывают правила соответствия	Неверно. Указанная связь определяется выведением из законов предложений, которые сопоставляются с описаниями фактов

№ п/п	Неопозитивизм	Постпозитивизм
17	Мы выбираем ту теорию, которая истинна, соответствует всем фактам	Неверно. Мы выбираем ту теорию, которая лучше других выдерживает конкуренцию с другими теориями [147, с. 144]
18	Мы выбираем ту теорию, которая проще, удобнее и соответствует другим эстетическим критериям	Неверно, уловка конвенционализма несостоятельна. Мы выбираем теорию, которая лучше других выдерживает проверку (читай: фальсификацию) [147, с. 145, 245]
19	Человек часто ошибается. Устранение ошибок ведет к максимально достоверному знанию, такому, которое не нуждается в критике	Сказано неточно. Из учения о погрешности знания нельзя сделать вывод о возможности достоверного знания. Нам всегда надлежит, критикуя теории, извлекать уроки из ошибок [147, с. 387–388]
20	Методология не является самостоятельной философской дисциплиной	Отрицание самостоятельности методологии несостоятельно [147, с. 75]. Без нее невозможно обосновать статус научной теории

Приведенные выше два десятка положений показывают, что между методологией не- и постпозитивизма есть много точек соприкосновения. Постпозитивизм стоит на плечах неопозитивизма. Выдающееся достижение Поппера заключается в том, что он первым осознал подлинное значение двух основополагающих методологических принципов — принципа теоретической относительности и принципа роста научного знания. В составе неопозитивизма им нет разумной альтернативы, а потому аргументы Поппера были весомее, чем рассуждения его оппонентов. Соотношение не- и постпозитивизма не таково, что непредвзятому исследователю необходимо осуществлять между ними мучительный выбор. Его можно осуществить, и тогда во многих отношениях предпочтительнее постпозитивизм. Но более эффективная методологическая позиция состоит в выстраивании существенного фрагмента философско-методологического строя философии науки в форме единства двух вариантов философии науки: *постпозитивизм* → *неопозитивизм*. Именно оно позволяет учесть одновременно достоинства обеих методологических программ.

Разумеется, не следует считать, что в строе *постпозитивизм* → *неопозитивизм* все приведено в состояние уравновешенности, исключаяющей точки роста. Одна из них связана, на наш взгляд, с определением статуса метода вероятностной индукции. Поппер

этот метод решительно отрицал. При этом он основной мишенью своих атак избирал Дж.М. Кейнса [147, с. 216–219]. Это имя в рамках данной книги, разумеется, привлекает особое внимание, ведь речь идет о выдающемся экономисте.

Суть аргументации Поппера состояла в том, что предложения наблюдения теоретически нагружены, а потому от них не к чему восходить. Но, возможно, это утверждение содержит определенный изъян. Восходить есть куда, а именно от теории T_1 к теории T_2 . Допустим, в распоряжении исследователя имеется совокупность предложений наблюдения $e_1, e_2, \dots, e_n$, которые изначально понимаются в рамках теории T_1 , т.е. являются $e_1^1, e_2^1, \dots, e_n^1$. Возникает вопрос: можно ли от последних перейти к новой теории T_2 , отличной от T_1 ? Практика научных изысканий показывает, что исследователь выдвигает ряд гипотетических теорий, допустим T_2, T_3, T_4 , каждую из них сверяя с $e_1^1, e_2^1, \dots, e_n^1$. В итоге у него получается ряд все более истинностных в вероятностном отношении теорий:

$$e_1^1, e_2^1, \dots, e_n^1 \rightarrow e_1^2, e_2^2, \dots, e_n^2 \rightarrow e_1^3, e_2^3, \dots, e_n^3 \rightarrow \text{и т.д.}$$

Успешной считается лишь та гипотетическая теория, которая позволяет непротиворечивым образом проинтерпретировать смысл всех предложений наблюдения. На наш взгляд, рано ставить крест на методе вероятностной индукции.

Что касается Кейнса, то он, судя по его трактату о вероятности, испытывал тягу к неопозитивизму. Размышляя над методологией Кейнса, мы обратили внимание на следующее обстоятельство. Он, как известно, непременно ставил в центр своего анализа «предположения о будущем» [73, с. 225]. Но как мы делаем предположение о будущем? Очевидно, руководствуясь тем или иным теоретическим законом L . Но вот что удивительно. Обеспокоенность будущим, как правило, столь велика, что вольно или невольно сам этот закон подвергается экспертизе: никто не желает слепо подчиняться его диктату. Иначе говоря, предвосхищающий будущее предпочитает разные сценарии не только в рамках уже известных законов, но и при новых законах. Возможный мир включает не только события, но и спектр законов h . Какой из них более вероятен — вот в чем вопрос. Сама постановка этого вопроса вынуждает возвратиться к методу вероятностной индукции и его изобретателю Дж.М. Кейнсу.

Итак, можно и следует ли примирять Карнапа и Поппера? Их не надо мирить, их следует понять лучше, чем они сами себя понимали. Имея это в виду, приходится обращаться к методологическому строю философии.

3.5.4. Прагматический аналитизм У. Куайна

Для нео- и постпозитивизма характерно исключительно внимательное отношение к основаниям науки. Эту традицию, бесспорно заслуживающую всесторонней поддержки, пожалуй, с наибольшим энтузиазмом поддержал американский аналитик Уиллард Куайн. На американской почве европейским нео- и постпозитивизму был придан весьма специфический, а именно прагматический, вид. В результате вся философия науки окрасилась в прагматические тона. Последствия этого явления, как нам представляется, оказались отчасти как негативными, так и позитивными. Их неоднозначность объясняется прежде всего тем, что прагматический подход актуален для гуманитарных, но не для многих других наук, в том числе естествознания. Как бы то ни было, аналитическая философия в американском изложении представляет в контексте данной книги значительный интерес.

По Куайну, наиболее бесспорные основания философствования сводятся к следующим [83, с. 40–41]: а) возбуждение чувственных рецепторов человека; б) язык как интересубъективная социальная система знаков; в) избирательное поведение людей в различных ситуациях. Он стремился освободить философию науки от тех допущений, которые не выдерживают критики. В противоположность традиции, идущей от Локка, Куайн не признавал так называемый внутренний опыт, рефлексии, или же нечто аналогичное ей, например мышление. Ничего вразумительного сказать о внутреннем опыте человека не удастся, всякий раз выясняется, по Куайну, что сказанное касается соотношения чувственных реакций, языка и поведения. И только четвертого не дано. Так как Куайн отрицал внутренний опыт человека, то его эмпиризм оказался более радикальным, чем у наследников Локка, в том числе всех неопозитивистов. По указанному основанию философию Куайна часто называют *радикальным эмпиризмом*. Этой характеристике философии Куайна не следует придавать слишком большое значение. Тексты Куайна свидетельствуют о том, что центральное значение из трех вышеуказанных оснований философствования он придавал языку. Его философия — это скорее лингвицизм, чем эмпиризм. Разумеется, этот лингвицизм вполне определенного толка, а именно эмпирического и поведенческого, т.е. речь идет об эмпирико-бихевиористском лингвицизме. Куайн объявлял себя сторонником прагматизма Дж. Дьюи, для которого «значение не является психической сущностью, оно является свойством поведения» [83, с. 40]. Но между Дьюи и Куайном есть существенное различие. Первый

акцентировал свое внимание на поведении, а второй — на языке. Почему Куайн не восходил от чувственных реакций на ситуативные стимулы к языку и поведению? Потому что сами люди вынуждены, как считал Куайн, на свой страх и риск конструировать систему мира, которая ориентирована на язык в большей степени, чем на чувства. С редкой последовательностью Куайн пытался реализовать избранную им методологию лингвистического прагматизма. Многие его выводы оказались весьма неожиданными.

Непостижимость референции [82, с. 339]. Референция как обозначение объектов словами и другими знаками кажется вполне очевидной операцией. Но выясняется, что это не так. Даже в случае остенсивного определения, указывания на что-либо не ясно, на что именно указывается — то ли на все тело, то ли на его часть, а если на часть, то какую. Многим словам, в частности союзам, предлогам, междометиям, остенсивные определения вообще противопоказаны. Итак, референция как самостоятельный акт, не опосредованный языком, в принципе невозможна. Несостоятельность референции кладет конец «мифу о музее», согласно которому каждому объекту соответствует слово. Как нам представляется, куайновская критика наивного понимания референции весьма актуальна.

Фундаментальными элементами семантики являются не слова, а предложения [82, с. 323]. Куайн подметил, что многие термины, опять же можно вспомнить о союзах, предлогах, местоимениях типа «тот», «который», получают экспликацию не сами по себе, а в составе предложений. Он пришел к выводу, что значения слов зависят от значения предложений. Слово — это предложение, редуцированное настолько, что получается абсурд. Наш пример: осмысленным является предложение «*x* есть *p*», но не «*x* есть» или «*есть*» или «*p*».

Существовать — значит быть значением связанной переменной [82, с. 328]. Поведение человека не может обойтись без интереса к тому, что признается существующим. Но что именно признается существующим? Сильно упрощая аргументацию Куайна, но сохраняя ее существенные моменты, обратимся к пропозициональной функции «*x* есть *p*». Существующим признается только такое *x*, которое удовлетворяет предложению «*x* есть *p*». Итак, существовать — значит быть значением связанной переменной. Такой вывод прекрасно координирует с логикой предикатов, в которой используются кванторы, в частности квантор всеобщности. Все научные

законы можно записать в кванторном виде. Итак, в науке принимаются не любые объекты, а лишь те, которые выступают значимыми введенными нами переменными.

Принцип онтологической относительности: онтология определяется, во-первых, конкретной теорией, во-вторых, способом перевода предпосылочной теории в другую [83, с. 59]. Что мы принимаем за объекты? Этот вопрос связан с языком, выступающим как теория. Таким образом, все объекты теоретичны. Но возможны разнообразные языки и, следовательно, отличающиеся друг от друга теории. Значит, теоретическая относительность объектов существует не в единственном экземпляре. Онтология относительна в двойном смысле, как и указано в начале абзаца.

Концепция неопределенности перевода: «не существует реальности, относительно которой тот или иной перевод можно признать верным» [82, с. 342]. Рассуждая гипотетически, согласно установкам прагматизма этой реальностью могла бы быть система поведения. По Куайну, системы поведения являются самыми различными и у нас нет возможности привести их к общему знаменателю. Следует отметить, что концепция неопределенности перевода, согласно которой невозможна субординация теорий, вызывает возражения.

В нео- и постпозитивизме теория сверяется с экспериментальными данными. Они-то и представляют собой ту реальность, относительно которой определяется, какая теория сильнее, истиннее. Куайн мог бы присоединиться к этому методологическому решению, проторив дорожку от чувственных возбуждений к данным наблюдений. Однако он этого не сделал. Видимо, потому, что был чрезмерно увлечен системами поведения. Но относительно последних он настолько немногословен, что его анализ представляется незаконченным. Анализ систем поведения без обращения к проблематике специальных наук вряд ли может быть состоятельным. Если бы Куайн обратился к феномену роста научного знания, то ему, надо полагать, пришлось бы отказаться от концепции неопределенности перевода.

Отрицание аналитических предложений. Куайн подметил, что в неопозитивизме теоретические предложения редуцируются к предложениям наблюдения. Но когда речь заходит о математике и логике, которые состоят из аналитических предложений, это правило нарушается. Напомним читателю, что предложение считается аналитическим благодаря своей форме и значению терминов, входящих в него. Карнап пришел к выводу, что в рамках последова-

тельного эмпиризма смысл аналитических предложений невозможно определить. В споре, который разгорелся между Карнапом и Куайном, учителем и учеником, каждый остался на своей позиции. В следующих разделах параграфа выяснятся основания, по которым, на наш взгляд, следует отдать предпочтение позиции Карнапа, отличавшего аналитические предложения от синтетических.

Совокупность наук есть единое целое, граничными условиями которого является наш чувственный опыт [245, с. 38]. В совокупность наук Куайн включал буквально все дисциплины, от истории до математики. Оригинальность позиции Куайна состояла в том, что он отказывал отдельным наукам в опытных данных (читай: в возбуждениях чувств). Лишь все вместе они соприкасаются с ними. Налицо определенная форма холизма. Ее истоки, видимо, определяются убеждением Куайна, что смысл слова выясняется в контексте предложения, а смысл последнего — в контексте самого языка. Холизм Куайна настолько радикален, что ему приходилось отрицать как достаточно отчетливую структурированность науки в целом, так и каждой отдельной науки в частности. Ясно, что холизм Куайна не мог быть согласован с признанием различий аналитических и синтетических предложений. Для него математика являлась экспериментальной наукой едва ли не в той же самой степени, что и, например, физика. Холизм Куайна вызывал резкие и, думается, вполне оправданные возражения. Как именно взаимосвязаны между собой науки, выясняется лишь после тщательного анализа их междисциплинарных связей, который в трудах Куайна отсутствует.

Тезис Дюгема—Куайна: данные экспериментов учитываются в процессе постепенной трансформации науки в целом. Этот тезис, по сути, является следствием выбранной Куайном версии холизма, в которой наука выступает как обширное целое, способное переработать новые порции знания в любом своем регионе. До научных революций дело никогда не доходит. Согласно П. Дюгему, историку физики начала XX в., перед судом экспериментальных данных всегда оказывается не отдельное положение теории, а сама она в целом. Так называемые решающие эксперименты, которые позволяют выбрать между двумя предложениями или двумя теориями, невозможны. Даже самые «громкие» эксперименты приводят не больше, чем к частичной трансформации теории, причем она может быть осуществлена различными способами. Иначе говоря, конвенционализм состоятелен. Тезис Дюгема — Куайна трудно

согласовать с далеко зашедшей дифференциацией наук, в рамках которой учитывается структурированность как науки в целом, так и отдельных наук. Поппер резко возражал против холизма Куайна и Дюгема [147, с. 360], и по нашему мнению, он был прав.

Подведем некоторые итоги. Философия науки Куайна — прекрасный образец аналитического прагматизма. Огромный интерес представляют его выводы относительно: а) неочевидного характера референции; б) особого научного статуса предложений; в) роли переменных; г) критерия существования; д) принципа онтологической относительности. Более спорны его выводы относительно: а) неопределенности перевода; б) отсутствия аналитических предложений; в) холизма (неструктурированности) науки; г) недискретного характера трансформации науки и теорий. Разумеется, спорные выводы Куайна ни для кого не являются обязательными и при желании им можно придать более приемлемый вид. В качестве философа науки Куайн — мыслитель масштаба Карнапа и Поппера. У всех трех есть чему поучиться.

В заключение данного подпараграфа имеет смысл хотя бы вкратце указать на две философские концепции, которые по своему смыслу ближе к прагматизму, чем к какому-либо другому фундаментальному философскому направлению. Речь идет об операционализме и инструментализме.

Ведущим операционалистом считается не экономист П. Самуэльсон, который как-то вскользь высказался в пользу операционализма, а Нобелевский лауреат по физике П. Бриджмен. «Основная идея операционального анализа, — отмечал он, — довольно проста, а именно: нам не известно значение понятия до тех пор, пока не определены операции, которые используются нами или нашими коллегами при применении этого понятия в некоторой ситуации» [218, с. 8]. Обычно суть операционализма видят в том, что, как отмечал Поппер, «теоретические понятия должны быть определены в терминах измерительных операций. Вопреки этой точке зрения можно показать, что *измерения предполагают существование теорий*. Измерение не существует вне теории, и нет операций, которые можно было бы удовлетворительно описать с помощью нетеоретических терминов» [147, с. 285].

Согласно инструментализму теории нужны для чего-то, например для предсказания будущих событий или преодоления проблем. Считается, что инструментализм был развит в трудах американского прагматиста Дж. Дьюи. Критики инструментализма, в том числе Поппер, отмечают, что в нем теории играют всего лишь

вспомогательную роль и, следовательно, умаляется их статус [147, с. 286]. Среди европейских авторов широко распространено мнение, что прагматисты перескакивают через процесс понимания, который приглушается активизмом. Уже в подпараграфе 3.5.6 выяснится, что ставить знак равенства между прагматизмом и теоретической поверхностностью нет никаких оснований.

3.5.5. Историческая школа в философии науки

В постпозитивизме Поппера содержится один момент, проблематизация которого привела к образованию относительно самостоятельной области исследования, значительный вклад в которую внесли также И. Лакатос, Т. Кун, П. Фейерабенд. Речь идет об исторической школе в философии науки, основным предметом изучения которой является динамика научного знания. В наши дни мало кто удовлетворяется представлением о возможности абсолютного знания, пребывающего в раз и навсегда достигнутом состоянии покоя. От того, как понимается динамика знания, зависит уяснение существа науки. Памятуя об этом, обратимся к наиболее актуальным концепциям представителей исторической школы.

Карл Поппер: частичная тождественность теорий. Он предполагал, что теории *сравнимы* и как раз в этом заключается их соизмеримость.

«Предполагая, что истинное содержание и ложное содержание двух теорий t_1 и t_2 сравнимы, можно утверждать, что t_2 ближе к истине или лучше соответствует фактам, чем t_1 , если и только если имеет место одно из двух условий:

а) истинное, но не ложное содержание t_2 превосходит истинное содержание t_1 ;

б) ложное, но не истинное содержание t_1 превосходит ложное содержание t_2 » [147, с. 353]. Теория t_2 превосходит теорию t_1 , если она по сравнению с нею: 1) делает более точные утверждения; 2) объясняет большее количество фактов; 3) истолковывает факты более подробно; 4) выдерживает большее число проверок; 5) предлагает новые проверки; 6) объединила ранее не связанные друг с другом проблемы [Там же, с. 351].

Итак, Поппер предполагал, что сравнение теорий возможно в силу их частичной истинностной тождественности. Не ясно, почему две теории применительно к одним фактам могут быть тождественными, а за их пределами они же нетождественны друг другу. На наш взгляд, ошибка Поппера состоит в концептуальном отождествлении двух теорий. В концептуальном отношении у двух

теорий нет тождественных частей. Теория t_2 ни в одной из своих частей не тождественна t_1 . Теория t_2 имеет над теорией t_1 концептуальное преимущество, и лишь поэтому она удовлетворяет перечисленным выше шести положениям. Кстати, в этих положениях Поппер, вопреки своему обыкновению, делает акцент не на теории, а на фактах. Такая манера выражения характерна скорее для неопозитивиста, чем для постпозитивиста.

На наш взгляд, Поппер не учитывал, что переход от одной теории к другой предполагает сложный процесс интерпретации. Сравнение теорий означает, что содержание как достоинств, так и недостатков t_1 , может быть проинтерпретировано с позиций t_2 . Там, где t_1 сталкивается с неодолимыми для нее противоречиями, с ними благополучно справляется t_2 .

Поппер понимал соизмеримость теорий упрощенно, как сравнение без учета вектора интерпретации, направленного от t_2 к t_1 . Он обращает внимание на исторический (поступательный) ряд теорий ($t_1 \rightarrow t_2$), но у него отсутствует научно-теоретический *строй*: $t_2 \Rightarrow t_1$.

Стремясь определить истоки экстенсивного подхода Поппера, пожалуй, следует обратить внимание на одну особенность его философствования: далеко не всегда проводимый им анализ научных теорий обстоятелен. Так, в книге «Открытое общество и его враги» [148, т. 2] Поппер обрушивал шквал критики на марксизм, но обходился без тщательного анализа его экономической теории с ее главным концептом, абстрактным трудом. В книге [146] он, обращаясь к сложнейшим вопросам квантовой механики, умудрялся обойтись без анализа ее символического формализма, а это необходимо было сделать.

Между наукой и философией науки существует очень тесная связь. Стоит ее ослабить, как тотчас зазор между ними становится столь большим, что философия науки, теряя свой былой статус, переходит в стадию метафизики. Последняя в отличие от философии науки оперирует общими декларациями там, где требуется утонченный научный анализ. На наш взгляд, даже высшему авторитету в области философии науки — Попперу не всегда удавалось соблюсти необходимую дистанцию между нею и метафизикой.

Имре Лакатос: история науки — это эстафета научно-исследовательских программ. Попперовский анализ науки нашел поддержку и критику у И. Лакатоса. Он решил создать теорию истории науки, которая отсутствовала у Поппера [88, с. 246]. В связи с этим Лакатос ставил во главу угла концепт «научно-исследовательская

программа» (НИП). НИП — это ряд теорий с одними и теми же методологическими принципами и основными задачами (твердое ядро программы) плюс их изменчивая часть (защитный пояс) [89, с. 135–136]. Реализация программы выступает как сохранение твердого ядра в неприкосновенности (*отрицательная эвристика*), дополненное выдвиганием проблем, догадок, опровержением аномалий (*положительная эвристика*). Смена НИП не является сиюминутным процессом. Ее ядро значительно устойчивее защитного пояса. Под удар дискредитирующих данную НИП факторов в первую очередь попадает ее периферия, играющая роль защитного пояса. Разрушение ядра программы означает катастрофу всей НИП. До этой катастрофы НИП проходит разные стадии, в том числе регресса и прогресса. История развития науки — это не просто эстафета теорий, а последовательность научно-исследовательских программ.

Для выделения «жесткого ядра» есть лишь один способ — определить инварианты того семейства теорий, которое избрано для анализа. Допустим, вы выяснили, что во всех трех экономических теориях T_1 , T_2 , T_3 (мы в отличие от Поппера предпочитаем обозначать теории заглавными буквами!) используются следующие положения: а) основные экономические параметры интерпретируются как предельные величины; б) считается, что на рынке существует равновесие, совпадающее с оптимумом по Парето; в) используется модель рационального вывода. Но есть и различия между теориями: в T_1 допускается, а в T_2 не разрешается частная собственность на ресурсы; в T_3 рассматривается теория международной торговли, о которой нет речи в T_1 и T_2 . К тому же каждая из теорий имеет выдающихся сторонников, которые расходятся во мнении относительно многих положений, используют различные упрощающие приемы («допустим, что ...»). Таким образом, положения а), б), и в) образуют ядро, а разброс мнений, вспомогательных гипотез, объектов исследования составляют оболочку ядра данной НИП, в которой читатель, очевидно, давно уже распознал неоклассику. Представление о неоклассической НИП будет актуальным до тех пор, пока в наличии будут инварианты а), б) и в). Можно допустить, что развитие экономической науки вынудит отказаться сначала от в), а затем и от б). Но лишь когда будет «разбито последнее зеркало» — а), неоклассическая НИП будет окончательно разрушена.

Как правило, в экономических направлениях, а они представляют собой своеобразные НИП, можно выделить «последнее зер-

кало», наиболее основополагающий принцип. В классике это теория стоимости, в марксизме — принцип двойственности заключенного в товаре труда, в кейнсианстве — требование предвосхищения будущего.

Концепция НИП имеет большое значение по крайней мере в двух отношениях. Лакатос обратил внимание, во-первых, на структуру науки в целом, во-вторых, на строение каждой отдельной теории. Идея о том, что любая отдельная теория непременно входит в кластер теорий, и нова, и необычна. Интересна также мысль об относительной устойчивости теории, до некоторых пределов она способна выдерживать критические удары, проверки, фальсификации. Лакатос прав, по сравнению с теорией Поппера его фальсификационизм является более утонченным.

Но при всех ее достоинствах концепцию НИП нельзя считать теорией истории науки. Дело в том, что представление о НИП не отменяет фундаментального научного факта: элементарной концептуальной единицей науки является не что иное, как теория. Относительно теории НИП — укрупненная единица, кластер теорий. Продуктивное исследование не должно ограничиваться НИП, оно вынуждено обратиться к их структурным единицам, а ими являются теории. Углубленный анализ непременно должен дойти до динамики теорий, в противном случае он потеряет в концептуальной содержательности и основательности.

На наш взгляд, теория истории науки выступает как двухстадийный процесс: исторический *ряд* теорий дополняется их *строем*. Переинтерпретация ряда теорий в их строй как раз и является сердцевиной теоретического постижения философии науки. Лакатовская история научно-исследовательских программ не доходит до этой сердцевины. Она, по сути, не рассматривает соотношение теорий, относящихся к различным научно-исследовательским программам.

Томас Кун: концепция научных революций. Подобно Лакатосу, Т. Кун членит науку не на отдельные теории, а на более объемные образования, которые он называл парадигмами (от греч. *paradigma* — образец, пример). Термин «парадигма» обозначает всю совокупность убеждений, ценностей, технических средств и т.д., которая характерна для данного сообщества. С другой стороны, он указывает на один вид элемента в этой совокупности — конкретные решения головоломок, которые, когда они используются в качестве моделей или примеров, «могут заменять эксплицитные правила как основу для решения неразгаданных еще головоломок

науки» [84, с. 272]. Итак, Кун придает парадигме двоякий смысл — социологический и конкретно-научный. Именно в указанных двух смыслах концепта «парадигма» он видит свой основной вклад в философию науки [84, с. 272]. Но почему научное сообщество стремится к парадигмам? Потому что их использование приводит к успеху скорее всего [Там же, с. 45]. Как видим, концепт «парадигма» вырастает у Куна из прагматических корней. Парадигме придается инструментальный характер.

Руководствуясь парадигмой, ученые наводят порядок в науке. Так они приходят к *нормальной* науке, стандарты которой излагаются в учебниках. Те явления, которые не вмещаются в коробку нормальной науки, в сущности, вообще упускаются из виду. Кажется, что это явный урон. Но надо учитывать и преимущества парадигмальной науки: она позволяет исследовать тот или иной фрагмент природы детальнее и глубже, чем это было бы возможно при других обстоятельствах [Там же, с. 46]. Нормальная наука позволяет решить многие головоломки, причем с максимальным успехом. Постепенно, однако, облако неразрешимых аномалий вокруг нее уплотняется, это приводит к кризису, наступает час теоретической революции, наука становится экстраординарной. В условиях кризиса нет другого выхода, как отказаться от парадигмы. Но отказ от одной парадигмы есть решение принять другую парадигму. Принимается та парадигма, которая позволяет достичь большего успеха. Выбор новой парадигмы определяется в решающей степени максимумами, нормами, ценностями. При этом надо отличать стандартные критерии оценки адекватности теории, такие, например, как точность, непротиворечивость, область приложения, простота и плодотворность, от факторов, зависящих от индивидуальной биографии и характеристики личности. Критерии выбора Кун квалифицирует как ценности. Главный его вывод состоит в том, что выбор парадигмы определяется ценностями. Сторонники конкурирующих парадигм никогда не преследуют одни и те же цели, они руководствуются разными неэмпирическими допущениями. А поэтому «конкуренция между парадигмами не является видом борьбы, которая может быть разрешена с помощью доводов» [Там же, с. 195]. В силу тех же неэмпирических, т.е. неуставляемых путем верификации или фальсификации, допущений ученые, работающие в различных парадигмальных областях, видят вещи по-разному и говорят на неодинаковых языках (теории несоизмеримы).

Переходим к критическому анализу философии науки Т. Куна. Парадигмы Куна отчасти похожи на НИП Лакатоса, те и другие

проходят периоды нормального и кризисного (революционного, экстраординарного) существования. Важное отличие парадигмы от НИП состоит в том, что она содержит широкий спектр субъективных предпочтений, игровых моментов, всего того, что Кун называл «социологией» (не путать с социологией как наукой!). Для Лакатоса все содержимое НИП поддается рациональной дискуссии (эта позиция идет от Поппера). Парадигмы же в их куновской интерпретации выходят за пределы рационального анализа. На частые обвинения в иррационализме Кун реагировал крайне болезненно, справедливо полагая, что его оппоненты не могут толково объяснить существо выдвигаемых против него обвинений. Суть обсуждаемой ситуации нам видится в следующем.

Кун — довольно типичный прагматист (сам он никогда не определял сколько-нибудь точно свою философскую позицию). В качестве прагматиста он не избежал крайностей холизма. Выразилось это прежде всего в том, что Кун не членил науки на отдельные дисциплины и крайне небрежно обращался с термином «ценность», который он соотносил и с методологическими принципами, и с субъективными предположениями, и с устоявшимися нормами исследовательской деятельности. Если бы Кун исходил из деления науки на физику (предмет его рассмотрения), психологию, социологию и т.д., развел в различные стороны понятия физики и ценности гуманитарных наук, не отождествлял ценности с методологическими положениями, то перед ним открылась бы перспектива содержательного научного анализа, после чего, надо полагать, обвинения его в приверженности к иррационализму отпали бы. Но Кун этого не сделал, а потому его концепция парадигм далеко не безупречна.

На наш взгляд, основными достоинствами философии науки Куна являются: 1) антикумулятивная модель развития науки (имеется в виду, что этот процесс не сводится к непрерывному накоплению знания, а включает стадии научных революций); 2) подчеркивание особой роли образцов (парадигм) научной деятельности; 3) привлечение внимания к необходимости рассмотрения не только отдельных наук, но и того целого, которое они образуют.

Пол Фейерабенд: концепция пролиферации и несоизмеримости теорий. Фейерабенда чаще всего называют изобретателем концепции методологического анархизма. Но, как он сам отмечал, основным положением его «концепции является принцип пролиферации, который призывает создавать и разрабатывать теории, несовместимые с общепринятыми точками зрения, даже если последние явля-

ются в высокой степени подтвержденными и общепринятыми» [180, с. 420]. Под пролиферацией понимается размножение теорий; чем их больше, тем лучше. Фейерабенд мечтал об *океане* теорий (альтернатив). Как сторонник идеи пролиферации он выступал за методологический плюрализм и против методологического монизма. К идее пролиферации ведет, например, такая аргументация. Факты теоретически относительно (вспомните принцип онтологической относительности Куайна), и вместе с тем предсказания теории никогда не соответствуют с абсолютной точностью экспериментальным данным. В этих условиях вполне уместно выдвижение теоретической альтернативы. Наличие двух и более теорий позволяет их сторонникам вести критическую дискуссию, что в конечном счете будет решающим образом содействовать успеху научного дела, в том числе и его экспериментальной составляющей. Одна теория — хорошо, две — лучше, десять — еще лучше и т.д. Ясно, что в свете принципа пролиферации куновская нормальная наука невозможна, ее наличие свидетельствовало бы о профессиональной тупости ученых.

В приведенном выше определении принципа пролиферации Фейерабенд называл теории *несовместимыми*. Он явно стремился обеспечить эффективность науки. Если теории были бы совместимыми, то они слились бы в одно целое, а это свидетельствовало бы о несостоявшейся пролиферации. Выходит, что теории должны быть своеобразными альтернативами. От идеи несовместимости теорий мысль Фейерабенда переходит в идею *несоизмеримости* теорий, отсутствия соответствия между ними. Согласно тезису Куна — Фейерабенда теории несоизмеримы, и прежде всего потому, что у них различные понятия. Даже если формулы двух теорий в символической записи совпадают друг с другом, они тем не менее в понятийном отношении отличны. Кун приводил пример из физики, мы приведем из экономики. Известная формула количественной теории денег $mv = pq$ может использоваться как неоклассиком, так и кейнсианцем, но при этом они не вкладывают в m , v , p , q один и тот же смысл.

Фейерабенд не мог всецело последовать за Куном, он был согласен с ним, что теории несоизмеримы. Но Кун признавал наличие образцовых теорий, а это уже было для Фейерабенда неприемлемым. Он стремился избежать всякого диктата одной теории над другой. Фейерабенд считал, что поскольку теории несоизмеримы, постольку каждая из них хороша по-своему. Несоизмеримые теории можно использовать для целей их «взаимной критики» [180, с. 433].

После изложенного выше нетрудно понять истоки скандально известного лозунга Фейерабенда «*anything goes*» (варианты перевода: «все сгодится», «все дозволено», «делай что хочешь»). Существует лишь один абстрактный принцип, «который можно защищать при всех обстоятельствах и на всех этапах человеческого развития, — *допустимо все*» [179, с. 159].

В какой степени можно согласиться с принципом «все дозволено»? Два обстоятельства достаточно бесспорны: 1) каждый человек волен интерпретировать так, как ему заблагорассудится; 2) любые теории, в том числе мифы, религии, небеспочвенны и, как правило, уже в силу этого содержат тот или иной позитивный момент. Положения 1) и 2) совместимы с тезисом «все дозволено», но с ним не согласуется положение 3): теории соотносительны в рамках научно-теоретического *строя*. Асимметрия между сопоставимыми теориями опровергает и тезис о «взаимной критике», и тезис «допустимо все». «Взаимная критика» не получается, ибо интерпретация течет только в одну сторону, от развитой теории к менее развитой ($T_2 \rightarrow T_1$); интерпретация $T_1 \rightarrow T_2$ бессодержательна. $T_2 \rightarrow T_1$ опровергает также тезис о несоизмеримости теорий, которому Кун и Фейерабэнд придали формальный характер постольку, поскольку они исключили из сферы соизмеримости теории с неодинаковым понятийным составом.

Тезис «все дозволено» уже по характеру своей формулировки нарушает каноны науки. Правомерен вопрос: все дозволено при каких условиях, когда? Все ли дозволено при, например, восхождении на гору (читай: в стремлении к высотам знания)? Остроумному читателю мы предлагаем объяснить парадоксальную однотипность двух выражений: «Я лгу» и «В теоретической области все дозволено».

Рассмотрим в заключение текста о Фейерабенде его знаменитую анафему разуму: «Так будь же он проклят!..» [179, с. 322]. Он считал, что освобождение науки от таких иррациональных моментов, как предрассудки, страсти, самонадеянность, приводит к абстрактным чудовищам типа Обязанности, Долга, Морали, Истины [179, с. 321–322]. Фейерабэнд полагал, что его методологический анархизм противоречит всем формам государственного тоталитаризма. К сожалению, он не оказался в состоянии подкрепить свои эпатажные заявления актуальным анализом гуманитарных наук, в том числе научной этики.

Итак, основное достижение Фейерабенда — концепция пролиферации теорий. Актуально, что без пролиферации теорий научное

творчество затухает. Разумеется, призыв к пролиферации теорий не должен возводиться в абсолют. Размножение «злокачественных» теорий неизбежно приводит в науке к «онкологическим заболеваниям».

Подведение итогов. Актуальные выводы по поводу динамики научного знания суть следующие:

- теорию всегда можно подправить (У. Куайн);
- теории частично тождественны друг другу и частично нетождественны (К. Поппер);
- наука выступает последовательностью научно-исследовательских программ (И. Лакатос);
- наука есть смена парадигм, периоды нормальной науки сменяются научными революциями (Т. Кун);
- эволюция науки реализуется в пролиферации теорий (П. Фейерабенд).

Позитивные и негативные аспекты теорий ведущих представителей исторической школы отмечены в тексте параграфа. Там же было выяснено, что все они получают свою исчерпывающую информацию не иначе как на основании концепций научно-теоретического ряда и строя:

- развитие науки реализует проблемный исторический ряд теорий ($T_1 \rightarrow T_2 \rightarrow T_3$);
- в концептуальном осмыслении научно-теоретический ряд трансформируется в научно-теоретический строй ($T_3 \Rightarrow T_2 \Rightarrow T_1$).

3.5.6. Аналитический поиск своеобразия предложений этики

В предыдущих пяти подпараграфах излагались основания современной философии науки, которые надо знать любому образованному человеку. К сожалению, по крайней мере в одном отношении они не вызывают особого энтузиазма. Дело в том, что рассмотренные воззрения были выработаны в процессе анализа по преимуществу логики, математики и физики. Нас же интересует экономическая наука и, следовательно, именно та философия науки, которая учитывает как раз ее своеобразие. В связи с этим мы попадаем в очень непростую ситуацию. Видные философы, разрабатывая свои концепции, как правило, не обращались к экономической науке. Выход из ситуации, кажущейся безысходной, все-таки есть. Стремясь получить строительный материал для построения философии экономической теории, целесообразно обратиться к тем аспектам существующей философии науки, которые имеют

непосредственное отношение к общественным дисциплинам. А это вопросы этики. Одна из особенностей работы философов состоит в том, что они в качестве наиболее презентабельной представительницы общественных наук обычно рассматривают именно этику. Разумно поэтому вовлечь в наш анализ этический материал, надеясь полученные в этой связи знания перевести в область философии экономической теории. Итак, по большому счету нас интересует все, что имеет непосредственное отношение к общественным наукам. Как и прежде, нам предстоит выслушать в первую очередь выдающихся философов (экономистам слово будет предоставлено в следующей главе).

Джон Мур: принципы этики — интуиционизм, антинатурализм, научность, телеологичность. Благодаря Муру случилось так, что ряд самых значительных монографий аналитиков начался с книг об этике [124, 125]. Он был крайне недоволен состоянием этики, которой желал придать научный характер [124, с. 41]. Но с чего начинается этика как наука? С толкований добра. И тут нас поджидает первая неожиданность. Понятие «добро» неопределимо, и это притом, что «любая вещь может быть “добром”» [Там же, с. 55]. Мур пояснял, что добру можно было бы дать определение в случае, если бы оно состояло из частей. Но оно таковым не является. Следовательно, термин «добро» обозначает уникальный простой предмет рассмотрения. В философии теория, начинающаяся с неопределяемых понятий, квалифицируется как интуиционистская. В отличие от интуитивизма, дистанцирующегося от науки, интуиционизм не противостоит так называемому когнитивизму, в котором предложениям науки предписывается функция истинности/ложности. Согласно Муру, этика — когнитивная, но вместе с тем и интуиционистская наука.

Смысл утверждений Мура проясняется, если перейти на язык ценностей. основополагающие ценности неопределимы, их невозможно свести к характеристикам природных явлений или же к желаниям и чувствам человека. Мур выступал против тех, кто совершает «натуралистическую ошибку», а именно пытается свести добро к какому-либо «утверждению о реальности» [Там же, с. 131]. По этой причине отвергаются гедонизм и утилитаризм — учения, в которых добро сводится к удовольствию. В данном месте читатели должны насторожиться, ибо нельзя забывать, что у истоков экономической науки стоял британский утилитаризм. Неужели она обречена на натуралистическую ошибку вместе с ним? Вернемся к Муру.

Мур старался придать этике необходимую в науке строгость. Он пришел к следующему выводу: «все, что сделала или может сделать этика, состоит не в определении безусловных обязанностей, а в указании того, какая из *нескольких* альтернатив, возможных в *данных* условиях, приведет к лучшим последствиям» [124, с. 67]. Этическая теория должна учитывать феномен цели, т.е. она выступает в форме телеологии (от греч. *tellos* — цель). Этот вывод заслуживает одобрения, ибо содержательный разговор о ценностях предполагает рассмотрение целей.

Итак, в интерпретации Мура этика начинается с неопределяемого понятия добра, к которому затем подключается рациональная аргументация, а заканчивается морально-теоретическое мероприятие оценкой последствий. Он провел, безусловно, весьма интересный анализ статуса этики как научно-теоретической дисциплины. Но приходится отметить, что его значение было, пожалуй, недопонято. Дело в том, что Муру не удалось разъяснить суть научного метода этики, равно как и всех гуманитарных наук. Критерии неопозитивистов, к которым принадлежал Мур, были очень строгими: четко сформулируй существо используемого тобой метода, дай определение истины и т.д. Таким строгим критериям исследование Мура не удовлетворяло. На наш взгляд, именно по этой причине оно было предано забвению на целых полвека, вплоть до 1950-х гг., когда Р. Хэр возродил рационализм.

Мы увидим в дальнейшем, как вслед за Муром целую плеяду выдающихся философов-аналитиков будет сопровождать зловещая тень «гильотины Юма», отсекающей обществознание от тела науки. Весьма своеобразным путем пытался избавиться от преследования этой тени Л. Витгенштейн с его неумным желанием раз и навсегда разрубить все гордые узлы философии мечом, наиболее острым из всех возможных.

Людвиг Витгенштейн: значение слова и предложения есть их употребление в языке [38, с. 84, 97, 324]. Ранний Витгенштейн считал, что значение слова есть тот факт, который оно обозначает. Но затем он существенно изменил свою точку зрения. Витгенштейн решил, что представление о соответствии слов действительности не имеет «какого-то ясного применения» [Там же, с. 349]. Общее правило гласит: «Мы отвергаем предложения, которые не ведут нас дальше» [Там же, с. 327]. Но куда можно идти? Отвечая на этот вопрос, Витгенштейн стремился к обеспечению достоверности, а ее он мыслил только в мире фактов. «Людей, — отмечал он, — нельзя вести к добру; вести их можно лишь куда-то. Добро лежит

вне пространства фактов» [38, с. 414]. С этикой связаны особые *языковые игры*. Но в них нет достоверности.

Что же произошло с великим Витгенштейном? Его интересы переместились от семантики, для которой характерна проблема соответствия, к прагматике с ее темой смысла практических действий. Утверждая, что значение слова есть его употребление, Витгенштейн выступал как философ-прагматист. По сути, он отправился в сторону общественных наук, но... вдруг резко спохватился: к добру нельзя вести, ибо его нет в пространстве фактов, которые Витгенштейн представлял себе как природные явления. До концептуального постижения этических явлений, которое требует понятий-ценностей, он так и не дошел. Утверждение, что значение слова есть его употребление, остается в концептуальном отношении неопределенным. Перед нами концепция, которая перед вопросом о специфике гуманитарных наук останавливается в недоумении: фактами занимается естествознание, а они чем? Имя этому недоумению — натурализм.

Концепция речевых актов Остина — Серла. Продолжим попытку выяснения специфики общественных наук, стартуя на этот раз с языка. С витгенштейновским утверждением «значение слова есть его употребление» созвучна, но и контрастирует концепция речевых актов оксфордцев Дж. Остина и его ученика Дж. Серла. Согласно Остину, строго говоря, первейшим предметом изучения являются не предложения сами по себе, а поведение человека в речевых ситуациях. Утверждения — это совершения действий [139, с. 116], т.е. речевые акты. Зачем нам нужны слова и предложения? Для того, чтобы совершать действия. Остин выделяет три типа речевых актов [Там же, с. 89–122]:

- локутивный акт (факт говорения сам по себе, его исходное размещение (от лат. локус — место) — «Он сказал мне: застрели ее!» (пример самого Остина);
- иллокутивный (ил — не) акт обычно выступает как побуждение, совет, приказ или настояние — «Он побуждал меня застрелить ее!»;
- перилокутивный (вызывающий целенаправленный эффект) акт — «Он уговорил меня застрелить ее».

Общая схема речевого акта выглядит следующим образом [92, с. 347]:

$$\begin{array}{c} \text{Л} \rightarrow \text{И} \rightarrow \text{П} \\ | \quad | \\ \text{В}[3, \text{С}], \end{array}$$

где В — любое выражение; З — значение высказывания, реализуемое в локуции (линия ЛЗ); С — иллокутивная сила, реализующаяся в иллокуции (линия ИС); П — перлокуция. Серл считает, что локуция обладает значениями «истинно» и «ложно». Иллокуция обладает не значением, а *иллокутивной силой*, измерениями которой являются не «истинно» и «ложно», а «успешно» и «неуспешно».

Концепция речевых актов открыла перед философией прагматическую перспективу. Вряд ли, однако, она была представлена в достаточно ясной концептуальной форме. Надо полагать, люди говорят и побуждают к действию не спонтанно, а руководствуясь определенными ценностями, позволяющими ставить целевые ориентиры. Именно концепт «ценность» позволяет понять смысл речевого акта, который, как очевидно, может осуществляться не только в речевой, но и в текстуальной форме. Концепция речевых актов разъясняет механизм реализации ценностно-целевой детерминации в языковой сфере.

Что касается противопоставления измерений «истинно»/«ложно» и «успешно»/«неуспешно», то оно вызывает возражение, ибо создает неверное впечатление, что к иллокутивным актам неприменим критерий истины. Правильно считать, что локутивный акт означает измерение «соответствует»/«не соответствует». Вполне возможно применение критерия «истинности»/«ложности» как к локутивному, так и к иллокутивному акту.

Итак, на наш взгляд, концепция речевых актов актуальна для всех прагматических наук, в том числе и для экономики.

Неопозитивизм: эмотивизм. Неопозитивисты первой волны с редким единодушием восприняли теорию Витгенштейна по поводу этики; последняя, дескать, нефактуальна и ненаучна. Не лишенной изящества была признана этическая концепция видного английского неопозитивиста А. Айера. Он — изобретатель *эмотивизма* (от лат. *emoveo* — потрясаю, волну). Айер считал этические понятия псевдопонятиями. Этические утверждения являются *выражениями* чувств, т.е. эмоциями [6, с. 57]. Это следует понимать таким образом. Предположим, что обсуждается вопрос о допустимости брани в общественных местах. Некто говорит: «Допускать брань в общественных местах — это так отвратительно!» Он не доказал и не сможет доказать, что недопустима или, наоборот, допустима брань в общественных местах. Побуждение к тому или иному действию оказывается чисто эмоциональным.

Почему же ведущие неопозитивисты, в том числе Рассел, Карнап, Рейхенбах, приняли эмотивизм? Потому что они не допускали возможности перевода ценностных этических утверждений в высказывания об эмпирических фактах. Будучи по-своему последовательными, они вряд ли согласились бы признать научный статус за такими выводами, как «фирма должна максимизировать прибыль» или «в экономике уместна антимонополистическая политика».

Эмотивистам казалось, что они избежали натуралистической ошибки (эмоция — признак людей, а не природы). Неудовлетворительность их позиции состоит в том, что им не удалось выявить специфику метода гуманитарных наук.

Ричард Хэар: прескриптивизм. Решающий поворот в аналитическом понимании этики обеспечили труды Р. Хэара [204, 225–227], особенно две его книги — «Язык морали» и «Свобода и разум». В первой из них обосновывается сама возможность рационально, а не эмоционально оформленного языка морали. Во второй делается попытка объяснить, каким образом действует разум в условиях обязательной для него свободы.

Хэар — изобретатель так называемого универсального прескриптивизма. Прескрипция в переводе с латинского означает предписание. «Речевой акт тогда прескриптивен, когда соответствие ему означает решимость — в противном случае будешь обвинен в неискренности — выполнить названное в нем действие, или же, если это действие воспринимается от другого, хотеть его исполнения» [226, с. 14]. Предписания всегда универсальны, потребовать что-либо от другого можно лишь в том случае, если ты это требование считаешь обязательным для самого себя, равно как и для всякого человека. Если некто считает, что ему дозволено получать монопольную прибыль, а другим нет, то он выпадает из сферы морали. Предписания должны обосновываться рационально. Наш пример: «Тот, кто стремится к налаживанию эффективной рыночной системы, не станет настаивать на справедливости монопольной прибыли. Более того, он должен поддержать антимонопольное законодательство». В отличие от дескрипций (описаний) прескрипции всегда императивны, т.е. они выступают в форме «должен-предложений». Прескрипция ситуативна, она пригодна лишь для данной конкретной ситуации.

Хэар подвергает критике широкий спектр этических ошибок: натуралистическую, дескриптивную, интуитистскую, иррационалистическую, когнитивистскую. Во-первых, прескрипции несво-

димы к дескрипциям, к «*есть*-предложениям». Во-вторых, ошибаются натуралисты, которые желают свести этику к предложениям о природных явлениях. Они не учитывают свободу разума. В-третьих, иррационалисты, в том числе эмотивисты, не понимают, что моральные вопросы можно решать рационально. В-четвертых, интуитивисты исходят из интуиции там, где возможен тщательный анализ ситуации и, следовательно, решение принимается отнюдь не интуитивно. В-пятых, ошибаются и когнитивисты, которые приписывают этическим предложениям признаки «истинно»/«ложно». Они, считает Хэар, не учитывают свободу разума, которая никак не позволяет ввести четкие критерии типа «истинно» или «ложно». Там, где нет однозначности, нет и этих критериев.

Безупречна ли критика Хэара? В следующем подпараграфе мы покажем, что это далеко не так. Главный недостаток теории Хэара состоит в том, что он не придал этике отчетливо выраженного концептуального характера и отказался от критерия истинности.

Карл Поппер: дуализм фактов и норм. Основатель постпозитивизма, естественно, не мог пройти мимо своеобразия общественных наук, в том числе этики. Согласно Попперу, общественное знание обладает определенными критериями осмысленности, которые позволяют зачислить его в разряд науки. Общественные науки складываются не из предложений, констатирующих *факты*, а из предложений-проектов, описывающих *нормы*. Он пришел к выводу, что существует *полная аналогия* между предложениями о нормах и фактах [148, т. 2, с. 466]. И это несмотря на дуализм фактов и норм. Факты не создаются, а *нормы* появляются вместе с предложениями-проектами.

Аналогия между двумя типами научных предложений проявляется в следующем. Во-первых, по их поводу можно дискутировать. Во-вторых, к ним относятся регулятивные идеи (идея истины соотносится с предложениями о фактах, а идея справедливости или добра причастна к предложениям-проектам). В-третьих, нет абсолютных критериев истины фактуальных высказываний и правомерности (правильности) предложений-проектов. В-четвертых, в особых случаях люди учатся на ошибках. В-пятых, в области и предложений о фактах, и предложений-проектов идет рост знания. Итак, выражаясь в духе Поппера, можно резюмировать, что предложения-проекты, так же как и фактуальные предложения, подчинены критерию фальсификации. Раз так, то они относятся к области науки.

Критику концепции Поппера см. в следующем подпараграфе.

Аналитическая философия: прагматическая истина. В заключение рассмотрим новейшие идеи аналитических философов, способствующие развитию гуманитарных наук. Обращает на себя внимание та перемена в настроении философов-аналитиков, которая произошла в течение XX в. и которая представляется далеко не случайной. В начале века идеалами науки признавались логика и описательное знание с его опорой на экспериментальную проверку. Как только речь заходила о гуманитарных науках, замолкали адепты обоих идеалов. Им казалось, что фирменный рецепт аналитической философии — логический анализ языка — в области гуманитарных наук, по сути, невозможен. Неподвластное логике под юрисдикцию науки не подпадает. Постепенно, по мере роста содержательности научных анализов скептицизм по поводу гуманитарных наук стал рассеиваться. Несколько неожиданно решающие новации последовали со стороны не обществоведов, а логиков. Последние, вооруженные достижениями математической логики, приступили к анализу специфики гуманитарных наук, как говорится, без страха и упрека. Их усилиями была создана *логика оценок* как ветвь модальной логики. Но оценки — это как раз то, что характерно для всех гуманитарных наук. От логики оценок можно совершить переход к логике норм, которую часто называют деонтической (от греч. *deon* — долг) логикой. Выясняется, что все нормативные высказывания имеют соответствующую логическую структуру. К практическим действиям применим даже концепт необходимости. «Физически необходимо то, что следует из законов природы. Деонтически необходимо то, что вытекает из законов или норм, действующих в обществе, т.е. то, отрицание чего противоречит таким законам или нормам» [45, с. 41].

Просто удивительно, как быстро логикам удалось разрушить казавшиеся длительным временем непреступными бастионы, заграждавшие дорогу к пониманию статуса, в том числе своеобразия, гуманитарных наук. Отметим в этой связи три значимых достижения логиков. Во-первых, разработанная логиками концепция *возможных* миров позволяет рассмотреть все мыслимые положения дел, а затем высказать оценочные суждения по их поводу. Очевидно, что эта концепция открывает путь к пониманию логики всех тех проектов, которыми столь богаты общественные, в том числе и экономические, науки. Как было выяснено, концепт «истина» — тот самый, к которому столь трепетно относятся философы-аналитики, сохраняет для модальных языков центральное значение. Во-вторых, удалось освоить логически всю прагматику, в том чис-

ле и концепт прагматической истины [120]. В-третьих, логическим путем был изучен даже феномен языковых игр, опять же весьма характерный для гуманитарных наук [198]. Кажется, ничто больше не препятствует признанию научного статуса гуманитарных наук. Впрочем, это предположение насыщено многочисленными философскими тонкостями, часть из которых будет рассмотрена в следующем подпараграфе.

3.5.7. Каковы предложения экономических наук?

Нам предстоит, во-первых, обобщить материал предыдущего подпараграфа. Во-вторых, перевести стрелку анализа с этики непосредственно на экономическую теорию. В-третьих, дать как можно более полную характеристику предложений экономической науки. Ведь именно ради решения третьей задачи и был предпринят соответствующий анализ в подпараграфе 3.5.6. Таблица 3.2 показывает методологические приоритеты выдающихся философов-аналитиков, стремившихся определить специфику этики.

Таблица 3.2

Методологические предпочтения выдающихся философов-аналитиков

№ п/п	Методологические направления	Утилитаристы	Дж. Мур	Л.Витгенштейн	Эмотивисты (Айер и др.)	Р. Хэар	К. Поллер
1	Нигилизм	-	-	+	-	-	-
2	Интуитивизм	±	-	-	+	-	-
3	Интуиционизм	=	+	-	+	-	-
4	Натурализм	±	-	-	-	-	-
5	Дескриптивизм	±	-	-	-	-	-
6	Прескриптивизм	±	+	-	+	+	+
7	Сенсуализм	±	-	-	+	-	-
8	Рационализм	±	+	+	-	+	+
9	Иррационализм	=	-	-	+	-	-
10	Когнитивизм	+	+	-	-	-	-

Примечание 1. Используемые в табл. 3.2 знаки означают соответственно «принятие» (+), «непринятие» (-), «в равной степени

принятие» (=), «скорее принятие, чем непринятие» ($\pm$) того или иного методологического направления.

Примечание 2. В натурализм включен утилитаризм (Бентам, Милль и др.). Учтены его заслуги перед экономической теорией.

Ради придания последующему анализу экономического характера прием, что сказанное относительно этики относится и к экономической науке. Разумеется, речь идет о тех утверждениях, в которых не сказывается различие этики и экономической теории. Сделанное выше предположение вполне правомерно постольку, поскольку философы-аналитики, как правило, формулировали выводы, относящиеся не только к этике, но и ко всему корпусу гуманитарных наук.

Одно из несомненных упущений аналитиков состояло в том, что они прошли мимо огромнейшего потенциала экономической науки. Учет его позволил бы им избежать очень многих весьма спорных положений. Аналитики полагали, что этика автономна от других гуманитарных наук. В действительности же этика есть прежде всего метанаука по отношению к общественным дисциплинам. Она имеет дело с их трудностями, проблемами.

Не уловив действительной связи этики с общественными науками, аналитики допустили еще одну ошибку. Без опоры на актуальный научный материал им пришлось обращаться к так называемым примерам из жизни. В результате ушла концептуальность. На наш взгляд, именно поэтому они как-то нехотя, без энтузиазма рассуждали о ценностях, а если рассматривали их, то не в качестве разновидностей концептов. Бесспорно, что аналитики знали о сопряженности всех гуманитарных наук с ценностной проблематикой. Но, судя по их работам, они не считали этот аспект дела определяющим. Философы-аналитики рассуждали приблизительно так: «Сначала выясним статус предложений этики. А в результате выяснится, что представляют собой ценности». Но дело в том, что все предложения гуманитарных наук изначально имеют дело именно с ценностями.

Аналитики в своем неординарном поиске шли к неизвестному им ориентиру, который оказался не чем иным, как прагматическим методом. Ситуация любопытнейшая: весь XX в. философы осваивали прагматику. В ее разработке они встретились с существенными трудностями. Не приходится поэтому удивляться, что и по настоящий день философии всех общественных наук, в том числе и философии экономической теории, оставляет желать

лучшего. Увы, науки не создаются в одночасье. Обратимся еще раз к табл. 3.2.

Рубрику «нигилизм» нам пришлось ввести специально для выражения сути позиции Витгенштейна. Против признания научного статуса этики он выступал решительнее всех, а в результате именно им намеченный прагматический поворот оказался нереализованным.

Лидером рубрики «интуитивизм» мы посчитали эмотивистов. Их «эмоциональный подход» невозможно обосновать, он интуитивен. И это притом, что философы-аналитики всегда недолюбливали интуитивистов (типа А. Бергсона) с их критикой науки как недостаточно творческой части культуры.

Лидером рубрики «интуиционизм» является, безусловно, Дж. Мур. В отличие от интуитивизма интуиционизм ничего не имеет против науки, он сродни априоризму: нечто берется как данное, как неопределяемое. Если бы Мур вник в существо экономической теории, то он бы без труда понял, что неопределяемыми являются лишь базовые ценности, например цена, но не производные ценности, например прибыль, процент, объем продаж.

Лидером рубрики «натурализм» является утилитаризм. Кто отрицает натурализм, а таких много, тот непременно критикует утилитаристов. Их натурализм видят в ориентации на такие естественные чувства, как удовольствие, отсутствие страданий, счастье. Утилитаристы возражали: мы, дескать, говорим о высоких, сократовских чувствах, но их продолжали обвинять в натурализме. Беда утилитаристов состояла в том, что они никак не могли возвыситься от чувств к ценностям. Обратите внимание, что в столбце «утилитаристы» много знаков $\pm$. Это свидетельствует о недостаточной проясненности философских оснований утилитаризма. Рассуждая по аналогии, можно сказать, что то же самое характерно и для экономической науки, сохраняющей с утилитаризмом теснейшую преемственность.

В строке «дескриптивизм» лидером опять же является утилитаризм. Хэар резче других критиковал дескриптивизм, противопоставляя ему прескриптивизм. При всей правомерности его позиции она должна быть уточнена. Правильно считать, что любая общественная наука не может обойтись одним дескриптивизмом. Но точка зрения, согласно которой гуманитарные науки обходятся полностью без дескриптивизма, также ошибочна. Суть дела состоит в том, что в гуманитарных науках прескрипции доминируют над дескрипциями и в этой доминации придают им их окончательный

смысл. Предложение «В России цены на продукты питания растут быстрее, чем размер средней заработной платы» является дескриптивным. Но рассматриваемое предложение было произнесено не случайно, а в связи с некоторым намерением. А это означает, что оно подпадает под действие связки ценность — цель, а цель предполагает прескрипцию. Прескрипция становится ключом для понимания дескрипции. В дескрипции ценностно-целевой аспект предложений экономической науки выражен в вырожденном, замороженном виде.

При оценке дескриптивизма надо иметь в виду по крайней мере следующие три обстоятельства. Во-первых, очень часто дескриптивизм объединяется с натурализмом, но, как было показано выше, их единение не является обязательным. Во-вторых, для всего естествознания характерен именно дескриптивизм. По этому основанию часто пропаганда дескриптивизма связана с некритическим переносом методов естествознания, особенно физики, в область экономической науки. В-третьих, нельзя ставить знак тождества между дескриптивизмом и требованием так называемого позитивного описания в экономической науке. Позитивная экономическая наука ненормативна, но она непременно фиксирует возможный мир экономических целей. А мир возможного не есть описание действительного. В экономической литературе позитивное означает ненормативное. Такая терминология способна ввести в заблуждение. В неискверканном языке позитивному противостоит не нормативное, а негативное. То, что называют позитивной экономической наукой, правильнее было бы именовать экономической теорией многозначных прескрипций. Нормативная же экономическая наука имеет дело, как правило, с однозначными прескрипциями. Нормативность согласуется с признанием лишь некоторых из дескрипций.

Поппер считал все общественные дисциплины науками о нормах. Этим он сильно сузил область действительности общественных наук, которые имеют дело не только с нормами, но и со всеми другими прескрипциями и предпочтениями. Отметим также, что разрежение поля возможных экономических ценностей и целей может происходить не только благодаря инициативе людей, но и в силу имманентных экономической системе законов. Равновесная цена — это не норма, установленная, например, государством, а аттрактор, притягивающий к себе все другие цены, это центр, характерный для эффективно функционирующего рыночного механизма.

Введение Поппером дуализма фактов и норм также неудовлетворительно. Во-первых, фактами оперирует любая наука, в том числе и экономическая. Следовательно, неверно считать экономическую теорию наукой не о фактах, а о чем-то другом, например о нормах. Факт — это истинностное значение переменной, входящей в некоторую функцию. Вспомните вывод Куайна: существовать — значит быть значением связанной переменной. Утверждение, что в магазине *A* цена буханки хлеба равна 20 руб., будет признано фактуальным только в том случае, если сказанное соответствует действительности. Предложение «Цена буханки хлеба в магазине *A* равна *x*» будет истинным лишь в случае, если $x = 20$ руб. Именно это значение *x* и признается фактом.

Поппер настаивал на дуализме фактов и норм. Но каков смысл использования термина «дуализм»? Латинское слово *dualis* означает двойственный. Дуализм — учение о двойственности чего-либо. Дуализм всегда предполагает некоторую связь, а не абсолютную разъединенность. Можно утверждать, что есть дуализм и различие между естествознанием и обществознанием, но необходимо показать, как реализуются их объединяющие междисциплинарные связи. В случае экономических реалий эта связь, видимо, состоит во вменении экономических ценностей природным вещам и процессам. Что же касается фактов и норм, то между ними, разумеется, нет какого-либо дуализма. Вновь возвращаемся к табл. 3.2.

В строке «прескриптивизм» лидером является, естественно, Р. Хэар. Попперовские предложения-проекты — это, по сути, также прескрипции. Прескрипции могут быть советами, рекомендациями, приказами, императивами.

В строке «сенсуализм» доминирует эмотивизм. Как и обычно, сенсуализму противостоит рационализм. К сожалению, ни в одном из рассматриваемых учений не сделана попытка преодолеть односторонность как сенсуализма, так и рационализма. Уже отмечалось, что эти учения являются крайностями.

В строке «иррационализм» также господствуют эмотивисты, в отличие от сенсуалистов более радикально отвергающие правомерность рациональных подходов в этике и общественных дисциплинах.

Очень важна в смысловом отношении строка «когнитивизм». В аналитической научной традиции *cognition* означает познавательную способность различения истинного и ложного. Ни Хэар, ни Поппер не являются когнитивистами, ибо они институт истины связывают исключительно с естествознанием, но не с общество-

знанием. Поппер, не допуская нигилистического отношения к общественным наукам, успокаивал свою научную совесть тем, что вместо истины приписал им рецепты справедливости и добра. Но по поводу любого предложения экономической науки мы вправе спросить, истинно ли оно или ложно. Предложение не бывает справедливым или добрым, оно является истинным или ложным. Поппер допустил грубую ошибку не случайно, а в силу своей изначальной неприязни к прагматике [147, с. 293]. Пожалуй, именно она не позволила ему детально проанализировать содержание прагматической истины.

Хэр не сумел согласовать концепцию истины со свободой разума человека. Для него прескрипции являются либо правильными, либо неправильными. В силу своей свободы каждый может принять или отвергнуть ту или иную рекомендацию. Если он ее не принимает, то она для него, даже в случае ее правильности, не истинна. На первый взгляд логика рассуждений Хэара кажется безупречной. Но в ней не учитывается должным образом статус научной теории. Вопрос не в том, принимается она или опровергается, а в том, есть ли путь определения истинности и ложности ее предложений. Если истинные предложения наиболее развитой экономической теории не принимаются субъектом, то это лишь свидетельствует о его заблуждениях. Истинность теории, следовательно, и каждого ее предложения не зависит от произвола отдельных людей. Она является результатом творчества научного сообщества. Есть по крайней мере два обстоятельства, которые имеют фундаментальное значение в обеспечении функционирования института истины. Во-первых, научное сообщество экономистов осуществляет рост научного знания ($T_1 \rightarrow T_2 \rightarrow T_3 \dots$), в этом не приходится сомневаться. Во-вторых, есть критерий проверки предложений экономической теории на их истинность: предложение считается истинным, если и только если осуществленные посредством него предсказания действительно имеют место, т.е. приобретают фактуальный характер. Экономическая теория позволяет осуществлять предсказание, выявлять спектр достижимых целей и давать им сравнительную оценку. Как тот или иной человек распорядится тем знанием, которое ему дает экономическая теория, зависит от него. Но, даже вооруженный гиперболоидом инженера Гарина, он не сможет отменить экономическую теорию и ей присущий регулятив прагматической истины.

На языковом уровне теория выступает как совокупность истинных предложений. После всего сказанного выше, разумеется, же-

лательно как можно более основательно определиться относительно статуса предложений экономической науки. Попытаемся сделать это, руководствуясь прежде всего методологическими направлениями, включенными в табл. 3.2. Из десяти этих направлений по крайней мере четыре не выдержали научной критики. Это нигилизм, интуитивизм, натурализм и иррационализм. Некоторые из оставшихся шести направлений целесообразно объединить. Сенсуализм и рационализм в их положительной значимости являются аспектами концептуализма. Deskриптивизм выступает вырожденным случаем прескриптивизма. Требования интуиционизма актуальны не для всех экономических предложений, а лишь для тех, в которых интерпретируется содержание базовых, производных экономических ценностей. Требования когнитивизма актуальны: трудно представить себе экономическую теорию без регулятива истины. Итак, все готово к тому, чтобы охарактеризовать статус наиболее смысловых предложений экономической науки. Разумеется, экономическая теория содержит в себе целый набор предложений. Но здесь не место вникать в тонкости их классификаций. Достаточно определиться относительно их природы.

Экономическое предложение является прескрипцией по достижению целей, выработанных на основе экономических ценностей.

3.5.8. Феноменологическая философия науки

А. Основные положения феноменологии

Феноменология — ровесница XX в. Свою первую и непревзойденную до сих пор разработку она нашла в трудах Эдмунда Гуссерля (1859—1938). Безусловно, не по всем, но по крайней мере по некоторым своим достоинствам феноменология превосходит всех своих современных оппонентов из лагеря философии. В кратчайшем изложении суть феноменологического метода состоит в следующем [48].

- *Мы должны спрашивать у самих вещей исходя из того, как они нам даны в созерцании.* Любое философствование должно иметь соответствующее основание, причем не выдуманное, а очевидное и доступное каждому человеку. С чего начинать философствование? С тех исходных впечатлений, которые человек получает от вещей. Других действительных претендентов на запуск не мифологического, а реального философствования не видно.
- *Естественные установки, не являющиеся результатом тщательного философствования, должны быть «заключены в скоб-»*

ки», это требование приема эпохе. Эпохе (от греч. *epoché*) — это воздержание от необоснованных суждений, по большей части либо наивных, либо не прошедших горнило философской критики.

- *Любое психическое, в том числе получаемые человеком от предметов впечатления, феноменально.* Феноменальное (от греч. *phainomenon* — являющееся) — это явившееся в сознание. Исходные для философского опыта впечатления человек получает от вещей, все остальное психическое он способен вообразить или даже нафантазировать. Однако произвольное, случайное воображение в том случае, когда оно не согласуется с исходными впечатлениями, отсекается в результате полноценного философствования.
- *Феноменальность в субъективной чистоте выступает как интенция, как «сознание о чем-либо».* Интенциональность (от лат. *intendere* — быть на что-либо направленным) выражает связь субъекта с объектом. Недопустимо игнорировать эту связь. В каких бы формах ни осуществлялось познание, оно всегда осуществляется в границах связи субъекта с объектом.
- *Сознание есть поток переживаний, инициированный исходными впечатлениями от вещей.* Специфика человека состоит в том, что он переживает все с ним случающееся. Он не может стать другим, а потому сознание имеет характер потока переживаний.
- *Работа сознания с феноменами называется феноменологической редукцией.* Редукция (от лат. *reductio* — возвращение) имеет в данном случае два смысла. Во-первых, она указывает на предмет познания, в силу интенциональности сознания оно не «забывает» его. Во-вторых, поток сознания намного богаче исходных впечатлений; это означает, что их смысл сводится к смыслу всего множества переживаний.
- *Поток сознания представляет собой конструирование синтетического многообразия переживаний благодаря воображению и фантазии человека.* Сознание — это поток вариаций в определенных горизонтах. Размышляя, рефлексирюя, человек воспроизводит свои впечатления об увиденном, услышанном, прочитанном. Так, увидев яблоню и начав размышлять о ней, он, быть может, вообразит ее себе цветущей весной, плодоносящей осенью, без листьев зимой, пышной и зеленой летом.
- *Сознание есть идентифицирование.* Какими бы ни были переживания относительно познаваемой вещи, именно она в качестве

единичного экземпляра в некотором роде представлена во всем множестве переживаний. Иначе говоря, в них имеет место нечто инвариантное (неизменное), да к тому же еще тождественное (идентичное), одно и то же.

- *Идентичное в переживаниях усматривается человеком, причем интуитивным образом.* Имеется в виду, что работа сознания приводит к постижению сущности, эйдоса (идеи). Ведь человек действительно каким-то образом приходит к идеям (эйдос и идея — это одно и то же; термин «эйдос» используется тогда, когда хотят подчеркнуть жизненное содержание идеи). Как постигаются идеи? Они усматриваются. Человек обладает такой способностью, ее нельзя разложить на составляющие. Это означает, что постижение идей является интуитивным (от лат. *intueri* — пристально, внимательно смотреть). Вы не знаете, как постичь идею (эйдос, сущность)? Смотрите внимательно на поток переживаний — и увидите. Не мудрствуй лукаво по поводу того, как приобретаются идеи.
- *Размышление есть эйдетирование.*
- *В эйдетической интуиции выделяются идеальные предметности.* Имеется в виду, что идеи (эйдосы) нельзя увидеть, услышать или потрогать. Они есть и доступны сознанию. Так, у всех яблонь одна и та же сущность. Так как идеи, рассматриваемые как универсалии, принадлежат всему, в том числе и предметам, то приходится признать реальность идеальных предметностей.
- *Идеальные предметности присущи вещам, а не сознанию человека. Идеи имеют смысл и в отсутствие людей, они объективны (познание же субъективно).* Если бы даже не было людей, равенство $2 \times 2 = 4$ оставалось бы истинным. Все законы науки обладают смыслом независимо от сознания людей.
- *Постигание эйдосов возвращает субъект к познаваемым вещам.* Началом познания является исходное впечатление от вещи. Затем происходит конструирование потока переживаний. На первый взгляд кажется, что каждое последующее переживание все дальше и безвозвратно уводит от исходных созерцаний, которые являются непосредственным выражением отношений субъекта к объекту. Но выделенная сущность является одной и той же для всех переживаний, в том числе и для исходного созерцания. Это и означает, что поток переживаний приближал к сущности объекта познания.

- *Постигжение эйдосов обеспечивает согласованность человеческого опыта, в этом смысле оно истинно.* В качестве некоего существа человек вынужден находиться в координации с окружающим его миром вещей. Вне этой координации человек ставит под угрозу само свое существование. Но каким образом осуществима упомянутая координация? Благодаря двум решающим обстоятельствам. Во-первых, мир вещей дан человеку в ощущениях (впечатлениях, созерцаниях). Если бы этого не было, то человек уподоблялся бы вещам. Но человек связан с вещами весьма специфическими отношениями. Кажется, что переживания человека удаляют его от вещей: переживание цвета вещи и собственно цвет — это разные сущие. Но, во-вторых, как выясняется, переживание вещи и сама вещь имеют одну и ту же сущность. Благодаря этому как раз и возможно познание, а вместе с ним и координация мира человека с миром вещей. Мир вещей и мир переживаний имеют нечто общее, этим общим является сущность. В отсутствие общей сущности невозможно разрешить так называемый парадокс познания: мир сознания отличается от мира вещей, но тем не менее познание возможно, что объясняется в границах феноменологии — учения о феноменах сознания.

Б. Достижения феноменологической философии науки

Во-первых, феноменологи дали развернутую характеристику деятельности сознания. Ни в одном из философских направлений XX в. деятельность сознания не охарактеризована столь детально, как у феноменологов.

Во-вторых, феноменологи буквально опрокинули теорию абстракций. На место бедных содержанием абстракций они поставили наполненные жизненной силой эйдосы, объединяющие в себе чувства и мысли.

В-третьих, феноменология позволила преодолеть широко распространенное представление о науке как сером, сухом и безжизненном занятии. Гуссерль считал, что искажение науки, придание ей абстрактного характера привели к ее кризису [47]. Его аргументация нам не представляется устаревшей. К сожалению, современные ученые, столкнувшись с критикой в адрес науки, а этим по преимуществу занимаются священники, писатели, деятели искусства и культуры, реагируют на нее довольно беспомощно. Незнание феноменологического метода затрудняет понимание учеными жизненной, экзистенциальной силы науки.

В-четвертых, феноменологи выявили богатство понятий, неправомочность выведения их за пределы чувств (переживаний). Для них понятия являются эйдосами.

В-пятых, феноменологи в полном соответствии с их методом реализовали применительно к гуманитарным наукам ценностный подход. Эта заслуга принадлежит М. Шелеру, который уже в 1910-х гг. понял, что в гуманитарной области понятия являются ценностями [206, с. 313–321].

В. Критика изъянов феноменологической концепции науки

Во-первых, феноменологи абсолютизировали ментальный аспект науки. Феноменолог, требуя при каждом новом шаге ученого справки от него из ведомства сознания, чрезмерно ортодоксален. В мире науки нет той прозрачности, которая нужна феноменологу; далеко не все новое рождается в сознании. Простой пример: экономист перебирает математические уравнения, ищет среди них подходящее, делает удачный выбор, может быть, по совету со стороны. Он действует во многих направлениях, в частности использует потенциал диалога, осуществляемого в языковой форме. Не все в науке начинается с сознания.

Во-вторых, нуждается в уточнении центральное звено рассуждений Гуссерля: феноменологическая индукция, восхождение по ступеням переживаний вплоть до постижения эйдосов благодаря интуиции. Последняя выступает как не лишенный таинственности прыжок от переживаний к понятиям. Допустим, вы имеете дело с вещью (процессом, явлением, действием), которая дана вам в фактах K, L, M, N . Убедившись в качественной тождественности этих фактов, вы обозначаете их переменной x_i , где $x_1 \equiv K, x_2 \equiv L, x_3 \equiv M, x_4 \equiv N$. По Гуссерлю, K, L, M, N объединяются в один эйдетический комплекс постольку, поскольку они принадлежат *одной и той же вещи*. Иначе говоря, идентация имеет объективные основания. Загадочная, на первый взгляд, интуиция есть не что иное, как цепь идентаций. Без всякого ущерба для дела науки можно вообще отказаться от представления об интуиции, поставив на ее место идентифицирование. Еще одно важное обстоятельство: идентация имеет место в каждом переживании, т.е. нет как такового перехода от переживаний к эйдосам. Каждое идентифицирование изначально эйдетично. Строго говоря, речь должна идти не об индукции, понимаемой как восхождение от переживаний к эйдосам, а о многоэтапном продвижении к постижению *полноты* эйдосов. На наш взгляд, феноменологическое идентифицирование — ключ к преодолению

нию многовековой коллизии между сенсуалистами и рационалистами.

Ортодоксальный философ-аналитик не признает внутреннюю жизнь человека, ибо полагает, что к ней нет доступа — по крайней мере такого, который мог бы быть подвержен процедуре проверки. Значения слов — проверяемы, переживаний — нет. На это утверждение аналитика у феноменолога есть убедительный ответ: вы, аналитики, настаиваете на возможности сопоставления слов, а мы, феноменологи, на сопоставлении переживаний. Люди подобны друг другу не только как языковые, но и как ментальные существа. Переживания человека доступны науке в не меньшей степени, чем ядерные реакции, происходящие внутри звезд.

Что касается экономического сообщества, то в нем в отличие, например, от коллектива социологов феноменологический метод малопопулярен, с ним, как правило, вообще незнакомы. В результате познавательный потенциал экономической науки не достигает желаемого уровня.

В-третьих, феноменологам не удастся ассимилировать достижения исторической школы в философии науки. Поступь теорий показывает, что люди не столько создают науку, сколько совершенствуют ее. В постижении нуждается не просто мир переживаний, а его способная на дальнейшее развитие научная рафинированность.

Окончательный наш вывод таков: там, где речь заходит о теории познания, а без этого экономическая наука не может обойтись, феноменологический метод должен быть востребованным.

3.5.9. Герменевтическая концепция науки

А. Основные положения герменевтического метода

Герменевтами считаются те философы, которые придают пониманию значение основополагающего принципа философии. В герменевтике отчетливо выделяются две главные школы: герменевтика сознания (Ф. Шлейермахер и В. Дильтей) и герменевтика бытия (Х. Гадамер и др.). Герменевтика сознания была популярной в основном в XIX в., после смерти Дильтея (1911) она растеряла свой авторитет. Герменевты сознания видят ключ к взаимопониманию людей в их конгениальности: чтобы понять другого, необходимо переместиться в его сознание, вчувствоваться в последнее. Понимание обеспечивается сопереживанием [55, с. 130]. В начале XX в. проблематика герменевтики сознания была эффективно пе-

реосмыслена феноменологами. Дильтеевцам пришлось уступить дорогу гуссерлианцам.

Интенсификация в XX в. герменевтических штудий во многом была связана с именем М. Хайдеггера. На место герменевтики сознания он поставил герменевтику бытия [190, с. 37]. Но свою задачу он видел не столько в развитии герменевтики, сколько в разработке философии бытия, так называемой фундаментальной онтологии. Честь развития герменевтики бытия выпала на долю ученика Хайдеггера Х. Гадамера, опубликовавшего в 1960 г. свой знаменитый труд «Истина и метод» [40]. Со страниц этой книги герменевтический метод предстает в следующем виде.

- *Человек — существо понимающее.* Имеется в виду, что человек оперирует не чувствами, а смыслами.
- *Процесс понимания осуществляется в герменевтическом круге в форме перехода от целого к части и от части к целому.* В герменевтическом круге нет начала.
- *Задача герменевтики состоит в том, чтобы концентрическими кругами расширять единство усвоенного смысла.*
- *Пределы понимания образуют его горизонт, который может расширяться или сужаться.*
- *Исходное звено процесса понимания образуют предпонимание, предвосхищение совершенства смысла, предание и традиция.* Понимание никогда не начинается с нуля, оно всегда есть. Неуместны как критика традиции, так и ее романтическое восхваление.
- *Понять — означает прежде всего понять само дело.* Герменевтик стремится к налаживанию деяния, дела. Вслед за пониманием дела приходит и понимание чужого мнения.
- *Герменевтик проясняет ту ситуацию, в которой он находится, за счет расширения своих горизонтов.* Горизонт — это поле зрения, охватывающее все то, что можно понять. Человек понимает то, что попадает внутрь его горизонта.
- *Понимание есть действие.* Находясь в герменевтической ситуации, человек использует каждую порцию добытого им смысла, так наращивается герменевтический опыт. Неправоммерно сводить понимание к рефлексии и мышлению. Понимание приходит в действии и есть род действия.
- *В герменевтическом опыте человек осознает свою историчность, временность и конечность.*
- *Понимание есть интерпретация, диалектика вопросов и ответов.* Имеется в виду, что человек не описывает, а спрашивает пред-

мет его интереса. Иначе говоря, понимание имеет вопросно-ответную структуру. В действии выясняется, что в предвосхищении смысла приходится прислушиваться к опрашиваемому, отвергающему наши предмнения. Вопросно-ответной структурой обладает не только диалог, но и всякое действие.

- *Понимание вербально.* Окончательной инстанцией понимания оказывается язык. В языке выражаются дела и обстоятельства. У Гадамера вещи не заговаривают лишь потому, что они не обладают умением произносить слова. В своем молчании вещи, однако, определяют строй языка, среды понимания.
- *Подлинные человеческие отношения складываются там, где герменевтический опыт как диалог с другим достигает зрелости.* Диалог достигает успеха лишь тогда, когда собеседники открыты навстречу друг другу и стремятся к согласию.
- *Венец понимания — прекрасное как праздник, игра.* Для Гадамера прекрасное — это полнота понимания, достигнутая в герменевтическом опыте. Прекрасное — это способ явления благого. Искусство выше морали. Прекрасное — это в первую очередь не радость чувства, а дело, т.е. праздник, игра.

Б. Основные достижения герменевтики

Первоначально герменевтический проект Гадамера никак не был связан с наукой, в адрес которой он не скупился на критические замечания. Но впоследствии, реагируя на критику в его адрес, Гадамер отмечал, что он «пытался примирить философию с наукой» [40, с. 616], ибо «вся наука включает в себя герменевтический компонент» [Там же, с. 624]. Но что именно в науке является герменевтическим? В поиске ответа на этот вопрос рассмотрим самые поучительные с точки зрения науки положения герменевтического метода.

С герменевтических позиций философствование есть вопрошание и реконструирование сути дела в языке. Но что такое *суть дела*? Что такое *язык*? У герменевтов не найти четкого ответа на эти вопросы. Попытаемся тем не менее выработать эти ответы. «Герменевтика, — заявлял Гадамер, — это практика» [39, с. 8]. Речь идет о том, что каждая порция добытого знания должна быть тотчас же применена. Нет понимания без применения знания [40, с. 382]. Как нам представляется, сказанное вполне актуально для экономистов. Экономическая наука не может состояться без того, чтобы знание постоянно испытывалось. Применение (аппликация) знания необходимо еще и потому, что «всякий опыт, достойный это-

го имени, идет вразрез с нашими ожиданиями» [40, с. 419]. Чтобы обеспечить гармонию нашего жизненного опыта, приходится постоянно прибегать к процедуре аппликации знания.

Но как добывается знание? «Мы стремимся реконструировать вопрос, на который данное содержание предания (рассказа, теории о чем-либо. — В.К.) было бы ответом» [Там же, с. 439]. Почему появляются вопросы? Потому что люди затронуты той ситуацией, в которой они находятся. Главная же идея герменевтов состоит в том, что вопрос не может быть любым. Он не должен *разрушать* до него устоявшуюся гармонию человека с его окружением. Ортодоксальный герменевт полагает, что наука разрушает, разъединяет, иссекает там, где требуется сверхбдительность и сверхосторожность. Герменевтов интересует в первую очередь *полная гармония* (лат. *concensus*). Для именованя их теории, на наш взгляд, очень подходит термин «концентуализм»: гармония превыше всего.

Концентуализм герменевтов должен был их привести к теории обеспечения гармонии между людьми, консенсуса: «Фундаментальная истина герменевтики такова: истину не может познавать и сообщать кто-то один. Всемерно поддерживать диалог, давать сказать свое слово и инакомыслящему, уметь усваивать произносимое им — вот в чем душа герменевтики» [39, с. 91]. Герменевт недолго любит феномен критики, особенно такой, которая не приближает к согласию, к консенсусу.

На наш взгляд, концентуализм, а он включает в себя и консенсуализм, весьма актуален для экономистов уже постольку, поскольку он стоит на пути разрушительных тенденций, часто являющихся результатом непродуманных реформ. Концентуализм противостоит критицизму. В философии науки критицизму посвящены миллионы страниц, а концентуализм, по сути, неизвестен. Сами герменевты не сумели донести до научной общественности суть их концентуальных идей. Разумеется, концентуализм актуален лишь до тех пор, пока он не смыкается с апологетикой устаревшего, нуждающегося в обновлении.

В самом начале раздела ставился вопрос о содержании герменевтических понятий сути дела и языка. Суть дела — это сохранение и обеспечение гармонии бытия, его целостности. Применительно к экономике она означает согласие всех ее субъектов. Суть дела не расположена ни на стороне предпринимателей, ни на стороне наемных рабочих, она их объединяет.

Что касается языка, то он обеспечивает понимание сути дела. Язык не первичен, а вторичен. Естественно, возникает вопрос: ка-

ким должен быть язык? Ответ на этот вопрос можно почерпнуть не столько из работ Гадамера, сколько из трудов Хайдеггера. Он полагал, что обыкновенные слова для нужд философии малопригодны. Надо найти те слова, которые не навязываются ситуации, а прямо следуют из открывшейся человеку потаенности вещей. Хайдеггер считал, что в указанном отношении язык древних греков имеет явное преимущество перед современными языками. Для него этимология слов важнее их концептуального содержания. Его проект перестройки языка так и остался нереализованным. На наш взгляд, потому, что лишение языка концептуальности снижает его потенциал. Требование же языковой точности, разумеется, актуально.

Итак, к достижениям герменевтической концепции науки следует отнести:

- требование применения знания;
- вопрошание как способ наращивания знания;
- концептуальность;
- подчеркивание необходимости диалога между людьми, в том числе между учеными;
- требование выработки точных языковых форм.

В. Критика изъянов герменевтической философии науки

Во-первых, как уже отмечалось, герменевты решили обойтись без концептуальности науки и тем самым закрыли себе путь к постижению ее многих сущностных черт. Во-вторых, они поспешно отказались от института ценностей. Им показалось, что он несовместим с принципом концептуальности, ибо субъективен. В результате их рассуждение о бытии отмечено печатью натурализма. В-третьих, герменевты отказались от тщательного анализа содержания наук. В отсутствие такого анализа многие их выводы несогласуемы с наукой (мы их даже не стали анализировать). В-четвертых, герменевты без достаточных на то оснований очень подозрительно относятся к концепту «теория». В-пятых, они неумело проводят разграничительную линию между наукой и ненаукой.

3.5.10. Поиск критической теории

Вопрос о статусе теории — один из центральных в философии науки. В любой науке не обходится без утверждений типа: «В нашем распоряжении есть теория *такая-то*, а нужна, дескать, совсем другая». Но какая именно? В связи с рассматриваемой концепцией значительный интерес для дела философии науки представляет

поиск так называемой критической теории представителями Франкфуртской школы, среди которых выделялись своим талантом вначале М. Хоркхаймер и Т. Адорно, а позднее, уже в последние десятилетия, Ю. Хабермас и К.-О. Апель. Все четверо — профессиональные философы.

В 1923 г. благодаря фонду Ф. Вайля во Франкфурте-на-Майне был организован Институт социальных исследований, в котором намечалось дальнейшее развитие теории Маркса, золушки университетских штудий. Исходная идея была такой: как показал Маркс, статус теории обусловлен существующими общественными отношениями, во многих смыслах ущербными. Как же избавиться от деформирующего влияния на теорию посторонних для нее сил? Как превратить *традиционную* теорию в *критическую*? Необходимость критики традиционной теории считалась очевидной. Но никто не знал, какой именно должна быть критика.

Хоркхаймер и Адорно обратили свой критический пыл против подчинения теории инструментальному разуму. Как они доказывали, именно этот разум повинен в неудаче проекта Просвещения. Инструментальный разум и даже вся наука лишь на первый взгляд жизненны, а в действительности же они несут с собой новую форму мифического ослепления, регрессии масс [202, с. 10–11].

Франкфуртцам первого поколения никак не удавалось определить параметры критической теории. В конечном итоге Хоркхаймер увидел избавление человека от всех зол в религии. Намного более разработанными были устремления Адорно, который написал две монографии — «Негативная диалектика» (1966) и «Эстетическая теория» (опубликована посмертно в 1970 г.). Центральная идея обеих книг одна и та же: традиционные диалектика и теории имеют дело с тождественным и идентичным. Негативная диалектика и критическая теория есть опыт постижения индивидуального, нетождественного, неидентичного. В этом отношении предельно показательно произведение искусства. «Истина произведений искусства измеряется тем, удастся ли им усвоить не идентичное понятию, с его позиций случайное, в их имманентной необходимости. Их целесообразность нуждается в нецелесообразном» [5, с. 150].

Отметим сразу, не вникая в тонкости «Эстетической теории», что проект Адорно закончился, по сути, провалом. Поход против понятий (в эстетической теории против эстетических концептов-ценностей) оказался неудачным. Именно по этой причине франкфуртцами были предприняты другие попытки найти адекватный подход к формированию критической теории.

Э. Блох пытался заменить теорию утопиями, полагая, что иначе будет господствовать «полный практицизм» [27, с. 130]. Г. Маркузе стремился соединить гегелевскую и марксистскую диалектику с фрейдизмом. Критика репрессивной цивилизации ему отчасти удалась [111], но до выработки параметров критической теории дело так и не дошло. У Э. Фромма критическая теория выступает в форме психогуманистической этики [183]. И вновь параметры критической теории характеризуются скупо и невыразительно.

Перевести проблематику критической теории в русло продуктивных научно-философских исследований в наибольшей степени удалось Хабермасу и Апелю. Их идеи, рассматриваемые ниже, несомненно, заслуживают внимания.

Новая рациональность — это коммуникативный дискурс [187, с. 110]. Инструментальный разум должен быть преодолен в дискурсе, т.е. в диалоге, ведущемся посредством аргументов. Дискурс — высшая форма дискуссии.

Дискурс становится полновесным лишь в том случае, если он достигает стадии мюнданности (от нем. *Muendigkeit* — совершеннолетие), *зрелости*. Любое неразвитое знание оказывается некритическим и в итоге инструментальным.

Успех развития общества обеспечивает коммуникативная общественность (нем. *Oeffentlichkeit*), которая возможна лишь в условиях широкой гласности. Речь идет также о приобщении к развитой теории широких народных масс. Идея коммуникативности общественности развита Хабермасом.

Условием возможности философии является языковая игра идеального коммуникативного сообщества [14, с. 87]. С чего начинается философия? Вместе с Кантом Апель готов стартовать с трансцендентального, но он дает ему новую интерпретацию. Философия начинается с языковой игры. Ее нет без коммуникации людей. А чтобы обеспечить успех философии, необходимо идеальное сообщество. Любое реальное сообщество должно стремиться стать идеальным.

Прагматика господствует над синтактикой и семантикой [14, с. 92]. Это положение, очевидно, справедливо лишь для гуманитарных наук, которые как раз и составляют предмет интереса франкфуртцев. Следует отметить, что именно Апель стал тем человеком, который сумел перенести в немецкую философию потенциал американского прагматизма.

Зрелый диалог ведет к консенсусу [14, с. 90]. Консенсус не приостанавливает языковую игру, а лишь фиксирует ее достижения,

без которых невозможно контролировать и направлять общественное развитие. Компетентное согласие на основе коммуникативного дискурса — основной принцип коммуникативной этики, которую Хабермас и Апель часто характеризуют в качестве этики ответственности.

Итак, искомые ими идеалы критической теории франкфуртцы нашли в концепции интерсубъективной зрелой языковой игры. Модерн с его содержательным центром, социумом философии и науки остается, по Хабермасу, действенной программой, далекой от завершения [188]. А вот проект постмодерна отвергается как недостаточно продуманный.

Выводы представителей Франкфуртской школы, ныне уже не являющейся единым целым, нам представляются актуальными, особенно в плане их возвращения в лоно философии и науки. От критицизма в отношении науки после полувекового эстетствующего поиска пришлось отказаться. Что же касается требования дискурсивной критики, то оно, на наш взгляд, является вполне актуальным, а по значимости не только не уступает попперовскому критическому рационализму, но даже в ряде аспектов превосходит его. Основной недостаток воззрений Хабермаса и Апеля, по нашему мнению, состоит в их недостаточной погруженности в материал конкретных наук. По этой причине выводы франкфуртцев не лишены налета декларативности, известной поверхностности. К счастью, это обстоятельство не отменяет их актуальности для экономической науки. Здесь, равно как и в других науках, идет сложный процесс налаживания коммуникаций между представителями различных направлений. Если кто-то из читателей возьмет на себя труд провести объемное исследование диалога (взаимной критики, распри, называйте как хотите), например, между неоклассиками и кейнсианцами, то он обнаружит много такого, что философам неизвестно.

3.5.11. Структурализм — постструктурализм — постмодернизм

В этом подпараграфе будет рассмотрена по преимуществу французская философия от середины до конца XX в. В указанном периоде философы прославились как изобретатели структурализма, постструктурализма и постмодернизма. Латинское слово *структура* обычно понимается как строение, способ организации элементов или отношений системы. Русский фонолог Н.С. Трубецкой ввел в науку термин «структурализм», который он противопоставлял атомизму (имея в виду, что значения фонем определяются их

функциями в ряду звуков). Структурализм имеет место там, где единичное не считается самостоятельным, а воспроизводится не иначе как встроенным в некоторую организацию.

Первым структуралистом часто называют Маркса, согласно которому человек есть ансамбль всех тех общественных отношений, которые он олицетворяет. По Марксу, совокупность общественных отношений и есть структура общественно-экономической формации. Безусловно, структуралистские идеи Маркса существенно повлияли на многих выдающихся французских философов. Тем не менее не им суждено было сыграть решающую роль в развитии структурализма. Весь философский XX в. был отмечен непреходящим интересом к феномену языка, особенно в контексте работ Витгенштейна, Хайдеггера, Фрейда, Остина, а также швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра.

Труды последнего были хорошо известны во франкоязычном мире. Их потенциал, что не ускользнуло от внимания французских исследователей, прекрасно гармонировал с происходившим в философии лингвистическим поворотом. Соссюр рассматривал язык в качестве знаковой, или семиологической (от греч. *sema* — знак), системы [168, с. 165]. Язык — социальное явление. Он не основан на естественном положении вещей. Языковые знаки имеют смысл лишь во взаимоотношении друг с другом и, следовательно, в силу своих отличий. Соссюр не отрицал, что слова предназначены для обозначения предметов. Но «если бы язык использовался только для наименования предметов, различные его члены не были бы связаны между собой, они существовали бы по отдельности, как и сами предметы» [Там же, с. 186]. Вырисовывается довольно необычное, далекое от банальности обстоятельство. Оказывается, именно язык позволяет человеку освоиться в мире, благодаря ему смысл вносится туда, где он изначально отсутствует. В связи с этим французские философы обратили особое внимание на фрейдизм. Согласно З. Фрейду, психотерапевт получает доступ к бессознательному пациента исключительно благодаря языку. Язык — ключ к психическому, равно как и ко всему предметному. А сам он выступает как совокупность предложений, связи которых и являются его структурой. Итак, что может познать человек? Структуры языка. Философия должна иметь дело не с вещами и идеями, а со структурами языка. В реализации этой программы достаточно отчетливо выделяются три вехи.

В *структурализме* ведут поиск устойчивых отношений, проговариваемых в речи или прописываемых в письме. Такие структуры

обнаружили: К. Леви-Стросс — в системах первобытного родства, Р. Барт — в литературе, Ж. Лакан — в бессознательном.

В *постструктурализме* в центр исследований ставят динамику языка, его изменчивость. Структуралистская статика в силу ее безразличия к истории языка отвергается. М. Фуко обратился к многообразию дискурсивных формаций. Ж. Деррида настаивал на деконструкции всех устоявшихся языковых структур, ибо именно они закабаляют человека. Деконструкция реализуется путем замены одних слов другими, от них остаются нескончаемые тропы следов [49, с. 57]. Смысл деконструкции состоит в том, чтобы получить шанс поэмы (говорите, например, о рынке долго и по-разному, но так, чтобы получилось новое привлекательное повествование).

В *постмодернизме* стремятся покончить с последним признанием в языке каких-либо устойчивостей. Язык теперь характеризуется не иначе как *агонистика* языковых игр, которая, как недвусмысленно заявлял Ж.-Ф. Лиотар, лежит «в основе всего нашего метода» [98, с. 33].

Для цепочки структурализм → постструктурализм → постмодернизм характерна также существенная трансформация актуального для языка семантического отношения, согласно которому обозначающее представляет обозначаемое. В *структурализме* семантическое отношение принималось как нечто самоочевидное. В *постструктурализме* его уже не одобряют. Деррида прямо заявлял, что удар деконструкции им обрушивается «в первую очередь» на предложения типа «*S* есть *P*» [49, с. 56]. Идея такая: у слов нет строгого референта. Постструктурализм отказывается от референции. В *постмодернизме* наличие реальности отвергается. В языковых играх происходит сотворение непредставимого, но оно не дает «сделать себя присутствующим» [97, с. 112]. Лиотар считал, что принцип реализма был решающим образом дестабилизирован капитализмом, его денежным механизмом [Там же, с. 109]. Что стоит за деньгами? То же самое, что за квадратом Малевича, — непредставимое. Забавная ситуация: по Лиотару, именно экономисты стали первыми постмодернистами.

На наш взгляд, рассмотренная выше программа, назовем ее для краткости по имени господствующего направления постмодернистской, небезупречна, но и не бессмысленна. Отметим несколько идей, которые, по нашему мнению, представляют для философии науки определенный интерес.

1. *Знание наращивается по дискурсивным порогам* [184, с. 185–186]:

- позитивности: дискурсивная формация образовалась и начала трансформироваться;
- эпистемологизации: появились модели знания, которые подвергаются критике и проверке;
- научности: выработаны критерии аргументации;
- формализации: определены аксиомы и формальные правила построения дискурсов.

Благотворная идея состоит в том, что дискурсы действительно бывают самыми разными. В философии науки это далеко не всегда учитывается. Идея Фуко позволяет охарактеризовать с новой точки зрения то существенное различие, которое отличает научно-теоретический *ряд* от его *строя*. Указанный *ряд* представляет собой восхождение по порогам научности. Научно-теоретический строй переводит их все в разряд самого рафинированного знания.

2. *Философствование реализует триаду: генеалогия — критика — археология* [185, с. 87, 281–282]. Генеалогия изучает образование дискурсов. Критика прореживает и унифицирует их. А археология занята проблематизацией в *историческом* (отсюда слово «археология») поле дискурсов.

3. *В научном исследовании необходимо реализовывать полноту текста*. Этот вывод навеян работами Ж. Дерриды. Вопреки абсолютному большинству философов-аналитиков, мы полагаем, что его идея деконструкции текста содержит рациональное зерно. Довольно часто исследователи стремятся к лаконичным определениям типа *S* есть *P* (вспомните различные определения товара). Создается впечатление, что суть дела исчерпывается всего лишь одним или же, в сложном случае, несколькими предложениями. Но при тщательном анализе выясняется, что исчерпывающая характеристика любого элемента теоретической системы возможна лишь при ее полном обходе. Краткость научного суждения никогда не является самодостаточной.

4. *Плюрализм языковых игр*. Этот тезис лежит в основе постмодернизма. Неприятие его не согласуется с тем обилием гипотез и теорий, которое характерно для современной науки. Плюрализм стал ее визитной карточкой. Как совладать с ним, вот в чем вопрос.

Переходим к критике постструктурализма и постмодернизма (достоинства структурализма в значительной степени учтены в так называемом системном анализе). Представители этих двух направ-

лений допустили весьма характерную для определенной части философов ошибку. Они отставили науку в сторону, надеясь обойтись без ее потенциала. Такое решение никогда не проходит для философии бесследно. Дело в том, что наука и философия науки усиливают друг друга. Глядя в зеркало друг друга, они способны корректировать свои ошибки.

Постструктуралисты и постмодернисты сначала отказались от семантического отношения, согласно которому знаки соотносятся с их референтами. Затем они дружно устремились в страну прагматики, полагая, что здесь науке вообще нет места. Делегитимация науки, как выразался Лиотар, «открывает дорогу набирающему силу течению постмодернизма: наука играет собственную игру, она не может легитимировать другие языковые игры. Например, прескриптивная игра ускользает от нее. Но, прежде всего, она не может больше сама себя легитимировать, как то предполагает спекуляция» [98, с. 97–98]. Сказанное Лиотаром в адрес науки звучит устрашающе, но, по сути, оно не опрокидывает законность (легитимность) науки, а просто-напросто проскакивает мимо нее. Если бы постмодернисты обратились к арсеналу современных наук, то они убедились бы, что она не отказывается ни от семантического, ни от прагматического отношения. Наука становится другой, более тонкой. Да, у нее есть проблемы, но это проблемы роста, а не увядания. Прескриптивная игра ускользает от естествознания, но не от обществознания. Не ускользает от науки и многообразие дискурсов. Она не сводит их соотношение к агонистике, к абсолютной несоизмеримости. Дискурсы соизмеримы друг с другом. Доказывается это не голословными утверждениями, а тщательным научным анализом. Постмодернисты явно преувеличивают произвольный характер языковых игр, стараясь придать ему какую-то таинственную, непостижимую природу. В действительности же любая языковая форма поддается научному осмыслению, причем даже в том случае, если ее субъекты делают неожиданные ходы. Языковая игра — это не что иное, как наиболее сложная форма межличностной коммуникации с неординарной концептуальностью. Пока еще никому: ни шахматисту, ни футболисту, ни поэту, ни экономисту, ни философу — не удалось придумать такую речевую или текстуральную коммуникацию, которая была бы неподвластна научному анализу.

Итак, в триаде *структурализм — постструктурализм — постмодернизм* рождены идеи, которые актуальны для философии науки. Это:

- выделение дискурсивных порогов знания;
- сочетание генеалогии и критики с археологией, т.е. с проблемно-историческим методом;
- вывод о необходимости реализации полноты текста;
- акцент на многообразии языковых игр.

3.6. КРЕДО СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Наш очерк, посвященный философии науки, подошел к концу. Осталось самое, пожалуй, трудное — синтезировать достижения различных школ и направлений. Как это сделать? Возможен ли упомянутый синтез в принципе? Читатель, знакомый с представлением о научно-теоретическом строе, будет вполне прав, если предложит выразить его в явном виде, — разумеется, на основе проведенного в данной главе анализа научно-теоретического ряда теорий философии науки. Но определение научно-теоретического строя современной философии науки представляет собой сложнейшую задачу.

Дело обстоит бы относительно просто, в случае если бы можно было научно-теоретический строй философии науки (ФН) начать с одного из хорошо известных направлений. В таком случае можно было бы остановиться на следующем варианте:

$$\text{ФН}_{\text{аналит}} \rightarrow \text{ФН}_{\text{постпозит}} \rightarrow \text{ФН}_{\text{неопозит}} \quad (3.3)$$

Пожалуй, неоспоримо, что (3.3) представляет собой *мэйнстрим* современной философии науки. Крайне важно понимать, что достижения феноменологической, герменевтической, франкфуртской, постмодернистской философии науки можно учесть в рамках научно-теоретического строя. Возможно обогащение аналитической философии науки феноменологическими, герменевтическими, постструктуралистскими идеями, но такое обогащение следует проводить очень осторожно, шаг за шагом, преодолевая скептицизм ортодоксов из различных философских лагерей. Несговорчивость ортодоксов определяется их неприятием плюрализма методологических принципов, приравниванием его к эклектике. Но плюрализм в отличие от эклектики может быть вполне последовательным с научной точки зрения. Приведем показательный пример. Аналитик начинает исследование с языка, а феноменолог — с ментальности. Ортодоксальный аналитик либо считает ментальность проявлением языка, либо вообще ее отвергает. Ортодоксальный феноменолог не согласится изменить свою точку зрения,

а именно что язык есть выражение сознания и, следовательно, является, вопреки мнению аналитика, вторичной реальностью. Но дело в том, что субординационные связи между языком и ментальностью не имеют однозначного характера, что не учитывается ортодоксами.

Истиной в высшей инстанции не владеет ни одно из направлений философии науки. Как раз по этой причине приходится обращаться к научно-теоретическому строю философии науки, развертывая его таким образом, чтобы учесть все достижения разнообразных теорий. В свете сказанного научно-теоретический строй философии науки начинается не с аналитической философии науки, а с некоторого синтетического целого, полученного в результате критики и проблематизации наиболее презентабельных теорий. Строй (3.3) предваряется концепцией $\Phi\text{Н}_{\text{синтетическая}}$, т.е. синтетической топ-теорией философии науки:

$$\Phi\text{Н}_{\text{синтет}} \rightarrow \Phi\text{Н}_{\text{аналит}} \rightarrow \Phi\text{Н}_{\text{постпозит}} \rightarrow \Phi\text{Н}_{\text{неопозит}} \quad (3.4)$$

Кто поставляет $\Phi\text{Н}_{\text{синтет}}$? Автор соответствующей книги, больше никому. Наука всегда имеет авторский характер, даже при желании от этого не уйти. Автор может быть всего лишь комментатором, эпигоном выдающихся исследователей или же, наоборот, новатором. В любом случае, взявшись за перо, он возложил на себя ответственность за новую концепцию. Что касается нас, то с главы 1 книги мы сознательно руководствовались представлением о научно-теоретическом строе философии науки. Поэтому уже в этой главе были сформулированы основополагающие принципы синтетической теории философии науки. Разумеется, там это было сделано в предварительном плане, без явного обращения к многообразию тех теорий, которые стали предметом анализа в данной главе. Теперь появилась возможность представить современную философию науки, ее научно-теоретический строй в более целостном виде, проблемном и критическом одновременно. Здесь вряд ли целесообразно излагать философию науки во всех подробностях, это потребовало бы еще сотню страниц. Исходя из этого, мы решили сформулировать нечто вроде кредо современной философии науки, усвоение которого позволило бы читателю достаточно уверенно ориентироваться в ней, избегая ловушек наивной методологии.

1. Принцип единства науки и философии науки. Отход от этого принципа обычно реализуется двумя путями: либо отрицается философия науки, либо на ее место ставят метафизику, рассуждения,

не сопоставленные с данными науки. Первая точка зрения характерна для неопозитивистов, вторая — для феноменологов, герменевтов, постструктуралистов, постмодернистов. Следует отметить, что отрицание философии со стороны неопозитивистов (Л. Витгенштейна, Р. Карнапа) было мнимым, ненастоящим. А вот у многих экономистов отрицание философии науки приобретает острую форму. Дело заканчивается тем, что они руководствуются давно устаревшими методологическими принципами, например времен Локка.

2. Принцип теоретической относительности знания. Любое знание является концептуальным. И потенциал этого принципа часто грубо недооценивается, особенно тогда, когда считают, что у человека есть доступ к интересующим его явлениям, минуя стадию теории. Отказ от теории, превращение терминов «теория» и «наука» в концептуальные пустышки приводят к различным формам дескриптивизма и материализма. Герменевты, постмодернисты имеют о научной теории довольно смутное представление. Среди ученых, в том числе экономистов и философов, широко распространено несостоятельное мнение, согласно которому принцип теоретической относительности сродни субъективизму с его произволом. Что касается самой теории, то она, естественно, должна ставиться под огонь критики. Варианты этой критики предложены, в частности, К. Поппером (критический рационализм), Ю. Хабермасом и К.-О. Апелем (коммуникативный дискурс), М. Фуко (философия дискурсивных формаций).

3. Принцип необходимости оценки знания в контексте научно-теоретического строя. Элементарной интерсубъективной формой знания является предложение. Первоначально считалось, что научная легитимность любого предложения может быть оценена без обращения к теории. Эта ошибка была исправлена уже в неопозитивизме (Р. Карнап, Х. Рейхенбах, К. Гемпель). Но неопозитивисты хотели обойтись одной теорией там, где следует учитывать несколько теорий, обеспечивающих, как показал Поппер, рост научного знания. От Поппера можно было ожидать, что он укажет на необходимость оценки знания в контексте по крайней мере двух теорий — старой и новой. Но он не сделал этого. Тем не менее повышение внимания к историчности научного знания расширяет его ареал. Применительно ко всем наукам, в том числе экономической, пишут обширные курсы истории их учений. Идея о том, что знание должно оцениваться в максимально широком научном контексте, стала «витать в воздухе». Но придать ей строгую форму

никак не удавалось отчасти из-за широкого распространения догмы об автономности теорий и их несоизмеримости. Даже в наши дни концепции научно-теоретического исторического ряда и строя теорий остаются плохо известными представителями различных, в том числе экономических и философских, наук.

4. Принцип актуальности наиболее развитого научного знания. Всегда и везде необходимо руководствоваться самой развитой теорией. Этот принцип по сути своей является парафразой принципа научно-теоретического строя. Если бы последний был достаточно известен научной общественности, то, наверно, можно было бы обойтись без упоминания принципа актуальности наиболее развитого научного знания. Оба принципа часто не соблюдаются, причем и в науке, и в образовании. Образование, не соблюдающее принципы философии науки, естественно, неполноценно.

5. Принцип концептуальности. Согласно этому принципу любая теория имеет дело с концептами, т.е. с различного рода понятиями, которые варьируются от одной теории к другой. Не существует более элементарной теоретической формы, чем понятие. Все, что есть в теории, «соткано» из понятий. На первый взгляд, этот вывод не кажется особенно сложным, но чрезвычайно широко распространенная практика его искажений показывает, что он усваивается не без труда. Что только не предпосылается понятиям: и чувства, и мысли, и слова как метки предметов, и интуиция. Широко распространено мнение, что понятие нужно каким-то образом «вывести», получить из исходного научного материала. Но это воззрение противоречит статусу понятий как элементарных форм теории, науки.

Статус понятий как органического единства общего и единичного часто недопонимается. То и дело рассматривают единичное как таковое, внепонятийное. Философы (герменевты, экзистенциалисты, постмодернисты), опасаясь диктата общего, тождественного, стремятся остаться в кругу единичного. Результат этих усилий всегда один и тот же, а именно забвение тех достижений, которые были добыты в результате многовековых усилий выдающихся философов и ученых.

Как правило, недопонимается, что обновление понятийного арсенала науки достигается прежде всего при переходе к новой теории ($T_1 \rightarrow T_2 \dots$). Что касается теории абстракций, то она сыграла в истории науки исключительно негативную роль. От ее имени понятия были интерпретированы как бескровные реалии, ничего общего не имеющие с полнотой жизни. Многочисленные

критики науки (М. Хайдеггер, Т. Адорно и др.) направляют свою иронию против абстракций, наивно полагая, что именно они олицетворяют науку.

6. Принцип плюрализма наук. Многообразны не только теории в составе той или другой науки, но и сами науки. Вроде бы каждый знает, что гуманитарные науки отличаются от наук о природе. Но почему тогда методологическим принципам наук о природе, особенно физики, придают общенаучную значимость? Видимо, потому, что концептуальное различие двух типов наук оставляет желать лучшего.

Не осознается в должной степени, что первый водораздел между науками проходит по области семиотики — науки о знаках. Семиотика позволяет различать синтаксические, семантические и прагматические науки (именно в разряд последних попадает экономическая теория). Альтернативы семиотическому пониманию плюрализма наук не видно.

7. Принцип своеобразия прагматических наук. Непризнание этого принципа приводит к засилью натурализма, физикализма и семантизма в науке. Указанный принцип нацеливает на всемерное выявление особенностей прагматических наук. Но чаще наблюдается другая картина, когда, руководствуясь методологическими стандартами физики, именно под них подстраивают прагматическую науку. Забавно, что поскольку прагматические науки не вмещаются в методологическое ложе физики, постольку их то и дело считают даже... ненауками. Следует отметить, что в экономическом сообществе вопросу доказательства подлинности научного статуса экономической теории не уделяется должного внимания.

8. Принцип истинности. Согласно этому принципу регулятив истины является одним из центральных в организации любой науки. Было бы удивительным, если бы принцип истинности не гармонировал с принципом плюрализма наук, а противоречил ему. Но, как ни странно, в современной науке принцип истинности представлен в основном его семантическим вариантом. Многие ученые убеждены, что регулятив истинности характерен исключительно для наук о природе. Много путаницы принесла с собой знаменитая работа А. Тарского [174], в которой, как утверждал он, а за ним его многочисленные последователи, речь шла именно о семантической истине, и никакой другой. Тарский утверждал, что истинные предложения соответствуют тому, *что есть*. С этого *что есть* и началась большая путаница. Оно было истолковано натуралистически: существуют, дескать, только природные явления, но

не социальные. Налицо натуралистическая ошибка, сопровождавшаяся выталкиванием гуманитарных дисциплин за пределы науки. Указанная ошибка явилась следствием известной слабости философии науки. Вместо тщательного анализа смысла выражения «*что есть*» (его посчитали интуитивно ясным) признали реальными только природные явления. Между тем в концепции истины Тарского речь идет о той реальности, о которой *свидетельствует теория*. Существуют не только природные явления, но и, например, числа и экономические ценности. Строго говоря, как уже отмечалось ранее, Тарский дал определение *логической* истины, которая конкретизируется применительно к любой теории.

Итак, перечисленные выше восемь принципов как раз и выступают основаниями, своеобразным кредо современной философии науки. Каждый из этих принципов является итогом длительного развития философии науки. Он не предпосылается науке от имени метафизики, якобы способной вырабатывать научно-философские принципы на пустом месте. Понимание каждого из восьми методологических принципов предполагает основательную осведомленность относительно тех многочисленных подходов, которые были реализованы в рамках различных философских направлений, — от платонизма и аристотелизма до аналитической философии и постмодернизма. Вне этих направлений философия науки не существует. Часто предпринимаемые попытки сформулировать философию науки в обобщенном виде, безотносительно к специфике философских направлений превращают методологические принципы в пустые декларации, не способные стать руководством к действию в научных исследованиях. Ученый должен быть детально ознакомлен относительно того, как теория проверяется, подтверждается, подкрепляется, фальсифицируется, трансформируется, включается в научно-теоретический ряд и строй, как совершенствуются понятия, как используются различные методы. Соответствующие знания поставляются исследованиями, которые всегда совершаются в рамках вполне определенных философских направлений.

Для философии экономической теории крайне важно, что актуальный для нее прагматический поворот случился в философии относительно недавно. Лишь после 1950 г. он наконец-то занял, прежде всего благодаря работам Р. Хэара, важное место в мейн-стриме современной философии науки: неопозитивизм → постпозитивизм → современная аналитическая философия. В философской прагматике присутствует еще очень много неустоявшегося,

пребывающего в стадии становления. Особенно это касается учения о ценностях как концептах. Недопонимается, что именно концепты-ценности являются элементарной формой любой прагматической, в том числе экономической, теории. Игнорирование института концептов как ценностей приобрело и в науке, и в философии науки характер подлинного бедствия, закрывающего путь к пониманию статуса прагматической теории. Отсутствует необходимая строгость в использовании термина «ценность». К ценностям относят, например, принципы философии науки. Но эти принципы не являются ценностями-концептами. Разумеется, можно при желании определить ценности как любые высказывания о предпочтениях людей. Но в таком случае остается в тени вопрос о концептуальном содержании ценностей, т.е. нарушается принцип концептуальности, а это означает, что смысл прагматической теории оказывается безвозвратно утерянным.

Кредо современной философии науки призвано выразить в научной и учебной деятельности кого бы то ни было — студента, аспиранта или ученого — регулятивную функцию, заключающуюся в задании наиболее важных методологических принципов. Разумеется, как и все в науке, они должны подвергаться закалке под огнем жесточайшей научной критики. Уже в следующей главе философское кредо будет использовано для характеристики методологических воззрений ряда выдающихся экономистов. Философия экономической науки в силу ее пограничного положения между философией и экономической теорией обогащается знанием с двух сторон — как философами, так и экономистами. Философы заслушивались в этой главе, пора дать слово экономистам — разумеется, тем из них, которые проявили к философии своей науки незаурядный интерес и получили актуальные результаты.

ГЛАВА 4

ВЕХИ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

4.1. ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ: РАННИЙ ПОЗИТИВИЗМ

Методологическая позиция Дж.С. Милля представляет значительный интерес уже постольку, поскольку его труды знаменуют собой вершину классической политической экономии, у истоков которой стояли А. Смит и Д. Рикардо. В философском отношении оба сильно уступали Миллю, который сознательно стремился продолжить философскую линию Конт — Локк — Беркли — Бентам. О. Конта, с которым он состоял в переписке, Милль высоко ценил за его позитивизм: ученый обязан руководствоваться чувственными впечатлениями, их соотносительностью и более ничем. Расхождения с Контом у Милля начинались там, где речь заходила о социальных явлениях. У него были все основания считать, что Конту не удалось выработать философские принципы социальных наук. В качестве философов Локк и Беркли значимы для Милля, но и они не выработали указанных принципов. Отчасти это удалось Бентаму в его утилитаризме, но он прославился не столько своими философскими идеями, сколько реформаторской деятельностью. Таким образом, Милль сознавал, что ему предстоит выработать свою собственную точку зрения, отличную от позиций его предшественников.

В качестве сторонника эмпирицистского позитивизма Милль полагал, что принципы и теоретические методы нельзя строить *a priori*, они должны извлекаться из наблюдений. «Научное объяснение состоит из объяснений следствий из их причин» [116, с. 733]. Применительно к гуманитарным наукам это означает, что необходимо объяснить хотения мотивами, а мотивы — желательными для нас предметами [Там же, с. 683]. Следует отметить, что решимость, с которой Милль ставил в центр социальных наук причинно-следственные связи, вызывает изрядную дозу удивления, и вот почему. Он наверняка был знаком с анализом Д. Юма, согласно которому фиксируется последовательность явлений, а не их причинно-следственные связи. Но на этот анализ Милль не обратил должного внимания, возможно потому, что в противном случае ему пришлось бы вступить в конфликт с экономистами, широко использовавшими представление о причинной детерминации.

Милль различал четыре метода: экспериментальный, при котором лишь фиксируются факты; отвлеченный, когда все хотят объяснить одной причиной; прямой дедуктивный (учитываются многие причины); обратно-дедуктивный (эмпирически выявленные исторические законы объясняются способностями людей). Идеал гуманитарного научного знания, по Миллю, определяется методом обратной дедукции [116, с. 750]. В своих «Основах политической экономии» [115] он в основном руководствовался методом обратной дедукции, а не дедукции, как часто утверждается.

Милль, следуя Ф. Бэкону, разрабатывал методику исследования причинно-следственных связей. Он считал, что если тщательно провести наблюдение, а затем сопоставить взаимозависимости явлений, то всегда можно выявить причинно-следственную связь. Именно так устанавливаются научные законы. Общие понятия получают благодаря абстракциям, они нужны в качестве памятных записей, в реальности им не соответствуют какие-либо сущности. Все научные предложения получают благодаря индукции. Подлинный смысл дедукции как якобы совершающегося доказательства от общего к частному на самом деле сводится к индукции, к движению от частного к частному. Допустим, проведено наблюдение двух явлений x_1 и x_2 и установлено их сходство F , т.е. найден закон $F(x_1, x_2)$. Если теперь в поле зрения исследования попадает явление x_3 , схожее с x_1 и x_2 , то на него распространяется закон $F(x_1, x_2)$, т.е. получается закон $F(x_1, x_2, x_3)$. Кажется, что x_3 выведено из закона F , но в действительности никакого вывода не было, просто в одну группу были объединены схожие явления. То есть имела место расширяющая индукция. Логические дедукции есть частные случаи индукции.

Вроде бы со сведением дедукции к индукции все обстоит вполне благополучно, но в моральных науках (так выражался Милль) есть одна сложность: речь идет не о том, что *есть* и *будет*, а о том, что *должно быть* [116, с. 763]. Перед «гильотиной Юма» приходится признать бессилие науки: что *должно быть*, невозможно установить научно. Поэтому все моральные науки, в том числе и политическая экономия, являются в определенном роде не только науками, но и... искусствами.

«Искусство ставит цель, которую нужно достичь, определяет эту цель и передает науке. Наука принимает ее, рассматривает как явление или факт, подлежащий изучению, а затем, разобрав причины и условия этого явления, отсылает его обратно искусству, с теоремой относительно того стечения обстоятельств, которым

оно причинно обусловлено» [116, с. 764]. Что касается целей, то они устанавливаются не произвольно, а в соответствии с определенным принципом, который получают опять же из опыта. Главный принцип методологии есть «содействие счастью человечества или, скорее, всех чувствующих существ» [Там же, с. 769]. Таково требование утилитаризма [117].

Почему в рассуждениях Милля довольно неожиданно появилась ссылка на искусство? Это признак хорошего научно-философского тона? Безусловно, нет. В последовательной философии науки обязательно должен использоваться принцип теоретической относительности, а это означает, что принимаются ссылки исключительно на теории. Ссылка на искусство не принимается, она должна быть заменена ссылкой на искусствоведение, например на теорию театра или литературоведение. Теперь уже ясно, что ссылка Милля на искусство камуфлирует какую-то фундаментальную для него трудность. Нам она видится в том, что, отнеся причинно-следственные связи к области науки, он растерялся перед лицом ценностно-целевых соотношений. Имея о ценностях смутное представление, не зная, как поступить с ценностно-целевыми соотношениями, Милль отдал их на откуп искусству. В результате он оказался перед непреодолимыми для себя трудностями. Видимо, их характер не был им понят в должной степени. К тому же надо учесть, что с читателями своих экономических произведений Милль, как правило, избегал сколько-нибудь детального обсуждения своих философских выводов.

Для философии экономической науки Милля весьма характерны натурализм, дескриптивизм, психологизм. Но даже под деформирующим влиянием этих псевдопринципов философии науки упомянутая теория достаточно весома, ведь не случайно Миллю удалось развить передовую для его времени либерально-реформаторскую идеологию. Философия Милля в сравнении с философией его экономического кумира Д. Рикардо явно выигрывает, в ней меньше натурализма (не случайно Милль отходил от трудовой теории стоимости), больше экзистенциальной определенности, он лучше учитывал влияние на экономику пограничных с нею наук — политологии и социологии, дополнял ее этическими положениями. Для своего времени, т.е. для середины XIX в., теория Милля — образец философского исследования. Но с позиции сегодняшнего дня она, разумеется, уже не является образцовой. Все используемые Миллем понятия являются не более чем эрзац-ценностями. Концептом «ценность» он не владел. В обращении с по-

нениями Милль был еще и довольно неуклюж постольку, поскольку он не владел математическим анализом, а его логика, разработке которой он посвятил значительную часть своей жизни, не отличаясь, по сути, от теории познания, была перенасыщена психологизмами. В неопозитивистской логике (Г. Фреге, Б. Рассел, Р. Карнап) психологизмы считаются абсолютно неприемлемыми. Итак, философия экономической науки Милля имеет эмпирико-позитивистский характер. Этим обстоятельством определяются как ее достоинства, так и недостатки.

Весьма странную оценку методологии Милля дает такой крупный в методологии экономики авторитет, как Д. Хаусман. «Если осовременить язык, которым он пользовался, и саму его экономическую теорию, то, как мне кажется, мы получим позицию, которой и сегодня придерживается большинство ортодоксальных экономистов, что бы они ни заявляли в методологических дискуссиях» [193, № 2, с. 107]. На наш взгляд, как бы ни интерпретировалось содержание концепции Милля, она навсегда останется теорией середины XIX в. и не покинет того места, которое обеспечил ей в научно-теоретическом ряду теорий ее создатель. Лишь в одном отношении вывод Хаусмана представляется нам актуальным. Многие экономисты, избегая рефлексий над философскими основаниями своих исследований, высказывают суждения проблемного толка. Деграция тех или иных исследователей в сторону нижних ступеней соответствующего исторического научно-теоретического ряда наблюдается достаточно часто, но полностью переместиться в методологическое прошлое им все-таки не дано. Любой современный экономист уже только за счет использования предельных величин и связанного с ними математического аппарата далеко уходит вперед от миллевских конструкций.

4.2. КАРЛ МАРКС: МЕТОД ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

В «Экономических рукописях 1857–1861 годов» К. Маркса содержится методологически актуальное эссе «Метод политической экономии». Оно написано в 1857 г. К этому времени К. Маркс был зрелым философом и придерживался весьма устоявшихся философских воззрений. Кто детально знаком с творческой лабораторией Маркса, тот знает, что подчас идеи Маркса формулировались им в «Экономических рукописях 1857–1861 годов» точнее и

в более яркой форме, чем в его более поздних произведениях, в частности в «Капитале».

Маркс называет «правильным в научном отношении» метод восхождения от абстрактного к конкретному [110, с. 38]. Он имел в виду, что представление о целом является хаотическим, т.е. концептуально не выверенным до тех пор, пока не выделены его элементы. Только после этого создаются условия для перехода «к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений» [Там же]. Итак, зрелой форме научного исследования, восхождению от абстрактного к конкретному ($a \rightarrow k$), предшествует подготовительная работа, анализ конкретного ($k \rightarrow a$). Маркс отлично сознавал, что ему надлежит объяснить, каким образом происходит «переработка содержания и представления в понятия» [Там же, с. 39]. В связи с этим он возлагал основные надежды на абстрагирование. «При анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции» [108, с. 6]. Приведенные рассуждения Маркса ничего не доказывают: и в физике и в химии дело обстоит далеко не так просто, как ему казалось. Человеку, который не знает теории, микроскоп не поможет даже в физике. В распоряжении экономиста также кое-что имеется: результаты наблюдений, статистические данные, реакции людей на те или иные экономические акции. Впрочем, все это нуждается в осмыслении, а сделать это можно, считал Маркс, не иначе как благодаря силе абстракции.

Может быть, но тогда возникает один из ключевых вопросов: что именно представляет собой абстрагирование? Во-первых, мысленное расчленение целого на его части, сопровождающееся известным обособлением каждой из них. Во-вторых, вычленение среди фрагментов системы самой элементарной ее части, причем такой, которая сохраняет в себе своеобразие системы. У Маркса это означает, что абстрагирование заканчивается на стоимости товаров. Еще один шаг абстракции приводит к материальным вещам, и это уже предметы не экономической теории, а естествознания. Но у абстракции есть еще одна граница. «Клеточка» системы должна позволять воспроизводить все ее богатство. Допустим, вы настолько увлеклись абстракцией, что дошли до менового отношения товаров в том его виде, в котором оно существовало на заре писаной истории человечества, например во времена царя Хаммурапи. Начиная с этого менового отношения, невозможно воспроизвести капиталистические отношения в их развитом виде. Следовательно,

абстрагирование проведено неправильно. В-третьих, абстрагирование должно обеспечить подлинную, а не мнимую предпосылку успешного восхождения от абстрактного к богатству конкретного.

По Марксу, абстрактное не автономно, оно является элементом восхождения $a \rightarrow k$. В методологическом отношении этот момент решающий. Имея это в виду, можно с энтузиазмом отнестись к «силе абстракции». Впрочем, она оказывается не только «силой абстракции», но и, выразимся так, силой конкретизации. Строго говоря, речь идет о силе диалектического разума. «Вещи в своем проявлении, — отмечал Маркс, — часто представляются в извращенном виде» [108, с. 547]. Научное исследование должно пробиться от обманчивой видимости вещей к их подлинной сущности. И именно она как раз и является последней инстанцией диалектической абстрагирующей силы разума.

Исторический характер абстрактного вынудил Маркса определить относительно его различных последовательных ступеней. В связи с этим появился его знаменитый афоризм: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны». Он имел в виду, что «буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т.д.» [110, с. 43]. «Так называемое историческое развитие покоится на том, что последняя по времени форма рассматривает предыдущие формы как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике» [Там же]. Самокритика открывает путь к пониманию менее развитого на базе более развитого. Но следует учитывать, что Маркс рассматривал соотношение не теорий, а лишь соответствующих им форм наличного бытия [Там же, с. 44]. Какой бы своеобразной ни была теория, считал он, она всего лишь копирует действительность; утонченность теории повторяет изощренность общественного бытия. Копирование представляет собой сложнейший диалектический процесс, но тем не менее оно остается копированием.

Владел ли Маркс концепцией научно-теоретического строя? Отчасти владел, о чем свидетельствуют его обширные «Теории прибавочной стоимости», которые по замыслу Маркса должны были составить четвертый том «Капитала». В соответствии с планом своих исследований он проводил тщательную ревизию известных ему политико-экономических теорий. Добытые знания Маркс включил в основной текст «Капитала» в форме комментариев. Ф. Энгельс справедливо отмечал, что приводимые его другом «ци-

таты образуют лишь непрерывный, заимствованный из истории экономической науки *комментарий* (курсив наш. — В.К.) к тексту и устанавливают даты и авторов отдельных наиболее важных достижений в области экономических теорий» [108, с. 29]. Но всего лишь *комментарии* и *научно-теоретический ряд* теорий — это разные вещи. Маркс слишком поспешно «убегает» от теории к предметам, поэтому ее относительная самостоятельность подчеркивается им крайне редко, а принцип теоретической относительности вообще не получает у него сколько-нибудь отчетливого выражения.

До сих пор давалась общая характеристика метода Маркса. Теперь же рассмотрим самый важный случай использования Марксом метода абстракций при анализе фундаментальных основ экономической теории — субстанции стоимости. Сам Маркс отмечал, что «за исключением раздела о форме стоимости, эта книга («Капитал». — В.К.) не представляет трудностей для понимания» [108, с. 6]. Итак, удался ли Марксу анализ элементарной формы экономической системы?

Исходный пункт анализа Маркса — меновые отношения товаров. Обмен товаров свидетельствует об их качественной тождественности друг другу. Количественные различия имеют место лишь как сторона этой однокачественности. Но как понять тождественность товаров? Все они — результаты одного и того же общественного, точнее сказать *абстрактного*, труда. «Тот труд, который образует субстанцию стоимости, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы» [Там же, с. 47]. Далее утверждается, что абстрактный труд есть *простой средний труд*, измеряемый общественно необходимым на производство данного товара временем [Там же, с. 47–53], т.е. является не природным, а социальным феноменом. Абстрактный труд — субстанция всех экономических общественных отношений. Он их опосредует. Но не ошибался ли Маркс в своем многоступенчатом анализе: меновое отношение → тождественность товаров → абстрактный труд как субстанция этой тождественности → приравнивание абстрактного труда к простому среднему труду → переход к общественно необходимому рабочему времени как к количественной мере общественного труда? Может быть, само предположение о субстанции экономических отношений неправомерно?

Резкая критика Марксом воззрений противника рикардianцев С. Бейли показывает, что уже сам такой вопрос отвергался им. Бейли отказывался видеть за меновым отношением какую-либо суб-

станцию: «стоимость не есть внутреннее и абстрактное» [Цит. по: 110, с. 148]. Маркс гневно реагировал на это утверждение: количественные соотношения без качества — нонсенс [Там же, с. 148—149]. Маркс прав, но отсюда не следует, что именно абстрактный труд является субстанцией стоимости. И Бейли отчасти прав: цены действительно соотносительны друг с другом в большей степени, чем это признавал Маркс, сводя их к абстрактному труду, который для данного исторического периода времени считался им постоянным.

На наш взгляд, ошибка Маркса состояла в том, что он в своем анализе зашел за ту границу, которая отделяет экономические явления от природных. Меновые отношения товаров — это граница, за которой расположена природа. Маркс, увлеченный поиском субстанции экономических явлений, именно эту границу преодолел и в результате, совершая *натуралистическую ошибку*, оказался в среде *природных предпосылок* экономических отношений, которые по своему статусу признавались им социальными характеристиками. Маркс вводит представление об абстрактном труде, утверждает, что его количественной мерой является общественно необходимое рабочее время, но ни ему самому, ни его многочисленным последователям не удалось обосновать этот вывод. Рассуждения Маркса о среднем простом труде, о рабочем времени, необходимом для производства товаров в среднем, оказываются крайне неубедительными. Приведем поясняющий пример.

Допустим, некто сообщает, что прошел расстояние S за t часов со средней скоростью $V_{\text{cp}} = S/t$. Его утверждения проверяемы, они удовлетворяют критерию истинности. Перейдем к экономической теории. Некто утверждает, что стоимость товара определяется тем рабочим временем, которое необходимо было затратить в среднем на его производство. Поддается ли это утверждение проверке? Нет, не поддается. И дело тут не только в том, что невозможен исчерпывающий хронометраж отдельных работ. Социальное в принципе не сводимо к его природным предпосылкам, в частности к календарному времени.

Как же можно исправить натуралистическую ошибку Маркса? Только одним способом: приняв, что меновое отношение товаров в рамках теории марксизма должно быть взято как исходное, далее неразлагаемое отношение. Элемент системы не может быть определен вне ее. Желая обнаружить глубинные пласты экономического, Маркс вышел за его пределы. Почему так случилось? Он не владел концептом «экономическая ценность», не имел представ-

ления о том, как ценности вменяются вещам и процессам, в том числе процессу труда. Натурализм и материализм Маркса явились следствием его неверного истолкования природы экономических понятий, которые он интерпретировал исключительно как дескрипции. На всем творчестве Маркса лежит печать арифметики и гегелевской диалектической логики. Ему многое известно о математическом анализе, но применить его в экономической теории Маркс не был в состоянии. Экономические параметры как предельные величины были ему неведомы. Гегелевская диалектика раскрашивала его экономические работы в риторические цвета, которые вызывали восторг чаще у философов, чем у экономистов. Интересно заметить, что Маркс, утверждавший уже в свои молодые годы, что «в практике должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления» [109, с.1–2], в «Капитале» вообще не обсуждал практику как критерий истинности научной теории.

Маркс определял свой метод как диалектический и материалистический [108, с. 21]. Строго говоря, метод является диалектическим только тогда, когда исследователь руководствуется диалектической *логикой*, в рамках которой противоречивость суждений не только не критикуется, а даже приветствуется. Во времена Гегеля, изобретателя диалектики, логика была еще слабо развитой дисциплиной, весь ее арсенал был представлен формальной логикой Аристотеля. И тогда, в начале XIX в., и спустя два века, т.е. в наши дни, диалектическая логика считается довольно экстравагантной попыткой объединить несоединимое, правильность логических рассуждений с допустимостью их противоречий. В так называемых паранепротиворечивых логиках допускаются некоторые разновидности противоречий, но их характер оговаривается очень четко, с использованием соответствующего формального аппарата. Будущее диалектической логики остается неясным (на наш взгляд, она является довольно простым вариантом паранепротиворечивой логики). Но вполне определенно, применительно к нашему предмету исследования, можно сделать два вывода. Во-первых, Маркс не придавал диалектической логике того самодовлеющего значения, которым она отмечена у Гегеля. Во-вторых, бурное развитие экономической теории в XX в. было обеспечено отнюдь не диалектической логикой, а логикой предикатов первого порядка. По сути, именно эта логика содержится в той математике, которая столь эффективно используется в экономических исследованиях.

Заслуживает комментария и вопрос о так называемом материалистическом методе. Материалистическим является то, что принадлежит к царству материи. Но метод — это прерогатива людей, а не материи. Строго говоря, метод никогда не может быть материалистическим. Относя себя к материалистам, Маркс имел в виду, что есть огромная сила, которая доминирует над обществом. Этой силой является абстрактный труд; будучи представленным в денежной форме, он выступает как капитал. У людей, будь они даже семи пядей во лбу, нет возможности уклониться от абстрактного труда, общество вынуждено холить и лелеять его. Руководствуясь феноменом абстрактного труда, сторонники материалистического метода выстраивают линию однозначной детерминированности экономической истории монстром абстрактного труда, который не терпит господства над собой никаких других сил. Что касается экономических теорий, то они должны приспособливаться к нему. Как видим, приверженность к материалистическому методу сопровождается отказом от принципа теоретической относительности, ибо самостоятельность теорий игнорируется.

Если же перейти на язык экономических ценностей и теорий, то интерпретация хода экономической истории оказывается существенно другой, чем у материалистов. Экономическая жизнь постоянно перестраивается. Активной силой в этом процессе оказываются теории, определяющие мотивы деятельности людей. Крайне важно понимать, что этой активной силой являются именно люди с их теориями, а не какая-то обезличенная сила, абстрактный труд как субстанция капитала. «Я смотрю на развитие общественно-экономической формации, — отмечал Маркс, — как на естественноисторический процесс; поэтому с моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно» [108, с. 10]. Если бы Маркс вместо отдельного субъекта рассматривал человечество в целом, то его вывод, надо полагать, был бы далеко не столь категоричным. История общественно-экономической формации складывается не автономно от людей, а благодаря эстафете социальных поступков и ответственностей. Социально-исторический ход событий непозволительно считать естественно-историческим процессом. Вопрос о роли личности в истории — это особый вопрос. От его решения никак не зависит социальный статус экономической реальности, который никем и ничем не может быть отменен.

Заслуживает также быть отмеченным исключительный интерес Маркса к проблеме экономической эксплуатации одними людьми других. Фактически речь должна была идти о широком круге вопросов, относящихся к экономической этике. К сожалению, этот аспект экономического анализа был Марксом, как нам представляется, явно недооценен. Для него этика была не более чем эпифеноменом производственных отношений, а между тем она, точнее экономическая этика, составляет их главный экзистенциальный смысл. Теория социалистической революции — это марксистская попытка понять этическую суть экономических отношений развитого рыночного хозяйства. Учение об абстрактном труде, о прибавочной стоимости и ее присвоении собственниками капитала, о социалистической революции — все это звенья одной цепи, теории Маркса. Ее содержание свидетельствует о взаимосвязи экономических и философских вопросов. Бесспорно, что теория Маркса представляет собой образец творческого поиска, уроки которого для дела философии экономической науки исключительно важны. Для того, кто занят не поиском окончательных истин, а стремится проникнуть в творческую лабораторию выдающихся экономистов, теория Маркса со всеми ее удачами и неудачами представляет значительный интерес. Особенно это относится к методу восхождения от абстрактного к конкретному, который в исполнении Маркса насыщен актуальными проблематизациями. Во многом благодаря именно ему общественные науки были переведены на рельсы идеи глобального эволюционизма.

4.3. АЛЬФРЕД МАРШАЛЛ: ПОЗДНИЙ ПОЗИТИВИЗМ

Мало кто сомневается, что пиковым достижением экономической науки XIX в. являлись знаменитые «Принципы экономикс» А. Маршалла, первое издание которых датируется 1890 г. Менее известно, что и в области философии экономической теории Маршалл также не знал себе равных. Опубликованная впервые в 1891 г. работа Д.Н. Кейнса (отца Д.М. Кейнса) «Предмет и метод политической экономии» [72] была посвящена методологическим вопросам экономической науки. Но в философском отношении она отнюдь не сильнее «Принципов экономикс» Маршалла. В отличие от Д.Н. Кейнса Маршалл сумел добиться гармонии экономической теории и философии. Его основное преимущество перед Д.Н. Кейнсом состоит в том, что он глубже последнего понимает суть экономической теории. С учетом сказанного мы решили представить

состояние философии экономической теории конца XIX — начала XX в. воззрениями Маршалла. О теории Д.Н. Кейнса см. [24, с. 136–141]).

При философской характеристике воззрений того или иного экономиста прежде всего необходимо обращать внимание на понимание им статуса экономических понятий. По Маршаллу, экономические законы относятся «к тем областям поведения человека, в котором силу действующих в них побудительных мотивов можно измерить денежной ценой» [113, т. 1, с. 89]. Сказано просто, но исключительно сильно. Маршалл всегда подчеркивал, что в экономической теории речь идет не о любых побудительных мотивах, а лишь о тех, которые измеряются в денежных единицах. По сути, маршаллианские «побудительные мотивы, измеряющиеся в деньгах», — это не что иное, как экономические *ценности* в их ментальной форме. Теорией ценностей как понятий Маршалл не владел, но суть их он излагал правильно. Очень важно, что Маршалл интерпретировал экономические ценности как *побудительные мотивы*. Это означает, что именно они придают жизненность всей системе экономических отношений.

Объясняя свою позицию, Маршалл вполне справедливо дистанцировался от гедонизма и утилитаризма с их акцентом на чувстве удовольствия [113, т. 1, с. 72]. Он мучительно искал терминологию, которая позволила бы ему выразить специфику экономических ценностей в ментальной области. Экономист, полагал Маршалл, стремится выполнить свой долг, добивается удовлетворенности своей деятельностью [Там же, с. 72–73]. Маршалл постоянно начеку, он никогда не забывал о денежном выражении ментальных форм, что позволяло ему не покидать сферу экономического.

Начав с ментальных ценностей, Маршалл, поскольку наука не заканчивается сферой сознания, естественно, должен был перевести их каким-то образом в языковую и предметную области. Он описывал сложный процесс поиска адекватных экономической сути терминов, сила которых проявляется в их употреблении [113, т. 1, с. 111]. Понятия необходимо формулировать четко, но их употребление не должно быть излишне жестким; в частности, оно должно допускать переход от научного языка к повседневному. Маршалл придерживался градуалистической позиции: уточнение фактов и точек зрения всегда позволяет перейти от повседневного языка к научному, а от него, при необходимости, вновь к первому из них. Он обращал внимание на нетривиальный характер эконо-

мических споров [113, т. 3, с. 214], но не извлекал из этого наблюдения каких-либо важных методологических выводов.

Предметный уровень науки Маршалл обсуждал посредством понятия «издержки производства», которые измеряются в их «денежном выражении» [113, т. 2, с. 33]. Стоимость товаров регулируется как спросом, так и издержками производства. Незыблемое правило Маршалла состоит в том, что на какой бы стороне, то ли спроса, то ли предложения, ни выступал бы экономический субъект, он руководствуется как раз теми мотивами, которые измеряются в деньгах. Деньги — это тот предел, за который Маршалл не заходит ни на миллиметр, что свидетельствует о его экономической избирательности. У него нет ни полезности, ни труда, которые имели бы экономический смысл без их денежного выражения, до института денег. Именно это отличает Маршалла как от сторонников трудовой теории стоимости, так и от их решительных оппонентов из числа тех, кто видит в полезности не сугубо экономический, а какой-то универсальный психический феномен.

Позиция Маршалла была плохо понята. Его многократно обвиняли в компромиссности и эклектике, в желании синтеза несоединимого. Эти упреки были бы правомерными в случае, если Маршалл объявил бы себя сторонником понимания полезности и труда как неэкономического фундамента экономического. Но именно этого Маршалл никогда не делал. Он не сводил деньги ни к труду, ни к полезности. Маршалл рассматривал их как изначальный экономический феномен, не нуждающийся в объяснении. Такое решение оставляет без многих желательных разъяснений вопрос о природе денег, но зато избегает ловушек психологизма и натурализма, столь характерных для сторонников соответственно теории субъективной полезности и теории трудовой стоимости. На наш взгляд, Маршалл не раскрыл механизм вменения ценностей продуктам труда. С феноменом вменения ценностей он не был знаком.

Но каким образом вырабатываются экономические понятия? За счет группировки «материала», в которой собраны *сходные* (курсив наш. — В.К.) по своей природе факты и суждения, в результате чего исследование одного может пролить свет на другой» [113, т. 1, с. 96–97]. Именно таким образом, в процессе развития принципов анализа и доказательства «находят многообразие в единстве и единство в многообразии» [113, т. 3, с. 219]. Мыслитель масштаба Маршалла занят поиском не единства и многообразия как таковых, а их органической сопряженности, взаимопроникновения. Но это и

есть путь к любым понятиям, ибо именно они, и только они, заключают в себе разное и единое, и многообразное.

«Индукция, дополненная анализом и дедукцией, соединяет вместе соответствующие классы фактов, упорядочивает их, анализирует и выводит из них общие формулировки, или законы. Затем на некоторое время главную роль приобретает дедукция: она ассоциирует некоторые из этих обобщений друг с другом, выводит из них гипотетически новые и более широкие обобщения или законы и затем вновь прибегает к индукции, чтобы выполнить основную долю работы по сбору, отсеиванию и упорядочению этих фактов таким образом, чтобы проверить и «верифицировать» новый закон» [113, т. 3, с. 225].

Интересная с точки зрения интеллектуала европейско-континентальной закалки особенность теории познания Маршалла состоит в его неизменном рассмотрении в качестве предпосылки научного разума здравого смысла. «Здравый смысл и природный ум могут много дать для анализа, но не будучи достаточными для всех целей» [Там же, с. 220]. Они не позволяют проникнуть на большую глубину от поверхности явлений либо за пределы опыта человека. Маршаллу важно показать, что между научным и ненаучным разумом нет пропасти. Всегда возможен переход от здравого смысла и природного ума, погруженных в опыт жизни, к экономической теории. Она — удел не только избранных, но и всех нормальных людей.

Маршалл всегда и во всем градуалист, он стремился к непрерывности эпистемологических переходов. Поэтому Маршалл не задерживался надолго в одной из областей познания, ибо в результате из поля зрения могла выпасть другая. Он не терпит длинных как индуктивных, так и дедуктивных цепей рассуждений. Находясь в индуктивном поле, Маршалл спешит к дедукции, а от нее вновь к индукции. Под ногами исследователя всегда должна быть какая-то твердая эпистемологическая почва, индуктивно-фактуальная или дедуктивно-понятийная.

Самое главное не только для экономиста, но и для человечества в целом — это *идеи*, а не материальное богатство [Там же, с. 222]. Вооруженный идеями, человек достаточно быстро восстановит уничтоженное богатство. А вот потеря идей повергнет человечество в нищету. Эти и многие другие суждения свидетельствуют о том, что Маршалл явно учитывал принцип теоретической соотносительности. Без развитой экономической теории человек слеп — по крайней мере, на один глаз.

По Маршаллу, сотканная из индуктивно-дедуктивных понятий теория разом осуществляет как объяснение прошлого, так и предсказание будущего. «Это не различные операции, а одна и та же деятельность, осуществляемая в противоположных направлениях; в одном случае — от результата к причине, в другом — от причины к результату» [113, т. 3, с. 213]. Теория имеет дело с рядом фактов, простирающимся от прошлого через настоящее (уже начавшиеся, но не законченные деяния) к будущему. Она не замыкается в узком горизонте уже случившихся фактов, а столь же оперативно имеет дело и с гипотетическими фактами. Впрочем, предсказания должны осуществляться крайне осторожно, так, чтобы они не приводили к иллюзиям.

Маршалл — большой мастер преодоления философских парадоксов, в основаниях которых, как правило, лежат резкие противопоставления. У него анализ и синтез, индукция и дедукция не противостоят друг другу, а бок о бок способствуют росту научного знания. Затруднение Юма — невозможно перейти от причин к следствиям — для Маршалла не существует: такой переход обеспечивает рациональное осмысление фактов [Там же, с. 214]. Миллевское привлечение в науку искусства, якобы обеспечивающего выработку общих идей, Маршалл опровергает. Он допускает деление экономической науки на чистую и прикладную, но категорически отказывается считать ее «одновременно и наукой, и искусством» [113, т. 1, с. 100]. Обобщенные идеи вырабатываются благодаря теории познания, искусство здесь ни при чем.

Не видит Маршалл и существенных трудностей в использовании в экономической науке критерия истинности. Она обретает надежную базу для исследований постольку, поскольку, во-первых, наблюдаются определенные факты, во-вторых, измеряются и фиксируются некоторые величины, в-третьих, существует общепризнанная и общедоступная статистика [113, т. 1, с. 83]. В XX в. при обсуждении философских оснований экономической науки скандальную известность приобрело утверждение (условие) *ceteris paribus* (при прочих равных условиях). Суть часто приводимой аргументации такова. Из-за наличия условия *ceteris paribus* невозможно установить взаимовлияние именно данных факторов: вполне возможно, что подлинные импульсы исходят от тех агентов, которые упрятаны в условие «при прочих равных условиях». На эту аргументацию Маршалл ответил бы, надо полагать, следующим образом [113, т. 1, с. 94]: *ceteris paribus* — это не отказ от скрупулезного анализа сопутствующих изучаемому явлению факторов, а как

раз наоборот, всесторонний учет их особенностей. Короче говоря, *ceteris paribus* в конечном счете всегда должно быть доведено до четко очерченных условий анализа. И тогда всегда можно определить, как выражался Маршалл, «истинные причины».

От себя отметим, что условие *ceteris paribus* очень напоминает парадокс Юма: причинение непознаваемо. Развитая теория, а не что иное опровергает все парадоксы. *Ceteris paribus* было бы непреодолимым парадоксом в том случае, если бы обилие экономических причин в принципе не поддавалось аналитическому расчленению и последующему учету значимости, а она весьма вариабельна, каждого причинного, точнее ценностного, фактора. Но этого в экономической теории как раз и нет. Парадокс *ceteris paribus* возникает лишь там, где за условием «при прочих равных условиях» скрывается недостаточность исследования, не достигающего должной концептуальной основательности и глубины.

В заключение данного параграфа обратимся к еще одному пространному сюжету философии экономической науки А. Маршалла — к вопросу о взаимосвязи экономики с другими науками: математикой, физикой, химией, биологией, политологией и, наконец, этикой. Какую широту мировоззрения демонстрирует мыслитель-экономист!

Применение математики, как отмечал Маршалл, позволяет исследователю «быстро, кратко и точно записывать некоторые свои мысли для самого себя и удостовериться в наличии у него достаточных, и только достаточных оснований» [113, т. 1, с. 49]. Он отмечал два крайне важных для оценки значимости математики обстоятельства. Во-первых, наши представления о мире «относятся не столько к совокупности количеств, сколько к приросту количеств» [Там же]. Именно поэтому приходится обращаться к математике предельных величин, к ее символьному и графическому аппарату. Мысль о том, что экономическая наука имеет дело со становящимися величинами, на наш взгляд, является исключительно глубокой. Проиллюстрируем ее следующим, как нам представляется важным, утверждением. Тот, кто интересуется природой цены, должен рассматривать процесс ее установления. Любой экономический факт есть результат процесса. Во-вторых, Маршалл со ссылкой на гений Курно отмечал, что математика позволяет пробить «дорогу к самой сути тех труднейших проблем экономической теории, которые до сих пор затрагивались весьма поверхностно» [113, т. 1, с. 50]. При всем своем уважении к математике Маршалл помещает ее в сноски и специальные приложения. За этой акцией

скрывается, с одной стороны, похвальное желание понять специфику экономических явлений без каких-либо затемняющих ее природу средств, но и, с другой стороны, известная недооценка математики. Если она столь важна, то почему же она не допускается в основной текст?!

Маршалл полагал, что экономическая наука по своему подходу к изучению явлений намного ближе к биологии, чем к физике, в том числе к механике, и химии. Предмет изучения физики и химии неизменен на вечные времена. Биология и экономическая наука продемонстрировали, что «законы науки должны развиваться соответственно различию тех вещей, которые рассматривает эта наука» [113, т. 3, с. 200]. Маршалл не анализировал междисциплинарные связи экономики с физикой, химией и биологией, он всего лишь сравнивал науки, руководствуясь категорией изменчивости. Маршалл полагал, что все науки, от физики и биологии до экономики, изучают причинно-следственные связи. Ему явно не удавалось выявить специфику метода экономической науки в отчетливом виде. Если бы экономическая наука изучала всего лишь причинно-следственные связи, то она не отличалась бы в принципиальном отношении, например, от физики. Все дело в том, что экономическая наука в отличие от физики изучает *ценностно-целевые* обусловленности. Их мотивации имеют *ценностный* характер. С ценностной проблематикой Маршалл обращался часто крайне неумело. Он тем не менее демонстрировал отнюдь не рядовую осведомленность относительно вопросов этики применительно к экономической жизни.

«В задачи экономической науки входит получение знания для самой себя и выработка руководства к поведению в практической жизни, прежде всего в общественной» [113, т. 1, с. 100]. Речь идет о содействии решению социальных проблем. Экономическая наука, как отмечал Маршалл, должна вырабатывать цели и рекомендовать наилучшие методы для их осуществления [Там же]. Он признавал различие чистой и прикладной науки, но не щели, а тем более пропасти между ними.

Что касается политических моментов, то Маршалл стремился от них дистанцироваться. Делал он это скорее интуитивно, чем доказательно. Тем не менее интуиция его не подводила. Политика — предмет изучения не экономической науки, а политологии. Ввиду этого проведенная им замена термина «политическая экономия» (*publical economy*)» на термин «экономическая наука», или экономикс (*economics*), представляется не только правомерной, но

и необходимой. Впрочем, с нормами русского языка слово «экономикс» гармонирует далеко не наилучшим образом. Именно поэтому мы предпочитаем слову «экономикс» выражение «экономика».

Философия экономики Маршалла трудна для ее однозначной классификации. От позитивизма Милля он ушел дальше, чем принято считать. В отличие от своего крайне влиятельного в философском отношении предшественника Маршалл сумел осуществить синтез британского эмпиризма с континентальным рационализмом. В западной экономической литературе принято считать, что Маршалл превосходил Милля в экономическом, но уступал ему в философском отношении. Нам это мнение представляется ошибочным, навеянным в основном тем, что Милль в отличие от Маршалла прославился своими философскими работами, прежде всего «Логикой». В качестве профессионального философа Милль был широко известен не только в Англии, но и в Европе. На этом фоне Маршалл выглядел чуть ли не новичком в области философии. Но необходимо учитывать, что, во-первых, его активной исследовательской деятельности в области экономической теории предшествовали годы преподавательской работы, причем именно в качестве философа. Он преподавал логику и этику. Внимательный читатель обнаруживает отпечаток философско-преподавательской деятельности Маршалла на протяжении всех страниц «Принципов экономики». Во-вторых, в указанной работе в виде книги I, состоящей из пяти глав, и Приложений B, C и D изложено, причем в систематическом виде, то, что вполне заслуживает титула «Философия экономической теории». Ничего подобного не сделали ни Милль, ни Маркс. Два последних — прекрасные философы, но убеждение, что в их экономических работах содержится как раз та методология, которая изложена в их философских трудах, основывается скорее на вере, чем на доказательстве. Милль и Маркс довольно часто предпосылают философию экономической теории, уверенные в том, что им в этом деле не нужен специфический опыт экономиста. Маршалл же, как правило, исходит именно из этого опыта, проверяя каждый свой философский вывод экономическим материалом.

Мы считаем возможным охарактеризовать философско-экономические представления Маршалла как поздний или градуалистический позитивизм. Наш выбор во многом объясняется тем, что существует параллель между экономическим мейнстримом и позитивистской философией от ее ранних форм вплоть до постпози-

тивизма и современной американской аналитической философии. Маршалл находится внутри этих двух направлений. Он ушел далеко вперед от так называемого раннего позитивизма О. Конта и Д.С. Милля, но не достиг неопозитивизма.

К несомненным достижениям Маршалла как философа экономической теории следует, на наш взгляд, отнести:

- синтез эмпиризма с рационализмом;
- градуалистический метод, согласно которому на первый взгляд представляющиеся противоположными стороны можно объединить посредством постепенного пошагового процесса;
- четкое выделение специфики экономических явлений как обладающих денежным измерением.

Главный изъян философской теории Маршалла состоит в том, что она явно недостаточно аргументирована. В ней все есть — и ценности в форме мотивов, и прагматический метод как определение целей поведения, и достижение их кратчайшими путями, и даже принцип теоретической относительности. Но все эти положения выражены недостаточно четко. Обвинения Маршалла в эклектизме нам представляются весьма поверхностными. Теории Маршалла просто-напросто недостает рафинированности, той самой, к которой будут пробиваться в течение всего XX в.

На наш взгляд, философия экономической теории А. Маршалла занимает в поступи экономической науки отнюдь не менее почетное место, чем его «Принципы экономикс». Несколько поколений западных экономистов вместе с экономическими воззрениями Маршалла усваивали и его философию.

4.4. НЕУДАЧА НЕОПОЗИТИВИСТСКОГО ПРОЕКТА

Вместе с Маршаллом и триумфом его «Принципов экономикс» мы попадаем в XX в. с его развитой философией наукой, представленной в основном ее двумя ветвями — неопозитивистской и постпозитивистской. В их стезю одна за другой попадали все науки. Разумеется, этой участи не суждено было избежать и экономической теории. Впрочем, альянс философии экономической теории с постпозитивизмом оказался намного более устойчивым и успешным, чем с неопозитивизмом. Проект перестройки философии экономической теории на базе неопозитивизма, по сути, не удался.

Триумфальное шествие неопозитивизма относится к 1900—1930 гг. Но оно охватывает собой, по преимуществу, логику, мате-

матику и физику, а не общественные науки. С феноменом ценностей, столь обязательным для обществознания, неопозитивисты не справлялись. Чему в указанные выше годы могли научиться методологи от экономики у выдающихся неопозитивистов, например Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, М. Шлика? Весьма немногому. Слова обозначают факты, истины логики и математики аналитичны, они сродни тавтологиям, положения физики подтверждаются экспериментально. Не очень-то понятно, каким образом за неимением лучшего можно «пристроить» неопозитивизм к экономической науке. Может быть, так, как это сделал в 1938 г. Т. Хатчисон в книге «Значение и основные постулаты экономической теории» [233]. Он разделил все экономические утверждения на тавтологические (аналитические) и эмпирические, причем акцент сделал на первых, весьма скептически относясь к возможности установить истину экономических суждений эмпирически. Все основные постулаты (принципы) экономической теории были признаны тавтологиями. Благие намерения Хатчисона, заключавшиеся в том, чтобы показать отличие экономической науки от естествознания и выявить в полной мере значимость для нее эмпирического метода, так и остались нереализованными.

Определенных неопозитивистских прозрений можно было ожидать от Д.М. Кейнса, автора вероятностной логики, взятой на вооружение выдающимися неопозитивистами, в частности Р. Карнапом. Но он явно не был склонен к изложению неопозитивистской интерпретации философии экономической теории в последовательной и систематической форме. Как это часто бывает с выдающимися учеными, Кейнс ограничивался немногими, впрочем весьма существенными, методологическими обобщениями. В наиболее отчетливом виде они были изложены в письме к Р. Харроду в 1938 г. [234, с. 296–267; см. также: 24, с. 146–147]. Эти обобщения, безусловно, заслуживают хотя бы краткого комментария. Для удобства читателей представим их в виде пронумерованного списка.

(1) Экономическая теория — это «ветвь логики, образ мышления».

(2) Прогресс экономической теории состоит в улучшении «выбора моделей».

(3) Статистические данные необходимы для проверки релевантности и обоснованности моделей.

(4) Модель отделяет относительно неизменные факторы от преходящих.

(5) Модель позволяет анализировать конкретные экономические ситуации.

(6) Поскольку экономическая теория руководствуется интроспекцией и ценностными суждениями, то она является моральной наукой.

Прокомментируем каждое из этих положений.

(1) Характеризуя экономическую теорию в качестве ветви логики, Кейнс желал подчеркнуть ее стройность как формы мышления, руководствующейся аксиомами и максимами. Самое существенное в экономической теории — это, дескать, именно ее основополагающие принципы и, разумеется, те выводы, которые делаются на их основе.

(2) Кейнс обращает внимание на прогресс экономической теории. Такой ход мысли ближе к постпозитивизму, чем к неопозитивизму. Его пристрастие к термину «модель» вряд ли заслуживает одобрения. Ученые весьма часто неправильно отождествляют концепты «теория» и «модель». Важно, однако, понимать, что модель соотносится с теорией, а последняя — с самой действительностью. Если в распоряжении ученого имеется экономическая *теория*, то нет никакого смысла в построении экономической же *модели* этой теории. Экономическая наука прогрессирует от одной теории к другой. Потребность в концепте «модель» возникает тогда, когда приходится учитывать междисциплинарные связи экономической науки. Так, вполне правомерно строить *математическую модель экономической теории*. За счет специальной операции, а именно моделирования, реализуется междисциплинарная связь экономической теории с математикой. Иногда полагают, что модель может соотноситься непосредственно с реальностью, минуя ее теорию. При этом не учитывается, что доступ к реальности непременно опосредуется теорией. В следующих ниже комментариях учитывается различие, существующее между теорией и ее моделью.

(3) Статистические данные, считал Кейнс, позволяют проверить теорию. Мысль эта довольно тривиальна. Нетривиально его суждение о том, что экономический прогноз позволяют осуществить не зафиксированные в статистике факты, а их теория.

(4) Кейнс полагал, что модель позволяет отделить одни факторы от других и, следовательно, выяснить их значимость. Это суждение представляется весьма интересным. Если в распоряжении экономиста имеются математические уравнения, то, разумеется, их переменные знаменуют собой относительную самостоятельность экономических факторов.

(5) Действительно, именно теория открывает доступ к прогнозам и ко всему тому, что принято называть конкретным экономическим анализом.

(6) Кейнс весьма решительно подчеркивал своеобразие экономической теории, определяя ее статус как моральный. Он прав: экономическая теория действительно имеет дело, как он выражался, с ценностными суждениями. Следовательно, ее правомерно отнести к классу аксиологических теорий. При этом, однако, следует иметь в виду, что моральные вопросы обсуждаются в философских проблематизациях. Философия экономической теории и сама теория — это все-таки разные вещи. Экономика является прагматической, или аксиологической дисциплиной. Моральной же наукой является философия экономики, но только в том случае, если она доводится до этических положений. Идея Кейнса о том, что концептуальный строй экономической теории другой, чем у теорий о природе, безусловно, актуальна. Но эта идея должна обосновываться всесторонне. В противном случае она не воспринимается достаточно серьезно.

Тезис об интроспекции как феномене, обеспечивающем человека знанием изнутри его сознания и психики, также заслуживает внимания. Он многократно обсуждался представителями буквально всех гуманитарных наук. Смысл этого тезиса состоит в том, что в отличие от положения дел в естествознании в гуманитарных науках, в частности в экономической теории, решающее значение в выработке новых концепций имеет самонаблюдение. На первый взгляд, тезис об интроспекции представляется чуть ли не самоочевидным. Но это впечатление обманчивое. Многочисленные попытки представить некую *теорию* интроспекции всегда приводили к незначительным успехам: дело, как правило, заканчивалось либо невнятными отсылками в глубь психологии, либо достаточно скромными философскими прозрениями. Среди последних на первых ролях числятся уже известные читателю герменевтика сознания (В. Дильтей и др.) и феноменология (Э. Гуссерль и др.). В наши просвещенные дни ученые либо полностью отказались от герменевтики сознания, либо перешли на позиции герменевтики бытия (Х. Гадамер и др.), но в последней нет даже малейшего намека на интроспекцию. В сложившейся ситуации тому, кто не готов отказаться от тезиса об интроспекции, остается порекомендовать феноменологию. Но и этот совет вряд ли сулит большие успехи уже постольку, поскольку феноменология не справляется с принципом роста научного знания. Что же касается желания рас-

суждать об интроспекции без какой-либо теории, то его несостоятельность в свете принципа теоретической относительности любого знания вполне очевидна.

Итак, заканчивая анализ воззрений Д.М. Кейнса, приходится отметить, что он был весьма далек от неопозитивистского идеала философии экономической теории. Для всякого более или менее ортодоксального неопозитивиста на первом месте стоит вопрос об истине предложений соответствующей теории. Но Кейнс коснулся вопроса об экономической истине лишь вскользь, отметив особую значимость в нем статистических данных.

Таким образом, мы не видим возможности избежать довольно резкого вывода, что в области философии экономической теории никому так и не удалось сколько-нибудь успешно интерпретировать ее содержание в неопозитивистском ключе. Означает ли это, что упомянутая интерпретация в принципе невозможна? Думается, что не означает. На наш взгляд, неопозитивистская концепция философии экономической теории может быть реализована, например, следующим образом.

Во-первых, исходя из фактических (статистических) данных, следует, руководствуясь индуктивным методом и вероятностной логикой, выдвинуть ряд гипотез. В конечном счете наиболее релевантными признаются те из них, которые подтверждаются большим числом фактов. Во-вторых, необходимо провести основательную ревизию используемых в экономической теории терминов. Те из них, которые невозможно свести к определенности фактов, должны быть исключены из теории. В-третьих, неопозитивистская установка требует отказа от тезиса интроспекции. Само его наличие может быть охарактеризовано как дань отжившему свой век психологизму. В-четвертых, необходимо признать институт экономических ценностей, избегая тем самым натуралистической ошибки. В-пятых, надо попытаться тщательно обосновать вопрос об экономической истине. Пожалуй, наиболее адекватный неопозитивистской парадигме путь рассуждений об экономической истине мог бы быть следующим.

А. Необходима тщательная обработка имеющихся данных посредством обработки временных рядов и использования так называемого регрессионного анализа. Сочетание этих двух типов анализа, как известно, позволяет выделить две совокупности — независимых и зависимых друг от друга переменных и осуществить тем или иным способом экстраполяцию тенденций, имевших место в прошлом, на будущее. Для экономиста-неопозитивиста экономет-

рика имеет фундаментальное значение постольку, поскольку она вооружает его желанным инструментарием, фактами, описываемыми переменными величинами.

Б. Далее экономисту-неопозитивисту пришлось бы разъяснить вопрос об экономической истине, например, таким образом. Экономические прогнозы учитывают ценности людей. О них судят по достигнутым экономическим результатам, которые в очередной раз изучаются статистикой. В отличие от неосуществленных реализованные ценности непременно проецируются на области фактов. Иначе говоря, факты и ценности не противостоят друг другу, а являются формами одного и того же. Факты — это ценности, перешедшие из потенции в действительность. Разумеется, таким образом неопозитивист избегает обвинений в натурализме, в признании статуса ценностей.

В. Неопозитивист спокойно встретит возражения его оппонентов, указывающих на вероятностный характер прогнозов и неточность, известную «расплывчатость» регистрируемых фактов. В том и другом случаях он имеет возможность аргументировать от имени теории вероятности: наш мир вероятностен и с этим, ничего не подделаешь, следует считаться.

Описанный выше сценарий неопозитивистской интерпретации философии экономической теории, разумеется, не во всем безукоризнен. Вряд ли он устоит под критическими стрелами постпозитивиста, который, скорее всего, обратит внимание на невозможность вывода из статистических данных целого ряда основополагающих принципов, например принципа максимизации полезности. Он также может указать, что статистические факты изначально теоретически нагружены, и т.д. и т.п. Мы рассмотрели неопозитивистский проект в виду следующих двух обстоятельств.

Во-первых, приходится учитывать, что среди выдающихся экономистов вряд ли возможно обнаружить такого исследователя, который, в частности, в связи с широко распространенными попытками интерпретировать факты как автономные от теории атомы мог бы рассматриваться как образец экономиста-неопозитивиста. Но это обстоятельство не отменяет другого отнюдь не мало значимого обстоятельства: не в концентрированном, а в «размытом» виде неопозитивистские представления встречаются на страницах экономических, особенно эконометрических, трудов едва ли не повсеместно. Коллективных философских портретов экономистов не так уж много, и один из них неизбежно должен быть неопозитивистским.

Во-вторых, следует иметь в виду, что сколько-нибудь успешная ориентация в философии экономической теории невозможна без знания соответствующих образцов, одним из которых является неопозитивизм. Без этих образцов не удастся придать ей определенность и упорядоченность, в отсутствие которых она производит впечатление хаоса мнений, плохо обоснованных утверждений.

На наш взгляд, в философии экономической теории ее неопозитивистская страница отнюдь не перевернута. Экономистам придется возвращаться к ней неоднократно, особенно в связи с успехами эконометрики и экономической статистики.

4.5. ПОСТПОЗИТИВИЗМ МИЛТОНА ФРИДМЕНА

Знаменитое эссе Фридмена «Методология позитивной экономической науки» (1953) знаменовало собой, пожалуй, самую значительную веху в развитии философии экономической теории XX в. Она была им решительно переведена на рельсы постпозитивизма К. Поппера. В упомянутом эссе отсутствуют ссылки на работы К. Поппера и не упоминается даже его имя, но это обстоятельство не могло помешать исследователям установить подлинные истоки философствования Фридмена. К началу второй половины XX в. Поппер уже был настолько крупной фигурой в области философии науки, что его воззрения узнавались в любом исполнении достаточно легко. Бесспорная заслуга Фридмена состояла в том, что он предложил вариант экономической интерпретации попперовской философии фальсификации. Сделать это было очень непросто. Разумеется, Фридмену пришлось столкнуться с трудностями принципиального характера. О них речь пойдет ниже.

Будучи прекрасно осведомленным относительно проблем философии экономической теории, Фридмен внес свой вклад в их разрешение. Попперовская философия науки должна была помочь ему в этом нелегком деле. При этом он сделал акцент на статусе *позитивной* экономической науки, которой противопоставляется *нормативная* теория и даже *искусство* достижения поставленных целей [182, с. 20]. Указанного различия нельзя было почерпнуть у Поппера; Фридмен сослался на авторитет Кейнса-старшего, а мог бы вспомнить более раннего автора, в частности Н. Сениора.

Исходная установка Фридмена привела его к апологетике позитивной экономической теории. Но почему он пришел к такому весьма обязывающему решению? Исходя из благих побуждений. Фридмен стремился «сделать науку настолько “объективной”, на-

сколько это возможно» [182, с. 20]. По Фридмену, позитивная наука имеет дело не с нормативными суждениями, а с фактами. В силу этого основания он относил научный анализ исключительно к сфере позитивной экономической теории [Там же, с. 49]. Фридмен не испытывал особого интереса к анализу нормативных суждений, старался остаться, как ему представлялось, на твердой почве науки.

Не сведущему в философии прагматических наук исследователю исходная установка Фридмена кажется вполне правомерной, призванной обезопасить экономическую науку от ее искажений. Впрочем, более утонченная позиция выявляет фундаментальное заблуждение Фридмена. Не показав, что ценности противостоят фактам, он решительно отделяет первые от вторых... и попадает в ловушку дуализма. Но, может быть, ценности действительно нефактуальны и представляют собой чисто эфемерные образования? Если бы дело обстояло именно так, то о ценностях вообще не следовало бы говорить. Их нет — и basta. Но все, что входит в мир человека, фактуально, иначе говоря — фиксируемо. Экономические ценности фиксируются и в результате выступают как эмпирические данные. Дескриптивист полагает, что экономика всего лишь описывает эти данные, он, дескать, не интерпретирует их на основе теории. Беда его состоит в игнорировании достоинств теории. А ведь именно теоретическая интерпретация эмпирических данных, т.е. фактов, как раз и выявляет их ценностное содержание, полностью ускользающее из поля внимания дескриптивиста. Фридмен, понимавший непреходящую значимость теории, относился к дескриптивизму весьма критически, но в силу своей исходной установки, принятой без должного обоснования, даже ему не удалось избежать дескриптивистской ошибки. Апологетика позитивной экономической науки — это самый настоящий дескриптивизм.

Но сказавший «а», часто говорит и «б». Если в научном отношении позитивная экономическая наука имеет большое преимущество над нормативной наукой, то вторая должна ориентироваться на первую [Там же, с. 22]. Фридмен даже полагает, что твердая опора на позитивную экономическую теорию позволяет устранить различия в экономической политике, которая относится к компетенции нормативной науки. Он использует термин «нормативная наука», но ничего научного в ней не обнаруживает. В конечном счете в сугубо научном плане содержательный аспект так называемой нормативной науки всецело сводится к позитивной эконо-

мической науке. Если добавить к этому, что принцип максимизации результатов экономической деятельности Фридмен всецело относит к позитивной экономической науке, а как раз этот принцип задает всей неоклассике прагматическую заостренность, то становится очевидным, что в его интерпретации от нормативной экономической науки, строго говоря, ничего не остается. Он приходит, по сути, к парадоксу, назовем его парадокс Фридмена 1: все достоинства нормативной науки содержатся в позитивной, но она отличается от последней. Отказаться от своей дуалистической позиции Фридмен не в силах. «Разумеется, — отмечает он, — между политическими (нормативными. — *В.К.*) выводами и выводами позитивной экономической науки нет однозначного соответствия; если бы соответствие было, то не существовало бы нужды в отдельной нормативной науке» [182, с. 22].

Но в том-то и дело, что упомянутой нужды действительно нет, она мучает лишь того, кто, изначально постулировав дуалистичность экономической теории, затем оказывается неспособным ее преодолеть. Экономическая наука не дуалистична, она имеет прагматический, аксиологический характер. Этим сказано все решающее относительно ее статуса. Теория позволяет осуществить экономические предсказания и дает им всестороннюю характеристику. Нет абсолютно никакой необходимости сначала весьма искусственно разделять ее на две или даже три части (в последнем случае добавляется тезис об экономическом искусстве), а затем изолировать их друг от друга. Экономические ценности — это понятия (концепты) экономической науки, они не являются ни дескрипциями, как считают сторонники так называемой позитивной науки, ни нормами.

По мнению Фридмена, «позитивная экономическая наука принципиально независима от *какой-либо этической позиции* (курсив наш. — *В.К.*) или нормативных суждений. Как говорит Д.Н. Кейнс, она занимается тем, «что есть», а не тем, «что должно быть» [167, с. 21]. Видимо, Фридмен понимает под этикой нечто ненаучное. При таком ее понимании она действительно чужда экономической теории. Но если иметь в виду научную этику, то придется установить характер связи экономической теории и этики. В таком случае этика обнаруживается в философских проблематизациях экономической науки, в придании им значимости в русле принципа ответственности. Выступая против этого, ученый-экономист принижает значимость своей избранницы, т.е. экономической науки. Статус последней никак не совместим с позицией

экономического индифферентизма, согласно которой экономист якобы не заинтересован во всесторонней реализации потенциала экономической теории. Суть дела состоит в том, что экономическая теория изначально содержит в себе этическую составляющую в потенциальном виде, в частности, благодаря принципам оптимальности. Одна из задач философии экономической теории состоит в выявлении и изучении этой составляющей. Фридмен явно не учел, что отстраненное отношение экономистов к этике принижает значимость экономической науки. Либо наука признается рафинированным знанием, и тогда ученым нет смысла отделять ее от самого сокровенно человеческого, т.е. этики, либо она заносится в разряд знания второго сорта, и тогда им в их стремлении к совершенствованию остается посоветовать переквалифицироваться. На наш взгляд, лишь первая перспектива — синтез конкретных наук и этики как философской теории — действительно актуальна. Итак, фридменовская апологетика позитивной экономической науки несостоятельна, причем по очень простой причине: она не сопровождается должной философско-научной аргументацией. Конечно, анализируемое эссе не исчерпывается этой апологетикой.

Фридмен полагает, что позитивной является лишь та наука, которая предсказывает еще не наблюдавшиеся явления [182, с. 23]. Позитивная наука должна поставлять предсказания, предикции (*prediction*). Разделив экономическую науку на две части — язык (сюда входят языки лингвистики, логики и математики) и содержательные гипотезы, Фридмен считает первую из них совокупностью тавтологий, а вторую — собранием содержательных суждений. Язык не поддается проверке, следовательно, эта операция применима лишь к содержательным гипотезам. Именно последние непременно следует проверять, ибо иначе вообще не удастся установить контакт экономической науки с реальностью. Итак, смысл аргументации Фридмена состоит в том, что при научном подходе к определению статуса экономической теории нет абсолютно никакой альтернативы проверке содержательных гипотез, т.е. их сопоставлению с экономическими фактами.

На наш взгляд, аргументация Фридмена в основных ее чертах правильна, но известная ее корректировка вполне уместна. Лингвистика, логика и математика действительно не нуждаются в эмпирической проверке, но не потому, что являются собранием тавтологий, а исключительно постольку, поскольку изначально выступают в качестве воображаемых структур, не интерпретированных

на область экономических фактов. Простой пример: математик оперирует числами, например числом 2, но не двумя товарами или рублями. Сложный мир, например, логики и математики, насыщенный отнюдь не тривиальными путями выработки актуального знания, не сводится к тавтологиям.

В контексте аргументации Фридмена довольно неудачным термином является не только слово «тавтология», но и выражение «предсказание» (*prediction*). Сам Фридмен разъяснял, что предсказания необязательно должны быть «прогнозами будущих событий»; они могут относиться к уже произошедшим событиям, которые еще не стали предметом изучения или неизвестны лицу, которое делает предсказание» [182, с. 25]. Принято считать, что антонимом термина «предсказание» является слово «ретросказание». У Фридмена же получается, что предсказание при случае может быть и ретросказанием. Согласно его аргументации он должен был говорить о выводах (*deductions*) или заключениях (*conclusions*) теории, которые соотносятся со всеми теми экономическими наблюдениями, которые получают истинное отношение. Эти явления могут относиться и к прошлому, и к будущему, они совсем не обязательно должны были быть известными исследователю. Вполне возможно, что рассматриваемые явления были известны, но лишь в контексте неадекватной им теории. Если же события получают новое, более адекватное объяснение, то они вполне обоснованно начинают расцениваться как подтверждающие теорию. Старую теорию они фальсифицируют, а новую подтверждают. Причем и в том и в другом случае факты в содержательном отношении отнюдь не независимы от статистики, т.е. определенной теории.

Чрезмерное пристрастие Фридмена к термину «предсказание» привело многочисленных читателей его эссе к убеждению, что судьба экономической теории связана исключительно с прогнозами. В действительности он толкует о выводах теории, которые далеко не всегда являются прогнозами. Что же касается предсказаний как таковых, то их Фридмен считал дескрипциями, описаниями не того, что *должно быть*, а того, *что будет*. Вслед за Д. Юмом и его многочисленными последователями, в частности Д.Н. Кейнсом, Фридмен утверждал, что научная теория описывает то, что *есть*, а не то, что *должно быть*. Создается впечатление, что существенное различие позитивной и нормативной науки производится в первую очередь по модусам времени; позитивная наука имеет дело с настоящим, с тем, что *есть*, а нормативная — с будущим, с тем, что *должно быть*. Но подлинный нерв аргументации позитивистов состоит в другом:

позитивная экономическая наука изучает то, что было, есть и будет, а нормативная — то, что *должно* было быть в прошлом, *должно* быть в настоящем и будущем. Предложенное уточнение позиции тех, кто утверждает дуалистическое строение экономической теории, разумеется, не означает оправдания противопоставления нормативной и позитивной экономических теорий.

Обсудив принципиальную возможность оправдания теории посредством сравнения ее выводов с наблюдениями (фактами), Фридмен рассматривает вопрос о выборе между «альтернативными гипотезами» [182, с. 25]. Он приходит к заключению, что, строго говоря, они часто совместимы друг с другом. Аргументация Фридмена состоит в том, что, во-первых, «может существовать более одного набора утверждений, из которых следуют остальные утверждения» [Там же]; во-вторых, что модели, считающиеся аксиомами и постулатами с одной точки зрения, могут быть теоремами с другой, и наоборот [Там же]; в-третьих, не следует отождествлять критерии проверки экономической теории как совокупности приемлемых гипотез с проблемой выбора из последних одной единственно правильной, где на первый план выходят аспекты удобства, простоты и экономии усилий [Там же, с. 27–28]. Все три аргумента справедливы лишь отчасти и, строго говоря, не подтверждают тезис об одинаковой теоретической силе нескольких гипотез.

Наборы утверждений действительно могут быть самыми разными, но тогда не тождественна их содержательная сила. Это выясняется при сопоставлении их с фактами. Фридмен приводит пример с объяснением роста цен на некоторый товар вследствие введения на него специального акцизного налога. Этот рост цен можно объяснить в условиях как совершенной, так и монопольной конкуренции [Там же, с. 25]. Но дело в том, что дополнительные данные позволяют различать два типа конкуренции. Следовательно, две гипотезы объяснения неэквивалентны друг другу.

Ссылка Фридмена на известную соотносительность аксиом и теорем — «поскольку теоремы и аксиомы в абстрактной модели могут поменяться местами, то же самое может произойти со «следствиями» и «предпосылками» в соответствующей абстрактной модели содержательной гипотезы» [Там же, с. 38] — также не доказывает его тезис о равнозначимости гипотез. Вопрос о выборе аксиом, например, в математике решается на основании весьма разветвленной системы аргументации. При этом выясняется, что даже изоморфные друг другу системы тождественны не полностью, а лишь в пределах избранного интервала абстракции от тех или иных критериев.

В содержательных с эмпирической точки зрения теориях, например в физике и экономической науке, неравнозначность фактов и теории не позволяет поменять их местами. Так, следствие вызывается причиной, а не наоборот. Вопрос о конвенциях, о выборе среди гипотез первоначально решался достаточно скоропалительно: выбирается та гипотеза, которая проще, удобнее и красивее. Впоследствии от такой практики пришлось отказаться. А. Пуанкаре полагал, что в теории относительности можно использовать как евклидову, так и неевклидову геометрию. Первая проще, значит, следует отдать предпочтение именно ей. Но, как показал Х. Рейхенбах, такой выбор противоречив, ибо при нем приходится постулировать наличие физических сил, которые не поддаются измерению (а это уже несовместимо с основаниями физических теорий, согласно которым силы подвластны процессу измерений). Фридмен начал свое эссе с утверждения, что содержательные аспекты экономической теории непременно должны удостоверяться фактами. Но в его рассматриваемой аргументации он ослабляет этот правильный принцип до утверждения, что экономические факты не позволяют различать неодинаковые в содержательном отношении гипотезы.

Что касается требований простоты, удобства, плодотворности, то Фридмен понимает, что они не поддаются необходимой в научном исследовании экспликацией [182, с. 25]. Но, вопреки этой позиции, он пытается определить сущность вышеперечисленных критериев. Так, Фридмен заявляет, что «теория является тем “проще”, чем меньше требуется исходной информации для предсказания в данной области явлений» [Там же]. Но что такое *проще*, да еще в кавычках? Ответ: минимум исходной информации. Но чтобы истолковать смысл выражений «информация», «исходная информация», «минимум исходной информации», придется обратиться к основам теории, прежде всего к критерию истинности. А это означает, что при выборе теорий критерии простоты не имеют самостоятельного значения. Теории отбраковываются на основании критерия истинности. Этим все сказано. Обращение к критериям простоты, удобства, красоты не проясняет суть дела, а лишь затеняет ее.

Таким образом, Фридмену не удалось доказать правомерность тезисов философии конвенциализма в экономической теории. Суть дела состоит не просто в декларации этих тезисов, а в определении действительно произвольных тезисов в составе экономических теорий, совместимых с фактами. На наш взгляд, заключе-

ние Фридмена, согласно которому фактами проверяются (фальсифицируются) только предсказания позитивной экономической теории, причем они совместимы с определенным, сколько угодно обширным числом гипотез, должно быть существенно скорректировано, а именно следующим образом. *Все содержательные выводы экономической теории должны подтверждаться (фальсифицироваться) фактами.* Нет таких содержательных выводов, в частности входящих в состав различных теорий, которые бы не подтверждались фактами. В сделанном выше заключении речь идет не о предсказаниях, а о выводах, не о позитивной экономической теории, а об экономической теории как таковой.

На первый взгляд, заключение, что выводы экономической теории проверяются фактами, представляется чуть ли не банальным. Но это впечатление рассеивается, как только ставится вопрос о соотношении принципов и понятий теории с реальностью. Многие считают, что теория начинается с упрощений, абстракций — одним словом, с идеализаций. Идеализации вроде бы искажают реальность, но благодаря именно им достигается успех теории. Налицо парадокс: огрубление реальности обеспечивает не провал теории, а ее триумф. Указанный парадокс рассматривается в составе философии любой эмпирической науки. Разумеется, он не мог не привлечь внимания Фридмена, особенно в связи с дискуссиями по поводу соотношения принципа максимизации результата и мотивов поведения руководителей фирм. Теоретики-неоклассики не могли обойтись в своих рассуждениях без упомянутого принципа, но анкетирование руководителей фирм показало, что они, как правило, не руководствуются им сколько-нибудь сознательным образом. Налицо явная несогласованность. Фридмен пожелал внести ясность в обсуждаемые теоретические коллизии.

Согласно аргументации Фридмена экономическая теория создается ради предсказаний. Именно это является ее главной миссией. Поэтому теория проверяется исключительно на стадии осуществления предсказаний и их сопоставления с фактами. Но многие экономисты полагают, что теория проверяется уже на стадии ее создания. В связи с этим ставится вопрос: «Можно ли проверить гипотезу с помощью проверки реалистичности ее предпосылок?» [182, с. 30]. Под предпосылками (*assumptions*) понимаются те факты, которые используются при создании теории. По мнению Фридмена, любая научная теория имеет дело с идеализациями, или с упрощениями и абстракциями. На стадии предсказаний теория должна быть реалистичной, но не на уровне предпосылок. В по-

следнем случае «полный» реализм (зачем тут кавычки? — В.К.), «очевидно, недостижим» [182, с. 49], да он и не нужен. Процесс познания, наращивания реалистичности теории достигается не за счет установления строгого соответствия между идеализациями и реальностью, а посредством создания все более эффективных абстрактных моделей, позволяющих осуществить предсказания. С различного рода оговорками Фридмен признает дуализм предпосылок и объяснимых посредством предсказаний явлений, но не видит в этом дуализме какой-либо беды. Если бы он утверждал, что новая теория создается ради объяснения фактов, которые лишь на начальной, но не конечной стадии исследования противоречат друг другу, то его логика была бы безупречной. Однако Фридмен рассуждает в парадоксальной манере (парадокс 2): предпосылки противоречивы, а теория и объяснения непротиворечивы, идеализации нереалистичны, а осуществляемые на их основе предсказания реалистичны. Остается невыясненным, каким образом нереалистичные идеализации обеспечивают реалистичность предсказаний.

Полагая, что предпосылки выполняют исключительно вспомогательную роль по отношению к теории, Фридмен характеризует их посредством высказываний, не лишенных налета скандальности. Особенно это относится к следующим двум его утверждениям. (1) «Для того чтобы быть значимой, гипотеза *должна исходить из дескриптивно ложных предпосылок* (курсив наш. — В.К.); она не принимает в расчет и не объясняет многих сопутствующих обстоятельств, поскольку самый ее успех уже показывает, что эти обстоятельства не имеют отношения к объясняемому явлению» [Там же, с. 23]. (2) «Факты могут быть внутренне противоречивы, так что с ними не согласуется никакая гипотеза» [Там же, с. 25]. Выражение, выделенное выше курсивом, П. Самуэльсон назвал «чудовищным извращением науки» [24, с. 169]. Он был излишне резок. Высказывание (1) не лишено логики. Фридмен имел в виду, что в теории абстрагируются от некоторых обстоятельств. Если это так, то они не объясняются ею и, следовательно, по отношению к ней являются ни ложными, ни истинными. Таким образом, выражение «дескриптивно ложные предпосылки» неудачно, но «чудовищным извращением науки» оно не является.

В отличие от утверждения (1) высказывание (2) не только неудачно, но и основательным образом не согласуется с наукой. Согласно последней любые факты должны описываться теоретически, т.е. посредством гипотез. Утверждая, что существуют «внутрен-

не противоречивые» факты, неподвластные теории, Фридмен, во-первых, выходит за пределы науки, во-вторых, резко отклоняется в сторону от попперианства.

Вполне в духе Поппера Фридмен заявляет, что «мы не можем воспринять «факты» без теории» [182, с. 44]. Но в отличие от него он рассуждает о предпосылках, рассматривая факты безотносительно к теории. Слово «факты» Фридмен берет в кавычки. «Факты» — это, судя по его логике, явления, ущербные в теоретическом отношении. Странная, весьма путаная логика! Фридмену она понадобилась для освобождения экономистов от бремени, как ему казалось, несостоятельной концепции, согласно которой теория должна соответствовать предпосылкам, или, иначе говоря, идеализации должны быть реалистичными. В связи с этим он приводит ряд примеров, главные из которых заслуживают упоминания.

Пример из физики. Согласно формуле свободного падения тела $S = gt^2/2$. Но эта формула справедлива лишь в условиях вакуума, а он недостижим. Следовательно, она нереалистична. Если физика — признанный в мире науки авторитет — довольствуется нереалистичностью соответствия теории предпосылкам, то почему от экономических гипотез ожидать чего-то другого? Вопрос конечно же риторический. Правильна ли логика Фридмена? Увы, неправильна. Согласно механике Ньютона на свободно падающее, например в воздушной среде, тело действуют две силы: сила притяжения к земле $F = mg$ и сила сопротивления воздуха $F_c = f(v)$. За член $gt^2/2$ ответственна сила F . Что касается ускорения тела, вызываемого силой сопротивления воздуха, то оно формулой $S = gt^2/2$ не учитывается. Но при желании оно легко может быть учтено. В плане анализа последствий, вызываемых силой притяжения, формула $S = gt^2/2$ реалистична, в ней нет следов украшений, идеализаций, абстракций, вакуума.

Пример из математики и физики. Геометрия оперирует точками и прямыми, но в физической реальности им ничего не соответствует. Вновь приходится отметить, что тезис о нереалистичности теории не доказан. Согласно физике макротела трехмерны, как таковые они не могут быть точечными образованиями. Но центр масс системы тел — это точечное образование. Расстояние от одной точки до другой, как правило, измеряется вдоль прямой линии. При желании физик имеет возможность описать геометрическую форму тела сколько угодно точно. И он обходится без нереалистичных идеализаций.

Пример из теории бильярда. Опытный игрок загоняет шары в лузы, не обращаясь к детальным расчетам, в которых бы использовались сложные формулы. Но теоретически осмыслить траектории движения без этих формул невозможно. Игрок действует так, как будто он знает формулы механики, но они ему неизвестны. Теория бильярда, выразимся так, умнее игрока, т.е. она по отношению к нему нереалистична. И вновь аргументация Фридмена бьет мимо цели. Теория бильярда позволяет объяснить всякий удар любого игрока. При этом она обходится без идеализаций. Согласно Фридмену, нереалистичность теории бильярда проявляется в том, что игрок добивается успеха, не будучи осведомленным относительно ее тонкостей. Суть дела нам видится следующей. Знаток теории бильярда владеет теорией $T_{зн}$, игрок — теорией $T_{иг}$. Между теориями существует определенное соотношение. В содержательном отношении $T_{зн} > T_{иг}$. Наука бильярда признает любую теорию, а не только $T_{зн}$. Опытный игрок добивается успеха постольку, поскольку в содержательном отношении его теория улавливает многие достоинства теории знатока. Пример с бильярдом актуален в плане анализа соотносительности зрелого и незрелого знания, только и всего. Он никак не доказывает нереалистичность теории бильярда.

Пример из экономической науки. Теоретик-неоклассик вынужден опираться на принцип максимизации результата (выражение Фридмена), а руководители фирм, судя по их опросам, руководствуются другими теориями. Опять получается известная несостыковка, свидетельствующая якобы в пользу нереалистичности теории. По Фридмену, бизнесмен, не ориентирующийся в своей деятельности на принцип максимизации результата, не сможет вести успешную деятельность. Возглавляемая им фирма не выживет в условиях «естественного отбора» [182, с. 35]. Пример с бизнесменом опять же допускает нереалистичность теории. Существует известное соотношение между академической теорией (T_a) и теми теориями, которыми владеют бизнесмены (T_i). Между этими теориями существует содержательное соотношение $T_a > T_1 > T_2 > T_3 > \dots > T_n$, где T_i — теории, которыми руководствуются соответственно первый, второй и т.д. бизнесмен. Реалистичность достигается за счет того, что устанавливается степень отклонения T_i от T_a . Экономическая теория не утверждает, что бизнесмен непременно максимизирует прибыль. Это имеет место в случае, если он устанавливает цену на уровне предельных издержек. Если же он устанавливает цену на уровне средних издержек, то он не добьется

максимальной прибыли. Но не следует упускать из виду, что он добьется другого максимума, того, который обеспечивает ему его образ действий. Бильярдный шар движется по траекториям, задаваемым законами физики, независимо от того, попадает ли он в лузу или нет. Бизнесмен не в состоянии отказаться от ценностей, как бы он их ни понимал. Экономическая теория реалистична постольку, поскольку она в состоянии учесть весь спектр максимизаций, реализуемый экономическими агентами.

Итак, Фридмену не удалось доказать нереалистичность теории. Любая экспериментальная наука реалистична. Впрочем, лучше говорить, что она истинна в том смысле, что ее выводы соответствуют фактам. Указанное соответствие полагает совпадение высказываний, фиксирующих выводы, и высказываний, описывающих факты (наблюдения). Правильно указав на необходимость фальсификации выводов фактами, Фридмен напрасно вслед за другими экономистами признал тезис об особом типе соотносительности теории и фактов-предпосылок. Судя по аргументации Фридмена, ему хотелось внести ясность в вопрос о статусе экономических понятий. Посчитав их идеализациями, он пришел к выводу о нереалистичности экономических понятий. И вновь Фридмен попал впросак. Экономические понятия не являются идеализациями. Они представляют собой особые понятия-ценности. Сочтя последние, во-первых, за дескрипции и, во-вторых, за абстракции, он совершил двойную ошибку. Сказалась пагубная приверженность Фридмена к двум догмам. Согласно первой из них статус всех общественных наук является семантическим, описательным. Согласно второй догме только теория абстракций позволяет установить статус научных понятий.

Переходим к подведению итогов. Удалось ли Фридмену поднять философию экономической науки на тот методологический уровень, который характерен для работ Поппера? В весьма значительной степени. По крайней мере четыре принципа философии Поппера включены Фридменом в его эссе. Это, во-первых, принцип теоретической относительности: факты не воспринимаются без теории [182, с. 44]; во-вторых, принцип фальсификационизма: выводы теории должны проверяться фактами, при этом «факты никогда не могут “доказать теорию”, они могут лишь выявить ее ошибочность» [Там же, с. 25]; в-третьих, принцип роста научного знания: «любая теория с необходимостью имеет преходящий характер и подвержена изменению с прогрессом знания» [Там же, с. 50]; в-четвертых, принцип определения соотносительной силы теории:

более эффективна та теория, выводы которой наиболее точны, область ее действия максимально широка, к тому же ей не удается найти альтернативу [182, с. 25, 35].

К сожалению, в отличие от Поппера Фридмен берет свой постпозитивизм как нечто данное. Он не чувствует потребности в критике неопозитивистских воззрений. Поппер рассуждает, как правило, по схеме «я говорю это, а не то». В результате он приходит к противопоставлениям, которые придают его суждениям высокую степень определенности. Поппер, по сути, никогда не воспроизводит неопозитивистские воззрения, а у Фридмена это случается нередко, в частности при определении статуса фактов. Вопреки постпозитивистскому тезису о теоретической нагруженности фактов, Фридмен рассматривает факты-предпосылки как автономные относительно теории. Присутствующие в эссе Фридмена неопозитивистские положения «работают» не в полную силу. Ему не удастся нагрузить их должным образом актуальным в проблемном отношении экономическим материалом.

Что касается центральных тезисов эссе Фридмена, а именно о противоречивости позитивной и нормативной экономической науки и нереалистичности экономических понятий, то эти положения не имеют прямого отношения к определенности как неопозитивизма, так и постпозитивизма. Оба эти направления совместимы как с признанием, так и с отрицанием дуального, позитивного и нормативного устройства науки. Исторически же ситуация сложилась таким образом, что в рамках обоих упомянутых выше философских направлений позитивная наука противопоставлялась ценностным суждениям. Рассматриваемый дуализм в наши дни постепенно рассеивается. Но туман от него стоит все еще весьма плотный, в том числе и в экономической теории.

В кратчайшем изложении философская суть статьи Фридмена сводится к принципам теоретической относительности, фальсификационизма и роста научного знания.

В заключение параграфа выделим два высказывания Фридмена об актуальности философии экономической науки. «Всеобщее поверхностное знакомство с предметом экономической теории порождает презрение к специальному знанию о нем» [Там же, с. 48]. «Обществоведы больше других ученых нуждаются в том, чтобы понимать используемую ими методологию» [Там же, с. 49]. Трудно не согласиться с приведенными выводами Фридмена. Как часто даже выдающимся экономистам не удается подняться над горизонтом методологической сумятицы. В отличие от многих своих

знаменитых коллег Фридмен смело представил свои философские воззрения на суд научной критики. Этим поступком он, как нам представляется, проявил не только мужество, но и изрядную долю благородства.

Пожалуй, в данном месте уместно одно замечание. Правомерно ли называть тех или иных исследователей, например Милля, Маршалла, Маркса, Фридмена, выдающимися методологами, а затем подвергать их теории суровой критике? На этот вопрос следует положительный ответ. Всегда надо иметь в виду, что выдающиеся ученые являются интеллектуальными лидерами, но не более того. Абсолютная истина неподвластна даже им. Важно другое: в теориях выдающихся методологов значительно меньше несутуриц, чем в концепциях их исторических оппонентов, особенно тех из них, кто вообще не в состоянии представить свои методологические воззрения в сколько-нибудь связном виде. Лишь на первый взгляд кажется, что экономист, не высказывающийся по поводу философских вопросов, тем самым избегает методологических ошибок. Тщательный анализ обнаруживает их у любого автора. Молчание, которое сродни отсутствию приобретения философского опыта, отнюдь не является методологическим золотом.

4.6. МАРК БЛАУГ: ЖЕСТКИЙ ФАЛЬСИФИКАЦИОНИЗМ И УМЕРЕННЫЙ ДУАЛИЗМ ФАКТОВ И ЦЕННОСТЕЙ

Фридмену удалось приобщить экономическую науку к постпозитивистским философским стандартам. После него различные авторы пытались уточнить и развить их должным образом. В связи с этим наиболее видным постпозитивистом стал, бесспорно, англичанин Марк Блауг. В отличие от Фридмена Блауг — профессиональный методолог и историк экономической науки. Методологией он занимается профессионально, лишь изредка отвлекаясь на разработку проблем базовой экономической науки (он — глубокий специалист в области экономики образования).

В области методологии экономической теории Блауг следует за Фридменом, а в области философии — за К. Поппером и отчасти за И. Лакатосом. Как и Фридмен, он уделяет основное внимание двум проблемам: а) различию между позитивной и нормативной экономической наукой и б) возможностям фальсификации, опровержения экономических концепций. Обратимся для начала к первой проблеме.

Блауг принимает различие между позитивной и нормативной наукой за *методологическое* требование. Признавая дуализм фактов и ценностей, Блауг в отличие от Фридмена стремится придать ему насколько возможно мягкую форму. Во-первых, он заявляет, что «границы позитивной экономической теории уже, а нормативной — шире, чем часто заявляют экономисты» [24, с. 218]. Во-вторых, Блауг считает, что «взаимодействие фактов и ценностей как раз и является тем “топливом”, которое питает научную работу в общественных науках ничуть не меньше, чем в естественных. Научный прогресс происходит только тогда, когда мы стремимся *максимизировать роль фактов и минимизировать роль ценностей* (курсив наш. — В.К.)» [Там же, с. 222]. Итак, взаимодействие между фактами и ценностями признается актуальным и необходимым. Не следует доводить *дуализм* фактов и ценностей до их *противопоставления*. Впрочем, факты, с одной стороны, и ценности, с другой, Блауг оценивает по-разному. Роль ценностей следует минимизировать; иначе говоря, в отличие от фактов они чужды существу науки и представляют собой неизбежное зло. Взаимодействие между фактами и ценностями должно ослаблять последние в пользу первых.

Для Блауга ценности — это непроверяемые фактами утверждения. В конечном счете принцип фальсификации должен позволить выделить ценности как нежелательный для науки элемент. Блауг не замечает противоречивости своих суждений: то, что именно является ценностью, определяется исходя из... ценности, ибо согласно его аргументации принцип фальсификации (проверка теории фактами) является ценностью.

Мыслитель масштаба М. Блауга, естественно, ни одно сколько-нибудь обязательное утверждение не принимает без соответствующей аргументации. Ему надо убедиться, что проводимое им различие между позитивной и нормативной экономической теорией состоятельно. С этой целью он проводит соответствующие исторические исследования, рассматривая идеи Сениора, Милля-младшего, Кейнса, Кейнса-старшего. Не обнаружив в их воззрениях по поводу дуализма экономической теории каких-либо решающих противоречий [24, с. 203–205], он сосредоточивает свое внимание, как ему представляется, на трех самых главных, причем неудачных, атаках на вышеупомянутый дуализм.

У Р. Хейлбронера Блауг обнаруживает противоречие: с одной стороны, он утверждает, что методы естественных и общественных наук различны, но, с другой стороны, приходит к выводу, что эконо-

номистам надо брать пример с представителей естественных наук и стремиться к объективности проводимых ими анализов [24, с. 198–201].

Г. Мюрдаля, не признающего саму возможность позитивной экономической науки, Блауг обвиняет в двойной непоследовательности. Во-первых, он утверждает, что в экономической теории отсутствуют этически нейтральные фактологические утверждения. В действительности же они есть (например, утверждение, что коэффициент эластичности спроса на импортируемые в Великобританию автомобили равнялся в 1979 г. 1,3, не зависит от желаний кого-либо). Во-вторых, Мюрдаль не показывает, каким образом ценностные суждения вторгаются в экономические рассуждения [24, с. 203].

Хейлбронер и Мюрдаль отрицали позитивную экономическую теорию. В принципиально другой манере действуют авторы, которые вслед за Парето стремятся исключить нормативную экономическую науку. Согласно Парето, оптимум, достигаемый в условиях совершенной конкуренции, обеспечивает коллективное счастье. Все, что касается оптимума, формируется без всякого обращения к ценностям, к которым приходится обращаться лишь тогда, когда речь заходит о предписаниях и эффективности теории. Логике приведенного рассуждения Блауг не принимает.

Во-первых, ему не нравится, что Парето-оптимальность интерпретируется двояко — и позитивно, и нормативно. Это «напоминает попытки “подковать блоху”» [Там же, с. 211]. Во-вторых, Блауг показывает, что в основе аргументации по поводу Парето-оптимальности лежит смысл теоремы о «невидимой руке». Но эта теорема, как отмечает Блауг, эмпирически непроверяема. В случае понижения цен на товар Гиффена, для которого характерна кривая спроса с положительным уклоном, его будут покупать меньше, а значит, расширится множество выборов, доступных другим потребителям нормальных благ. «Следовательно, существует реаллокация ресурсов, которая может улучшить положение по крайней мере одного человека, не ухудшив положение других, что противоречит теореме о “невидимой руке”» [Там же, с. 212]. Так как теорема о «невидимой руке» непроверяема, то она согласно логике Блауга относится к нормативной теории. Вопреки многим ее интерпретациям, она не относится к позитивной теории. Всякая попытка отказаться от услуг нормативной экономической теории приводит к противоречиям. В связи с этим он делает глубокое замечание: «невероятная путаница как раз и возникла в результате

претензии экономистов “научно” высказываться по вопросам “эффективности”, не связывая себя никакими ценностными суждениями» [24, с. 212]. В исполнении Блауг дилемма дуализма выглядит следующим образом: позитивная наука руководствуется критерием истинности [24, с. 192], нормативная — критерием эффективности. Лишь позитивная наука подвержена принципу фальсификации.

Допустим, но в таком случае непонятно, почему нормативная теория, каковой Блауг считает, например, теорию благосостояния, награждается пышным титулом «наука». Неопровержимую эмпирическими данными теорию философский кумир Блауга Поппер называл ненаукой. Строго говоря, экономистам от Фридмена до Блауга следовало бы считать, что экономическую науку образует союз позитивной науки и нормативной ненауки. Но в таком случае не избежать крайне неприятного вывода: поскольку экономическая наука содержит ненаучный компонент, постольку она в целом, по сути, также не является наукой.

Итак, убедившись в том, что не удастся преодолеть дуалистичность экономической теории, Блауг считает себя вынужденным признать ее в качестве методологического принципа. Нормативным оказывается признание и дуалистичности экономической теории, и наличия позитивной экономической теории. Последняя, надо полагать в качестве насмешки над блюстителями позитивного пуризма в экономической науке, изначально признается отмеченной печатью нормативности.

В отличие от Фридмена Блауг не избегает обсуждения статуса нормативной экономической теории. Смело идет он навстречу самым неожиданным выводам, порой весьма забавным. В стремлении не покидать почву подлинной, т.е. позитивной, науки Блауг одобряет «образ экономического советника правительств, *желательно прячущего от посторонних глаз свои суждения*» [24, с. 215] и сетует по поводу того, что, «к сожалению (курсив наш. — В.К.), политики обычно обращаются к экономистам не только для того, чтобы прояснить функцию возможностей, но и за советами в отношении функции предложения» [Там же]. Неясно, почему советнику надо прятать свои убеждения, неужели они столь пагубны? Неясно также, почему политики не должны обращаться за рекомендациями к экономистам там, где не они, а их советники являются признанными научным сообществом специалистами. Образ ученого-экономиста, знающего, как обстоят дела и что можно сделать, но отказывающегося дать соответствующую конкретную рекомендацию, поистине забавен. Если ученый возлагает бремя при-

нятия решения на неспециалиста, то он, уходя от ответственности, услужливо склоняет голову перед ненаукой. Признание дуалистичности экономической науки неизбежно приводит к признанию идеалов безответственности. Но действительно ли их, оставаясь в пределах науки, невозможно избежать?

Беда Блауга состоит в том, что он, подобно всем тем авторам, работы которых он анализирует, не владеет представлением о ценности как концепте (понятии). Без ценностных концептов (ц-концептов) любые рассуждения о ценностной проблематике не попадают в область науки. Отказ от понятий, от концептуальности равносителен отказу от науки. Вновь обратимся к постулируемой многими исследователями дуалистичности экономической науки. Вполне сознательно оперируя представлением о ц-концептах, поясняя их статус, отметим, что в составе уравнений экономической теории они представлены переменными, обладающими не физическими, а экономическими размерностями. Простейшие и вместе с тем базовые экономические ценности — это не что иное, как цены товаров.

В анализе Блауга под ценностями понимаются:

- субъективные притязания;
- неэкономические, прежде всего политические, предпочтения;
- идеологические убеждения;
- нормы, устанавливаемые государством или другими влиятельными властными институтами;
- методологические требования.

Напомним читателю, что экономическая теория оперирует ц-концептами, значит, и их взаимосвязью (законами). Руководствуясь этим соображением, рассмотрим перечисленных выше претендентов на статус ценностей.

Субъективные притязания недопустимо рассматривать неконцептуально. Они непременно имеют некий смысл, и выражается он не чем иным, как экономическими ценностями (э-ценностями). В научном анализе субъективные притязания должны быть сведены к э-ценностям. Уяснение статуса э-ценностей есть также уяснение статуса любых субъективных притязаний.

Неэкономические представления относятся к проблеме междисциплинарных связей. Их статус, по сути, ничего не разъясняет относительно природы экономической науки. Решающее же положение состоит в том, что любые типы ценностей связаны с отношениями вменения. Так, политические ценности могут вменяться экономическим ценностям. Итак, статус неэкономических цен-

ностей никак не разъясняет вопрос о специфике экономической теории.

Идеологические убеждения выступают, как правило, в форме квазипонятий. При их научном анализе исследование должно проходить две стадии: во-первых, определяется, по отношению к каким ц-концептам они выступают в качестве эрзац-понятий; во-вторых, устанавливается, насколько они искажают действительное положение дел. Вновь суть дела сводится к ц-концептам.

Нормы — это закрепленные тем или иным властным институтом э-ценности. И их смысл сводится в конечном счете к э-ценностям.

Этические предпочтения, подобно всему существующему в мире, имеют определенные истоки. Находясь вне экономического, они в контексте проводимого анализа не представляют какого-либо особого интереса, ибо относятся к междисциплинарным связям, никак не определяющим статус экономической теории. Если же этические предпочтения вырастают из недр самой экономической теории, то они опять же не определяют ее природу. Экономическая этика занимается вопросами эффективности и ответственности. Их смысл не только не автономен от э-ценностей, но именно от них и зависит.

Методологические требования применительно к экономической науке определяют способы действий с э-ценностями. Сами по себе, безотносительно к э-ценностям они лишены смысла. Поддаются ли методологические положения проверке? Поддаются, но не иначе как вместе с э-ценностями. Допустим, следование принципу фальсификации способствует развитию экономической теории. В таком случае он признается истинностным, а не ложным. Методология не нависает над экономической теорией как доминирующая над ней сила, а заключается в ней самой. Фальсификация э-ценностей определяется, строго говоря, не принципом фальсификации, а их собственным статусом.

Итак, смысл всех претендентов на статус ценностей сводится в конечном счете к определенности э-ценностей и их взаимосвязей. Другой наш вывод гласит, что в составе экономической теории нет других понятий, кроме э-ценностей. Сторонник дуалистичности экономической теории с этим выводом категорически не согласен. Но в таком случае он, избегая обвинений в научной некомпетентности, должен привести хотя бы один пример утверждения, в котором речь шла бы не о ценности, а об описательном, дескриптив-

ном понятии. Блауг это понимает, а потому он считает себя обязанным привести соответствующий пример.

Пример Блауга [24, с. 203]. Он утверждает, что коэффициент эластичности спроса на импортируемые автомобили в 1979 г. составил 1,3. Эта цифра либо верна, либо нет. Объективность утверждения не зависит от «мыслей или ваших желаний», равно как от «объявления ценностей». Итак, сделанное утверждение признается не ценностным, а объективным.

Запишем утверждение Блауга в виде формулы

Изменение объема спроса, % / Изменение цены, % = 1,3. (4.1)

Как известно, фирмы при установлении товарных цен и правительства при введении косвенных налогов учитывают эластичность спроса по цене. Если спрос эластичен по цене, то снижение цен приведет к увеличению общей выручки, а увеличение цен — к ее уменьшению. Напротив, при неэластичном спросе по цене даже большое снижение цены приведет к малому увеличению объема спроса и т.д. За коэффициентом эластичности спроса $\kappa = 1,3$ стоят самые различные э-ценности. Зададимся вопросом: «Почему в Великобритании в 1979 г. коэффициент эластичности спроса на импортируемые автомобили равнялся 1,3?» Не потому ли, что производители автомобилей и их покупатели преследовали вполне определенные цели, которые определялись на основе некоторых э-ценностей? Именно поэтому. Еще вопрос: «Как устанавливались цены и почему они изменялись?» И вновь нам придется обратиться к э-ценностям. «А почему изменился объем спроса на импортируемые автомобили?» Надо полагать, вследствие э-ценностей покупателей автомобилей. Выходит, что и в числителе и в знаменателе формулы (4.1) стоят ценностные выражения. Именно они определяют содержание коэффициента $\kappa = 1,3$. По своему смыслу он буквально нашпигован э-ценностями. Впрочем, при поверхностном анализе это обстоятельство не замечается. Ссылка Блауга на его личные желания и ценности ни в коей мере не умаляет э-ценности. Происходящее в экономической жизни Великобритании может и зависеть, и не зависеть от э-ценностей отдельного человека. Многое зависит от того, является ли человек миллиардером, миллионером или же, например, бомжем.

Блауг привел относительно сложный пример. Максимально простой пример состоит в указании на цену данного товара. Допустим, буханка хлеба продается за 20 руб. Утверждая, что ее цена равна 20 руб., я говорю истину. В противном случае я говорю ложь.

Создается впечатление, что мне удалось достичь чистой, ничем не замутненной дескрипции. Это впечатление обманчивое: мое описание «цена данной буханки хлеба равна 20 руб.» является описанием ценностного отношения. Его установил не я, а другие люди. Это обстоятельство не меняет сути дела. Цена — это оценка экономической ценности.

Итак, вопреки Блаугу мы утверждаем, что все утверждения экономической теории повествуют об экономических ценностях как концептах. Нет ни позитивной, ни нормативной экономической теории. Любая экономическая теория имеет в *концептуальном отношении* аксиологический характер. Почему последователям Парето не удалось превратить экономическую теорию в позитивную науку? Потому что это в принципе невозможно. Почему Хейлбронер и Мюрдаль не сумели обосновать аксиологический характер экономической теории? Потому что они не владели представлением об экономических ценностях как концептах. Почему Блаугу не по силам преодолеть дуализм позитивной и нормативной науки? Потому что у него отсутствует концептуальное понимание ценностей. Именно недостаточно глубокое концептуальное понимание института ценностей сохраняет уже полтора века в незыблемости догму о дуалистичном устройстве экономической науки. И дело тут не только в слабости именно экономической науки. В других науках, в том числе в философии, дела обстоят не лучше, чем в экономике [134].

Переходим к рассмотрению воззрений Блауга на проблему фальсифицируемости (опровержимости) теорий. В этом вопросе он намного последовательнее, чем в случае апологетики дуалистичного строения экономической теории. «Единственный способ узнать, что та или иная теория верна или, скорее, не ошибочна, — это проверить какой-либо следующий из нее прогноз о действиях, состояниях или событиях» [24, с. 19]. С этим трудно не согласиться. Экономическая теория предназначена для концептуального осмысления всех экономических явлений, как действительных, так и возможных, как прошлых, так и настоящих и будущих (а не только прогнозов!). Блауг справедливо отмечает, что эмпирическая проверка трудна и неоднозначна [Там же, с. 21].

Во-первых, проверка касается некоторых параметров, а другие считаются неизменными, к тому же часто вообще неизвестно, сколько их. Во-вторых, в экономической теории нет хорошо подтвержденных универсальных законов. Но, судя по опыту физики, именно такие данные поддаются проверке лучше всего. В-третьих,

экономические законы имеют статистический характер; в этой связи также возникает много трудностей. В-четвертых, в уравнениях экономической теории отсутствуют универсальные константы. В-пятых, данные, используемые в эмпирической проверке теории, соответствуют последней лишь приблизительно, а не с абсолютной точностью. В-шестых, одна и та же теория может быть представлена совокупностью ее интерпретаций, между которыми трудно сделать окончательный выбор. Блауг признает трудности процесса фальсификации экономической теорий, но не теряет оптимизма. Они все преодолимы, просто «надо приложить больше усилий!» [24, с. 23]. Необходима воля к истине — таков вывод, который составляет лейтмотив всех рассуждений Блауга.

Блауг много пишет о том, что у значительной части экономистов воля к истине представлена ее ослабленным вариантом. Так называемый *безопасный фальсификационизм* довольствуется малым. Рассуждают, например, о *наклоне* кривой спроса, но не проводят сопоставление всего спектра эмпирических и теоретических данных. Порой воля к истине ослаблена настолько, что происходит отказ от самой идеи опровержимости теории. Блауг критикует в этой связи конвенционалистов, которые, руководствуясь тезисом Дюгема — Куайна, доказывают, что после соответствующей модификации всякая теория устоит перед натиском любых фактов.

Добавим от себя, что конвенционалист не отрицает необходимости согласования выводов теории с фактами. Но он полагает, что знание наращивается постепенно, а не за счет революционных отказов от существующих теорий. И. Лакатос постарался найти середину между радикальным фальсификационизмом и либеральным конвенционализмом за счет постулирования наличия «жесткого ядра» теории и его «защитного пояса». Теория опровержима, однако лишь после разрушения не только ее «защитного пояса», который довольно устойчив, но и «ядра». В этом месте следует отметить, что позиция Лакатоса была воспринята экономистами, в том числе и Блаугом, с редким для них методологическим единодушием. Надо полагать, отчасти из-за ее действительных достоинств, но в том числе и благодаря присущим ей чертам компромиссности. Убеденный конвенционалист упрямо советует использовать возможности трансформации «защитного пояса» теории: отказываться от ее «жесткого ядра», дескать, рано. Радикальный фальсификационист склонен настаивать на отказе от «жесткого ядра» теории, полумеры его не устраивают. Две рассматриваемые методологические крайности объединяет отсутствие

тщательного анализа соотносительности ядра теории с ее периферией. Сам Лакатос также был не очень силен в анализе упомянутой соотносительности.

Будучи последовательным защитником принципа фальсифицируемости экономических теорий, Блауг вслед за Поппером выступает против конвенционалистских уловок. Он полагает, что требование опровержимости теории должно быть дополнено целым рядом попперовских методологических правил: добивайтесь интересубъективной проверки, увеличивайте степень проверяемости теории, придумывайте новые теории, которые были бы богаче старых, будьте предельно экономным во введении вспомогательных гипотез и т.д. [24, с. 65]. На наш взгляд, Блауг понял Поппера не совсем правильно. Все так называемые методологические правила Поппера не прибавляются к принципу фальсифицируемости, а лишь раскрывают его нетривиальное содержание в деталях. Перечислив ряд своих выводов, Поппер выразился однажды вполне однозначно: «*Все сказанное можно суммировать в следующем утверждении: критерием научного статуса теории является ее фальсифицируемость, опровержимость, или проверяемость*» [147, с. 245].

Но в чем же состоит органический недостаток конвенционалистских уловок? В том, что они призваны избавить ее от опровержения. «Такая процедура, — отмечал Поппер, — всегда возможна, но она спасает теорию от опровержения только ценой уничтожения или по крайней мере *уменьшения ее научного статуса* (курсив наш. — В.К.)» [Там же, с. 245]. Но что же это такое — «уменьшение научного статуса»? Поппер всегда отмечал, что сильнее та теория, которая объясняет максимально большое число фактов. Суть дела нам видится в том, что вспомогательные гипотезы всегда являются гипотезами *ad hoc* (для данного случая). Они не обладают универсальным значением и, следовательно, не укрепляют концептуальное содержание теории. Поясним обсуждаемую ситуацию конкретным примером.

«Жесткое ядро» ортодоксальной неоклассики включает: а) равновесие по Вальрасу—Эрроу—Дебре; б) тезис о рациональном поведении индивидуумов; в) постулат об эндогенном характере их предпочтений. «Защитный пояс» может содержать, например, такие гипотезы: условие частной собственности на все ресурсы; предположение о том, что издержки на получение информации отсутствуют; монетаристское предположение о прямой связи между предложением денег и уровнем совокупного спроса. Все поло-

жения, входящие в «жесткое ядро», признаются неизменными и сочетаемыми с непосредственно верифицируемыми гипотезами, входящими в «защитный пояс». Можно, например, пожертвовать ортодоксальным монетаристским положением о прямой связи между предложением денег и уровнем совокупного спроса и признать эту связь с учетом роли процентной ставки косвенной. Соперничество этих двух гипотез, а оно непременно включает сверку с наблюдаемыми данными, может привести к победе одной из них. Отвергнутая гипотеза будет признана в конечном счете гипотезой *ad hoc*. Если конвенционалист будет отказываться признать ее ошибочность, то ему укажут на следующее обстоятельство. Гипотезы из «защитного пояса» при всей их вариабельности должны обладать той же самой степенью универсальности, что и положения из «жесткого ядра». В противном случае теряется согласованность между структурными частями теории. Если же выясняется, что гипотеза из «защитного пояса» вообще не нуждается в признании за ней вариабельности, то она переводится в «жесткое ядро» теории.

Исследователь должен внимательно следить за тем, как соотносятся гипотезы *ad hoc* с положениями из «защитного пояса» и «жесткого ядра». Что касается положений «жесткого ядра», то за ними также не признается статус неприкосновенности. Вполне возможно, что выяснится необходимость их существенной трансформации. В таком случае они будут считаться положениями «защитного пояса». Разумеется, по крайней мере одно из положений «жесткого ядра» должно демонстрировать свою неизменность, что, впрочем, не исключает уточнения его содержания. Не случайно принятая в неоклассике концепция равновесия связывается не только с именем Вальраса, но и с именами Эрроу и Дебре. В новейших вариантах неоклассики требование условия общего равновесия заменяется требованием оптимизации, объясняемым различными нетривиальными способами. Отсутствие в «жестком ядре» теории инвариантных положений равносильно ее краху.

Итак, возвращаясь непосредственно к воззрениям Блауга, следует отметить, что демонстрируемая им бескомпромиссность в защите фундаментальной значимости принципа фальсификации не является излишней и заслуживает одобрения. Принципа фальсификации никогда не бывает слишком много. Но и ему не чужды требования известной умеренности. Речь идет о том, что надо адекватно оценивать значимость теории, с одной стороны, и фактов — с другой. Настаивая на очной ставке теории и фактов, Блауг дела-

ет упор на факты. О теориях и их содержательном устройстве он рассуждает как-то нехотя, вскользь. Блауг в значительно большей степени эмпирицист, чем Поппер. Выражаясь несколько прямолинейно, можно констатировать, что у Поппера теория более первична, чем у Блауга.

Блауг полагает, что Поппер «давно осознал парадокс, когда мы требуем тщательной проверки теорий в терминах наблюдаемых на их основе предсказаний, но в то же время признаем, что любые наблюдения на самом деле интерпретируются в свете теорий» [24, с. 91]. Он готов признать за экономическими фактами «теоретическую окраску», имея в виду, что, как отмечал Лакатос, любая проверка предполагает трехстороннюю «схватку» между фактами и по крайней мере двумя конкурентными теориями. Видимо, Блауг имеет в виду, что после окончания упомянутой «схватки» наедине с фактами остается теория-победительница и теперь они, факты, лишаются всякой теоретической окраски, ибо не зависят от теории. Вопрос о так называемой теоретической нагруженности фактов заслуживает специального обсуждения.

Представим себе, что Землю посетили странные существа, не владеющие экономической теорией. Они не сумеют распознать ни товары, ни их цены, ни какие-либо другие экономические реалии. Все экономические явления имеют ценностный характер и в этом смысле являются творениями человека, а не природы или чуждых нам пришельцев из иных миров. Проблема сопоставления теории и фактов возникает постольку, поскольку экономическая реальность трехуровневая. Ценностный характер имеют: 1) высказывания; 2) ментальные образования (эйдосы, мысли и чувства) и 3) услуги и товары. Истина предполагает согласованность всех трех уровней экономических явлений. Но ее может и не быть. Уже отдельный человек может говорить одно, переживать нечто другое, а делать третье. Но ведь следует учитывать также сложную мозаику ценностных взаимоотношений людей. Очевидно, что она от вышеупомянутых рассогласований никак не застрахована.

Экономическая истина выступает как соответствие, во-первых, высказываний и эйдосов (переживаний); во-вторых, высказываний и фактов (товаров и услуг, а значит, и их ценовых показателей); в-третьих, эйдосов и фактов. Итак, строго говоря, имеется целых три типа экономической истины. Под теорией обычно понимают высказывания, но порой она отождествляется с *высказываниями и эйдосами*. Но как в свете невозможности внедрения непосредственно в товарные тела и услуги наших высказываний и пережи-

ваний понимать теоретическую *нагруженность* фактов? Трудный вопрос, который, вполне возможно, вообще поставлен неправильно. На наш взгляд, тезис о теоретической нагруженности экономических фактов имеет лишь одно «оправдание»: в экономической жизнедеятельности людей не товары и услуги, а они сами являются субъектами поступков; следовательно, люди вменяют выработанные ими в ментальности и языке экономические ценности вещам и процессам, которые в итоге образуют поле фактов. Факты в качестве знакового бытия ценностей действительно «нагружаются» теорией. Но этим их бытие не ограничивается. Факты обладают относительной самостоятельностью, а это означает, что они, отделяясь в содержательном отношении от высказываний и переживаний, начинают противостоять им. В своей относительной самостоятельности их, надо полагать, можно считать образованиями, отделившимися от теории. Теперь факты уже не являются «теоретически нагруженными». И мы можем смело, не опасаясь упрека Блауга в противоречивости суждений, утверждать, что в сопоставлении теории и фактов нет ничего парадоксального постольку, поскольку факты перестали к моменту установления истины быть «теоретически нагруженными».

Крайне важно понимать, что вопрос об экономической истине относится к соотношению уровней экономической системы. Все три ее рассматриваемых уровня имеют одну и ту же природу, а именно ценностную. Лишь благодаря этому обстоятельству вообще оказывается возможным сопоставление трех уровней экономической действительности. Сопоставление всегда предполагает однокачественность сравниваемых реалий. В нашем случае эта однокачественность имеет ценностный характер.

Исследователи, подобные Блаугу, рассуждают об *экономических* теориях и *экономических* фактах. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что о собственно экономической составляющей говорится очень немногое. Создается впечатление, что теория, например, в качестве совокупности высказываний не обладает глубоким концептуальным содержанием, а всего лишь как бы скользит по поверхности фактов, фиксируя их численные значения. Рассмотрим в этой связи различия, существующие между эссенциализмом, концептуализмом и левитеризмом.

Концептуализм (от лат. *conceptus* — мысль, представление) — это адекватная интерпретация содержания науки как имеющей дело с понятиями. В истории науки еще не было теории, которая не оперировала бы понятиями, концептами.

Эссенциализм (от лат. *essentia* — сущность) — это искажение концептуализма, заключающееся в подмене совокупности понятий одной сущностью. Идеи Платона о «лошадности», «человечности», сущности Аристотеля — это не понятия, а как раз эссенциальные сущности. Когда Маркс в мире экономических явлений везде и во всем видит абстрактный труд, то он рассуждает как эссенциалист. Критика эссенциализма вполне правомерна, но, к сожалению, довольно часто она бездумно доводится до отрицания концептуализма. Тогда наступает черед левитеризма.

Левитеризм (от лат. *levis* — поверхностный, причем в переносном смысле) — это попытка обойтись без понятий. Часто такая акция предпринимается от имени номинализма, сторонники которого склонны обходиться одними именами единичных вещей и процессов, которые не признаются понятиями. Поппер рассуждал об универсальных и единичных понятиях [147, с. 88]. Вряд ли такое словоупотребление следует признать удачным. Цена — это понятие, а p_1, p_2, p_3 — это, как нам представляется, признаки понятия p_i . Понятие цены существует в единственном, а не во множественном числе.

Тексты Блауга свидетельствуют о том, что ему не удалось избежать недуга левитеризма. В предметном указателе его книги [24] термин «понятие» отсутствует. Это странно, ибо экономическая теория состоит из понятий. И если книга посвящена теории, то в ней проблеме понятий непременно должно быть уделено достаточно много места. Определение левитеризма позволяет ввести различие между концептуальным и левитеральным фальсификационизмом. На наш взгляд, в анализируемой книге Блауга присутствует по преимуществу левитеральный фальсификационизм. В обоснование этого вывода через абзац будут приведены новые аргументы.

В качестве фальсификациониста Блауг полагает, что ценности непроверяемы. Этот тезис присутствует на очень многих страницах его книги, хотя и никак не обосновывается. Вопреки мнению значительного числа экономистов, утверждения по поводу ценностей поддаются проверке не хуже, чем высказывания о природных реалиях. Экономические наблюдения всегда имеют дело с ценностями. На первый взгляд кажется, что проверка аксиологических высказываний расстраивается решающим образом из-за сопряженности ценностей с целями. Наблюдение осуществляется *сейчас*, т.е. в настоящем, а цели расположены в будущем. Временный модус проверок и целей, дескать, разный; следовательно, их совмес-

тить невозможно. Но такая аргументация весьма поверхностна. Дело в том, что будущее и настоящее не противостоят друг другу, а скреплены процессуальной связью. Не будучи в состоянии переместиться в будущее, мы можем его предсказать, а затем, дождав-шись его актуализации в качестве настоящего, осуществить ин-тересующие нас наблюдения и измерения. Если поставленная цель оказалась нереализованной, то ее постановка считается ошибоч-ной. Разумеется, следует иметь в виду, что экономическое измере-ние всегда имеет дело не с *констативами* (как в естествознании), а с *оценками*. Даже там, где экономисту кажется, что он всего лишь нечто констатирует, он в действительности измеряет *оценки* эко-номических ценностей. *Оценки* измеримы. Вот почему принцип фальсификации не только уместен в экономической теории, но и предельно актуален для нее.

Выше мы обещали привести дополнительные аргументы по по-воду левитерального характера блауговского фальсификационизма. Речь идет о том, как Блауг использует принцип фальсификации. Он берет часть теории и подставляет ее под огонь фальсификации. Если она не выдерживает его, то происходит отказ от нее. Блауг полагает, что концепция общего равновесия эмпирически пуста [24, с. 263, 266] и, следовательно, от нее следует решительно отка-заться. Желая не допустить профанации экономической теории, он вынужден максимально критически относиться к целой плеяде выдающихся экономистов, включающей, в частности, Вальраса, Парето, Эрроу, Дебре, Хикса, Самуэльсона, Вайнтрауба, недооце-нивающих, по его мнению, значимость принципа фальсификации и в результате занимающихся «эмпирически пустым» делом. Пи-кантность ситуации состоит еще и в том, что Блауг из всех эконо-мических направлений превыше всего ставит неоклассику. Но концепция общего равновесия всегда была первым претендентом на место основополагающего принципа «жесткого ядра» как раз неоклассической исследовательской программы. Отказ от общего равновесия способен едва ли не обрушить последнюю. Блауг, оче-видно, так не считает. Но в таком случае ему следовало бы опреде-литься относительно исходного принципа «жесткого ядра» нео-классики. Вполне возможно, концепция общего равновесия не столь бессодержательна, как полагает Блауг. На наш взгляд, дело обстоит именно таким образом.

Идея общего равновесия многоаспектна, она опирается на сис-темные представления об экономической реальности и ориенти-рована на определение путей ее оптимального функционирования

и максимально длительного (устойчивого) сохранения последнего. Идея общего равновесия переосмысливалась многократно, в частности в связи с использованием аппарата теории игр и математического программирования. При этом широко использовались и используются процедуры фальсификации. Достаточно вспомнить в этой связи метод затраты—выпуск, разработанный В. Леонтьевым. Этот метод был развит в рамках идеи общего равновесия (предполагается, что связь между выпуском продукции и объемом затрат имеет линейный характер). Леонтьев не только был убежден в возможности проверки теории, ибо «она содержит переменные, которые отражают непосредственно наблюдаемые факты» [96, с. 81], но и настаивал на этом, выступая против теории, не согласующейся с практикой. Он всегда указывал на своеобразие теории, на необходимость поиска устойчивых структур, представляемых, в частности, производственными функциями, функциями полезности и потребления. Речь идет о трудном пути поиска инвариантов, а уже затем сопоставления выводов теории с данными эконометрики. «Реальное продвижение вперед, — пишет Леонтьев, — может быть достигнуто только с помощью итеративного процесса, когда улучшенные теоретические формулировки поднимают новые эмпирические вопросы и ответы на эти вопросы в свою очередь ведут к новому теоретическому проникновению в суть. “Данное” сегодня становится “неизвестным”, требующим объяснения завтра» [Там же, с. 272]. И Леонтьев и Блауг выступают за проверку теории, но при этом они по-разному учитывают ее статус. Блауг торопится отделаться от концепции общего равновесия, ее глубоко содержательный статус его мало интересует. Леонтьев стремится развить и уточнить содержание идеи общего равновесия. При учете истории развития концепции общего равновесия сразу же выясняется, что она далека от того, чтобы быть эмпирически пустой. Идея общего равновесия — это не тот соперник, который заслуживает нокаута. Недостаток теоретичности не позволяет Блаугу избежать рецидивов левитерального фальсификационизма.

Различие позиций Блауга и Леонтьева показательно еще в одном отношении. Они по-разному учитывают фактор роста научного знания. Блауг, следуя Попперу, прекрасно осознает, что если факты не описываются данной теорией, то следует обратиться к ее сопернице. Но в случае с концепцией общего равновесия он рассматривает, по сути, лишь один ее вариант — тот, который назван именами Вальраса, Эрроу, Дебре. Леонтьев стремится показать идею общего равновесия в развитии.

Блауг является прекрасным знатоком истории экономической теории [25]. В связи с этим любопытно посмотреть, как он реализует свой историко-теоретический потенциал в методологическом отношении. На наш взгляд, ему не удастся его использовать в систематической форме. И вот почему. Блауг высоко ценит философию науки, прежде всего К. Поппера и И. Лакатоса, а потому он всячески стремится использовать ее потенциал. Следуя этим двум философам, Блауг часто упоминает конфликты теорий, причем, как правило, имеющих место в рамках одной и той же научно-исследовательской программы. Он не выстраивает исторический ряд теорий и не стремится определить его внутреннюю структуру (строй). Это обстоятельство отнюдь не способствует приданию его фальсификационизму теоретической основательности.

Итак, подводя итоги, следует отметить, что для методологии Марка Блауга характерны две главные особенности. Это, во-первых, умеренный дуализм фактов и ценностей и, соответственно, так называемых позитивной и нормативной экономических теорий. Во-вторых, он придерживается концепции довольно жесткого фальсификационизма, не лишённого налета левитеральности. В анализе мнимого дуализма фактов и ценностей ему не удалось достичь особого успеха. Возможно, сказались отсутствие содержательных философских анализов природы ценностей. Блауг опирается на воззрения социолога и, в меньшей степени, экономиста М. Вебера. Но философия последнего далеко не безупречна.

Что касается принципа фальсификации, то здесь М. Блауг преуспел. Его методология насквозь проникнута пафосом воли к истине. Такого рода энтузиазм, бесспорно, прекрасно гармонирует с содержательностью науки. На его фоне даже недостатки левитерального фальсификационизма не приобретают решающего значения.

Но самое главное достижение Блауга состоит не столько во внедрении в экономическую науку принципа фальсификационизма, сколько в приобщении ее к передовой философской мысли. Задача анализа философии науки и экономической теории столь сложна и многоаспектна, что решение ее по силам лишь сообществу экономистов и философов в целом. В этой связи Блауг сделал, пожалуй, больше, чем кто бы то ни было другой.

4.7. КАКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ НУЖНА ЭКОНОМИСТАМ?

Переходя к заключительному параграфу главы, отметим, что, как уже неоднократно подчеркивалось, попытка осознания логики развития теорий предполагает, во-первых, построение их исторического ряда, во-вторых, постижение концептуального строя последнего. Следуя этим двум методологическим принципам, необходимо прежде всего представить в отчетливом виде историко-проблемный ряд методологических концепций. Сделать это достаточно просто, особенно в контексте многочисленных монографий и статей английских и американских авторов [см. библиографию в: 231, с. 24–44]. Разумеется, исторический ряд методологических концепций может быть построен по-разному. В связи с этим приведем три варианта, называя концепции именами их главных творцов.

Вариант историко-проблемных концепций философии экономических теорий по Блаугу выглядит следующим образом [24, с. 107–189]:

Милль — Кернс — Д.Н. Кейнс — Роббинс — Мизес — Хатчисон — Махлуп — Найт — Самуэльсон — Фридмен. Этот ряд, очевидно, следовало бы заключить именем самого Марка Блауга.

По Д. Хаусману, история методологии экономики выглядит так [193, с. 230, 231]:

Милль — Вебер — Роббинс — Найт — Веблен — Хатчисон — Махлуп — Фридмен — Хаусман — Блауг — Макклоски.

Согласно логике нашей книги методология экономической теории выглядит в кратчайшем изложении следующим образом: Милль — Маркс — Маршалл — Мизес — Хатчисон — Фридмен — Блауг.

Приведенные проблемно-методологические ряды желательно упростить, пытаясь упорядочить их в соответствии с некоторой идеей. В качестве таковой разумно принять идею мэйнстрима. Судя по логике Блауга, в его понимании методологический мэйнстрим выглядит так:

Милль — Кейнс — Фридмен — Блауг.

Хаусман называет четыре главных имени в следующей последовательности:

Милль — Фридмен — Блауг — Макклоски.

На наш взгляд, мейнстрим философии экономики имеет смысл представить следующим образом:

Милль — Маршалл — Фридмен — Блауг.

Как видим, в трех приведенных вариантах совпадают три имени (Милль, Фридмен, Блауг). Мы осмелились включить в методологический *mainstream* воззрения Маршалла постольку, поскольку, как нам представляется, именно этот автор задал направление развития философии экономической теории начала XX в. Абсолютное большинство экономистов неоклассического направления усвоило именно его манеру философствования. Каждый из них соглашается с ним в большей степени, чем с другими авторами. Лишь во второй половине XX в. философская пальма неравенства перешла к Фридмену, который, по словам Хаусмана, предложил «наиболее популярный способ» примирения экономической теории и философии науки [193, № 3, с. 105]. Блауг, в свою очередь, утверждает, что «современные экономисты на самом деле разделяют методологию фальсификационизма» [24, с. 19].

Связь между двумя мейнстримами, экономическим и методологическим, не является логически очевидной, но тем не менее она заметна в достаточной степени. Методологический мейнстрим относится по своему содержанию к позитивизму, который обычно представляют как триаду: ранний позитивизм (Конт, Милль) — неопозитивизм (Карнап, Рейхенбах) — постпозитивизм (Поппер, Лакатос). Рассмотрим подробнее, каким образом позитивистское направление представлено в методологическом мейнстриме.

Ранний позитивизм представлен в экономической методологии Миллем. Это, пожалуй, бесспорно. Мы полагаем, что к позитивизму должен быть отнесен и Маршалл. Он явно придал позитивизму Милля новые черты, истоки которых скрыты в европейско-континентальном рационализме, прежде всего в рационализме Канта. Но философское новаторство Маршалла оставляло его от неопозитивизма на почтительном расстоянии. Именно по этой причине Маршалл остается в пределах позитивизма, назовем его *поздним позитивизмом*. Следует отметить, что и Милль и Маршалл не были стопроцентными позитивистами, каковые по определению должны быть строгими индуктивистами и эмпирицистами. В воззрениях обоих присутствует изрядная доза и дедуктивизма, и априоризма. Но главенствующая тенденция их мировоззрения — позитивистская. Маршалл довел позитивизм до той его черты, переступив которую он неминуемо должен был превратиться в неопозитивизм,

углубляющийся в существо науки в значительно большей степени, чем его философские предшественники.

Находясь под впечатлением успехов неопозитивизма в области логики, математики и физики, экономические методологи стремились приобщиться к нему. Но при этом они встретились с непреодолимыми трудностями. И ясно почему. Неопозитивизм делает упор на логическом анализе языка и экспериментальной утонченности. В 1900–1930-е гг. его достижения были впечатляющими, но не настолько, чтобы они позволили преобразовать методологию экономической теории столь же решительно, как, например, философию физики. В рассматриваемый исторический период достигнутый в экономике уровень знаний, в частности относительно логики экономического языка и обработки экспериментальных данных, что предполагает использование развитых экономической статистикой и эконометрикой методов, был явно недостаточным для обеспечения триумфа неопозитивизма. В силу неравномерного развития отдельных наук экономисты в отличие от, например, физиков, не были готовы к последовательному развитию неопозитивистских идей. Что касается профессиональных философов, то они не могли оказать им сколько-нибудь существенную помощь, ибо, по сути, не владели в должной степени экономическим материалом.

Жертвой указанных обстоятельств пал прежде всего Теренс Хатчисон, который искренне хотел, но не смог развить неопозитивистскую программу в своей книге «Значение и основные постулаты экономической теории» (1938) [233]. Это была не вина известного методолога, а его беда. Продолжая продуктивно работать в области методологии экономики вплоть до конца 1990-х гг., Хатчисону пришлось перейти на позиции фальсификационизма. Но здесь он всегда имел в лице М. Блауга более удачливого оппонента. Сказанное в адрес Хатчисона поясняет, почему он является весьма значимой для экономико-методологического мейнстрима фигурой.

Потерпев неудачу в культивировании неопозитивизма, экономисты-методологи не теряли надежды приобщить свою любимицу, экономическую теорию, к бурно развивавшейся под постпозитивистскими знаменами философии науки. Как читатель знает, эту миссию достаточно успешно выполнил М. Фридмен, усилия которого были поддержаны М. Блаугом. Отмечая успех, разумеется не абсолютный, а относительно этих двух авторов, резонно поставить вопрос о том, почему их посетила удача. Разве они не встре-

тились с теми же трудностями, что и Хатчисон, — недостаточным уяснением сути логики экономического языка и статистико-эконометрической обработки наблюдаемых фактов? Встретились, но даже перед лицом этих трудностей они не стушевались, а сумели представить жизнеспособные версии экономического фальсификационизма. На удивление многих оказалось, что в некоторых своих чертах фальсификационизм менее притязателен, чем неопозитивистский верификационизм. В рамках последнего пытаются заполучить теорию из экспериментальных данных. Сделать это невозможно. Фальсификационист не объясняет, откуда появилась теория, которой он оперирует. Он ставит перед собой относительно скромную задачу — либо подтвердить, либо опровергнуть теорию. Поставив перед собой посильные им задачи, фальсификационисты добились успеха там, где потерпели неудачу верификационисты. Надо отдать должное фальсификационистам: они умело «заметают мусор под ковер», делая вид, что его вообще нет. Это обстоятельство, будучи замеченным, вызывает ярость у их оппонентов. Но они сами не знают, как именно следует соблюсти рафинированность экономической теории. Определенные надежды можно возлагать на английскую и американскую аналитическую философию, потенциал которой весьма значителен. Но будет ли использован этот потенциал содержания экономической теории и действительно ли он будет успешно использован в ней, может показать только будущее. Как бы то ни было, на сегодняшний день методология Фридмена—Блауга сохраняет лидирующее положение даже под критическим огнем ее оппонентов.

Итак, на наш взгляд, есть веские основания связывать методологический мейнстрим экономической теории прежде всего с именами Милля, Маршалла, Фридмена и Блауга. Определившись с экономическим философским мейнстримом, естественно, полезно рассмотреть, в каком отношении к нему относятся методологи, не включенные в него. При характеристике их воззрений, очевидно, следует отмечать, почему последние не включены в *mainstream* и совместимы ли они с ним в принципе.

К. Маркса, указанного в списке Хаусмана, нежелательно зачислять в мейнстрим из-за его приверженности к эссенциализму (сущность всех экономических отношений — абстрактный труд), гегелевской диалектике и арифметике, в то время как в экономической науке требуются различные формы современной математики.

Кейнс-старший (из списка Блауга) — весьма значительная фигура в позитивистском мейнстриме, но не настолько, чтобы ставить

его на один и тот же уровень с Маршаллом, который основательнее его.

М. Вебер (из списка Хаусмана) и *Л. фон Мизес* (из списка Блауга) являются представителями доктрины понимания, насыщенной герменевтическими моментами, к которым представители позитивистского мэйнстрима всегда относились с большим подозрением. Впрочем, как нам представляется, это обстоятельство в будущем не предотвратит слияния австрийской школы (ее лидером является Мизес) с экономическим мэйнстримом. Главное в представлениях Мизеса — учение о ценностях, которое, впрочем, в концептуальном отношении оставляет желать лучшего. Во времена Витгенштейна неопозитивисты не признавали институт ценностей, но в наши дни, в частности в рамках постпозитивизма, к ним относятся без былых предубеждений. Как только представители методологического мэйнстрима преодолеют дуалистичность позитивной и нормативной науки, так сразу же воззрения австрийской школы будут восприниматься ими вполне спокойно.

Л. Роббинс (из списка как Блауга, так и Хаусмана) приобрел широкую известность благодаря его нашумевшей книге «Эссе о природе и предмете экономической науки» (1932) [247], в которой он в попытке объединить англо-американскую традицию с австрийской не придавал должного значения проблеме эмпирической проверки теории. Противоречивость воззрений Роббинса не позволяет считать его одной из ключевых фигур методологического мэйнстрима.

Не затягивая анализ сверх всякой меры, отметим, что даже среди лучших экономических методологов вряд ли возможно найти фигуры, столь же масштабные, как Милль, Маршалл, Фридмен и Блауг. Что касается Ф. Найта, Т. Веблена и Ф. Махлупа, то они, признавая институт ценностей, не смогли показать, каким образом он постигается концептуально. Эти авторы испытывали также трудность и в пояснении того, каким образом теория проверяется и, наконец, опровергается фактами. В методологический мэйнстрим может быть зачислен лишь тот, кто не только уделяет этому вопросу первостепенное внимание, но и способен придать ему особую, ранее ему неприсущую значимость. Возможно, попытка П. Самуэльсона поставить экономическую теорию на рельсы операционализма могла бы привести к интересным результатам, но он слишком поспешно отказался от операционализма в пользу дескриптивизма. Такую позицию не назовешь оригинальной. Итак, нам остается повторить ранее сделанный вывод: методоло-

гический мэйнстрим представлен в первую очередь масштабными фигурами Милля, Маршалла, Фридмена и Блауга. Все попытки как-то «расшатать» указанный мэйнстрим до сих пор не имели особого успеха. Тем не менее многим методологам мэйнстрим представляется застывшей структурой, достойной разрушения. В этой связи чаще других упоминаются имена Б. Колдуэлла и Д. Макклоски.

Д. Макклоски — автор книги «Риторика экономических теорий» [238]. Он полагает, что авторы экономических книг виртуозно владеют искусством убеждения читателей в своей правоте. Они используют риторические приемы: ссылки на авторитеты, яркие примеры и простые модели. Но следует заметить, что риторика — это не наука, а искусство. Ей не присущи непротиворечиво обоснованные методологические принципы. Создать теорию — значит представить новый литературный рассказ. В философском отношении позиция Макклоски близка к воззрениям известного американского философа Р. Рорти. По поводу используемых экономистами риторических приемов следует заметить следующее. Американские авторы в отличие, например, от их российских коллег стараются привлечь к своим книгам внимание как можно большего числа читателей. В связи с этим многие из них, особенно авторы учебников, широко используют стиль изложения, который принято называть научно-популярным. При этом авторы никогда не объясняют читателям их книг, чем именно отличается научно-популярный стиль изложения от строго научного. За различием двух стилей изложения, бесспорно, скрывается сложный клубок не столько методологических, сколько дидактических и методических проблем. Опытный автор непременно дополняет один стиль изложения другим. Научно-популярный стиль изложения нужен ему для того, чтобы заинтересовать читателя и представить ту или иную теорию в дидактически оправданной форме. На наш взгляд, Макклоски не обратил должного внимания на то, каким образом совершаются переходы между двумя рассматриваемыми стилями изложения. Вопреки мнению Макклоски, не риторика, а именно строго научный стиль изложения позволяет выразить суть экономического дела в адекватной его содержанию форме. Риторика, на наш взгляд, вполне уместна во всех видах устного и письменного творчества ученых, но лишь в том случае, если она выступает в качестве представителя концептуального языка.

И Колдуэлл и Макклоски являются сторонниками философского плюрализма, в качестве каковых они не терпят монологики.

Но между их позициями существует принципиальное различие. Не случайно Колдуэлл относится к истолкованию экономики как риторики довольно критически. В понимании Колдуэлла [219], методологический плюрализм имеет содержательный характер. Что же касается риторического методологического плюрализма, то он не доходит до концептуального содержания экономических явлений, и в этом состоит его основной недостаток. По мнению А. Розенберга, экономика настолько важна, что ее нельзя отдавать на откуп риторикам [248]. Нет никаких сомнений, что риторический методологический плюрализм ведет в конечном счете к постмодернизму [216], а ему не избежать левитеральности.

Обратимся, наконец, к воззрениям Д. Хаусмана — одного из ведущих современных методологов-экономистов. Сам он объявляет себя сторонником модернизированного варианта методологии Милля [230, с. 5]. Вопреки последнему он считает, что основание теории образуют не истинные предложения, а правдоподобные принципы. Теория должна давать объяснение причин происходящих явлений. Число причин достаточно велико, они несводимы к нескольким из них. Следует уделять должное внимание результатам экспериментов и полевой работы, обобщаемых в обзорах. Вопреки Фридмену и Блаугу главное внимание надо уделять не оценке и опровержимости теорий, а значению спорных концепций, например таких, как концепция общего равновесия, гипотеза рациональных ожиданий, трактовка рациональности при принятии решений в условиях неопределенности [193, № 3, с. 110]. Хаусман полагает, что он следует по пути эклектики. «В центр внимания здесь ставится та методология, которой экономисты в действительности следуют, а из инструментов анализа, созданных философией науки, используют те, которые могут пригодиться для этой цели» [Там же, с. 109].

Хаусман настроен предельно критически к попыткам привнести в методологию экономики философский инструментарий извне экономической теории, от имени, например, Поппера, Лакатоса, Куна, Фейерабенда. Концепции этих авторов, считает он, едва ли возможно применить в экономической теории. Методологам следовало бы «лучше разбираться в том, как экономисты занимаются своим делом и почему они делают именно то, что делают» [Там же, с. 109]. По Хаусману, неясно, то ли методология экономики является особой и относительно самостоятельной дисциплиной, то ли она должна примыкать либо к экономической, либо к философской теории [230, с. 6]. Речь идет о споре вокруг значимости фило-

софии науки, который в той или иной форме ведется применительно к любой дисциплине.

На наш взгляд, философия экономики стала самостоятельной наукой тогда, когда круг философских вопросов расширился настолько, что для его объяснения понадобились особые монографии и соответствующие специалисты. Случилось это в последней четверти XIX в. благодаря таким авторам, как Кернс, Кейнс-старший и Маршалл. До 1875 г. философские вопросы экономической теории либо обсуждались в самой этой теории, либо им посвящались, как, например, Марксом, относительно короткие очерки-эссе. Любой процесс развития некоторой системы сопровождается отпочкованием ее части только тогда, когда он достигает соответствующего (предельного) объема. Многие ученые осведомлены лишь относительно весьма узкого круга философских проблем излюбленной ими науки. Как раз такого рода ученым кажется, что философия их дисциплины не является относительно самостоятельной наукой. Конституирование философии определенной науки неизбежно приводит к известному отчуждению ее представителей от членов базового научного сообщества. Так, между экономистами, с одной стороны, и экономистами-методологами, с другой стороны, всегда присутствует некоторое недопонимание. В условиях, когда необходимостью оказывается специализация, это недопонимание вряд ли преодолимо в каком-то окончательном варианте.

Отделившись от экономистов, методологи оказываются в сложном положении. Необходимые им токи знания следует извлекать как из экономической теории, так и из философии науки. Каждый из этих двух истоков экономической методологии может либо абсолютизироваться, либо недооцениваться. Что касается Хаусмана, то он в качестве методолога, на наш взгляд, потенциал философии науки недооценивает, а потенциал экономической теории преувеличивает. В борьбе со схоластикой — а она, как известно, не обходит стороной ни одну из наук, в том числе, разумеется, и философию экономической теории, — американские и английские авторы часто рассуждают по следующей схеме: надо установить, как экономисты объясняют экономические явления. Выражение *«how economists explain»* стало визитной карточкой очень многих методологов. Они часто включают его в название статей и даже монографий. Но подлинная задача методолога состоит отнюдь не в том, чтобы всего лишь понять экономистов. Им следует сделать то, на что экономисты не способны уже в силу своей специализации, ко-

торая не позволяет им быть полностью компетентными в области философии экономики. Дефицит времени негативно сказывается на компетентности как экономистов, так и экономических методологов. Задача методологов — всемерно развить философию экономической теории и в этой связи давать оценку не всей деятельности экономистов, а лишь ее философских аспектов. В.С. Автономов назвал свою вводную статью к книге Блауга так: «За что экономисты не любят методологов» [4, с. 11]. Не любят методологов не все экономисты, а лишь те из них, которые малокомпетентны в области философии экономической науки. Им кажется, что методологи одержимы стремлением превзойти экономистов. Речь идет о явном заблуждении. В пределах их компетентности непобедимы как экономисты, так и экономические методологи. Необходим тройственный союз: экономическая теория — ее философия — философия науки. Что же касается характерных для него междисциплинарных связей, то, разумеется, эффективно реализовать их очень непросто.

Вышеупомянутый союз Хаусман редуцирует к экономической теории, при этом явно недооценивается потенциал философии экономической науки и философии науки. Он объявляет себя сторонником эклектики постольку, поскольку признает различные подходы к осмыслению экономической теории. Но, строго говоря, эклектиком является лишь тот, кто совмещает эти подходы в противоречивой форме. У нас нет оснований утверждать, что Хаусман соответствует именно этому определению. Он объявляет себя сторонником слегка трансформированной философии Милля. Это утверждение Хаусмана также вызывает сомнения уже постольку, поскольку он не показал, каким образом достижения философии науки и методологии экономики XX в. можно свести к философии полуторавековой давности. Хаусман критически относится к прямолинейным попыткам попперианцев опровергнуть ту или иную теорию, не учитывая должным образом ее концептуальное строение. Такая позиция вполне правомерна. Но отсюда, вопреки его мнению, не следует, что именно сверка теории с наблюдениями не является решающим критерием в оценке истинности теории. На наш взгляд, Хаусману не удалось охарактеризовать свою методологическую позицию в адекватных терминах. Специфическими ее чертами являются концептуализм, дескриптивизм, акцент на причинных связях, признание дуализма позитивной и нормативной экономической теории, недостаточно аргументированные представления об эмпирической проверке гипотез. Рассматриваемую

методологическую позицию затруднительно характеризовать одним или двумя словами. На наш взгляд, речь идет о нечетком, непоследовательном позитивизме.

Согласно нашим наблюдениям, двумя наиболее характерными направлениями современной методологии экономики являются постпозитивизм попперовско-лакатосовского толка и вышеупомянутый нечеткий позитивизм. К терминологии последнего тяготеют те методологи, которые в своих воззрениях хотят быть как можно ближе к экономистам. Обычно они не особенно утруждают себя поиском достаточно точной философской терминологии. Те же исследователи, например М. Блауг, Т. Хатчисон, Л. Боулэнд, которые стремятся определить свою философскую позицию максимально четко, как правило, доходят до фальсификационизма Поппера. Часто он ослабляется за счет перехода на лакатосовские позиции (Р. Бэкхаус, Н. де Марки, У. Хэндз). Дальнейшие ослабления требования фальсификации происходят в русле конвенционалистских идей, тезиса Дюгема–Куайна (Р. Кросс), методологического плюрализма (Б. Колдуэлл), искусства риторики (Д. Маклоски).

Итак, проведенный выше анализ не поколебал ранее высказанную точку зрения, что наиболее парадигмальными фигурами методологии экономической теории являются Милль, Маршалл, Фридмен и Блауг. При всех изъянах методологии Блауга (недостаток концептуализма, дуализм, случаи прямолинейного истолкования принципа фальсификации) ей присущи многие сильные черты. Нет необходимости перечислять их в очередной раз. Отметим лишь, что Блауг предусмотрительно держится на достаточно почтительном расстоянии от всех новаций, которые способны ослабить рационализм постпозитивизма, освященный именами Поппера и Лакатоса. Надо полагать, его не устраивает как социологизм и психологизм Куна, так и методологический анархизм Фейерабенда. На сегодняшний день в философии экономической теории нет ничего лучшего, чем постпозитивизм, ориентирующийся на исследования Поппера и Лакатоса. И именно с учетом этого обстоятельства мы вынуждены поставить на пьедестал методологического мэйнстрима М. Блауга. В отличие от своих многочисленных критиков он сумел достаточно органично учесть линию прогресса современного научного знания. Поставив карту на Поппера и Лакатоса, он уже за счет одного этого действия приобрел преимущество перед многими методологами, в том числе перед Хаусманом с его миллевским идеалом.

Переходя к заключительным замечаниям, рассмотрим более чем полуторавековой путь развития философии экономической науки с позиции представления о научно-теоретическом строе.

Сразу же выясняется, что этим важнейшим методологическим принципом никто из известных методологов, по сути, не владеет в сколько-нибудь ясной форме. Повсюду в методологии экономики наблюдаются фрагментарность и сепарабельность, которые не преодолеваются за счет интегральных идей. Но последние заслуживают самого пристального внимания. Отметим в связи с этим ряд положений, представляющихся нам крайне актуальными.

Во-первых, существует, как уже отмечалось, известный параллелизм между линиями прогресса, с одной стороны, философского позитивизма, с другой стороны, экономического позитивизма. Во-вторых, развитие экономической методологии за последние 20–25 лет отмечено ее параллелизмом не только с позитивизмом, но и с философией в целом. Экономическая методология все более решительно обогащается герменевтическими [217, 237], постструктуралистическими [238] и постмодернистскими [216] идеями. Все, что есть в философии, в той или иной форме переходит в экономическую методологию. И вот тут-то методологи от экономики оказываются в исключительно затруднительном положении. Волны весьма спорных в научном отношении идей могут захлестнуть бастионы постпозитивизма. Иначе говоря, экономические методологи стоят перед необходимостью выработки не узкопозитивистского, а намного более широкого и основательного воззрения на существо философии науки, и прежде всего философии экономической теории. В этой ситуации актуальной задачей становится выявление научного *строя* экономико-методологических теорий. Только он может обеспечить соответствующую фильтрацию философских идей.

Некоторые стороны настоящего и будущего научного строя методологических теорий могут быть охарактеризованы уже сегодня. Во-первых, достаточно очевидно, что научный строй современной методологии экономической теории должен быть представлен в следующем виде: постпозитивизм Поппера–Лакатоса — неопозитивизм — позитивизм (ранний, миллевский, и поздний, маршаллианский). Во-вторых, этому строю присущ весьма характерный недостаток: пока он не справляется с осмыслением института ценностей. Различного рода философские направления будут его атаковать именно от имени аксиологии. В-третьих, отсутствуют какие-либо решающие препятствия для такой трансформации пози-

тивного научно-теоретического строя, который позволил бы ему перейти на язык ценностей. Потенциал этого строя вполне позволяют учесть особенности последних. В-четвертых, можно надеяться на лидирующие позиции постпозитивизма, особенно в его аналитическом варианте, в статусе различных философских направлений. Ориентация постпозитивизма и аналитической философии на науку позволит им после соответствующего критического анализа герменевтических, постструктуралистских и постмодернистских идей впитать их достоинства. Герменевтическая идея диалога, постструктуралистская теория языковой игры, концепция плюрализма постмодернизма — все это отнюдь не чуждо развитой философии науки. В-пятых, постпозитивизму и современной аналитической философии предстоит существенно развить свою концептуальную составляющую, которая оставляет желать лучшего. Таким образом, как нам представляется, именно трансформация постпозитивистской методологии экономики позволит придать ей полновесный в научном отношении характер.

Итак, в какой методологии испытывают потребность люди, причастные к миру экономики? Не в лоскутной, концептуально слабой, расчлененной на фрагменты, никак не взаимодействующие друг с другом. Методология должна учитывать уроки развития как философии, так и экономики. Воля и разум методологов призваны соединить в системное целое концепции, представляющиеся, на первый взгляд, чуждыми друг другу. Методология экономики должна успешно отразить все атаки на нее, проводимые от имени якобы новейших идей, которые на деле оказываются зараженными вирусом левитеральности (концептуальной поверхностности). По нашему твердому убеждению, будущая философия экономической теории, преодолев симптом дуализма, должна высоко поднять знамя концептуального аксиологизма и прагматизма. По сути, пути развития концептуального аксиологизма обсуждаются на протяжении всей нашей книги. Таким образом, главная задача современной философии экономической науки состоит в выявлении своего собственного научного строя. На сегодняшний день наиболее сильные позиции в философии экономики занимают попперианские идеи, но, как нам представляется, под натиском потенциала американской аналитической философии они постепенно будут сдавать свои позиции.

ГЛАВА 5

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

5.1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И СЕМИОТИКА

Как хорошо известно, наука состоит из отдельных дисциплин. Экспликация устройства науки, в том числе ее упорядоченности, — прямой путь к выяснению ее специфики. Эта упорядоченность проявляется, например, в том, что изложение математики можно осуществить без ссылок на физику, но последняя нуждается в математических конструктах. Экономические науки нуждаются в технических, технические науки — в физике, физика — в математике, математика — в логике, логика — в лингвистике и т.д. Естественным образом возникает вопрос о той дисциплине, которую первой встречает каждый исследователь у входа в науку. Этот вопрос привлекал внимание многих исследователей, в том числе Аристотеля, античных стоиков, Оккама, Фр. Бэкона, Гоббса, Локка, Беркли. В связи с ним Лейбниц выражался довольно определенно: «Если бы не было знаковых выражений, мы никогда ни о чем не мыслили бы и не рассуждали» [93, т. 3, с. 406].

Вопрос о *первой* науке занимал умы многих первоклассных исследователей. Для выдающегося американского философа Чарльза Сандерса Пирса (1839–1914) он стал делом всей его жизни. По его свидетельству, он уже в возрасте 12 или 13 лет осознал, что для понимания любой науки нужна семиотика (от греч. *semieotike* — учение о знаках) [243, с. 85]. Именно Пирсу удалось первым преобразовать семиотику в стройную науку. Всю свою сознательную жизнь он реализовывал поистине грандиозный замысел: создать такую дисциплину, которая обеспечила бы неуклонный прогресс всех наук. Отец семиотики в своих исследованиях явно руководствовался этическими соображениями. Впрочем, приступая непосредственно к анализу основных конструктов семиотики, нам придется на некоторое время абстрагироваться от них. Мы вернемся к ним при анализе прагматики.

Наш удел состоит в приспособлении к миру и его переустройству. Именно в этой связи человек обращается к научным теориям, статус которых, как выясняется, не может быть произвольным. Поверхностным является представление о мире как монолите, так

и о мире, состоящем из отдельных, никак не взаимосвязанных друг с другом, полностью самостоятельных фрагментов. Основанием семиотики, как и любой другой науки, является некоторое членение мира, а именно постулирование реалий двух типов: акторов и знаков. Разумеется, можно ставить вопрос о правомерности предлагаемого членения. Но делать это целесообразно не сейчас, а попозже — тогда, когда выявятся его последствия. Напомним читателю, что решающая идея Пирса состояла в изобретении такой дисциплины, которая гармонично сопрягалась бы со всем корпусом наук. Если в дальнейшем выяснится, что упомянутого сопряжения достигнуть не удастся, то придется отказаться от представления об акторах и знаках. Мы отнюдь не расцениваем их в качестве самоочевидных.

Актор — субъект семиозиса, процесса выработки и обеспечения функционирования знаков, и в качестве такового он обозначает, интерпретирует и действует. Существует целый ворох так называемых очевидных определений знака. Все они строятся по схеме средневековых схоластов: «*Aliquid stat pro aliquo*» — нечто стоит вместо другого.

Если A замещает, представляет, несет информацию о, репрезентирует B , то A — знак B , а B есть значение (денотат, десигнат, объект, референт или экстенционал) A . Стандартное определение знака не является ошибочным, но оно не лишено слабостей. В нем не учитывается роль, которую играет в семиозисе актер. Любой знак всегда есть результат деятельности актора (необязательно отдельной личности, возможно, группы людей). Актер формирует семиотические отношения, полюсами которых выступают знак и его значение, или обозначающее и обозначаемое. Семиотическое отношение всегда является теоретическим и к тому же векторным (оно направлено от знака к его значению). Знак и его значение не могут быть обменены местами, они не подчиняются отношению симметричности. Так, слово «кентавр» является знаком кентавра как вымышленного объекта. Кентавр не является знаком слова «кентавр». Довольно часто отождествляют реальные, не зависящие от теории актора отношения с семиотическими определениями. Допустим, что существуют два реальных события, взаимосвязанных между собой, например молния и гром. При их теоретическом осмыслении вводятся знаки M и G , и именно в этой связи говорят о семиотическом отношении. Между семиотическими и реальными отношениями существует известный зазор, который преодолевается за счет особой операции интерпретации. Если бы упомяну-

того зазора не было, то любая теория имела бы дело исключительно с изучаемыми объектами как таковыми. Но известно, что это не так.

Актор вынужден опосредовать свое отношение к изучаемым явлениям знаковыми конструкциями. Теория как раз и есть многозначная знаковая конструкция. Актор, во-первых, обозначает изучаемые явления условными терминами (словами, звуками, графическими знаками). Во-вторых, он формирует отношение семиотической связности. Так, если некто утверждает, что «рост цен ведет к инфляции», то он устанавливает семиотическую связь между знаками «рост цен», «ведет к», «инфляции». В-третьих, актор вводит в действие семиотические концепты, в частности иконы, индексы, понятия, законы. В-четвертых, он устанавливает соответствие между созданной семиотической концепцией и теми явлениями, которые она способна представлять или моделировать (от лат. *modules* — образец). М. Вартофски определяет модельное отношение следующим образом: « $M(S, x, y)$, т.е. субъект S рассматривает x , как модель y » [33, с. 34]. Так, неоклассическая микроэкономика может рассматриваться как модель реальных экономических явлений, но она может быть и моделью, например кейнсианской интерпретацией микроявлений. К вопросу о характеристике модели мы еще вернемся. Пока же необходимо ввести представления об основных семиотических концептах. У Пирса их несколько десятков. Для наших целей достаточно упомянуть главные из них.

Он придавал большое значение трихотомии: *первичность* — *вторичность* — *третичность*. Первичность — это семиотический объект сам по себе; вторичность — данность этого же объекта в другом; третичность — целостность, объединяющая первичность и вторичность [144, с. 7–9].

По отношению к моделируемому объекту знак есть: 1) икона, которая отсылает к объекту за счет присущих ей свойств (например, фотография); 2) индекс (знак-указатель; так, дым — указатель процесса горения); 3) символ (знак, который обозначает объект посредством некоторого общего, прежде всего понятия).

По отношению к интерпретатору знак реализуется: 1) как пропозиция (« x есть P »); 2) высказывание, т.е. заполненная пропозиция; 3) аргумент (умозаключение) [Там же, с. 60]. Важнейшая особенность семиотической теории Пирса состоит в том, что она всегда кульминирует в третичности, т.е. в понятии, законе, аргументе.

По Пирсу, для семиозиса, процесса функционирования знаков, характерна трихотомия: чистая грамматика, чистая логика, чистая риторика [144, с. 48–49]. Чистая грамматика связывает воедино исключительно только знаки. Чистая логика рассматривает отношение знаков к объектам. Чистая риторика устанавливает законы порождения в интеллекте интерпретатора одним знаком другого, данной мыслью следующей.

При жизни Пирса, умершего в 1914 г., его семиотические идеи оставались неизвестными широкой научной общественности. Их ренессансу в значительной степени способствовала появившаяся в 1938 г. работа Ч.У. Морриса «Основания теории законов». Он уделял первостепенное внимание трем, как он выражался, измерениям семиозиса, каковыми являются синтактика, семантика и прагматика, которые изучают соответственно отношение знаков друг к другу, отношение знаков к их объектам и отношение знаков к их интерпретаторам [122, с. 50].

На место пирсовских грамматики, логики, риторики Моррис поставил соответственно синтактику, семантику, прагматику. Именно терминология Морриса воспринята современной наукой. Находясь под впечатлением результатов американского прагматизма (Ч. Пирс, У. Джеймс, Дж. Дьюи), Моррис ввел прагматическое измерение семиотики, под которым он понимал ее практическую часть (греч. *pragma* — практика). Несмотря на очевидный успех семиотической теории Морриса, успешно интегрированной в современную науку, в ней содержится немало неясных мест, особенно это касается роли актора как интерпретатора и всего того, что относится к прагматике.

Во-первых, достаточно очевидно, что не только прагматика, но и синтактика и семантика являются продуктом творения интерпретатора, в природе нет знаков. Во-вторых, неясно, что, строго говоря, понимается под прагматикой. Что это такое — «отношение знаков к интерпретатору»? Пожалуй, точнее говорить об отношении интерпретатора к знакам. Но и это уточнение мало что разъясняет. Тщетно искать концептуальную разгадку содержания прагматики у Пирса или Морриса. На наш взгляд, она состоит в следующем. Во-первых, прагматика всегда сопряжена с ценностями, причем они должны постигаться концептуально, т.е. речь идет о ценностях как понятиях. Ценности-понятия — это прагматическая разновидность той третичности (символы), о которой так заботился Пирс. Чистая синтактика и чистая семантика не оперируют ценностями-понятиями. Во-вторых, заслуживает обсуждения во-

прос о методологических основаниях теории. Их часто также называют ценностями. Но ценности-понятия и методологические основания — это далеко не одно и то же. Методологические *принципы* вообще не являются *понятиями*, именно по этой причине их бессмысленно обозначать переменными (x_i).

Та или иная методология характерна как для синтактики, так и для семантики. Кстати, две последние также выступают в качестве предпочтений. Вся семиотика насквозь пропитана предпочтениями интерпретатора, но только в прагматике как таковой они приобретают ценностно-понятийную форму. Прагматика — это знание в форме ценностей-понятий. Всякая попытка постигать ценности не в качестве понятий выводит за пределы концептуальности, а значит, и за пределы науки. Что касается методологических принципов, то во избежание недоразумений их, как нам представляется, имеет смысл называть не ценностями, а предпочтениями. Не каждая предпочтения является ценностью.

Обзор основных базовых конструкторов семиотики позволяет определить относительно таких ее концептов, как система, структура, функция, код, модель. По поводу каждого из этих концептов существует обширнейшая литература.

Под *системой* понимается множество связанных друг с другом семиотических элементов, образующих некоторое единство или интерактивное качество. Можно сказать и так: система — это единство, образуемое за счет связи элементов.

Структура — это внутреннее строение системы, позволяющее позиционировать каждый семиотический элемент, т.е. знак. Структуру часто определяют как инвариантный аспект системы. Но структуры сами изменяются, и в этом смысле они не являются инвариантами. Если мы говорим о системе, то неясно, какое именно смысловое место занимает в ней тот или иной семиотический элемент. Лишь с введением концепта структуры открывается возможность для позиционирования семиотических конструкторов.

Новый шаг в семиотическом познании приводит к концепции кода. *Код* — это семиотический концепт, позволяющий построить ту или иную структуру. Код — это закон структуры. В этом отношении весьма показателен так называемый генетический код, согласно которому каждый белок сопоставляется с триплетом нуклеотидов. Видимо, будет правильно утверждать, что при построении теории код задается методологическими принципами.

Структурализация, как уже отмечалось, приводит к позиционированию элементов системы. В результате в поле зрения исследо-

вателя попадает значение этих элементов, их функции. *Функция* — это значимость семиотического элемента в составе кода или структуры.

В связи с концептами системы, структуры, функции часто говорят о так называемых анализах (или подходах) — системном, системно-структурном, структурно-функциональном. Как правило, при этом стараются приступить непосредственно к анализу изучаемых объектов. Вся семиотическая проблематика отодвигается в тень. А между тем статус перечисленных выше типов анализа является семиотическим. Вне семиотики нет ни системного, ни структурно-функционального анализа.

Обратимся, наконец, к представлению о модели. Модель и оригинал связаны друг с другом отношением изоморфизма (от греч. *isos* — равный, *morphe* — форма). Изоморфизм имеет место в том случае, если существует взаимно-однозначное соответствие между двумя совокупностями (их элементами, структурами, отношениями). Этимологически термин «модель» произошел от латинского слова «*modulus*» (образцовый). Но, строго говоря, в научной модели нет никакой образцовости. Модель изоморфна оригиналу. В науке моделирования руководствуются не отысканием образцовости, а отображением изоморфизма.

Все отмеченное выше имеет прямое отношение к статусу экономической теории. Она является знаковой системой, изоморфной совокупностью экономических явлений. Пока нет речи о том, каким образом оформлена эта система, — то ли посредством звуковых образов, то ли письменных знаков, то ли жестов. Приведенное выше определение экономической теории можно уточнить указанием на то, что речь идет о прагматической, или аксиологической системе, для которой характерна прагматическая же концепция истины.

Моррис сформулировал очень важную мысль: «Слово «истина», как оно обычно используется — это семиотический термин, который нельзя употреблять с точки зрения какого-либо одного измерения, в противном случае оно должно быть эксплицитно оговорено» [122, с. 80]. Из этой цитаты следует, что он категорически не согласен с соотношением концепта истины лишь с семантикой. Моррис встает на защиту прагматистов Джеймса и Дьюи: они не утверждали, что у истины нет других аспектов, кроме прагматических [Там же, с. 81]. Вслед за Пирсом Моррис полагал, что своей кульминации концепт истины достигает в прагматике. С учетом этого представление о синтаксической и семантической истине

должно дополняться концепцией прагматической истины. Семиотика имеет три измерения, и следовательно, должны существовать три концепции истины, образующие все вместе органическое семиотическое единство. Каким образом определяется истинность прагматической теории, уже говорилось неоднократно.

Итак, экономическая теория включается в научный контекст благодаря ее изоморфизму семиотике. Отсюда следует отнюдь не тривиальный вывод: при характеристике экономической теории, во-первых, следует внимательно относиться к ее семиотическим «следам»; во-вторых, надо не избегать токов знания, идущих от семиотики, а, наоборот, активно придавать им экономический смысл.

5.2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Строго говоря, в семиотике не регламентируется форма существования знаков. Как только она определяется в том или ином конкретном виде, так сразу же исследователь оказывается уже не в семиотике, а в какой-либо другой науке. В историческом плане первыми формами знаков стали слова как элементы естественного языка. Без обращения к его потенциалу не может обойтись ни одна из наук, в том числе и экономика. Впрочем, в составе наук язык присутствует не в своих первоначальных, плохо проясненных формах, а в существенно трансформированном виде, ибо нагружен смыслами той науки, в рамках которой ему доверено функционировать. Подобно другим ученым, экономисту желательно руководствоваться определенными научными представлениями о языке, которые поставляются лингвистикой, или общим языкознанием. Путь развития лингвистики проходит по трем этапам, каковыми выступают синтактика, семантика и прагматика. Это обстоятельство постоянно и, надо сказать, вполне правомерно подчеркивает Ю.С. Степанов [171].

Лингвистика достигла научной стадии, разумеется, не сразу, а лишь благодаря усилиям Ф. де Соссюра [168, 169]. Решающее новаторство Соссюра выразилось в первую очередь в избрании в качестве основного лингвистического конструкта лингвистического (языкового) знака. «Языковой знак связывает не вещь и ее понятие, а понятие и акустический образ» [169, с. 99]. Акцент Соссюра на *понятие* позволил ему придать языку ярко выраженное концептуальное содержание. И именно благодаря этому языку

была придана концептуальная, а следовательно, и научно-теоретическая форма.

Поскольку «один член никогда сам по себе ничего не значит» [168, с. 101], постольку необходимо обратиться к высказываниям. Соссюру необходимо было понять способ функционирования языковых знаков. Он различал значение и значимость языкового знака. Отношение значения связывает акустический образ и понятие. Понятие есть значение акустического образа. Отношения значимости связывает друг с другом языковые знаки. «Язык есть не что иное, как система чистых значимостей» [169, с. 144]. Значимость одного знака зависит от наличия других знаков. Описание значимости знаков предполагает не только отличие знаков друг от друга, но и их однородность в рамках структуры предложения. Значимость знака относительна и определяется социальным коллективом слов языка. Значимость лингвистического знака — это его языковая ценность [169, с. 148; 168, с. 156]. Разъясняя смысл концепта значимости языкового знака, Соссюр часто ссылаясь на товарно-денежные отношения. Подобно тому как товар обладает ценностью, так знаку в составе предложения присуща значимость. До количественных определений значимости языковых знаков Соссюр не дошел; впрочем, видимо, это вполне возможно.

Весьма интересную корректировку воззрений Соссюра осуществил французский исследователь Г. Гийом. Он полагал, что Соссюр представил акт языковой деятельности, который объединяет язык и речь в языковую деятельность, в весьма неопределенной форме. Решающие языковые события происходят на стыке языка и речи в полном соответствии с приведенной ниже формулой:

Языковая деятельность = Язык + Речь.

Основная мысль Гийома состояла в том, что язык и речь соотносятся как потенция и реакция, а сама потенция языка выступает как его виртуальность [43, с. 8, 36]. С учетом не только речевого, но и текстуального характера языка нам представляется актуальной такая формула:

Язык $\equiv$ Языковая деятельность $\sim$ Речь + Текст.

Знак $\sim$ означает в данном случае переход от виртуальности языка к его действительности в форме речи и текста. Представление о виртуальности языка, или что, по сути, то же самое, языковой деятельности, представляется особенно значимым в двух отношениях. Во-первых, оно позволяет избежать ловушки психологизма. Пси-

хика человека — это предпосылки его языка, а не сам язык. Во-вторых, виртуальность языка есть предпосылка языковой игры. Виртуальность сообщает этой предпосылке ту самую вариативность, без которой в принципе нельзя было бы осуществить языковую игру с ее вероятностными исходами.

Постсоссуровская лингвистика развивалась прежде всего в структуралистском направлении. В особенности это относится к лингвистической синтактике и семантике. Н. Хомский рассмотрел в рамках так называемой генеративной грамматики синтаксические структуры. Он выделял ядро ряда предложений, придавал ему формальный вид, а затем определял, каким именно образом то или иное предложение может быть получено посредством трансформаций этого ядра [201, с.115, 130]. У Хомского синтактика была полностью автономной от семантики.

Истоки научно-теоретической лингвососемантики лучше других исследователей определил, на наш взгляд, основатель глоссематики (от греч. *glossa* — слово) Л. Ельмслев. Главное его достижение состояло в доказательстве, что значения слов в рамках выражений образуют структуру [57, с. 18–19]. Дальнейшее вхождение в тонкости лингвистической синтактики и семантики не входит в нашу задачу. Для экономической теории первейшее значение имеет не синтактика и не семантика, а прагматика. Именно она придает лингвистике максимально полновесное гуманитарное измерение.

В переводе лингвистической прагматики на научно-теоретические рельсы решающую роль сыграли философы. Как уже известно читателю, Л. Витгенштейн сформулировал знаменитое определение, что значение слова есть его употребление. А Дж. Остин развил концепцию речевых актов, в которых используются глаголы типа «обещать», «убеждать», «приказывать». Благодаря Остину стало очевидно, что без теории речевых актов лингвистике не обойтись [139]. При их осмыслении исследователи встретились со значительными трудностями, особенно это относилось к различению семантики и прагматики. Внести ясность в этот вопрос попытались логики. Их решающая идея состояла в том, что условием осмысления проблематического речевого акта является задание так называемых *координат индексов* (термин Р. Монтегю), или *точек отсчета* (термин Д. Скотта). В этой связи Д. Льюис дал наиболее объемный список координат точек отсчета: 1) возможный мир; 2) момент времени; 3) место; 4) говорящее лицо; 5) адресат речи; 6) множество объектов, на которые возможно указать в речевом

акте; 7) речевой сегмент; 8) последовательность объектов дополнительно к тем, которые указаны в п. 6 [90, с. 442].

На наш взгляд, из восьми точек отсчета непосредственно к прагматике относится лишь *возможный мир*. Все остальные семь точек отсчета относятся в равной степени как к семантике, так и к прагматике. В последней не обязательно констатируется то, *что есть*, а, как правило, имеются в виду цели, которые возможно осуществить в будущем. Но будущее не чуждо и семантике. Так, если некто предсказывает солнечное затмение — «завтра наступит солнечное затмение», то его речевой акт является семантическим. Как нам представляется, языковой акт является прагматическим только в том случае, если в нем фигурируют ценности и соответствующие им цели. Последние не обязательно конкретизируются в языковом акте. Предложения «Правительству следует осуществить меры по снижению уровня инфляции» и «В России на сегодняшний день прожиточный минимум равен 3000 руб.» являются прагматическими актами, поскольку в первом из них речь идет о ценности «уровень инфляции», а во втором — о ценности «прожиточный минимум». Во втором предложении нет постановки цели, отсутствуют рекомендации по снижению или увеличению прожиточного минимума. Но даже при этом условии рассматриваемое предложение по своему содержанию является прагматическим. Во-первых, постольку, поскольку в нем нечто утверждается относительно экономической ценности, каковой является «прожиточный минимум». Во-вторых, рассматриваемая констатация, надо полагать, осуществлена с определенным намерением. Следовательно, совершенный языковой акт преследует определенные цели. Вполне возможно, что они являются экономическими. Итак, можно констатировать, что современная лингвистика все более уверенно осваивает прагматический аспект языка.

В рамках лингвопрагматики получила развитие концепция языковых игр. Витгенштейн понимал языковую игру в качестве формы межличностной коммуникации, правила которой не могут быть заданы со сколько-нибудь исчерпывающей полнотой. Творчество говорящего и пишущего всегда сообщает языковой игре неожиданные черты. В любой области знания языковые игры обладают некоторой формой сходства, которую Витгенштейн называл «семейным сходством». Проиллюстрируем его философию следующим примером. Учебники по микроэкономике реализуют различные формы языковой игры, которые схожи друг с другом, но их правила построения не одинаковы. Экономисты не склонны

отказываться от услуг естественного языка, который более вариативен, чем научный язык. Так мог бы, на наш взгляд, рассуждать поздний Витгенштейн. Что касается его неопозитивистских коллег, то они характеризовали естественный язык в снисходительной манере.

Фундаментальный онтолог М. Хайдеггер считал, что язык следует за тайным смыслом вещей, который раскрывается неожиданными своими сторонами в рамках выражений, реализующихся в форме вопросов и ответов. Для этих целей не подходит ни научный, ни естественный язык. Хайдеггер стремился изобрести язык сущего, прообразом которого являлся, по его мнению, язык древнегреческих философов. Он искусно избегал прагматики. Уже в силу этого его воззрения на язык вряд ли могут представлять особый интерес для экономистов.

Позиция Хайдеггера была воспринята современными герменевтами. Их лидер Х. Гадамер был его учеником. Речь идет об особой линии герменевтической философии, делающей акцент на *понимании* не сознания, на чем настаивали Ф. Шлейермахер и В. Дильтей, а *сути дела* посредством языка. В отличие от Хайдеггера Гадамер был заинтересован в понимании не тайны мира, а сути деяний человека.

Столпы герменевтики — В. Дильтей и Х. Гадамер не были знаатоками экономической теории. Впрочем, упоминание их имен в данной книге не является случайным. Оно связано с тем, что доктрина понимания (*Versehen*), а именно она составляет сердцевину герменевтики, занимает в методологии экономической теории видное место. Как известно, эту доктрину привнесли в экономику представители австрийской школы (К. Менгер, Л. фон Мизес и др.). В лице немца М. Вебера они всегда имели авторитетного союзника. В свете сказанного резонно провести сопоставление современной философской герменевтики, а это герменевтика сути дела, с экономической герменевтикой «австрийцев». Для последних более других характерны, пожалуй, следующие интерпретации: а) теория призвана выразить понимание людьми их экономических поступков; б) в экономических воззрениях понимание есть эквивалент кластера ментальных образований, известного как термин «субъективная полезность»; в) экономическая теория выступает концептуальным постижением этого кластера чувств и мыслей. Будучи экономистами, «австрийцы» не склонны задерживаться в философии, они спешат в экономический отсек знания. Переход туда реализуется ими в последовательности: *понимание* → *полез-*

ность → *экономическая теория*. Для них экономическое понимание выступает как экономическая теория субъективной полезности, та самая теория, которая обсуждается традиционным экономическим сообществом, в том числе неопозитивистами и постпозитивистами.

Две рассматриваемые герменевтические позиции по отношению друг к другу во многом являются альтернативами. Их противостояние определяется тем, что сторонники герменевтики сути бытия недооценивают значимость научных теорий (значит, и экономики), «австрийцы» же, отдавая должное герменевтике сознания, проходят мимо феномена языка и связанной с ним методики вопрошания. Гадамеровцы полагают, что познающий человек имеет дело не с понятиями и теориями и даже не с психикой, а с вопрошанием мира и своих поступков. Подлинно актуальными являются не научные проблемы и их разрешение в теории, а вопрошания и связанная с ними диалектика вопросов и ответов. Может ли установка гадамеровцев способствовать развитию экономической теории или же она должна быть зачислена в разряд непродуктивных философских затей? В поиске ответа на этот вопрос мы склонны считать, что возможен компромисс между «австрийцами» и гадамеровцами. Достигается он объединением их сильных сторон, соответственно теории и языка.

Испытание вопросами отнюдь не бесполезная акция в том случае, если ему подвергаются теория, ее методологические принципы, основные законы, правила аргументации, выводы, их согласованность с наблюдаемыми данными. И тогда выясняется, что рост знания достигается не только в сознании, но и в языке, который охватывает всех заинтересованных лиц, — точнее, в дискурсе, диалоге, дискуссии. «Обратитесь к спорам экономистов, — скажет гадамеровец, — и вы поймете, что такое экономическое знание. Экономическая теория — это не раз и навсегда установленные понятия и закономерности, а нескончаемый диалог. Плохи те монографии и учебники, в которых он отсутствует». Типичный герменевт миролюбив, его коробит от резких споров, он настаивает на диалоге. Его миролюбие отчасти, не полностью, унаследовано представителями так называемой Франкфуртской школы (Ю. Хабермас, К.-О. Апель). Они настаивают на идеальном коммуникативном обществе, которое стремится к согласию, консенсусу [14, с. 86–92]. Постмодернист Ж. Лиотар резко критиковал идею консенсуса, в котором видел истоки тоталитаризма, ему по душе агонистика языковых игр [97, с. 114; 98, с. 144–154].

Идея необходимости зрелого диалога восходит к работам психолога З. Фрейда. Психотерапевт способен оказать больному помощь лишь в том случае, если он устанавливает с ним полноценный диалог. Психоаналитик не прописывает лекарства, он излечивает больного своими беседами с ним. Идеи Фрейда во многом были подхвачены целой группой видных французских философов (М. Фуко, Ж. Дерридой, Ю. Кристевой). Фуко полагал, что решающее значение приобретают проблематизации в поле дискурсов [185, с. 87, 281–282].

Деррида развил концепцию деконструктивизма, согласно которой все знание сконцентрировано в тексте, он самодостаточен и благодаря усилиям субъекта и разрушается, и создается заново, что приводит к его безграничному расширению [49, 50]. Идея самодостаточности текста, пожалуй, излишне радикальна и не может быть принята экономистами, придерживающимися вполне правомерных убеждений, что экономическая реальность не сводима к тексту. Что же касается трансформации экономических текстов, то, разумеется, это действительно имеет место.

Заслуживает внимания еще одна «звонкая» идея постструктуралистов (Ю. Кристевой, Р. Барта) и постмодернистов (Ж. Лиотара и др.). Имеется в виду идея интертекстуальности [60, с. 225–226]: текст автора, желает он того или нет, перекликается с текстами других авторов. Он превращается в многоголосие, в котором появляются и тотчас же исчезают виртуальные центры. Цитирование позволяет вычлениить некоторые голоса, но далеко не все, тем более что многие из них имеют «размытый» характер.

Поблагодарим философов за их смелые, но далеко не всегда достаточно аргументированные идеи и обратимся к основному предмету нашего интереса — к экономической теории. Некоторые из вышеупомянутых идей имеют прямое отношение к ее языку и тексту. Это: а) идея понятийного языка (Ф. Соссюр); б) концепция языковых игр (Л. Витгенштейн и др.); в) понимание теории как диалога (Х. Гадамер и др.); г) идея проблематизации дискурсивных практик (М. Фуко); д) концепция интертекстуальности (Ю. Кристева). Если оценить состояние экономической теории с позиций вышеупомянутых идей, а все они являются достаточно «умеренными» и поэтому не должны быть отнесены к методологическому экстремизму, то приходится признать, что ее язык пока существует во все еще не нарушенной интуитивной оболочке. Мы знаем об экономическом языке очень мало, то и дело не различая его дискурсивные ступени, в частности научный, методологически оправ-

данный и обыденный пороги. В философии науки в XX в. произошла существенная переориентация, ее центральным полем признается теперь не сознание, а язык. Как нам представляется, нечто аналогичное происходит и в философии экономической теории. На место доктрины *Verstehen* с ее ментальным характером, надо полагать, будет поставлена концепция интерпретации текста. Ярким началом этого процесса стала попытка Д. Макклоски, который, сделав акцент на языковом характере экономической теории, посчитал ее риторикой [238]. Но язык экономической теории намного богаче смысловыми измерениями, чем риторика, его невозможно свести к ней.

Интересную попытку определить место дискурса в развитии политической экономии социализма сделал М. Каз. Он выделил семь ее фаз, каждая из которых выступала как некоторый дискурс. Каз пришел к выводу, что научное сообщество производит не «истину», а «тексты» [63, с. 94]. Такой вывод нам представляется следствием лингвистического синдрома, весьма характерного, например, для французских постструктуралистов (Ж. Дерриды, Ю. Кристевой и др.). Экономическое сообщество производит тексты, основополагающим критерием которых является концепция истины, строго говоря прагматической истины. Нельзя забывать и о другом важном обстоятельстве: текст — это один из уровней экономической теории, но не единственный. Наряду с текстом существует и ментальный и предметный уровень теории.

Заключительный наш вывод таков. Методология экономической теории начинает решительно поворачиваться в сторону лингвистической проблематики; следовательно, ей придется наладить с нею прочные междисциплинарные связи.

5.3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ЛОГИКА

Ни одна теория не может обойтись без логики. Это прекрасно понимал Дж.С. Милль, который разрабатывал параллельно логические и экономические теории. К. Маркс опирался в своих исследованиях на диалектическую логику Г. Гегеля. Упоминание работ двух выдающихся экономистов вынуждает провести различие между формальной логикой и так называемой философской логикой. В ряд философско-логических систем входят: трансцендентальная логика Канта, диалектическая логика Гегеля, феноменологическая логика Гуссерля. Ряд систем формальной логики начинается с логики Аристотеля и кульминирует в наши дни в сис-

темах модальных, интенциональных и других нетрадиционных логических теорий. В данном параграфе нас интересуют формальные логики, которые в своей совокупности как раз и образуют то, что принято называть просто «логикой». Философские логические системы относятся к философии, обращение к ним увело бы нас в философию, что нежелательно. Собственно логика выступает как реализация некоторого исчисления, осуществляемого в символическом виде и выступающего в качестве конструирования формальных языков посредством концептов логической истины, следования, общезначимости, разрешимости, вычислимости, непротиворечивости, полноты.

В каком отношении интересна логика экономисту и действительно ли она ему необходима? Дело в том, что уяснение научного статуса экономической теории предполагает ее логический анализ. Вопрос: какова логика экономической теории? — далеко не бессмысленен. Экономистам необходимо понять, каким образом проводится аргументация в экономической теории. Выяснение формального строя экономической теории позволяет преодолеть наивную методологическую позицию, согласно которой эта теория должна восприниматься как интуитивно данное, и только.

Определив ближайшую цель, приходится констатировать, что вплоть до 1960-х гг. логика не имела в своем арсенале средств, позволявших выяснить логический статус экономической теории, и вот почему. Дело в том, что, добившись впечатляющих успехов в логической синтактике, т.е. в логике высказываний, и логической семантике (особенно после 1930-х гг.), она не была в состоянии строго определиться относительно логической прагматики. Но экономическая теория — это прагматическая концепция. Подходить к ней с мерками семантической теории — значит исказить ее существо. Страх перед «гильотиной Юма» сковывал логиков не меньше, чем экономистов. Многие из них считали, что логика может в формально-символическом виде описывать лишь то, что *есть*, но не то, что *должно быть*.

Интересующий нас логический прорыв случился лишь в 1960-х гг. в связи с так называемой *семантикой возможных миров*, развитой С. Крипке, С. Кангером и Я. Хинтиккой. Она явилась реакцией на сложности, связанные с определением истинности *модальных* логик. В отличие от дескрипций модальности всегда содержат оценочный компонент, который выражается, например, такими функторами, как «необходимо», «возможно», «обязательно», «разрешено». Высказывания классической логики истинны

или ложны во всех возможных мирах. Высказывания, содержащие модальности, а значит и оценки, могут быть истинными лишь в некоторых из возможных миров. А это означает, что условие истинности для высказываний модальной логики должно включать концепт «возможные миры». Причем поскольку оценочное высказывание формирует человек, постольку речь должна идти о возможных мирах, достижимых из его мира. Высказывание $\diamond A$ (где $\diamond$ — оператор модальности, например «необходимо», «обязательно», «должно») истинно в мире K , если и только если A истинно во всех мирах, возможных относительно K (или достижимых из K). Как отмечает Хинтикка, в «семантике возможных миров» их анализ опирается на допущение о том, что «не все возможные миры равно важны для наших целей» [199, с. 228]. Это высказывание могло бы принадлежать и экономисту, всегда обеспокоенному эффективностью своей теории. Впрочем, логику вряд ли приходится заходить столь же далеко, как экономисту. Последствия практических деяний его не интересуют. В отличие от экономической науки логика не является экспериментальной дисциплиной. В интересующем нас контексте ей достаточно определиться с возможными мирами. Каким образом намерения, цели и планы людей будут осуществляться на деле — это уже вопрос не логики, а определенных наук, например экономических.

Отметим также, что в рамках модальной логики были развиты деонтическая (от греч. *deon* — долг) логика и логика предпочтений. В деонтической логике учитывается модальность долженствования. Деонтически должным является совместимое с ценностями, действующими в данном сообществе людей. В логике предпочтений оперируют сравнительными оценками типа «лучше», «хуже», «равноценно», «эффективнее», «менее эффективно». С учетом сказанного, на наш взгляд, очевидно, что модальные высказывания относятся не только к семантике, но и к прагматике.

Введение логиками в науку выражения «*семантика* возможных миров» способно ввести в заблуждение. Создается впечатление, что логика как наука, во-первых, отвергает прагматику, во-вторых, считает ее научно несостоятельной. Но такое впечатление ошибочно, оно не учитывает различия семиотической и логической терминологии. В философии и семиотике под семантикой понимается описание того, что постигается посредством понятий-дескрипций, а не понятий-ценностей. Описание посредством понятий-ценностей и связанных с ними целевых установок в философии и семиотике определяется в качестве прагматики.

Абсолютное же большинство современных логиков расставляет акценты по-другому. Они считают семантикой любое описание независимо от того, интерпретируются ли дескрипции или же ценности. Там, где семиотики говорят о семантике и прагматике, логики рассуждают о двух семантиках. Терминология логиков нам представляется малоудачной. К счастью, она не отменяет факта фундаментальной значимости — благодаря «семантике возможных миров» логика освоила мир прагматики. Это обстоятельство имеет прямое отношение к экономической теории. Ее язык преспективен, ибо что-то признается более эффективным, чем другое. Логика экономической теории — это разновидность деонтической логики с функторами «эффективно» и «неэффективно». Разумеется, логику экономической теории можно представить и как логику предпочтений («более эффективно», «менее эффективно»).

Есть все основания считать, что аппарат современной логики позволяет выяснить логический строй экономической теории в деталях. Надо полагать, что в этой связи важнейшее значение приобретает не только «семантика возможных миров», но и вариативность методологических принципов неклассических логик. Отметим лишь главное на этот счет.

Интуиционисты (начиная с работ Л. Брауэра и А. Гейтинга) отказываются от актуальной бесконечности и провозглашают идеалы конструктивности и свободной последовательности, в которой в известной степени предвосхищается идея логических игр.

Сторонники паранепротиворечивой логики (начиная с работ Н.А. Васильева) отказываются от идеала чрезмерного логического следования, согласно которому для любых формул A и B из A и $не-A$ следует произвольная формула B . Паранепротиворечивые логики необходимы для интерпретации дискурсов, содержащих противоречия.

В многозначной логике (начиная с работ Я. Лукасевича) функция истинностных оценок постулируется не двузначной, а многозначной. Она актуальна для всех тех теорий, которые имеют дело с феноменом неопределенности. Экономическая теория как раз относится к этому типу теорий.

На наш взгляд, новации сторонников интуиционистских, паранепротиворечивых и многозначных логик весьма актуальны применительно к экономической теории. Они явно имеют отношение к ее современному статусу. Разумеется, наш вывод сформулирован в качестве методологической гипотезы, не более того.

5.4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И МАТЕМАТИКА

Представить себе современную экономическую теорию без ее связи с математикой, особенно с математическим анализом, исследованием операций, различными типами математического программирования [35, 130, 213], едва ли возможно. Впрочем, этот союз не лишен многочисленных проблемных моментов. Для начала сконцентрируем свое внимание на двух часто обсуждаемых вопросах. Почему математика столь эффективна применительно к сфере экономики? Почему интенсивная математизация экономической теории сопряжена с многочисленными неудачами и издержками? В поисках ответов на оба эти вопроса обратимся прежде всего к предмету математики. Самое популярное его определение принадлежит Н. Бурбаки (коллективное имя группы французских математиков): «Математика представляется скоплением абстрактных форм — математических структур» [29, с. 258]. Абстрактное — это «усеченное» конкретное, взятое не во всем его изначальном многообразии свойств и отношений. Абстрактное является результатом отсечения от конкретного части его признаков. Получается, что абстрактное содержится в самой реальности, природной или социальной. Почему бы в таком случае не считать математику экспериментальной наукой? Разве нельзя в эксперименте сначала зафиксировать, а затем и измерить то, от чего не абстрагировались? Но хорошо известно, что математика не является экспериментальной наукой. Когда Н.Н. Лобачевский предположил, что в данной плоскости через точку, находящуюся вне рассматриваемой прямой, можно провести две прямые, параллельные ей, то он не исходил из каких-либо экспериментальных фактов и ни от чего не абстрагировался. Лобачевский рассуждал строго в рамках методологии аксиоматического метода: при таких-то аксиомах и правилах вывода получаемые в соответствии с их содержанием теоремы (формулы) истинны. Тот или иной отход от продекларированных аксиом и правил вывода неизбежно приводит к ложным теоремам. Таким образом, предметом математики являются не абстрактные, а *формальные* структуры. Эти структуры формальны в том смысле, что они выступают реализацией аксиоматического метода. Формальное и абстрактное — это далеко не одно и то же. Разумеется, не только математика имеет дело с формальными структурами, но и, например, логика. Уточнение предмета математики предполагает прямые указания на элементарные формы ее структур, например числа, функции, матрицы, группы, классы, поля.

На первый взгляд, проведенное нами уточнение предмета математики не сулит каких-либо выгод. Но это не так. В методологическом отношении оно чрезвычайно актуально. От него зависит понимание междисциплинарной связи экономической теории и математики. Если математика занимается абстрактными структурами, то она должна извлекаться из экономической реальности, что возможно, как многие считают, лишь при ее «огрублении». Такой ход мысли вызывает целый ряд недоуменных вопросов. Зачем откуда-то извлекать математику? Зачем «огрублять» экономическую действительность? Разве, например, маржиналисты, прославившиеся использованием математического анализа, извлекли его из экономики, а не заимствовали из арсенала математики как таковой? Что такое математическое моделирование?

Все поставленные выше недоуменные вопросы разом исчезают в случае признания математики формальной, а не абстрактной дисциплиной. В таком случае, с одной стороны, есть математика, с другой — экономическая теория, а связывает их операция математического моделирования, выступающая как установление соответствия между элементами и операциями двух теорий.

Постановкой вопроса о математическом моделировании ныне никого не удивишь. Но его содержательное понимание не лишено трудностей. В весьма авторитетном издании математическая модель определяется как «приближенное описание какого-либо класса явлений внешнего мира, выраженное с помощью математической символики» [175, с. 343]. Но что это значит — «*приближенное описание*»? От чего-то абстрагировались? К чему-то приблизились или же от чего-то удалились? Или же имеется в виду, что одна модель неминуемо будет заменена другой?

Приведем еще одно показательное определение математической модели. На этот раз речь идет о модели именно экономической системы или же ее части. «Под моделью будем понимать *некоторый* математический образ исследуемой системы, адекватно отражающий ее структуру, существенные свойства и взаимосвязи» [213, с. 8]. Математическая модель соответствует ее оригиналу и в этом смысле она ему адекватна. Но тогда зачем приводится выражение «отражающий»? Что это значит — отражать? Почему исключается соотношение модели с *несущественными* свойствами и взаимосвязями? Разве непременно необходимо от них абстрагироваться? Конечно же нет.

На наш взгляд, весьма распространенное понимание математических моделей как известных «огрублений» оригиналов является

рецидивом истолкования содержания математических теорий с позиции теории абстракции, в своих истоках восходящей к философии Дж. Локка. Но математические конструкты не являются абстракциями. Они изобретаются человеком благодаря его творческому воображению, а не извлекаются из действительности.

Математическая модель и ее оригинал, каковым в нашем случае является экономическая теория, связаны бинарным отношением, отношением соответствия. Это отношение выступает знаковым. Элементы и операции математической теории интерпретируются в качестве знаков элементов и операций экономической теории. Математическое моделирование связывает две теории, а не математическую теорию с экономической действительностью как таковой. Соответствие между моделью и оригиналом может быть полным и неполным (когда некоторые элементы и операции экономической теории не обладают своим математическим представителем), взаимно однозначным или же неоднозначным, но не приближенным.

Операция математического моделирования начинается с определения математической модели, но, как нам представляется, она ею не заканчивается. Дело в том, что две стороны моделирования неравнозначны друг другу, между ними всегда есть асимметрия; для исследователя первична не модель, а ее оригинал. Он в соответствии со своими интересами непременно включает определенным образом потенциал модели в содержание оригинала. Изобразим сказанное в символическом виде.

В начале анализа экономическая ($\mathcal{E}T$) и математическая (MT) теории разобщены. Экономико-математическое моделирование выступает как установление соответствия между ними: $\mathcal{E}T \rightarrow MT$, где стрелка показывает, что моделирование осуществляется в интересах экономиста. При доминации интересов математика реализуется соотношение $MT \rightarrow \mathcal{E}T$. Последнее соотношение резонно назвать не экономико-математическим, а математико-экономическим моделированием.

При осуществлении моделирования экономист заинтересован в первую очередь не математической теорией и даже не соответствием $\mathcal{E}T \rightarrow MT$, а экономической теорией как таковой. Иначе говоря, он не останавливается на полпути, т.е. на $\mathcal{E}T \rightarrow MT$, а включает MT в $\mathcal{E}T$, в результате $\mathcal{E}T$ приобретает новый статус — $(\mathcal{E}T)^{MT}$. Математическая теория перестает существовать в самостоятельном виде, в каком она пребывала в составе $\mathcal{E}T \rightarrow MT$.

$$\partial T \rightarrow MT \sim (\partial T)^{MT}.$$

Здесь знак $\sim$ означает «влечет». Подобно тому как съеденное яблоко перестает существовать в качестве яблока, математика, включенная в экономическую теорию, перестает быть математикой. Поясним этот вывод следующим примером.

Рассмотрим три формулы, соответственно из области математики, физики и экономической теории:

$$y = a \cdot x; \quad (5.1)$$

$$S = v \cdot t; \quad (5.2)$$

$$C = k \cdot Y. \quad (5.3)$$

Формула (5.2) выражает связь между перемещением (S) тела и его скоростью (v). Формула (5.3) фиксирует связь величин личного потребления (C) и личного дохода (Y). Формулы (5.2) и (5.3) обладают не формально-математическим, а содержательным характером. Вы можете делать с ними все что угодно, но избавиться от их содержательной специфики не удастся. Их в принципе невозможно превратить в формулу (5.1), обладающую математическим статусом. Можно установить взаимно-однозначное соответствие, например, между формулами (5.1) и (5.3), но это не означает, что (5.1) содержится в (5.3). Между теориями существуют междисциплинарные связи, но неверно считать, что одна теория содержится, буквально «сидит» в другой. Последнее представление должно быть зачислено в разряд теоретического преформизма, согласно которому одни науки содержат в себе другие. Но наука развивается отнюдь не по нормам теоретического преформизма. Во всем она выделяет части и далее рассматривает отношения между ними. В науке междисциплинарные связи рассматриваются как отношения соответствия, а не как включенность одной теории в другую.

Выше уже отмечалось, что междисциплинарная связь имеет векторный характер, она направлена от оригинала к модели. Учет характера этой связи имеет важнейшее методологическое значение. Как правило, полагают, что смысл математического моделирования состоит в работе не с экономической теорией как таковой, а с ее математической моделью. В этом убеждении не учитывается, что экономист и математик действуют в принципиально различных манерах. Если математик обращается к экономической теории, то его интересует в конечном счете не она, а математика. Экономист же занимается экономическим оригиналом, т.е. соответствующей

экономической, а не математической теорией. Суть дела не меняется от того, что один и тот же человек может поочередно выступать в роли то математика, то экономиста. Плохо, когда экономист выдает себя за математика, а последний позиционирует себя в качестве экономиста.

В современной методологической литературе осуждаются многочисленные попытки неудачной математизации экономической теории. Весьма ярко высказывается на этот счет Е.В. Балацкий: «В настоящее время можно утверждать, что причина и одновременно следствие прогресса экономической науки заключается в ее широкой математизации» [18, с. 142]. «Можно констатировать не просто сильную, а, пожалуй, чрезмерную математизацию экономической науки» [Там же, с. 150]. «Зачем думать над содержательными проблемами, когда можно «поиграть» с математической моделью?» [Там же, с. 152]. Е.В. Балацкий выступает против «оголтелой» математизации экономической науки. Он резонно отмечает, что «математические модели имеют очень важное, но все же подчиненное положение — они как бы встроены в общую теорию. Однако хозяйственные механизмы, принципы и теории могут эволюционировать. Это означает, что отражающие их математические модели тоже должны перестраиваться и адаптироваться. В результате могут появиться новые эффекты, закономерности и законы» [Там же, с. 151–152]. В основном, поддерживая приведенное выше утверждение Е.В. Балацкого, мы считаем, что он неправоммерно ставит знак равенства между чрезмерной математизацией экономической теории и ее корректным математическим описанием. «Таким образом, — отмечает он, — наметившаяся чрезмерная математизация современной экономической теории как бы “подтачивает” науку изнутри. Стремление к максимально полному и корректному математическому описанию экономических явлений ведет в тупик» [Там же, с. 155]. Вышеупомянутое стремление, разумеется, не ведет в какой-либо тупик. Оно вполне состоятельно, ибо направлено на максимально полное исследование потенциала союза математики и экономической теории. Невозможно доказать, что этот потенциал лучше использовать, например, наполовину, чем максимально полностью. Выражение «чрезмерная математизация экономической науки» нельзя отнести к числу ясных. Исследование потенциала математики не может быть чрезмерным. А вот подмена экономической теории ее математической моделью — это действительно неоправданная акция.

По мнению Е.В. Балацкого, стремление к корректному математическому описанию применительно к экономической науке неосостоятельно в силу известной теоремы К. Гёделя о неполноте: «Любое формальное описание системы либо нечетко, либо противоречиво. При исследовании экономических систем это особенно актуально — мы должны придерживаться разумной степени общности описания и вовремя остановиться, чтобы дальнейшее обобщение не обернулось противоречием» [118, с. 155–156]. В приведенном пассаже содержится ряд неточностей. Во-первых, теорема Гёделя не относится к «любому формальному описанию». Так, она неприменима к арифметике в случае, если используется операция трансфинитной индукции. Во-вторых, теорема Гёделя вообще не ставит каких-либо пределов математике, она позволяет отвести чрезмерные, надуманные претензии в ее адрес. Она никак не противоречит максиме Канта: чем больше в науке математики — тем лучше. В-третьих, Е.В. Балацкий неоправданно поспешно переходит от теоремы Гёделя к экономическому аргументу о необходимости разумной степени общности описания.

«Не следует забывать, — отмечает он, — и принцип относительности А. Эйнштейна: восприятие явления зависит от точки зрения. Поэтому не следует стремиться к построению многоцелевых экономико-математических моделей — имеет смысл ограничиться простыми и ясными постановками задач» [Там же, с. 156]. Е.В. Балацкий весьма вольно истолковывает принцип относительности Эйнштейна, согласно которому законы электродинамики инвариантны во всех инерциальных системах отсчета. Относительность же восприятия — это положение из психологии, мало что разъясняющее в нашем контексте. По мнению Е.В. Балацкого, не следует стремиться к построению многоцелевых экономико-математических моделей. На наш взгляд, такое стремление вполне уместно, ибо содержит значительный эвристический потенциал. Когда в конце XIX в. были разработаны экономико-математические модели на основе математического анализа, то они были многоцелевыми. От имени методологии несостоятелен акцент как на универсализации, так и на специализации экономико-математического моделирования. В известных случаях уместно и то и другое. Если рассматривается зависимость друг от друга переменных величин, то при этом часто уместно использование аппарата дифференциальных уравнений. Если же необходимо принять решение в условиях конфликта ценностей, то вполне возможно обращение к аппарату единичных матриц, как

это имеет место, например, в аналитике иерархических систем Т. Саати.

Согласно Е.В. Балацкому, надо ограничиваться постановками «простых и ясных» задач. Но в науке идет гонка за концептуальной содержательностью, и уже в ее контексте можно при желании как-то комментировать требования «ясности» и «простоты». Эти требования имеют квазинаучный характер. Иногда их считают эстетическими, еще больше запутывая ситуацию с пониманием статуса теорий.

После всего вышеизложенного появилась возможность содержательной, как нам представляется, интерпретации двух вопросов, поставленных в начале параграфа, об эффективности союза математики и экономики и его неудачах.

В экономической науке рост научного знания идет по цепочке

$$(\mathcal{E}T_0)^{MT_0} \rightarrow (\mathcal{E}T_1)^{MT_1} \rightarrow (\mathcal{E}T_2)^{MT_2} \rightarrow \dots$$

Каждое последующее звено превосходит предыдущее за счет обогащения его более содержательной в формальном отношении математической теорией (в содержательном отношении $MT_0 < MT_1 < MT_2$). На первый взгляд, прирост качественно-количественного потенциала экономической теории ($\mathcal{E}T_i$) за счет математической теории (MT_i) кажется чем-то непостижимым постольку, поскольку он привносится из чуждого экономической теории мира. Каким образом чуждое экономике может усилить ее потенциал? Вроде бы непонятно. Все становится на свои места, если учесть сложную историю взаимосвязи математики с многочисленными другими науками. При всей ее самостоятельности и специфике математика развивается не в автономном режиме. Математическое моделирование связывает математику с другими науками сотнями нитей. А это означает, что математика лишь относительно независима от других наук: она постоянно смотрит на себя в их зеркале. Потенциал математики отнюдь не чужд другим наукам, в том числе и экономической. Что же касается относительной самостоятельности математики, то она не только не вредит ей, а, наоборот, способствует ее быстрому развитию, которое не «тормозится» необязательными для математики содержательными факторами.

Но там, где есть две стороны, как, например, в случае союза математики и экономической теории, всегда в той или иной форме дает о себе знать опасность кризисного состояния их смычки. Математика порой перестает «работать». Почему? Пожалуй, прежде

всего в силу следующих двух обстоятельств. Во-первых, неудачи сопровождают исследователей тогда, когда они подменяют экономические теории их математическими моделями, т.е. $(ЭТ)^{MT}$ подменяется $(MT)^{ЭТ}$. Оперирование математической теорией, взятой в свете экономической, может способствовать математике, а экономике лишь в отдаленной перспективе. Во-вторых, далеко не всегда достигается стадия $(ЭТ)^{MT}$. Если экономическая и математическая теории остаются разобщенными, то это неминуемо приводит к неудачам. И тогда раздаются жалобы: математика в силу ее формального характера, дескать, не способна выразить содержательные аспекты экономической теории. Но математика и не должна выражать или отображать какие-либо аспекты экономического дела. Достаточно того, что может существовать и существует соответствие между формальными структурами математики и содержательными структурами экономической теории. В установлении такого рода соответствия экономисты часто добивались и добиваются в высшей степени значительных успехов. Это позволяет им с оптимизмом оценивать дальнейшие перспективы экономической теории и математики. В наши дни представителям не только мейнстрима, но и институционализма приходится убеждаться, что вне союза с математикой экономическая теория становится немощной и, следовательно, неэффективной.

Заканчивая параграф о взаимосвязи экономической теории и математики, резонно отметить особую роль так называемой вычислительной математики, занимающейся кругом вопросов, связанных с использованием компьютеров. Как правило, решение экономико-математической задачи предполагает: а) разработку алгоритма ее решения; б) создание соответствующей программы; в) ее реализацию на ЭВМ; г) интерпретацию полученного нового знания. Непрерывающийся рост быстродействия компьютеров сопровождается новыми волнами математизации и информатизации экономической науки. Несколько десятков лет тому назад казалось, что математизация и информатизация экономической науки в основном необходимы для придания формального вида ее законам. В последние три десятка лет ситуация кардинально изменилась: именно благодаря успехам вычислительной математики и информатики экспериментальный уровень экономической науки достиг ранее невиданных высот. Он во многом определяется успехами эконометрики и экономико-математической статистики, которые ныне поставлены на компьютерные рельсы.

Заметим также, что всемерная математизация и информатизация экономической науки сопровождаются лавинообразным ростом числа проблем, нуждающихся в философском осмыслении. Экономическое сообщество непременно когда-нибудь осознает, что оно должно создать целый комплекс философских дисциплин, таких, например, как философия эконометрики, философия экономической статистики, философия экономической синергетики, без которых осмысление фундаментальных проблем пребывает в интуитивной оболочке.

5.5. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

Присуждение Нобелевской премии по экономике в 1978 г. Г. Саймону (за новаторские исследования принятия решения внутри экономических предприятий), а в 2002 г. Д. Канеману (за интеграцию результатов психологических исследований в экономическую науку, прежде всего в области суждений и принятия решений в условиях неопределенности) явилось весьма ярким подтверждением редко кем оспариваемого положения о важности психологии для экономической науки. Целым рядом авторов [151] было показано, что механизмы принятия решений варьируются от одной ситуации к другой. Полагают, что учесть все вариации в рамках одного пути решений едва ли возможно. Саймон выдвинул в противовес неоклассическому принципу максимизации полезности принцип удовлетворенности [160, 161]. «Фирмы будут стремиться достигнуть скорее удовлетворения, чем максимизации» [161, с. 55]. Люди стараются удовлетворить свои устремления. Этот феномен, дескать, не учитывается классической экономической теорией. Канеман и Тверски обратили внимание на нормативный характер принципа максимизации полезности; надо же изучать тот процесс принятия решений, который не просто декларируется, а действительно имеет место [64, с. 31]. В рамках развитой ими теории перспектив (*prospect theory*) также выявлены определенные неожиданности: большинство людей, особенно в условиях неопределенности и риска, обеспокоены возможностями отклонения от исходного состояния, они менее склонны нести потери, чем получать с той же степенью вероятности выигрыш, руководствуются психологическими эвристическими приемами, реагируют на способы формулировки проблем (фрейминг-эффект). Таким образом, многие авторы считают, что психология должна быть включена в экономику. Это мнение не представляется бесспорным.

К сожалению, оно, как правило, не сопровождается сколько-нибудь тщательным анализом статуса психологии и характера ее междисциплинарных связей с экономической наукой. Итак, для начала имеет смысл обратиться к самой психологии.

Термин «психология» (от греч. *psyche* — душа и *logos* — учение) стал использоваться в конце XVI в. В наши дни этот термин крайне редко интерпретируется буквально. Наличие многих психологических направлений вынуждает быть осмотрительным при определении предмета психологии: весьма рискованно указывать его адрес однозначно, связывая его либо с психикой, либо с поведенческими актами, либо с языком. Несмотря на это, возьмем на себя смелость утверждать, что предмет психологии связан в первую очередь с ментальностью человека и ее символическими формами. В данном случае поведение и язык рассматриваются не сами по себе, а как символы ментальности человека. Язык как относительно самостоятельный феномен изучается не психологией, а лингвистикой. Можно предположить, что, подобно языку, и поведение людей попадает в сферу действия психологии лишь тогда, когда оно обуславливается ментальностью людей.

Читатель, очевидно, заметил, что нами введен в текст латинский термин «ментальность». Ментальность — это то же самое, что психика. Смысл введения термина «ментальность» состоит в том, чтобы избежать диктата терминологической пары: психика — психология. По определению, любая теория обладает не только языковой, но и ментальной размерностью. Идея такова: то, что называют экономической психологией, вполне возможно, является не психологией, а самой настоящей экономической теорией — точнее, ее ментальным уровнем. Прописывание ментального уровня экономической теории исключительно по адресу психологии создает впечатление, что концептуальный строй так называемой экономической психологии другой, чем у экономической теории. Но это, разумеется, не так. Все, что относится к комплексу экономической теории, т.е. ее различные уровни, в том числе ментальность и язык, имеет один и тот же концептуальный строй. При классификации наук вопрос об их концептуальном строе является центральным.

О статусе психологии высказываются самые различные точки зрения. В свете изложенного выше мы склонны классифицировать психологию как разновидность метанауки. Ее задачей выступает не изучение особого класса психических явлений, а сравнительный анализ достоинств и недостатков ментальных уровней различных теорий, например экономических, социологических, политологи-

ческих, правовых, педагогических, и реализация широкого спектра междисциплинарных связей. Обзор соответствующей литературы убеждает, что развитие современной психологической науки сопровождается тремя тенденциями. Во-первых, психология отпочковывается от философии, освобождаясь от симбиотических связей в ней. Во-вторых, с ростом внимания к ментальным уровням науки психология приобретает все более ярко выраженный метанаучный характер. В-третьих, от имени психологии осваиваются новые области знания, которые впоследствии могут конституироваться в особые психологические науки, например, такие, как психология повседневности.

Обилие психологических направлений не означает их произвольности. С философской точки зрения они выступают проявлениями четырех главных философских подходов. Речь идет о теории соответственно: 1) ментальных процессов; 2) поведения и деятельности субъектов; 3) языковой деятельности людей; 4) культуры.

Наиболее яркими представителями ментального ряда психологических теорий являются ассоциативная (Г. Эббингауз, Г. Мюллер), гештальт-психология (М. Вертгеймер, В. Келер, К. Коффка), понимающая психология (В. Дильтей), когнитивная психология (У. Найссер, Дж. Андерсен, Р. Солсо) [12, 42, 56, 127, 167]. Для судеб экономической теории наибольшее значение имеют понимающая и когнитивная психология, особенно последняя. Понимающую психологию пытался внедрить в экономическую теорию М. Вебер. Но дело закончилось философскими рассуждениями. А вот спор когнитивной психологии и экономической теории оказался весьма продуктивным. Видимо, целесообразно отнести к ментальной философии и так называемую гуманистическую психологию (К. Роджерс, А. Маслоу). Когда говорят о ментальных экономических предпочтениях людей, то, как правило, вспоминают об упорядоченных рядах ценностей А. Маслоу.

Обратимся теперь к психологии поведения и деятельности. При таком подходе обнаруживаются две грандиозные системы: американский бихевиоризм и советская марксистская теория деятельности. Бихевиоризм (от англ. *behavior* — поведение) — это психологическое воплощение содержащейся в американском прагматизме тенденции операционализма. Согласно операционализму значение используемых в науке понятий выясняется в процессе осуществления тех или иных операций. Отталкиваясь от этой идеи, бихевиористы сводят психологию к изучению поведения людей и... животных. Ортодоксальные бихевиористы (Э. Торндайк,

Д. Уотсон) концентрируют свое внимание на стимульно-реактивных связях ($S - R$). Необихевиоризм (Б. Скиннер, К. Халл) переходит от схемы $S - R$ к схеме $S - r - s - R$, где r и s — внутренние реакции и стимулы, которые выступают посредниками (медиаторами) внешних стимулов и реакций. Последовательный бихевиорист стремится исключить из своего анализа всю сферу ментального.

Считается, что в философском отношении бихевиоризм нашел свое обоснование в трудах Л. Витгенштейна, Г. Райла, Дж. Смарта и Д. Армстронга. Витгенштейн и Райл сделали акцент на анализе пары язык — поведение. Сمارт и Армстронг провозгласили тезис о тождестве ментального и физического. Имея в виду как операциональную, так и лингвистическую ориентацию философии Витгенштейна, Дж. Фодор и Ч. Чихара назвали ее логическим бихевиоризмом [181, с. 234]. Сами они, критикуя логический бихевиоризм, полагают, что, «изучая язык, мы развиваем целый ряд сложно взаимосвязанных “ментальных понятий”, которые употребляем, имея дело с, согласуясь с, понимая, объясняя, интерпретируя и т.д. поведение человеческих существ (так же как и свое собственное)» [Там же, с. 257]. Над бихевиористами посмеивались, указывая, что при ортодоксальной трактовке их подхода изучение поведения людей не отличается от исследования поведения серых крыс. В критике бихевиоризма действительно содержалась известная доля истины. Попытки содержательно интерпретировать поведение людей привели к необходимости учета природы их языка и ментальности. Следует отметить, что эффективно интегрировать бихевиоризм в экономическую теорию так и не удалось, — прежде всего в силу его недостаточного концептуального потенциала.

Деятельностный подход применительно к интерпретации предмета и задач психологии был развит также в СССР, особенно в трудах С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева. Они стремились развить психологию на марксистско-ленинской основе. Подчеркивалось, что практика людей имеет предметный характер и в этом своем качестве формирует сознание людей. В рамках данной работы нет необходимости в пространном анализе деятельностной психологии. Дело в том, что она никак не повлияла на развитие в СССР экономической теории. Экономисты, с одной стороны, и психологи, с другой, решали трудные задачи развития соответственно политэкономии и психологии на марксистско-ленинской основе. До продуктивного диалога этих двух наук дело так и не дошло.

В 1980–90-е гг. наметилась тенденция переосмысления психологической деятельности. В этой связи все чаще обращаются к так называемой культурно-исторической психологии, среди основателей которой почетное место занимают отечественные психологи В.С. Выгодский и А.Р. Лурия [80, с. 128–138]. Речь идет о придании психологии глобального культурно-исторического статуса. Остаются существенные неясности относительно философских оснований этого проекта. Надо полагать, в конечном счете все равно придется обратиться к анализу ментальности людей

Заканчивая обзор психологических направлений, очевидно, необходимо упомянуть и психоанализ З. Фрейда. Как известно, для этой теории характерен акцент на связку бессознательное — язык. Не вникая в непрекращающиеся споры по поводу научного статуса психоанализа [159], отметим лишь один из уроков развития этой теории. Речь идет о том, что излечение от неврозов достигается в процессе анализа языковых ассоциаций больного. Решающее значение имеет диалог больного и психотерапевта, понимаемый как своеобразный процесс обучения больного. Вывод: «здравствующая» теория — это результат обучения, она никому не дана в готовом виде.

Переходим к заключительным замечаниям. Актуальность взаимодействия психологии и экономической теории нам видится в развитии ментального уровня экономической теории. Очевидно, что без него экономическая теория существует в значительно урезанном виде. Разумеется, развитие экономической психологии принципиально по-новому ставит вопрос о соотношении разных уровней экономической теории.

5.6. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Связь экономической теории с политической имеет длительную историю. Во времена А. Смита, Дж. Милля, К. Маркса и вплоть до конца XIX в. вся экономическая теория считалась политической дисциплиной. Термин «политическая экономия» выражал синкретическое единство экономической теории и политологии. Всемирное развитие экономического мейнстрима и характерного для него аналитического аппарата привело в первой половине XX в. к отчетливому вычленению двух принципиально различных типов общественных наук, экономических и политических. Начиная с конца 1950-х гг. союзу экономики и политологии придается новый импульс. Благодаря усилиям Дж. Бьюкенена,

Г. Таллока, Э. Дадиса, М. Олсона, Б. Вейнгаста, К. Шепсла быстро нарастает авторитет новой дисциплины — политической экономии (или теории общественного выбора). На этот раз речь идет не о синкретическом единстве экономических и политических наук, а о налаживании между ними хорошо осмысленных междисциплинарных связей [11, 17, 107]. В этой связи исследователям пришлось акцентировать свое внимание на особенностях методологических подходов, используемых в общественных науках. Обе стороны, экономисты и политологи, согласны в том, что методологическая инициатива исходит от экономистов [107, с. 928; 54, с. 699]. Обратимся поэтому в первую очередь к воззрениям экономистов.

Дж. Бьюкенен в своей нобелевской лекции со ссылкой на К. Викселя перечислил три основополагающих принципа теории общественного выбора в следующей последовательности: «методологический индивидуализм», концепция «человека экономического» (*homo economicus*) и концепция «политики как обмена» [30, с. 18]. Согласно принципу методологического индивидуализма субъект социального действия руководствуется своими личными предпочтениями (читай: ценностями). Концепция «человека экономического» содержит в концентрированном виде методологические принципы неоклассического направления. Концепция политики как обмена имеет не экономический, а политологический характер. Взаимодействие политических субъектов интерпретируется как обмен определенной политической субстанцией, политическими полезностями.

Показательно, что многие экономисты стремятся перенести в политическую науку привычные для них методологические ориентиры. В этой связи принято говорить об «экономическом империализме», согласно которому «экономический подход является всеобъемлющим, он применим ко всему человеческому повсеместно» [21, с. 29]. Сердцевину этого подхода, согласно Г. Беккеру, образуют «связанные воедино предположения о максимизирующем поведении, рыночном равновесии и стабильности предпочтений» [Там же, с. 27]. Он полагает, что единообразие наук о человеческом поведении знаменует собой именно экономический подход. По мнению Дж. Хиршлайфера, «существует лишь единая социальная наука. Империалистическое захватническое могущество экономике обеспечивает универсальная применимость наших аналитических категорий — дефицита, цены, предпочтений, возможности» [232, с. 53].

На наш взгляд, и Беккер и Хиршлайфер совершают одну и ту же ошибку: обнаружив нечто общее в методах экономики и политологии, они без всяких на то оснований записывают его по ведомству экономической науки. Налицо редуccionизм, несостоятельность которого выявляется при сопоставлении предмета соответственно политологии и экономики. Политология изучает феномен власти, свести его к экономическим действиям невозможно в принципе. В логике и математике используется аксиоматический метод, но это не означает, что математика есть логика. В экономической и политической теории руководствуются ценностями, но ценности-то разные. Именно поэтому экономизм несостоятелен. То, что «империалисты» от экономики называют экономическим методом, в действительности есть прагматический метод, который специфицируется в каждой из общественных наук в соответствии с ее предметом изучения. Единство общественных наук, бесспорно, имеет место. Но это единство не есть тождество. Сделанные выше критические замечания в адрес «экономического империализма» при всей их правомерности не объясняют, почему стартующие с экономической теории исследователи сумели внести значительный вклад в политологию. Этот вопрос заслуживает специального обсуждения.

Исследователи отмечают в развитии американской политической мысли XX в. три взлета [9, с. 69]: 1) широкое распространение эмпирических исследований в 1920–40 гг. (Чикагская школа: Ч. Мерриам, Г. Госпелл); 2) поведенческая революция в 1940–70 гг. (Г. Лассвелл, Г. Причсетт); 3) введение в политологию в 1960–90 гг. логико-математических моделей, сопрягаемых с теориями «рационального выбора» и «методологического индивидуализма». Именно последний этап был тесно связан с экспансией в область политологии исследователей, хорошо владевших методами экономической науки. Каждый из перечисленных выше этапов развития политической мысли имеет вполне определенную философскую направленность. До Второй мировой войны господствовали неопозитивистские воззрения, в годы поведенческой революции они были потеснены бихевиористскими настроениями прагматического толка, которые, в свою очередь, уступили дорогу аналитическим методам. Множащиеся попытки добиться решающего успеха в политологии либо за счет эмпирии без особой заботы о ценностно-методологических основаниях теории, либо с опорой на последние, не сопровождаемые тщательным уяснением их формальной, логико-математической

структуры, неизменно приводили к разочарованиям. Попытки первого рода были весьма характерны для американских, а второго — для европейских авторов с их послевоенной склонностью не столько к неопозитивизму, сколько к марксизму и постструктурализму. Успешность дальнейшего развития политологии во многом зависела от органического сочетания методологических принципов и аналитических подходов. Как это часто бывает в науке, решающие новшества пришли с различных сторон, от исследователей, вроде бы не связанных общими идейно-методологическими установками. Исходя из отмеченного выше обратимся прежде всего к ценностно-методологическим основаниям политической науки.

Следует отметить, что в отличие от экономистов политологи никогда не испытывали страха перед аксиологией. Их многовековая приверженность принципам равенства, свободы и справедливости не оставляет места для ортодоксального неопозитивизма с его неприятием ценностей. Но от уверенности в необходимости ценностных и методологических предпочтений до их эффективного функционирования в составе теории — дистанция большого размера. В 1960-е гг. предпринимались попытки приспособить к нуждам политологии потенциал и английского утилитаризма, и американского прагматизма, и немецкого кантианства, но они не привели к успеху. Желанный прорыв обеспечила книга Дж. Роулза «Теория справедливости» (1971).

Роулзу удалось реабилитировать в качестве предмета актуального политического интереса проблемы, лежащие на стыке политологии и этики. Он считает, что принципы практической жизни должны быть соответствующим образом обоснованы. Его решающая идея состоит в том, что рационально мыслящие субъекты, вынужденные жить сообща, способны выработать принципы своего эффективного поведения. Таких принципов всего два и оба они являются принципами справедливости. Справедливостью называется первая добродетель общественных институтов [156, с. 19].

Первый принцип справедливости гласит: «Каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами свобод для всех остальных людей». Второй принцип справедливости полагает: «Социальные и экономические неравенства должны быть организованы таким образом, что они одновременно а) ведут к наибольшей выгоде наименее преуспевших, в соответствии с принципом справедливых сбережений, и б) делают откры-

тыми для всех должности и положения в условиях честного равенства возможностей» [156, с. 267].

Роулз полагает, что он придал новый смысл теории общественного договора, выдвигавшейся задолго до него Локком, Руссо и Кантом. Идея общественного согласия (консенсуса), реанимированная Роулзом, приближала политическую науку к концепции общего равновесия, занимающей столь видное место в экономической науке. В отличие от политологов экономисты обладали умением придавать концепции равновесия аналитический, а не наивно-декларативный характер. Благодаря именно их инициативе в политическую науку был привнесен аналитический подход. Его суть [141, с. 659–661] состоит в том, что акторы, будучи зависимыми друг от друга, вынуждены взаимодействовать во имя осуществления своих интересов. Они стремятся к достижению преимуществ, связанных с богатством, престижем, властью и многими другими переменными, либо зависимыми, либо независимыми друг от друга. Акторы совершают один поступок за другим, внося все новые вклады «в игру», которой не избежать. В ней следует действовать определенным образом, делая один «ход» за другим. Так как эти ходы не бессмысленные, то их считают рациональными. Подобно тому как шахматист вынужден рассчитывать свои «ходы» и «комбинации», акторам приходится действовать целесообразно. Субъект вынужден реализовывать свои счетные способности. Счет имеет значение. Но считать надо уметь, или, иначе говоря, следует знать правила игры. И вот здесь весьма кстати оказывается теория игр. Их типы бывают самыми разными, в том числе координационными, кооперативными, конфликтными, антагонистическими.

Итак, политологи сумели обеспечить ранее не имевшее место единство методологических принципов политической науки с ее аналитическим подходом, теорией игр. В итоге политология вслед за экономической теорией приобрела методолого-игровой характер. С уверенностью можно утверждать, что рассмотренный философский поворот случился в рамках американской аналитической философии. Ее неистребимый прагматизм был обогащен европейскими идеями общественного договора, рационализма, утилитаризма и трансцендентализма. Как нам представляется, налицо определенная новая форма философии общественных наук, а именно концептуально-аналитическая неопрагматическая методология. Резонно говорить об особом методе всех прагматических наук, в том числе экономики и политологии. На наш взгляд, ве-

дение терминов «политическая экономия» и «экономическая политология» во многом явилось следствием невнимания к философской стороне токов знания, объединяющих две теории — экономическую и политическую. Вместо того чтобы определить философский статус этих теорий, им присвоили вводящие в заблуждение эпитеты. Экономическая теория является экономической, и никакой другой. Соответственно, политология не может быть экономической; в ней, в частности, нет ни грамма эконометрики (применительно к политологии можно говорить о полисметрике).

Итак, современная политология «безгрешна» перед экономической теорией: она не позаимствовала у последней свои методологические принципы. Разумеется, верно, что часть новаторов сумела проявить свои неординарные методологические способности в связи со своей экономической компетентностью. Но ими не было привнесено в политологию ничего экономического.

В политологию был привнесен не экономический принцип методологического индивидуализма, а аксиологический метод, согласно которому человек, руководствуясь общественными теориями, оперирует ценностями. В политологию была привнесена не концепция *homo economicus*, а концепция аналитического человека, не концепция экономического обмена, а концепция пошагового принятия решений и достижения желаемой цели.

Отметим специально, что нет необходимости придавать философским принципам ту жесткость, которая отчасти уместна при характеристике ортодоксальных учений, в том числе и неоклассической экономической теории. Так, недопустимо ставить знак равенства между аксиологическим принципом и методологическим индивидуализмом. Верно, что любой субъект руководствуется своими, а не чужими ценностями. Следует учитывать, что они могут быть широко распространенными в обществе, т.е. иметь не только индивидуальный, но и общественный, интересубъективный характер.

Совсем не обязательно считать, что человек аналитический максимизирует именно функцию полезности и выступает как рационалист, чуждый миру чувств и эмоций. Требования, предъявляемые к человеку аналитическому, могут быть настолько разносторонними, что для их описания придется использовать много ранее не упоминавшихся терминов. Разумеется, поступки людей, совершаемые в соответствии с принятыми решениями, неправомерно сводить к обмену, перемене мест сгустков какой-то особой

субстанции. Динамика ценностных оценок, представляемая, в частности, функцией полезности, не сводится к каким-либо материальным потокам.

До сих пор, следуя доминирующей в экономических и политических науках тенденции, основное внимание уделялось благотворному влиянию первых на вторые. В силу неравномерного развития наук некоторые методологические принципы экономической теории после их перевода на философский язык оказалось возможным успешно использовать в политологии. Но, надо полагать, связь между экономикой и политологией не является улицей с односторонним движением. В какой степени политология благотворно влияет на экономическую теорию? Вот в чем вопрос, далеко не безразличный для каждого, кто заинтересован в развитии экономической теории. К сожалению, на поставленный выше вопрос не существует каких-либо общепризнанных ответов. В этих условиях нам не остается ничего другого, как высказать свою точку зрения.

На наш взгляд, по крайней мере в двух отношениях политология выступает по отношению к экономической теории в качестве образцовой дисциплины. Во-первых, в отличие от экономистов политологи решительно отказались от дуализма фактов и ценностей, позитивной и нормативной наук. Во-вторых, благодаря теории справедливости Дж. Роулза они укрепили методологические основания политологии. Иначе говоря, политологи решительнее, чем экономисты, выходят на этические проблематизации. Если достижения политологов будут восприняты экономистами адекватно, то у них появится импульс к перестройке методологических оснований экономической теории.

В русле развиваемой логики возникает вопрос о возможности переквалификации принципа справедливости Роулза из политического в экономический контекст. Отметим еще раз, что именно Роулз сумел решающим образом обновить методологический фундамент политической науки. Отнюдь не случайно один из основателей теории общественного выбора Дж. Бьюкенен солидаризируется с ним: «Мой собственный подход близок к известной философской модели Джона Роулза, который, применив нравственные критерии к анализу проблемы неопределенности в политике, создал новые принципы социальной справедливости, исходящие из концепции достижения всеобщего согласия на основе договоров, что должно предшествовать стадии выбора политической конституции» [30, с. 27]. С Роулзом много спорили, в частности Р. Нозик

и Ю. Хабермас. Нозик пытался реабилитировать в полном объеме принцип индивидуальной свободы [242]. Хабермас имел основания обвинить Роулза в недостаточном разъяснении процедур публичного употребления разума на пути достижения согласия [189, с. 61–63]. Критики Роулза, находя слабые места в его аргументации, были не в состоянии увязать в единую конструкцию методологию политологии с развитым математическим аппаратом. Именно поэтому их идеи не встретили столь же внушительной поддержки, как воззрения Роулза. Интересно заметить, что Роулз, пытаясь отвести обвинения в свой адрес, сделал попытку уточнить механизмы достижения политического согласия [246], но в итоге вслед за своими критиками не избежал позиции методологического изоляционизма, т.е. не учел в полной мере необходимость гармонии методологии и путей ее реализации на практике. На наш взгляд, успех работы Роулза 1971 г. объясняется не столько его прозрениями, сколько тем, что ему, как находящемуся в эпицентре политического мейнстрима, удалось выразить, отчасти бессознательно, его тенденции развития, тогда существовавшие в неотчетливом виде. В свете успехов, достигнутых в политологии благодаря использованию теории игр, нормативные предписания Роулза уже не представляются лишенными противоречий. Они воспринимаются как недостаточно гибкие, перегруженные априорными моментами.

Суть дела нам видится в том, что пора от принципа справедливости перейти к принципу ответственности [66, с. 118; 68]. Согласно принципу равенства все члены общества руководствуются в своих поступках ценностями. В соответствии с принципом свободы культивируемые людьми ценности являются их собственными предпочтениями. Согласно принципу справедливости люди должны согласовывать свои свободы. Удалось ли, переходя от одного принципа к другому, достигнуть смысловой вершины политических принципов? Вряд ли. Мало сказать, что свободы граждан должны быть сочетаемыми. Сочетаемость ценностей, в случае если они не обеспечивают прогресс общества, неминуемо приводит к его кризису. Самоуспокоенность — прямой путь к катастрофе. Вот почему мы предполагаем, что не принцип справедливости, а принцип ответственности является смысловой вершиной политологии. Согласно принципу ответственности люди должны сознательно брать на себя обязательства (ответственность) за свое благоприятное будущее. Не застой, а совершенствование является желаемым путем развития общества. Таким образом, трехзвенная цепочка

принципов должна быть дополнена четвертым элементом — принципом ответственности:

Принцип равенства → Принцип свободы → Принцип справедливости → Принцип ответственности.

Принцип ответственности в сферах соответственно экономической и политической науки специфицируется по-разному, в полном соответствии с их содержательным и формальным строем. В плане обогащения экономической теории принципом справедливости и ответственности ее представителям, на наш взгляд, есть чему поучиться у политологов.

В заключение коснемся еще одного аспекта взаимосвязи экономической и политической науки. Он упоминается последним, но по значимости является, пожалуй, основополагающим. В абсолютном большинстве случаев связь экономики и политологии реализуется за счет операции ценностного вменения. Экономисты, нуждающиеся в политологи, вменяют свои ценности политическим реалиям. Сходным образом поступают и политологи, вменяющие ценности политологии экономическим реалиям. Выходя за пределы своих наук, как экономисты, так и политологи рассматривают внешнюю среду в качестве символического, знакового бытия своих собственных ценностей. Именно ценностное вменение увязывает экономику и политологию в единое целое.

«Если бы студентов, изучающих политическую и экономическую науки, — пишет в заключение своей обширной статьи И. Маклин, — снова обучали бы как политэкономов, от этого выиграли бы обе дисциплины. Возможно, они бы смогли внести вклад в общий объем полезных знаний» [107, с. 951]. Наша позиция принципиально другая: не следует возвращаться к былому синкретизму двух наук. И ученым, и студентам надо изучать с максимально возможной тщательностью обе науки — как экономику, так и политологию, а также междисциплинарные связи между ними. Последние реализуются двумя путями: во-первых, за счет операций ценностного вменения; во-вторых, в силу философского осмысления наук и придания их методологическим принципам общенаучного характера.

5.7. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАВОВЕДЕНИЕ

Методология «экономического империализма» была распространена не только на политическую, но и на правовую науку. Недовольные состоянием юриспруденции, от имени которой им

предлагались рецепты, не обеспечивавшие прогресс экономической теории, экономисты решили изучать правовые предметы хорошо известными ими методами и приемами. На этом пути, естественно, также не обошлось без целого ряда концепций.

Прежде всего отметим, что предметом дальнейшего анализа является соотношение экономической теории и юриспруденции, или правоведения. Многие авторы без каких-либо разъяснений ставят в параллель экономической теории не правоведение, а право. При этом явно недооценивается значимость принципа теоретической относительности. Право без правоведения — это кантовская «вещь в себе», трансцендентная по отношению к познающему субъекту.

Что касается статуса правоведения, то его нельзя назвать четко определенным. И экономика, и политология, и правоведение приобрели самостоятельность от философии, прежде всего от этики, в разные исторические периоды. В этом негласном соревновании правоведы редко оказывались впереди экономистов и политологов. В условиях скудных знаний о прагматическом методе им было крайне трудно определиться со статусом правоведения. Пожалуй, самой значительной вехой в становлении юриспруденции стал 1961 г. Х. Харт сделал попытку перевести юриспруденцию на престижные в науке аналитические рельсы [228].

У правоведов есть своя «гильотина Юма». Начиная с Античности, они находятся между лезвиями так называемого *естественного* и *позитивного* права. Статус естественного права видели в универсальности его законов, имеющих то ли природное, то ли божественное, одним словом — естественное происхождение. В лучших современных работах под естественным правом фактически понимается философия юриспруденции. Кажется, что, подобно экономистам, правоведы выделили два понимания излюбленной ими науки — нормативное и позитивное. Но следует учитывать, что правоведы истолковывают позитивный характер правоведения в другом ключе, чем экономисты. Под позитивным правом они имеют в виду действительное, имеющееся в наличии право, руководствующееся принципами равенства, свободы и справедливости. В экономической науке под позитивным понимается ненормативное. В абсолютном большинстве направлений юриспруденции позитивное истолковывается как наличное, в том числе и нормативное. Даже представители так называемого юридического позитивизма, например уже упоминавшийся Харт, не отрицают нормативное. «Теории естественного права и юридического позитивиз-

ма, — отмечает И.Ю. Козлихин, — нередко противопоставляют как антиподы. Таковое, конечно, возможно, но при этом нужно иметь в виду следующее. Противопоставление юридического позитивизма и естественного права есть противопоставление науки в позитивистском смысле этого слова, имеющей своим предметом верифицируемые факты социальной реальности, и философии, рассуждающей о должном. Если рассматривать соотношение названных подходов к изучению права, то конфликт между ними представляется несколько надуманным, тем более, что любая теория естественного права (в европейском варианте) предполагает наличие системы позитивного права» [75, с. 9]. Козлихин во многом прав, нет никакой необходимости в противопоставлении философии правоведения юриспруденции. Но дело состоит не в том, что неверно истолковывается соотношение между естественным и позитивным правом. Решающим образом устарели сами концепции естественного и позитивного права, которые не поддаются ремонту.

Есть наука о праве, ею является правоведение (юриспруденция), проблемные аспекты которой осмысливаются в философии правоведения (а не в философии права, как часто пишут) [7, 131]. Метод правоведения является прагматическим (в семиотическом смысле). Представить его в сколько-нибудь адекватном виде с позиций принятого в неопозитивизме идеала описания в принципе невозможно. Подмена философии правоведения естественным правом, а самого правоведения позитивным правом, которое интерпретируется с самых различных позиций — не только неопозитивистских, но и марксистских, герменевтических, неотомистских, приводит к необычайной путанице.

Еще одна актуальная коллизия правоведения состоит в известном противостоянии нормативизма и децисионизма. Согласно нормативизму легитимность судебного решения предполагает его доктринальность и чрезвычайно корректную формулировку. Децисионизм делает акцент на обеспечение легитимности юридических решений непосредственно в судах или в других органах. Нормативизм характерен для континентально-европейского, а децисионизм — для американского правоведения с его приверженностью к состязательности [138, с. 15–18]. Нетрудно заметить, что децисионизм прекрасно сочетается с прагматической философией с ее акцентом на целеполагании.

Приведенная выше характеристика состояния правоведения позволяет понять его соотношение с экономической теорией. Сле-

дует отметить, что в этом отношении главную роль сыграли экономисты (Р. Коуз, Р. Познер, Дж. Браун и др.) [28, 149]. Обеспеченные состоянием дел в области экономики, они подвергли тщательному анализу права собственности, гражданскую ответственность, институты производства [79, 132, 177]. Выяснилось, что экономические агенты должны быть заинтересованы в наличии экономических правовых норм, ибо они вносят в их взаимодействия определенную степень определенности и создают благоприятные предпосылки для оптимального использования редких ресурсов. Правовые нормы не являются по отношению к рынку несущественным довеском. Наоборот, в своем функционировании он нуждается в них.

Вопреки широко распространенному мнению, экономисты приложили свои усилия не к правоведению как таковому, а к экономическому праву в составе экономической теории. Разумеется, их не могли устраивать рекомендации правоведов, не идущих дальше общих, т.е. недостаточно детализированных, рецептов о необходимости соблюдения принципов свободы и справедливости. В своем классическом труде «Экономический анализ права» (1972) Р. Познер показал, что правовые институты в области экономического хозяйства призваны обеспечить его эффективность [244]. Этот вывод критиковался частью экономистов и правоведов. Первые были недовольны привнесением в экономическую теорию нормативизма якобы в ущерб позитивному анализу, вторые — вроде бы свершенной подменой принципа справедливости принципом эффективности. Но определенная доза нормативизма действительно должна быть присуща экономической теории, это во-первых. Во-вторых, принцип справедливости должен соблюдаться в области экономики и во избежание схоластики быть специфирован, и тогда не обойтись без принципа эффективности. Следует отметить, что экономисты достигли невиданных ранее успехов в постижении экономического права во многом благодаря использованию аппарата теории игр, который они освоили значительно раньше, чем их коллеги из числа профессиональных правоведов.

Итак, экономисты преуспели прежде всего в области экономического права, а не права вообще. Перенести методы экономической теории непосредственно в область, например, политического права в принципе невозможно. Но, разумеется, прогресс экономического права не мог не сказаться на развитии юридической науки в целом. Пример экономистов по использованию теории

игр оказался весьма полезен едва ли не для всех направлений правоведения.

До сих пор рассматривалось благотворное влияние экономической науки на правоведение. Способно ли последнее принести, в свою очередь, пользу экономической теории? И если да, то каким образом? Правоведение — это наука, которая объединяет достоинства многих дисциплин, в том числе и экономического права. Оно способно «превзойти» экономическое право либо за счет достижений неэкономических правовых дисциплин, например политического права, либо за счет относительной самостоятельности общего правоведения в целом. Эта самостоятельность может привести к выработке нового знания, не содержащегося в экономическом праве.

К сожалению, вопрос о влиянии правоведения на экономическую науку пока еще не получил сколько-нибудь тщательной разработки. На наш взгляд, определенные надежды могут возлагаться на принцип ответственности. В юриспруденции широко распространено воззрение, согласно которому принцип ответственности связан с осмыслением исключительно противозаконных действий. При таком истолковании принципа ответственности он определяет границы допустимого при данных законах, возможная ущербность которых вообще не обсуждается. Нам же представляется, что принцип ответственности в составе любой науки призван обеспечить рост научного знания. Он должен поставить заслон консерватизму, закостенелости, рутинерству. Это означает, в частности, что упоминавшаяся выше коллизия между нормативизмом и децисионизмом должна быть преодолена. Актуальная задача состоит в объединении их достоинств. Установление и обеспечение функционирования правовых полномочий экономических акторов предполагают глубокое понимание экономической теории. Принцип правовой ответственности применительно к экономике нацеливает на обеспечение экономической эффективности.

5.8. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Вряд ли кто-нибудь сомневается, что существует тесная связь между экономической наукой и историей. Но многим специалистам она представляется довольно странной. Дело порой доходит до отрицания плодотворности междисциплинарных связей между двумя теориями. Н. Крафтс сетует на то, что в Великобритании

экономическим историкам в виду отнесения их науки — клиометрии — к историческим наукам приходится добиваться признания у историков, увы, не обладающих экономической подготовкой [81, с. 994]. Экономисты же «приучены пренебрегать экономической историей, вероятно, много лет назад прослушав бессвязный курс по этой дисциплине, который, по их мнению, им преподавали просто по традиции, а не для того, чтобы научить их чему-то необходимому для решения проблем в их собственной сфере интересов» [Там же, с. 1010].

Будучи одним из ведущих экономических историков, Крафтс приводит многочисленные примеры уточнения экономической теории, в том числе и развенчания некоторых теоретических построений. Два из этих примеров относятся непосредственно к нашей стране. П. Грегори показал, что экономический исторический опыт России 1885–1913 гг. не соответствует популярной теории роста У. Ростоу [224]. С. Соломон не нашел подтверждения теории длинных волн Н.Д. Кондратьева [250].

Отталкиваясь от главной мысли Крафтса — историко-экономические исследования уточняют содержание экономических истин в широкой перспективе, уходящей далеко в прошлое, — возможно, как нам представляется, философски конкретизировать характер связи экономической истории и истории как науки. В этой связи имеет смысл обратиться к специфике истории.

Эта специфика состоит прежде всего в изучении исторических (хронологических) рядов теорий, в соответствии с которыми люди реализуют в своих поступках некоторые ценности, в том числе экономические. Известная традиция состоит в том, что истории приписывается интерес исключительно к прошлому. На наш взгляд, эту традиционную концепцию правомерно характеризовать как претеритизм (от лат. *praeteritum* — прошлое время). Но наряду с претеритизмом существуют концепции презентизма, футуризма и этернализма (от лат. *aeternus* — вечный). Согласно презентизму актуально только настоящее. Экономисты, проповедующие идеал позитивного описания, причем непременно по отношению к тому, что *есть*, а не того, что *будет*, явно близки к презентизму. Футуризм — теория, согласно которой в интересах будущего нужно и следует отказаться от прошлого и настоящего. Экономистам, выступающим от имени жестких нормативных установок, как правило, не удается избежать крайностей футуризма. Согласно этернализму существуют вечные законы, а следовательно, и ценности. Несмотря на рост привлека-

тельности идеи научного прогресса знания, этерналисты все еще встречаются среди представителей всех наук, в том числе экономических.

Слабость концептуальных позиций претеритизма, презентизма и футуризма очевидна. Столь же несомненно, что преодоление этой слабости достигается при построении исторического ряда теорий, в котором настоящее принимает эстафету от прошлого, а будущее — от настоящего. Наука реализуется в эстафете теорий. Если с этой точки зрения оценить значение истории экономических теорий, то выясняется, что ей нет разумной альтернативы. Именно она задает тон в построении исторического ряда теорий, а затем и в выделении их научного строя.

Разумеется, неверно связывать судьбу экономической истории, точнее истории экономических учений, исключительно с изучением прошлого. Кто считает по-другому, тот неминуемо воспроизводит слабости претеритизма. Любая экономическая теория вносит свой вклад в развитие исторического ряда и научного строя теорий. В указанном отношении история экономических учений, разумеется, не является исключением; более того, она принимает участие в придании экономической теории глобально-эволюционного вида в максимально отчетливой форме. К сожалению, многие из существующих историко-экономических курсов не дают сколько-нибудь точного представления о той кропотливой работе, особенно в связи с трудностями эмпирической проверки гипотез, которую ведут экономические историки.

Что же касается рецидивов по включению истории экономических теорий в так называемую историческую науку, то они свидетельствуют об определенной путанице. То, что принято характеризовать лаконичным термином «история», является по своей сути *общей историей*. Экономические явления, причем во всем их многообразии, изучаются комплексом экономических наук. Как таковые существуют экономические, но не исторические явления. На долю истории остается обобщение достижений и неудач общественных наук, что непременно сопровождается укреплением ее относительной самостоятельности. Статус исторической науки не остается неизменным. По мере развития общественных наук, в том числе экономики, политологии и социологии, и конституирования в их составе дисциплин, изучающих генезис соответствующих теорий и явлений, меняется статус исторической науки, он становится более методологическим. Как нам представ-

ляется, продуктивная междисциплинарная связь между экономическими и историческими науками может быть налажена именно по методологическим каналам.

5.9. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономическая теория все основательнее интегрируется в современную науку. Что же касается содержания тех междисциплинарных связей, в которые она вовлечена, то они нуждаются в основательном осмыслении. В этой связи нам представляются актуальными следующие выводы.

- В качестве общественной науки экономика имеет фундаментальное значение. Это означает, что она занимается изучением экономических явлений непосредственно, без каких-либо посредников, причем в полном объеме. В развитие этого положения отметим, что история экономики (или экономических теорий) является экономической наукой (история как наука находится вне ее пределов). Ментальный уровень экономической теории относится опять же к экономической, а не к психологической науке.
- В соотношении с другими фундаментальными общественными науками экономика реализует междисциплинарные связи за счет операции ценностного вменения. Выше она рассматривалась в случае анализа соотношения экономики и политологии. Подобно экономике, политология также имеет фундаментальный характер, ее контакт с политическими процессами является непосредственным и не опосредуется какой-либо третьей наукой. От имени экономической теории экономические ценности вменяются политическим. Разумеется, возможна и обратная операция, но уже от имени политологии, а именно вменение политических ценностей экономическим.
- Целый ряд наук, с которыми экономика связана междисциплинарными связями, имеют не фундаментальный, а формальный характер. Таковы семиотика, лингвистика, логика, математика. Экономика реализует междисциплинарные связи с этими науками за счет операции соответствующего моделирования.
- Психология, правоведение и история в их современном виде имеют не фундаментальный, а метанаучный характер. Эконо-

мика обогащается за счет привлечения методологических ориентиров этих наук.

Итак, междисциплинарные связи экономики с другими науками реализуются за счет трех операций: ценностного вменения, моделирования и методологического нормативования.

ГЛАВА 6

ОСНОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

6.1. НОВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РАЦИОНАЛИЗМ

Правильный путь построения методологии экономической науки состоит в философском анализе одной за другой экономических теорий. Добытые таким образом сведения можно обобщить и в результате получить относительно самостоятельный комплекс знаний, который как раз и принято называть философией (или методологией) экономической науки. Представленный выше проект развития методологии экономической теории предполагает создание энциклопедии философско-экономических наук. Мы не готовы к решению столь масштабного проекта. Пока он не реализован с желаемой степенью основательности даже широким сообществом экономистов-методологов в целом. Тем не менее определенный объем знаний, позволяющий обсуждать ключевые проблемы методологии экономической науки, существует. Мы намерены воспользоваться этим обстоятельством в данной главе, где речь пойдет об избранных вопросах из числа тех, которые не были достаточно подробно рассмотрены в предыдущих главах.

Считается, что постулат рациональности является основополагающим для мейнстрима современной экономической науки. Анализ обширной литературы, посвященный проблеме рациональности в экономической литературе, показывает, что существует, как нам представляется, один непреодолимый методологический порог. Он состоит в том, что многие авторы смело ослабляют постулат рациональности вплоть до принципа иррационализма. И тогда, когда кажется, что от рационализма удалось благополучно избавиться, он вдруг появляется в образе математизации и компьютеризации экономической науки. Симбиоз иррационализма с математикой, издавна считающейся оплотом рационализма, представляется довольно странным. На наш взгляд, он является результатом весьма спорного философского понимания процесса принятия человеком экономических решений и осуществляемых в связи с этим поступков.

Изрядную долю путаницы в понимании рациональности применительно к общественным наукам внес М. Вебер, все еще признаваемый многими за абсолютный авторитет в аксиологии. Он выделял четыре типа поведения [34, с. 628–629]:

- целерациональное, если цель поставлена в соответствии с внешними обстоятельствами;
- ценностно-рациональное, основанное на вере в безусловную эстетическую, религиозную или любую другую составляющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет [34, с. 628];
- аффективное, т.е. обусловленное аффектами или эмоциональным состоянием индивида;
- традиционное, т.е. основанное на длительной привычке.

Слабость позиции М. Вебера определяется тем, что его список типов поведения приводится безотносительно к концептуальному строю общественных наук. Ему кажется, что он оперирует очевидными данными. Налицо явное заблуждение: от принципа теоретической относительности знания не дано избавиться даже мыслителю масштаба М. Вебера.

Попытаемся внести ясность в рассматриваемую ситуацию. Два обстоятельства являются, пожалуй, решающими. Цели не падают с потолка, они вырабатываются на основе ценностей. Почему люди ставят перед собой одинаковые или различные цели? Потому что они реализуют одинаковые или различные ценности. Цель выступает реализацией ценности. В поступках людей этот закон не знает исключений. И так, во-первых, недопустимо игнорировать ценностно-целевую природу концептов любой общественной, в том числе экономической, науки. Во-вторых, нельзя упускать из виду, что ценностный концепт, или просто ценность, выступает как слитность («произведение») мысли и чувств, в том числе эмоций и аффектов. *Ценность* $\equiv$ *Мысль* $\times$ *Чувства*. В мире людей еще никому не удалось обнаружить мысль без чувств или чувства, полностью избавленные от мысли.

Возвратимся к аргументации М. Вебера. Он отделяет цели от ценностей, причем последние прописываются им по ведомствам, малоавторитетным в науке (эстетика, религия). Чувства Вебер отделяет от мыслей, поэтому появляется чисто аффективное поведение. Эпитет «рациональное» Вебер соотносит с мыслями, но не с аффектами и привычками. Поэтому в его типологии социальных действий два вида поведения оказываются нерациональными.

В действительности же все четыре типа поведения, перечисляемые Вебером, являются, строго говоря, ценностно-целевыми. Ценности, а значит, и цели могут быть усвоены субъектом в силу его погруженности в традицию, но от этого они не перестают быть тем, чем являются. Ценность может приобрести аффективный

характер, но и при этом она остается ценностью, хотя и своеобразной.

Особого внимания заслуживает термин «рациональный». Латинское «*ratio*» означает расчет, некоторую последовательность акций, ведущих к достижению цели. Там, где есть ценность, присутствуют и цель, и расчет (возможно совсем элементарный или даже весьма вырожденный, как, например, в случае аффектов), а значит, и рациональность. Любая наука концептуальна, а следовательно, и рациональна в указанном выше смысле. Рациональность выступает продолжением концептуальности, в том числе науки. Отметим специально, что рациональность соотносится с концептуальностью, а не с иррациональностью. Иррациональность — это продукт философии, находящийся не в ладах с научным пониманием действительности. Иррационализм — это не критика слабостей науки, а ее отрицание. Многие исследователи рассуждают об иррационализме весьма непринужденно. Им, как правило, кажется, что они вносят в «сухую», рационализированную науку свежесть чувств и эмоций. Но кто сказал, что теория и концепты безжизненны? Эстетствующие философы Гёте и Ницше?

До сих пор мы старались характеризовать феномен рациональности крайне осторожно, посредством философских категорий. Такая осторожность была вполне оправданной, ибо исследователи должны понимать, что один и тот же лексический термин, который используется в двух или нескольких теориях, имеет различный смысл. Нельзя допустить подмены терминов. Рациональность с точки зрения философии и экономической теории — это не обязательно одно и то же.

В экономической теории концепция рациональности была существенно актуализирована за счет идеи максимизации функции полезности, использования различных способов математического программирования и теории игр. При этом, как правило, считается, что философской основой концепции рациональности являются принципы методологического индивидуализма и «экономического империализма». Согласно первому из этих принципов индивид руководствуется устойчивой системой своих личных предпочтений и стремится обеспечить себе максимальную полезность. «Экономический империализм» состоит в распространении принципа методологического индивидуализма на неэкономические, в частности политические, науки.

Максималистские настроения представителей мейнстрима всегда вызывали возражения их оппонентов, особенно из числа ин-

ституционалистов. Настоящий бунт против «максималистов» поднял Г. Саймон, автор концепции так называемой ограниченной рациональности (*bounded rationality*) [160, 161]. Он выдвинул, причем от имени психологии, лозунг «Удовлетворенность против максимизации». Смысл его аргументации состоит в том, что требование максимизации полезности оказывается излишне «жестким», не соответствующим реальности. Намного более реалистичным является положение, согласно которому субъекты экономики будут стремиться достигнуть удовлетворения своих стремлений.

Многочисленными исследователями было выдвинуто огромное число аргументов в пользу концепции ограниченной рациональности: экономический субъект обладает не всей информацией, а тот, кто обладает ею, не в состоянии обработать ее исчерпывающим образом; он неминуемо ошибается, руководствуется привычками и неосознаваемыми мотивами, испытывает антипатию к целеполаганию и выбору наилучшего состояния; его индивидуальные предпочтения неустойчивы и к тому же не согласуются с общественными нормами, а их также необходимо учитывать, и т.д. и т.п. Поток критических аргументов в адрес концепции рациональности не ослабевает, но и это, как нам представляется, крайне важно; еще лет двадцать тому назад наметилась тенденция плодотворного сотрудничества противоборствующих сторон. Все большее число экономистов пересматривает свое некогда критическое отношение к постулату рациональности экономической теории. Уважение к образу экономиста-рационалиста возрастает, что свидетельствует, пожалуй, о росте зрелости экономической теории. Попытаемся обосновать этот аргумент.

Рационалистов обвиняли в максимализме, формализме и даже мании величия (в связи с методологией «экономического империализма»). Пожалуй, все три обвинения малоуместны. Это выясняется при четком выделении основополагающих для экономического рационализма черт. Недопустимо связывать характеристику рационализма с устаревшими представлениями. На наш взгляд, современный экономический рационализм основывается на следующих положениях:

- а) люди, руководствуясь ценностями, ставят перед собой определенные цели;
- б) достижение цели неминуемо имеет избирательный характер, или, иначе говоря, связано с реализацией некоторых предпочтений;

в) многообразии экономических ценностей и целей неизбежно требует их сочетания;

г) реализация экономических целей предполагает учет внешних факторов как природного, так и общественного содержания.

Из четырех приведенных положений основополагающее значение имеет утверждение а). Всякая попытка отказа от него ведет к выходу за пределы экономической теории, а это, надо полагать, неприемлемо для любого экономиста. Мнение, что есть люди, которые испытывают антипатию к постановке цели, бьет мимо цели. От всех целей может отказаться разве что камень, но никак не человек. Несостоятелен также аргумент о том, что необразованные люди не сведущи в экономической теории. Верно, что они руководствуются эрзац-теориями и, соответственно, эрзац-ценностями. Но это все-таки теории и ценности.

Положения б) и в), а также г) имеют не только сугубо методологическую, но и математическую направленность. Путь к цели надо просчитать. Каким образом? На этот вопрос призвана найти ответ математика. Именно от ее имени появляются оптимизационные критерии, характерные буквально для любой математической дисциплины, в том числе тех из них, которые с успехом используются в экономике, а именно для математического анализа, теории матриц, математического программирования, теории игр. Как только экономист обращается к математическому моделированию — а без этого ему не обойтись — так тотчас же выходит на свет фактор если не максимизации, то, по крайней мере, оптимизации. Именно таким образом устроена математика, с этим ничего не поделаешь. Создайте модель экономического субъекта, добывающегося удовлетворительного, по Саймону, решения своих проблем, и вам придется обратиться к критериям оптимизации.

Противопоставив максимизации удовлетворенность, Саймон проявил, на наш взгляд, известную непоследовательность. Ссылаясь на психологию, он ограничился приведением фактического положения — люди удовлетворяют свои стремления, но не дал ему концептуального обоснования. Люди испытывают удовлетворение тогда, когда они достигают поставленных ими целей, а последние, как неоднократно отмечалось, образуют органическое единство с ценностями. Нет никаких оснований для противопоставления удовлетворенности максимизации. Что касается последней, то ее, видимо, целесообразно рассматривать как один из актуальных критериев оптимальности. Придавать этому критерию абсолютное значение не следует. Но его критикам следует учитывать, что, под-

вергая критерий максимизации чрезмерной критике, они рискуют вообще остаться за бортом экономической науки, причем в сомнительных объятиях иррационализма.

Обвинение экономического рационализма в формализме также не затрагивает существа экономической науки. Рационализм сообщает ей отнюдь не формальный, а по-настоящему содержательный характер.

Методологический индивидуализм критикуется за то, что он не учитывает и не объясняет происхождение общественных норм. При оценке этого аргумента следует учитывать, что, во-первых, согласно методологическому индивидуализму субъект руководствуется своими ценностями (предпочтениями). Вполне допускается, что они могут совпадать с общественными нормами, усвоенными индивидом в процессе его социализации. А вот для объяснения происхождения общественных норм потенциала принципа методологического индивидуализма явно недостаточно. Но можно ли рациональным путем объяснить происхождение новых норм? Или же этот процесс является сугубо иррационалистическим?

Два последних вопроса вынуждают нас обратиться к проблеме научного творчества. Исследователь, руководствуясь принципом научного роста экономической теории, ставит перед собой цель создать новую теорию (T_n), которая была бы эффективнее устаревшей (T_y). Ему надо совершить переход $T_y \rightarrow T_n$. Руководствуясь своими познаниями, он реализует игровую стратегию, неудачные ходы отбрасываются, а удачные преумножаются. Как нам представляется, налицо определенная, игровая форма рационализма. Для рационалиста переход $T_y \rightarrow T_n$ — чрезвычайно насыщенный и многозвенный процесс. Для иррационалиста тот же переход предстает как всего лишь одноразовое просветление (инсайт). Таким образом, рационализм не пасует перед проблемой научного творчества, в том числе и при выработке экономических норм.

Следует отметить, что нормы занимают в современном экономическом рационализме весьма почетное место. Было время, когда рационализм связывали исключительно с позитивной экономической теорией. В этой ситуации иррационалисты выступали, как правило, от имени нормативной теории. За последние два десятка лет ситуация изменилась кардинально. «Прежнее противопоставление, — отмечает А.Н. Олейник, — следования нормам и модели рационального выбора, с развитием экономики соглашений и теории общественного выбора устарело. Нормы следует рассматривать скорее как предпосылки рационального выбора и его результат.

Иными словами, рациональный выбор может быть осуществлен лишь в рамках определенной нормативной среды, а при ее отсутствии простейшие рыночные трансакции становятся невозможными» [135, с. 52]. Этот же автор приходит еще к двум примечательным выводам. «Существование множества процедур принятия решения возвращает нас к идее множества «рациональностей»... Причем полная рациональность является лишь предельным случаем в ряду всех возможных процедур и способов взаимной интерпретации» [Там же, с. 62].

Наши представления о рациональности изменяются. Вплоть до середины XX в. в экономической науке рациональность понималась как дедуктивный вывод, однозначное следование из одних аргументов других, сопровождаемое соответствующими количественными расчетами. Теперь же рационализм приобрел плюралистический вид. Он сроднился наряду с дедуктивными также с индуктивными, правдоподобными, вероятностными, немонотонными и многими другими обоснованиями. Узкое понимание рациональности оказалось недостаточным для задач экономической прагматики. На фоне набирающего разгон вероятностного и плюралистического рационализма померк идеал жесткодедуктивного рационализма. А между тем он многими все еще рассматривается как единственный желанный причал научного познания. Отголоски тоски по классическому рационализму слышатся в таких терминах, как «ограниченная рациональность», «неполная рациональность», «истинная рациональность». От «ограниченной рациональности» переходят к «органической иррациональности» [74]. Создается впечатление, что в современной экономической теории укрепляет свои позиции не рационализм, а иррационализм.

На наш взгляд, «ограниченный рационализм» и «плюралистический (вероятностный, игровой) рационализм» — это далеко не одно и то же. Ограниченный рационализм — удел человека заблуждающегося, совершающего ошибки в силу своего незнания. В качестве рационалиста ограниченным является и тот человек, который неверно использует таблицу умножения простых чисел, и тот, кто при принятии решения, оценивая вероятности событий, искажает теорему Байеса. Человек, по Попперу, существо ошибающееся, а поэтому он не может стать раз и навсегда идеальным рационалистом. Но там, где человек не ошибается, он перестает быть ограниченным рационалистом. Многообразие рациональностей не обязательно содержит ограниченный рационализм. В некоторых

случаях, но далеко не всегда, спектр рациональностей может быть определенным образом упорядочен. И тогда выясняется, что потенциал вероятностного плюралистического рационализма (ВПР) выше потенциала однозначного дедуктивного рационализма (ОДР). Из вероятностного (читай: многозначного) рационализма можно получить однозначный, а вот обратная операция в принципе невозможна. Актуален переход ВПР → ОДР, но не ОДР → ВПР. Целесообразно ли характеризовать ОДР как полный рационализм? Конечно же нет, и ясно почему. ОДР не превосходит в концептуальной силе ВПР, а уступает ему. ОДР — это неразвитый рационализм, только и всего. Термин «полный рационализм» столь же неудачен, как и «неполный рационализм».

Дискуссии экономистов об «ограниченной», «неполной» и «полной» рациональности очень напоминают ситуацию в полемике А. Эйнштейна и Н. Бора. Первый из них настаивал на том, что вероятностное описание является неполным. Прошли десятилетия, прежде чем идея о вероятностном описании как исчерпывающем суть физических явлений стала доминирующей в сообществе физиков. Современная экономическая наука переходит на путь плюралистического (вероятностного) ценностно-целевого детерминизма. Экономический рационализм становится другим, но он ни в коей мере не уступает дорогу иррационализму.

Оценивая состояние современного экономического рационализма, следует отметить значительный вклад в его развитие представителей мейнстрима. Лишь в своем классическом варианте неоклассическая школа жестко связала свою судьбу с однозначно-дедуктивным рационализмом. Впоследствии именно в ее поле произошло становление, особенно благодаря теории игр, вероятностно-плюралистического рационализма. Что касается экономического институционализма, то и он никогда не был бы вотчиной иррационализма. Но в рационалистичном плане он всегда уступал неоклассике. Его обогащение рационализмом во многом происходило за счет мейнстрима, прежде всего неоклассики. Но приверженность неоклассиков к позитивной теории сыграло с ними злую шутку. Они упустили из виду рационалистическое содержание во многом отвергнутой ими так называемый нормативной теории. И теперь в области последней представители институционализма имеют в качестве рационалистов преимущество перед неоклассиками.

Рационалисты укрепляют свои позиции не только буквально во всех областях экономической теории, но и за ее пределами, напри-

мер в политологии, социологии, правоведении. Именно в этой связи рационалистов стали обвинять в мании величия. Экономический «империалист» с его ориентацией на концепцию рационального выбора как программу редуцирования всех общественных наук к экономике конечно же несостоятелен. Но в отличие от «экономического империализма» рационализм никак не связан с редуционизмом. В конечном счете он выступает как конкретизация содержания научного метода. Поверхностное понимание последнего приводит к риторике, часто направленной против рационализма как методологического принципа. Но развить научный метод от имени иррационализма пока еще никому не удалось.

Итак, постепенно происходит становление нового типа экономического рационализма — вероятностно-плюралистического. Это становление сопровождается неадекватными характеристиками рационализма. Две главные негативные тенденции суть следующие. С одной стороны, постоянно дает о себе знать тоска по старому, однозначно-дедуктивному рационализму. С другой стороны, множатся попытки дополнить новый рационализм иррационализмом. Истоки второй тенденции, как нам представляется, надо искать в некритическом восприятии историко-философского материала. В курсах истории философии рационализм неизменно представляют как одну половину некоторого целого. Его дополняют то сенсуализмом, то иррационализмом, то интуитивизмом, то праксизмом. Все такого рода дополнения страдают одним и тем же недостатком — они являются результатом поверхностного понимания существа научного метода. Рационализм как методологический принцип не нуждается в реабилитации. Актуальнее его адекватное понимание в интересах науки, в том числе экономической.

6.2. ФУНКЦИЯ ПОЛЕЗНОСТИ

Главная идея предыдущего параграфа состояла в том, что для теоретического человека решающее значение имеют обоснование и счет. В этой связи нет никакой ошибки в том, чтобы теоретического человека считать рациональным. Концепт рационального человека является конкретизацией концепта теоретического человека. Учет взаимосвязи двух рассматриваемых концептов избавляет от бессмысленного противопоставления рационального человека иррациональному. Странники иррационализма не в ладах с теоретическим подходом. Вместо того чтобы теоретически истол-

ковать принимающиеся за иррациональные факторы, например чувства, эмоции и аффекты, они придают им абсолютную, причем якобы нетеоретическую, самостоятельность.

Развертка всякой, в том числе экономической, теории начинается с вопроса о том, что именно принадлежит подсчету. Крайне важно определить, какая функция является основополагающей. С чего начинается теория? — таков актуальнейший вопрос. В связи с развитием квантовой механики хорошо известны многочисленные треволнения физиков, обнаруживших, что физическая теория начинается с волновой функции, что измеряются собственные значения операторов, только и всего. Подобно физикам, экономистам очень непросто определиться с началом экономической теории. Абсолютное большинство современных экономистов полагает, что основание экономической теории представлено в первую очередь функцией полезности. Такой вывод соотносится с историей развития экономических теорий. Но в понимании его существуют многочисленные методологические трудности. Именно они являются предметом дальнейшего анализа.

Для начала отметим, что все попытки обойтись без представления о функции полезности, противопоставляя ей, например, институты труда и денег, закончились неудачами. Имея дело с любыми факторами, в том числе с трудовыми и денежными, экономические субъекты ведут себя избирательным образом, т.е. они одно предпочитают другому. Невозможно объяснить поведение людей без учета их предпочтений. Но как раз это и указывает на актуальность функции полезности.

Представление о функции полезности предполагает выяснение природы ее онтологических корней. В этой связи предлагается концепция психической полезности, истоки которой восходят к ранним английским утилитаристам (И. Бентам и др.). Дж. Винер начал свою классическую статью с утверждения, что «теория полезности является, прежде всего, попыткой объяснить образование цены с точки зрения психологии» [37, с. 78]. Даже такой компетентный в теории принятия решений автор, как О.И. Ларичев, полагал, что «полезность — это воображаемая мера психологической и потребительской ценности различных благ» [91, с. 39]. Ссылка экономистов на психологию плодотворна лишь в том случае, если речь идет о ее междисциплинарном соотношении с экономической наукой. Во всех других случаях она приводит к психологической ошибке. Все экономические феномены должны объясняться посредством экономической теории; попытка обойтись без нее, в част-

ности посредством ссылки на психологию, является признаком плохого теоретического вкуса. Разумеется, ментальный уровень экономической теории заслуживает осмысления, но не иначе как в рамках экономической теории. Теория как целое всегда должна витать перед воображением ученого. И тогда, надо полагать, экономисту будет нетрудно понять, что наши представления о функции полезности являются в конечном счете своеобразным конденсатом истории развития экономической теории. По мере ее развертки все в большей степени выявлялась фундаментальная значимость функции полезности. В этом отношении значительным успехом стала развитая У. Джевонсом, Л. Вальрасом, К. Менгером и другими экономистами концепция предельной полезности. Эта концепция позволила теоретически осмыслить соотношение спроса и предложения, но она не лишена и известных слабостей.

Психологическая концепция полезности не позволяет объяснить поведение экономических субъектов непротиворечиво. Согласно этой концепции потребности людей определяют величину полезности приобретаемых ими товаров. Но сами эти полезности не удастся измерить. Экономист, объясняя поступки людей, нуждается в шкале предпочтений, но найти ей обоснование в интенсивности потребностей людей не удастся. И тогда родилась идея экономической логики выбора, развитой на основе аппарата так называемых кривых безразличия. Решающего успеха в развитии этой идеи удалось достичь Дж. Хиксу. Идея о присвоении кривым безразличия порядковых номеров восходит к работам В. Эджуорта (1881), И. Фишера (1892), и особенно В. Парето (1909) и русского экономиста Е. Слуцкого (1915), но ни одному из них не удалось представить ее как теорию, «идушую, — как выразился Хикс, — хотя бы столь далеко, как теория Маршалла» [196, с. 111]. В действительности же теория Хикса превзошла теорию Маршалла. С полной уверенностью можно сказать, что если бы концепция «порядковой», ординалистской концепции полезности не позволила решающим образом перестроить экономическую теорию, то от нее рано или поздно отказались бы.

Интересно отметить, что методологический смысл «порядковой концепции» полезности постигся, как отмечал сам Хикс, «очень трудно» [197, с. 119]. Он полагал, что ординалистская концепция содержит меньше информации, чем кардиналистская, согласно которой необходимо указывать, насколько именно один набор товаров полезнее другого. «Для объяснения рыночных явлений не обязательно привлекать количественную концепцию полезности.

Тем самым, следуя принципу бритвы Оккама (не обращайтесь к положениям, которые не нужны для объяснения. — *В.К.*), лучше обойтись без нее. В действительности ведь нам совсем не безразлично, содержит теория ненужные элементы или нет» [196, с. 111]. Ссылка Хикса на принцип Оккама уместна, а вот тезис о том, что новая концепция полезности «несет информации меньше», чем старая, должен быть поставлен под сомнение. Действительно, не может же менее информативная концепция превзойти более информативную в обеспечении эффективного развития теории. Считать по-другому — значит мыслить парадоксами.

Многие исследователи рассуждают по старинке (читай: по Декарту): начинать надо с ясных идей и т.д. Более развитая точка зрения гласит: начинайте с тех положений, которые позволяют сконструировать самую развитую на сегодняшний день теорию. Забота о так называемых ясных идеях приводит, как правило, к выдвиганию кажущихся на первый взгляд очевидными идей, но не обладающих действенной теоретической силой. В науке теория превыше всего; это означает, что любое положение должно оцениваться как менее или более способствующее ее развитию. Если бы Хикс рассуждал следующим образом: концепция «порядковой» полезности позволяет развить теорию наиболее исчерпывающим образом, а поэтому будем, во-первых, исходить из нее, а во-вторых, считать ее в методологическом отношении наиболее информативной, то он был бы в философском отношении безупречен.

Хикс полагал, что к экономическому анализу не должно привлекаться ничего, кроме кривых безразличия. Однако к концу 1940-х гг. было выяснено, что для обеспечения поведения людей в условиях неопределенности, связанных с риском будущих поступков, хиксианской концепции порядковой полезности недостаточно. Как показали М. Фридмен и Л. Сэвидж, порядковые характеристики функций полезности могут быть использованы для объяснения выбора среди нерискованных альтернатив, а численные характеристики — для объяснения выбора среди альтернатив, предполагающих риск.

Суть новой теории, концепции выбора максимальной ожидаемой полезности (МОП) состояла в том, что исходам x_i приписывается численная величина, называемая полезностью $u(x_i)$, которая может реализоваться с вероятностью p_i . Субъект выбирает среди альтернатив ту из них, для которой ожидаемая полезность $u_i = p_i u(x_i)$ максимальна. Он же предпочитает из достоверных альтернатив ту из них, которая имеет самую большую полезность.

Концепция МОП позволяет «предсказывать выбор среди неопределенных перспектив, т.е. представляет собой обобщенную ситуацию» [10, с. 366]. Обобщенную в том смысле, что она является ключом к пониманию выбора среди как достоверных, так и недостоверных перспектив. Однако следует понимать, что концепция МОП относится именно к выбору альтернатив. Из нее не следует, что допустимо представление полезностей составных сущностей как суммы полезностей каждой ее части. Согласно МОП можно считать, что полезности исходов A , B и C связаны отношением предпочтения ($>$): $u(A) > u(B) > u(C)$. Но при этом бессмысленно считать, что $u(A)$, $u(B)$, $u(C)$ имеют определенное значение u , следовательно, их можно складывать, полагая сумму $u(A) + u(B) + u(C)$ полезностью набора, состоящего из A , B и C . Рассматриваемая ситуация довольно необычна: содержание функции полезности определяется набором аксиом, на основе которых совершается развертка теории в целом. В конечном счете понимание функции полезности означает интерпретацию ее содержания в контексте всей теории. Такая научно-аксиоматическая позиция приходит в противоречие с попытками добиться в понимании функции полезности очевидности, которая достигается якобы в наглядности, чувственной интуитивности. Сторонники классически понимаемого применительно к экономической теории принципа наглядности истолковывают полезность как чувственное удовлетворение, получаемое в использовании товаров. Им трудно понять, что само это удовлетворение нуждается в теоретическом постижении, оно не является самоочевидным феноменом.

Теория ожидаемой полезности многими воспринимается как воскрешение кардинализма, отодвинутого ранее в тень ординализмом. При ближайшем рассмотрении выясняется, что такое понимание мало что разъясняет. МОП превзошла по своему потенциалу и теорию кардинальной, и теорию ординальной полезности. Что же касается достоинств двух последних, то они усвоены в рамках МОП, но не на прежней, классической основе. В этом месте, пожалуй, уместна физическая аналогия, наводящая на размышления о метаморфозах научно-теоретического роста, отнюдь не чуждых экономическому знанию.

В классической физике различали объекты двух видов — частицы и волны, обладающие принципиально различными типами пространственной локализации. Частица не может быть волной, а волна частицей. Желая понять закономерности, которым подчиняются квантовые объекты, Л. де Бройль приписывал этим объек-

там и волновые, и корпускулярные свойства. Синтез несочетаемых определений привел к дуализму, неприемлемому в научном отношении. Правильная теория несовместима с представлением о присваивании квантовым объектам свойств классически понимаемых частиц и волн. Попытка свести квантовую механику к классической несостоятельна. Возвратимся к экономическому знанию.

Попытка представить МОП как объединение кардиналистской и ординалистской полезности — это тоже дуализм, неудачная попытка наполнить старые теории новым содержанием. МОП имеет дело с элигетарной (от лат. *eligere* — тщательно выбирать из нескольких сущностей) полезностью. Ясно, что три термина: «кардинальная полезность», «ординальная полезность», «элигетарная полезность» (этот термин придуман нами. — *В.К.*) — соотносятся с теориями принципиально разного типа. Имея это в виду, совершенно недопустимо считать элигетарную полезность кардинальной или ординальной. Поступать по-другому — значит не понимать, что научные термины позиционируются не произвольно, а в соответствии с типами теорий.

Методологическое объяснение феномена элигетарной полезности оставляет желать много лучшего. В этой связи обращает на себя внимание знаменитая статья Ар. Алчиана [10] полувековой давности. Именно в ней была изложена ставшая популярной парадигма понимания элигетарной полезности. Оказавшись в методологически напряженной ситуации, знаменитый экономист был вынужден руководствоваться какой-либо методологической концепцией. Его выбор пал на концепцию измеримости. Такой выбор является далеко не очевидным. На наш взгляд, его следует объяснять приверженностью Алчиана к операционализму. Операционалист желает измерить все составляющие теории, в том числе ее методологические основания. Алчиан прекрасно понимал, что новая концепция полезности относится к области философских оснований экономической теории.

Сделав весьма обязывающий в методологическом отношении шаг, Алчиан характеризовал измерения крайне осторожно, а именно таким образом, чтобы подвести под них элигетарную полезность. «Измерение в самом широком смысле слова, — аргументировал он, — понимается как приписывание чисел сущностям» [10, с. 337]. Так как числа приписываются последовательности элигетарных полезностей, то они измеримы. Такая логика представляется на первый взгляд безупречной. В действительности же допущена решающая ошибка. Приписывание чисел сущностям — это

необходимая, но недостаточная для измерения акция. Нумерация К. Гёделя, использованная им при доказательстве знаменитых ограничительных теорем, тоже есть приписывание чисел сущностям, но он ничего не измерял. Математики приписывают числа сущностям, но не измеряют, а считают. Измерение всегда есть актуальный процесс сопоставления сущностей, являющихся объектами семантических и прагматических наук, в частности экономической теории. Измеряется настоящее, а не будущее. Это обстоятельство имеет решающее значение в понимании существа прагматических, в том числе экономических, наук. Элигетарная полезность относится, как отмечал Ар. Алчиан, к «ненадежным перспективам». Перспективы, даже если бы они были надежными, невозможно измерить в принципе, ибо они относятся к будущему, а оно неизмеримо. Но неужели функция полезности с ее числовым характером вообще непричастна к процессу измерения?

Как известно, функция полезности определена с точностью до монотонно возрастающего преобразования (это означает, что графики функций полезностей одного потребителя подобны по форме, но не тождественны друг другу). Условие определения функции полезности с точностью до ее монотонного преобразования показывает, что ее нельзя верифицировать процессом измерения. Дело в том, что в экономике в денежных единицах измеряются многие факторы, в частности цены (v_i). Функция полезности связана с этими факторами, так как имеет место функция $u = u(v_i)$. Измеряя v_i , экономисты косвенным образом проверяют на истинность функцию полезности. Как видим, экономист, реализуя потенциал теории, вынужден действовать нетривиальным образом. Доступ к пониманию процесса он получает не сразу, а лишь после задания функции полезности и осуществления с нею ряда актов, позволяющих перейти в конечном итоге от выбора максимально ожидаемой полезности перспектив к измерению актуальных, т.е. существующих в настоящее время, величин.

Как видим, в методологическом отношении экономисту следует действовать очень осторожно, кавалерийским наскоком экономическую теорию не оседлать. Следует учитывать, что, несмотря на взаимосвязь всех частей экономической теории, они относительно самостоятельны, а потому необходимо различать: основание и выводы теории; предсказание будущего и актуальность настоящего; приписывание чисел функции полезности и осуществляемые в этой связи счет и измерение в денежных единицах ряда факторов. В деле интерпретации содержания экономической тео-

рии первостепенное значение имеет понимание тех переходов, которые связывают в одно целое все ее части, в том числе функцию полезности и процесс измерения тех экономических факторов, которые действительно измеряются. Далеко не тривиальная методологическая ошибка Ар. Алчиана состояла в отсутствии учета перехода от оснований теории к ее выводам, поддающимся непосредственной верификации. Он дал своей статье заголовок «Значение измерения полезности», но измерение полезности невозможно, поэтому имело бы смысл рассуждать, например, о функции полезности и ее связи с измерением экономических факторов.

За последние полвека аппарат функций полезностей стал привычным для абсолютного большинства экономистов. Но трудности с его методологическим пониманием остаются непреодоленными. Все еще продолжают попытки либо вывести некую кардиналистскую меру ординалистской полезности, либо измерить элигетарную полезность как таковую, либо редуцировать ее к чувству удовлетворения, природа которого якобы ни в коей мере не определяется теорией. Во избежание недоразумений отметим со всей определенностью, что статус функции полезности определяется содержанием экономической теории и именно она открывает доступ к пониманию того, что принято называть «удовлетворением потребностей». Попытка связать основание экономической теории с так называемыми психическими потребностями научно несостоятельна.

Проведенный выше анализ позволяет высказать определенные суждения относительно феномена двойственности потребительной и меновой стоимости. На наш взгляд, нет такой двойственности. Ошибочно считать, что цена представляет лишь одну сторону товара, а именно меновую. В таком случае непонятно, почему другая сторона товара — потребительная стоимость остается неизмеренной. Непротиворечивое мышление достигается лишь тогда, когда интенсивность ментального восприятия товара, которое как раз обычно и считают потребительной стоимостью, тем или иным способом увязывается с его ценой. Интерпретатор в качестве экономиста имеет перед собой товар и его количественную меру — цену. Заинтересовавшись своей ментальностью, чувствами и мыслями, он переводит ее в ценовое представление, иного просто-напросто не дано. В цене товара в экономическом смысле рядом представлены и мысль, и чувства о нем. Цена выступает количественной мерой интенсивности чувств, составляющих органическое единство с мыслью. Каждый человек мыслит и чувствует в полном со-

ответствии с той теорией, которой он руководствуется. Он может развивать эту теорию, но он не в состоянии выпрыгнуть из нее. Интерпретатор может считать, что цена данного товара установлена неправильно, а потому интенсивность его чувств не соответствует ей. Но если цена, как он полагает, установлена правильно, то он вынужден именно ее считать количественной мерой своих чувств (читай: потребностей). В его рассмотрении нет других величин, которые он мог бы сопоставить с интенсивностью чувств. Чувства и эмоции — это не что иное, как один из уровней теории, ее ментальная ступень.

В заключение еще раз проведем сопоставление экономической и физической теорий. В физике ее теоретическое основание представляет волновая функция, а измеряется не она, а собственные значения операторов, определенные относительно тех или иных параметров ($\hat{A}\phi = a\phi$; измеряется a , а не ϕ , но a несостоятельна без волновой функции ϕ). Основанием экономической теории является функция полезности, а измеряются цены товаров и производные от них величины ($u = u(v_i)$; измеряется v_i , а не u). В том и другом случае существует определенная связь между основаниями теории и ее заключительными звеньями. В указанном отношении физическая и экономическая теории сходны друг с другом. Их схожесть наводит на определенные методологические размышления.

6.3. НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И РИСК

Проблема неопределенности занимает в современной экономической теории, бесспорно, центральное место. Ее разрешение дает ключ пониманию всех других проблем. Первым, кто осознал это, был Ф. Найт [128, 236]. Его классическая работа (1921) [236] опередила время лет на сорок. Лишь в 1960-х гг. благодаря в первую очередь теории ожидаемой полезности ее актуальность была оценена. Найт задал парадигмальную рамку понимания неопределенности, а также риска. В условиях риска лицу, принимающему решение, известны объективные вероятности возможных экономических событий. В ситуациях неопределенности их невозможно определить. Это обстоятельство не закрывает подступы исследователя к феномену неопределенности. Ему не остается ничего другого, как руководствоваться субъективно предполагаемыми вероятностями. Разумеется, было бы неверно считать, что в этой связи торжествует субъективизм с его приверженностью к неоправдан-

ному релятивизму. Речь должна идти не о субъективизме, а о понимании теории как результата творчества субъекта. Проверка теории кладет конец ее произвольности.

В методологическом отношении осмысление проблемы неопределенности фокусируется четырьмя аксиомами теории ожидаемой полезности. Рассмотрим их, следуя в концептуальном отношении за статьей Дж. Хейя [194].

Исходный выбор C запишем как

$$[A_1, \dots, A_i, \dots, A_N; p_1, \dots, p_i, \dots, p_N],$$

где $A_1, \dots, A_i, \dots, A_N$ получаются соответственно с вероятностями $p_1, \dots, p_i, \dots, p_N$. Предполагается также, что исход A_1 предпочтительнее $A_i, \dots, A_i$ предпочтительнее A_N .

Аксиома непрерывности предполагает, что для каждого i существует полезность u_i , такая, что агент безразличен в выборе между A_i и азартной игрой $[A_1, A_N; u_i, 1 - u_i]$. Для каждого агента $u_1 = 1$, а $u_N = 0$. Промежуточные же значения u_i расположены между 0 и 1. Именно поэтому агент с одинаковой степенью удовлетворения способен принять как A_i , так и азартную игру $[A_1, A_N; u_i, 1 - u_i]$. Разумеется, приведенное пояснение не является доказательством аксиомы непрерывности. Аксиомы, как известно, не доказываются. В методологическом отношении обращает на себя внимание сопряженность аксиомы непрерывности с принципом безразличия. Это, очевидно, указывает на ее нетривиальность.

Аксиома независимости предполагает, что определенная точка безразличия сохраняется вне зависимости от контекста.

Аксиома редукции предполагает сведение любого рискованного выбора C к выбору между A_1 и A_N .

Аксиома монотонности предполагает, что отдается предпочтение тому выбору, для которого больше $\sum_{i=1}^N p_i u_i$. Это условие равносильно следующему: предпочтительна та игра, в которой вероятность получения A_1 является наивысшей.

В упомянутой выше статье Хейя все четыре аксиомы иллюстрируются в методически выверенной манере. Далее он развивает свою аргументацию следующим образом. Во-первых, Хей отмечает простоту и содержательность теории ожидаемой полезности. Во-вторых, он акцентирует внимание на фактах, свидетельствующих против традиционной теории (речь идет о явлении обращения предпочтений и эффекте изоляции, состоящем в выборе из двух идентичных исходов одного как предпочтительного). В-тре-

тых, рассматриваются теории (концепция перспектив Канемана и Тверски и концепция огорчений Лумза и Сагдена), которые призваны объяснить аномальные для классической версии ожидаемой полезности эффекты. Г. Лумз также делает обзор попыток, с одной стороны, сохранить МОП, а с другой стороны — усовершенствовать ее [100, с. 735–739].

Вывод, к которому приходит Дж. Хей, весьма показателен. «Альтернативные теории неизменно отрицают ту или иную из аксиом, лежащих в основе теории субъективной ожидаемой полезности» [194, с. 318]. Наибольшие сомнения вызывает аксиома независимости, а также аксиома редуцируемости. Но это, как говорится, мы уже проходили. Достаточно вспомнить об уроках развития в конце XX в. математической логики. Один за другим пересматривались методологические принципы, в том числе такие, как двужначность функции истинности, закон исключенного третьего, правило жесткого логического следования. Именно в результате пересмотра содержания этих принципов появились интуиционистские, многозначные и паранепротиворечивые логические системы. Логики не перестали быть рационалистами, но их рационализм стал содержательнее и многограннее. В сходном ключе происходит перестройка теории ожидаемой полезности. Ее традиционный вариант не является безупречным. Разумеется, в этом обстоятельстве в свете роста научного знания нет ничего удивительного. Впрочем, обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Логики перестраивают свои системы без всякого пиетета перед психологией. Мы имеем в виду, что они научились преодолевать ловушки психологизма уже в конце XIX в. Никаких особых рецидивов психологизма в логике XX в. не отмечалось. В современной же экономической науке психологизмы не изжиты. Как уже отмечалось, от имени психологии совершенно необоснованно ставится под сомнение рационалистическое содержание экономической теории.

Разумеется, сложности экономической теории органично связаны с ее далеко не тривиальной спецификой. Решающее значение приобретает эффект отношения к ценностям. Если бы экономический агент руководствовался исключительно ценностями и не менял бы своего отношения к ним, то дело обстоит значительно проще. Но он и в процессе принятия решений, и в процессе совершения экономических действий как-то относится к ним, переоценивает их. При таком образе ментальной, языковой и поведенческой жизни исходные аксиомы всегда оказываются недостаточны-

ми. К ним то и дело приходится добавлять новые положения, меняющие первоначально ожидаемые выводы. Такова логика не-монотонных рассуждений, учет особенностей которых непременно приводит к плюрализму теорий. Надо полагать, все попытки придумать одну, универсальную теорию ожидаемой полезности обречены на провал. МОП достигла такой стадии развития, когда она обречена на плюрализм.

Для экономического человека и полезности, и вероятности — это ценности. Соответственно, ценностями для него являются и неопределенности, и риски, базисом которых выступают полезности и вероятности. Отношения экономических субъектов к полезностям, вероятностям, неопределенностям и рискам заслуживают объемных монографий. Речь идет о чрезвычайно многообразных и к тому же недостаточно изученных феноменах. Так, в зависимости от уровня своей компетентности и объективных условий люди либо охотно идут навстречу неопределенностям и рискам, либо бегут от них как от чумы.

Хорошо известно, например, что для обеспечения функционирования денежной системы в условиях неопределенности часто (но не всегда!) уместны контрактные соглашения, обеспечивающие юридические процедуры, и системы взаимных зачетов, рассчитанных на различные по продолжительности периоды. Неопределенности не избежать, но ее можно регулировать. Совсем не обязательно «гасить» неопределенность. Новаторство, как любил подчеркивать Й. Шумпетер, нуждается в атмосфере неопределенности. В этой связи не считается ущербным процесс так называемого созидательного разрушения («*creative destruction*»). Выражаясь диалектически, неопределенность выступает как единство созидательных и разрушительных эффектов. К счастью, современные экономисты не удовлетворяются вербальной риторикой: во имя управления избавляйтесь от неопределенности, а ради инноваций и изобретательства воссоздавайте ее. В современной экономической теории вполне оправдано признаком хорошего тона считается использование тщательно обоснованного формального языка. В этой связи нам представляется весьма показательным использование в ситуациях неопределенности обобщенного критерия пессимизма-оптимизма Гурвица [87].

Этот критерий определяется относительно выигрышей с коэффициентами $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_m$. Вводится показатель эффективности стратегии A_i : $G_i(\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_m) = \sum_{j=1}^n \lambda_j b_{ij} = 1, \dots, m$, где b_{ij} — выигрыш при

стратегии A_i ; m — число стратегий. Оптимальной считается стратегия с максимальным значением G_i . Коэффициенты λ_1 выбираются из интервала $[0, 1]$ таким образом, чтобы выразить отношение субъекта к рискам (к опасностям). Вводятся коэффициенты λ_o и λ_p соответственно оптимизма и пессимизма, соотношение между которыми меняется в зависимости от степени опасности ситуации.

Схема введения обобщенного критерия пессимизма-оптимизма Гурвица относительно выигрыша с коэффициентами $\lambda_1, \lambda_2, \dots, \lambda_m$ показывает типичный путь формального освоения ранее не учитывавшейся ценности. λ_i — это своеобразная ценность, а именно отношение к рискам. Общее правило гласит: любая ценность может быть выражена переменной, а последняя встроена в соответствующий принцип (в рассматриваемом случае в качестве полезности выступает обобщенный критерий Гурвица). Фундаментальная сложность состоит в том, что априорно невозможно задать ни число экономических ценностей, ни число отношений к каждой отдельной ценности. Есть риски (вероятности), есть отношение к ним, есть отношение к отношению к рискам и т.д. Исследователи вынуждены учитывать все многообразие ценностного мира экономических субъектов. К счастью, ситуация не столь безнадежна, как кажется на первый взгляд. В своих отношениях к ценностям люди в силу целого ряда обстоятельств сами себя ограничивают. Как правило, используются лишь базовые ценности (ценности первого порядка) и ценности—отношения к ним (ценности второго порядка). Ценности третьего порядка и выше культивируются крайне редко. Как нам представляется, современная экономическая теория находится на интереснейшем этапе своего развития. Она все решительней отказывается от идеалов позитивной экономической теории. В освоении же мира ценностей она столкнулась с фундаментальной трудностью — необходимостью перехода от теории экономических ценностей первого порядка к теории экономических ценностей второго порядка.

Современная экономическая теория должна быть готова к постоянной ревизии своих оснований. Одним из ее результатов как раз и явилось выдвижение проблемы неопределенности в центр самых актуальных на сегодняшний день научных исследований.

6.4. ВРЕМЯ, ЦИКЛЫ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Неопределенность и риск тесно связаны с проблемой времени. Бесспорно, что в экономической деятельности человека время является важнейшим фактором. Как известно, время причастно к любой форме процессуальности, а значит, и к экономическим процессам. Но есть еще одно важнейшее обстоятельство, определяющее особо высокий уровень актуальности проблемы времени в экономике. Экономическая наука относится к классу прагматических дисциплин. Во всех этих науках будущее не является автоматическим результатом развертываний потенций настоящего. Оно проектируется, а лишь затем реализуется из потенций настоящего. В этой связи будущему придается в аксиологических науках значительно большее значение, чем, например, в естествознании. Таким образом, особая актуальность проблемы времени в экономической науке определяется в значительной степени ее прагматическим статусом.

Отметив актуальность проблемы времени, мы вынуждены также указать, что при ее осмыслении исследователи встречаются со значительными трудностями. Именно в таких случаях является весьма желательным подключение к анализу методологии. Обзор соответствующей литературы убедил нас в том, что наиболее актуальными в понимании проблемы экономического времени являются следующие темы:

- специфика экономического времени;
- время и циклы;
- время и экономическая теория.

Специфика экономического времени. Эпохальные работы А. Эйнштейна, связанные с созданием сначала специальной, а затем и общей теории относительности, инициировали буквально во всех науках вопрос о специфике того времени, которое фигурирует в них, будучи обозначенным символьным знаком t . При этом представители самых различных наук попали в исключительно затруднительную ситуацию. Эйнштейн показал, что не существует единого мирового времени, нависающего, подобно року, над человечеством. А между тем во всех нефизических науках по-прежнему используется представление как раз о таком времени. Получается, что, например, экономисты заимствуют из физики понятие, которое не является экономическим. Это обвинение можно отвести за счет следующей аргументации. Эйнштейн учел очень тонкие эффекты, которые в мире экономических явлений несущественны.

Экономисты используют, дескать, не концепцию единого мирового времени как реального сущего, а идеализацию последнего, которая получается за счет абстрагирования от несущественных для экономики аспектов физического времени. На наш взгляд, такая аргументация должна быть отчасти принята. Но она никак не отменяет следующего проблемного вопроса: «Какое время изучается (осмысливается) посредством экономической теории — физическое или экономическое?»

Этот вопрос крайне неприятен. Физическое время изучается, по определению, физикой. При существующем состоянии экономической науки ее представители вынуждены утверждать, что они также изучают... физическое время. Но, может быть, то время, с которым имеют дело экономисты, не является физическим? Увы, поскольку оно измеряется в тех же самых единицах, что и физическое время, а именно в секундах и в производных от них величинах (месяцы, годы и т.д.), то оно должно быть признано по своей природе физическим. Если бы экономистам удалось показать, что экономическое время отличается по своей природе от физического времени и, следовательно, измеряется не в секундах, а в каких-то специфических экономических единицах, то их логика была бы безупречной. Но такого рода обоснование отсутствует. Экономическая наука, равно как и все другие нефизические науки, недалеко ушла от концепции единого универсального (физического) мирового времени, выступающего по отношению к экономическим явлениям в качестве экзогенной сущности.

Дальнейшая логика изложения строится таким образом. Во-первых, мы покажем провал одной грандиозной попытки выразить специфику экономического времени. Во-вторых, попытаемся извлечь из нее соответствующие философские уроки.

В экономическую науку проблема времени вошла вместе с теорией трудовой стоимости. Труд создает стоимость. Следовательно, в той степени, в какой рабочее время является мерой труда, оно также выступает и мерой стоимости. Эта логика нашла довольно неожиданное развитие в теории К. Маркса, который был очень чувствителен к проблеме времени. По Марксу, двойственность труда (конкретный/абстрактный труд) находит свое проявление в двойственности рабочего времени (индивидуальное/общественно необходимое время). Экономическое время выступает у Маркса как общественно необходимое рабочее время, измеряемое в деньгах. В предисловии к первому изданию «Капитала» Маркс отмечал, что форма стоимости получает свой законченный вид в денежной

форме [108, с. 6]. Так как в теории Маркса фигурируют две формы рабочего времени, то он получил возможность отличать экономическое время от физического. Первое в отличие от второго измеряется не в секундах (часах, днях и т.д.), а в денежных единицах. Логика марксизма, по-настоящему адекватная его основаниям, особенно принципу двойственности, требует четкого различения как конкретного и абстрактного труда, так и их временных характеристик. Согласно этим основаниям противоположные стороны признаются в принципе несводимыми друг к другу.

Впрочем, сам Маркс в соблюдении принципа двойственности не был последовательным. Он отрицал любую попытку редуцирования меновой стоимости к потребительной, но когда дело доходило до двух форм рабочего времени, то он одну из них сводил к другой. Время абстрактного труда Маркс называл по-разному: и общественным рабочим временем, и общественно необходимым рабочим временем (потребным для производства тех или иных товаров). Во всех случаях, когда ему приходилось излагать свою теорию в деталях, он интерпретировал общественное рабочее время как общественно необходимое, т.е. как рабочее время, надобное для производства товаров в среднем. В итоге денежные единицы (доллар, рубль) сводились к усредненным часам. Если бы Маркс обосновал нередуцируемость общественного рабочего времени календарному рабочему времени, то его можно было бы считать первооткрывателем специфики экономического времени. Но, к сожалению, критики не выдерживают понимание Марксом не только природы общественного рабочего времени, но и принципа двойственности труда. Как уже отмечалось в параграфе 4.2, этот принцип несостоятелен, а значит, и ориентация на него при попытке обосновать специфику экономического времени также несостоятельна. Отсюда, разумеется, не следует ущербность самой идеи специфики экономического времени, ибо альтернативное ей воззрение ведет, пожалуй, прямо в лоно физикализма.

Время всегда является интегральной характеристикой процесса от его зарождения вплоть до окончания. Применительно к экономическому времени суть дела нам представляется следующей. Субъект S , руководствуясь ценностью V , совершает во имя достижения цели R ряд поступков $D_1, D_2, \dots, D_n$. Количественной интегральной мерой ряда поступков выступает экономическое время $t^{\text{ЭК}}$. Каждая новая порция экономического времени $t_i^{\text{ЭК}}$ ($i=1, 2, \dots, n$) увеличивает его суммарную величину. Чтобы подсчитать $t^{\text{ЭК}} = \sum t_i^{\text{ЭК}}$, необходимо руководствоваться определенной экономической те-

орией, которая толкует о связи ценностей, целей поступков и их временных параметров.

Вышеприведенная логика обоснования реальности экономического времени, надо полагать, должна вызвать возражение постольку, поскольку вроде бы ничего подобного ей в экономических теориях не присутствует. Но присмотримся к ним внимательнее. Товары, услуги, экономические акции исчисляются в денежных единицах. Цены и производные от них величины как раз и имеют искомый интегральный характер. Может быть, Маркс гениально угадал, что деньги и есть экономическое время? Если деньги есть экономическое время, то становится понятным, почему в экономической теории нет прямого упоминания об экономическом (нефизическом) времени. Оно присутствует там, но в форме денег.

Что касается природы денег, то ее понимание также оставляет желать много лучшего [104, с. 356–359]. В частности, никак не объясняется, почему все множество товаров и услуг можно измерять одной мерой. На наш взгляд, объяснение этому феномену может дать теория ожидаемой полезности в ее многокритериальном варианте. Суть дела видится в том, что все многообразие критериев сводится к одному (обобщенному) критерию. Как нам представляется, методологам еще не раз придется обращаться к вопросу о специфике экономического времени. В нем все еще содержится много неясностей, которые ждут своего разрешения.

Время и циклы. Весьма часто проблема времени выступает как представление о периодах и циклах. Основополагающее значение имели в этой связи труды А. Маршалла. Он подчеркивал, что фактор времени является «источником многих величайших трудностей в экономической науке» [113, т. 1, с. 174]. Надо было понять, каким образом эти трудности могут быть преодолены. В этой связи он варьировал длительность периодов, вовлекаемых в анализ: краткий, долгий, очень долгий, мельчайший отрезок времени [113, т. 2, с. 12]. Получался спектр разных по календарной длительности экономических периодов (отрезков). Периодичность (цикличность) экономического процесса указывает на его важнейшие структурные особенности, которые тщательно изучаются. Классиками в этой области наряду с К. Марксом и А. Маршаллом считаются К. Виксель, Н.Д. Кондратьев, Й. Шумпетер, К. Жюгляр, Ф. фон Хайек.

По мнению Р. Аврамова, «однажды выделенный цикл превращается в особый вид хронологии. Экономическое время начинает измеряться не в годах, а в циклах» [1, с. 64]. Если экономический

процесс формируется из регулярно следующих друг за другом циклов, то их счет действительно дает определенную информацию о его количественной мере. Но вряд ли этот счет следует отождествлять непосредственно с измерением экономического времени. Дело в том, что нуждаются в осмыслении сами временные параметры циклов. К тому же следует учитывать, что экономические циклы никогда не бывают полностью тождественными друг другу. А это означает, что они не могут быть приняты за единицу измерения. На наш взгляд, сложная проблема специфики экономического времени не сводится к цикличности экономических процессов.

Что касается движущих сил экономических циклов, то за последние два десятка лет они были существенно прояснены [19, 58], особенно благодаря усилиям «новых классиков» и «новых кейнсианцев». К двум представителям первых, Нобелевским лауреатам 2004 г. Ф. Кюдланду и Э. Прескотту, успех пришел благодаря анализу динамических стохастических моделей общего равновесия с позиций концепции рациональных ожиданий. Согласно их исследованию главной причиной циклов является прогресс технологии, сопровождаемый колебаниями других экономических факторов. Особенно замечательно, что удалось объяснить многие макроэффекты микроэкономическими основаниями. «Новые кейнсианцы» (Г. Мэнкив, Д. Ромер, В. Бернаике) в ряде пунктов существенно дополняют теорию «новых классиков». Они обращают особое внимание на роль процессов вне точек равновесия. Показательно, что обе спорящие стороны, по-разному оценивающие роль рынков и государства, тем не менее имеют много общего, в частности они руководствуются теорией рациональных ожиданий и постулатами оптимального поведения [58, с. 151]. Применительно к проблеме экономического времени успехи, достигнутые в объяснении деловых циклов, показывают, что ее осмысление достигается не посредством какой-то особой экзотики, а в составе экономических теорий.

Время и экономическая теория. Главная идея заключительного раздела параграфа состоит в том, что всякая экономическая теория, кроме всего прочего, является также и теорией экономического времени. Нет такой теории, в которой отсутствовало бы время. В забвении фактора времени часто обвиняют Л. Вальраса. «Чтобы достичь общего равновесия, — считал Г. Шэкл, — будущее время должно быть исключено из анализа. Общее равновесие, при котором действие любого лица предпринимается в условиях полной информации, возможно лишь в мире, лишенном временного

измерения, в мире одного мгновения, в мире без будущего» [211, с. 69]. Сказано излишне резко. В схемах Вальраса будущее присутствует, но оно является таким же, как настоящее. Синхрония Вальраса содержит время, но в ней нет диахронии. Достоинство идей Вальраса применительно к проблеме экономического времени состоит в ее увязывании с концепцией оптимальности. О том, что экономическое время содержит черты оптимальности, мир узнал благодаря именно Вальрасу. Разумеется, многие черты экономического времени в исследованиях Вальраса не нашли своего выражения.

Благодаря теории Дж.М. Кейнса экономисты познакомились с неопределенностями и вероятностными аспектами времени. понадобилось не одно десятилетие, прежде чем эти аспекты нашли максимально емкое на сегодняшний день осмысление в теориях рациональных ожиданий и ожидаемой полезности. Не входя в тонкости этих теорий, отметим лишь, что в них экономическое время предстает насыщенным ценностно-целевыми аспектами, причем во всем многообразии феномена неопределенности. Во избежание недоразумений необходимо четко определиться с вопросом о специфике того времени, которое фигурирует в экономических теориях. В этой связи нам представляется актуальным следующее различие.

Физическое время как таковое экономистов не интересует. Ни один из них не станет выписывать формулы физических теорий. А вот экономическая относительность физического времени является уже непосредственной прерогативой экономистов. Речь идет о вменении экономических ценностей календарному времени. Суть дела состоит в том, что оно в состоянии представлять экономические ценности в символической (знаковой) форме. Наконец, представляется резонным не упускать из виду экономическое время как таковое, выступающее количественной мерой экономических процессов и выступающее в форме денег.

В заключение отметим следующее: краткий обзор путей развития в экономической науке проблемы времени показывает, что она насыщена дискуссионными вопросами, продуктивное обсуждение которых предполагает среди прочего и методологическую компетентность. Наиболее актуальным нам представляется вопрос о специфике экономического времени. Но именно ему уделяется, как правило, незначительное внимание. На наш взгляд, широко распространенное отождествление экономического времени с календарным временем есть не что иное, как рецидив натурализма.

6.5. РАВНОВЕСИЕ И НЕУСТОЙЧИВОСТЬ

Одним из сложнейших вопросов экономической науки является проблема желаемой траектории функционирования и эволюции экономической системы. В этой связи особенно остро встает проблема сочетания равновесия и неравновесия. Два этих фактора, бесспорно, взаимосвязаны между собой. Но их вес в существующих экономических теориях различен. Последние полвека экономисты в основном ориентировались на концепцию равновесия [32, 178, 214]. Разумеется, такая ориентация имела место далеко не случайно. Главное основание ее популярности заключалось в том, что ориентация на нее обеспечивала проведение эффективной экономической политики.

Ключевые моменты концепции общего равновесия хорошо известны, но различными авторами они приводятся не в одинаковой последовательности. Это системная взаимосвязь элементов экономической системы; их внутренняя согласованность; равенство спроса и предложения; максимизация потребителями своей индивидуальной полезности, а фирмами прибыли; равновесие, эффективное по Парето. Точка равновесия обычно определяется в соответствии с правилом, согласно которому малое отклонение от нее возвращает систему к ней. Существеннейшим достижением теории стало установление тесной взаимосвязи между конкурентным равновесием и эффективностью по Парето [214, с. 56]. Эта связь охотно включается ортодоксальными неоклассиками в «жесткое ядро» излюбленной ими теории. Кажется, что найден ключ к пониманию основополагающих закономерностей функционирования экономических систем. Дайте работать рынку, и он все расставит по своим, наиболее эффективным, местам.

Первоначально принцип общего равновесия воспринимался в образе «невидимой руки» А. Смита, как объективный факт, лишенный нормативно-методологического содержания. От этого представления пришлось отказаться по целому ряду причин, среди которых следующие две являются, пожалуй, решающими. Во-первых, его не удалось подтвердить экспериментально [24, с. 257–268]. Во-вторых, теперь уже мало кто сомневается, что само по себе состояние общего равновесия вообще не устанавливается, его приходится проектировать в весьма трудоемких исследованиях. Если модель равновесия выработана и рассчитана, то в соответствии с нею можно обеспечить эффективную в ряде отношений эволюцию экономической системы. Как выяснилось, операциональными

могут быть не только некоторые состояния, фиксируемые данные, но и их равновесные интерпретации. Исследователи сначала рассматривают равновесные сценарии, а затем, руководствуясь результатами наблюдений, определяют необходимость либо их сохранения, либо отклонения от них. Вся совокупность расчетных цен никогда не наблюдается в эксперименте, и потому их называют неявными. Они выполняют роль ориентиров.

Каким образом идее общего равновесия придается операциональный вес, прекрасно показал Дж. Уэлли [178]. Конструирование сценариев (экономисты называют их моделями) проходит несколько этапов: определяется структура модели, формы используемых функций, выбираются значения параметров, «привязываемые» к известным данным таким образом, чтобы они соответствовали равновесному сценарию, для их вычисления используются компьютерные программы. Все это делается ради того, чтобы можно было рассчитать будущие значения параметров из сконструированного, предполагаемого, а не действительного равновесия.

Известную озабоченность вызывает метод калибровки исходных данных и их последующая корректировка. Суть метода калибровки состоит в том, что модель специфицируется посредством, как правило, данных одного года. Калибровка не предполагает эконометрического оценивания на основе статистических методик. Дело в том, что в прикладных моделях используется столь большое число параметров (иногда несколько тысяч), что их эконометрическая обработка потребовала бы нереально большого промежутка времени. Именно поэтому приходится поступиться ее достоинствами во имя сохранения богатства структуры модели экономического равновесия [178, с. 786]. На всех этапах равновесного моделирования от разработчика требуется теоретическая проницательность, без нее ему не добиться успеха. Что же касается правомерности равновесного моделирования, то в конечном счете она определяется его практической эффективностью.

Исключительным достижением сторонников концепции общего равновесия стало ее распространение на случай неопределенности. Они получили возможность теоретического понимания эффективного сочетания ожиданий и планов экономических субъектов. В условиях неопределенности эффективность по Парето достигается за счет оптимизации ожидаемой полезности. Сложности прогноза будущего вызывают необходимость развития фьючерсных рынков и рынков контингентных (условных) сделок [214, с. 63].

Еще одним этапом развития идеи равновесия стала теория игр. Она перевела ее на плюралистические рельсы. Было выяснено, что не всегда возможна доминирующая стратегия, в которой существует только одна оптимальная стратегия для каждого игрока вне зависимости от действий других игроков. Равновесие по Парето — каждый игрок не способен улучшить свое положение, не ухудшая положение другого игрока, — также не всегда возможно. *Равновесие по Штакельбергу* — ни один из игроков не может увеличить свой выигрыш в одностороннем порядке, а решение сначала принимается одним игроком и становится известным другому — всегда возможно, но оно не очень типично для взаимодействий экономических субъектов. *Равновесие по Нэшу* — ни один из игроков не в состоянии увеличить свой выигрыш в одностороннем порядке, меняя свой план действий, — также существует не всегда. Центральным понятием в теории некооперативных игр является равновесие по Нэшу, которое в случае несовершенной информации обобщается до *байесовского равновесия*. «Байесовское равновесие описывается как равновесие по Нэшу, в котором каждый игрок оценивает свой выигрыш как свою ожидаемую полезность, обусловленную его частичной информацией о состоянии природы» [119, с. 424]. К. Монте видит основной недостаток понятия равновесия по Нэшу, а также байесовского равновесия в том, что «может существовать множество... точек равновесия. В этом случае не существует ясного способа выбрать между различными возможностями» [Там же, с. 423]. Обилие точек равновесия вынуждает к тщательному изучению проблемы координации возможностей. Она преодолевается за счет введения дополнительных ограничений, как правило институциональных, часто имеющих этическое значение. Следует также учитывать, что совсем не обязательно неоднозначность точек равновесия заслуживает негативной оценки. Ведь речь идет о развитии понятия равновесия, а это обстоятельство можно и поприветствовать. Суть дела состоит в том, что все более разносторонними становятся представления экономистов об оптимальности.

Понятия равновесия и оптимальности не противоречат друг другу, более конфликтным является соотношение равновесия и неравновесия. В чисто формальном отношении одно исключает другое. Равновесие имеет место там, где действующие факторы уравновешивают друг друга. В противном случае имеет место неравновесие. Характеризуя динамику экономической системы, концепт «равновесие/неравновесие» обычно дополняют понятием

«устойчивость/неустойчивость». Равновесие системы является устойчивым, если под действием соответствующего фактора она возвращается в прежнее состояние. И равновесие и неравновесие может быть как устойчивым, так и неустойчивым. В традиционной экономической теории господствуют идеалы равновесия и устойчивости. Очевидно, что забвение неравновесия и неустойчивости пагубно. Впрочем, длительное время опасности упомянутого забвения недооценивались. Торжествовал тезис, согласно которому неустойчивость не имеет значения (неравновесие принималось, но лишь в его «устойчивом» варианте). Развитие Г. Хакеном и И. Пригожиным синергетической программы в математике, физике и химии поставило в повестку дня вопрос о синергетических экономических эффектах. Синергетическая программа связана с широким классом нелинейных уравнений, который в той или иной форме «захватывает» любую науку, в том числе и экономическую. Для экономической науки синергетика имеет актуальное значение. Это довольно убедительно показал В.-Б. Занг. В его книге [59] читатель найдет обширный список литературы по синергетической экономике. Какие новые методологические ориентиры она намечает?

На наш взгляд, особый интерес представляют следующие положения.

- Флуктуации и бифуркации имеют актуальное значение.
- Время спектрально.
- Хаос достоин понимания.
- Параметры порядка имеют микроэкономическую природу.

Все эти положения входят в состав философии синергетики. В данном случае они представляют особый интерес с точки зрения будущего экономической науки и возможностей экономической политики.

Флуктуации и бифуркации имеют значение. Как показано в работах синергетиков, в особых точках неустойчивости флуктуации запускают механизм бифуркации, когда в силу незначительного изменения параметров трансформируется ход процессов в качественном отношении (преобразуется структура решений дифференциальных уравнений). Эффекты, вызываемые флуктуациями, а они, следует отметить, характерны для неопределенных ситуаций, часто приобретают «лавинообразный» (и в этом смысле макроскопический) вид. Бифуркационно-флуктуационные процессы представляются крайне необычными. К счастью, они поддаются изучению. При этом особое внимание уделяют так называемому «коллективному» действию факторов. Новостью для эконо-

мистов является их резонансное взаимодействие, вызывающее соответствующие «взлеты» и «падения».

Время спектрально. Эмпирически давно было замечено, что время бывает равномерно текущим, взрывным, а то и катастрофическим. Синергетики сумели показать, что убыстрение и замедление процессов соответствует решениям соответствующих уравнений. Наличие спектра времен открывает перед политиками разнообразные возможности. Они должны использовать те временные режимы, которые полезны. Другие синергетические сценарии необходимо, по возможности, подавлять. В этой связи приходится с сожалением констатировать, что проведенные в начале 1990-х гг. в России преобразования имели катастрофический характер, но осуществлялись они без какого-либо учета теории катастроф.

Хаос достоин понимания. Общепринятой дефиниции хаоса не существует. Применительно к экономике его, пожалуй, следует определить как состояние с максимально неопределенным будущим. В условиях хаоса предсказание предельно затруднено, но оно, тем не менее, возможно. Как отмечает В.-Б. Занг, «хаос происходит из порядка и некоторых, вполне рациональных, механизмов... По своему смыслу хаос не является абсолютно негативным состоянием. Это не только разрушение существующего порядка. Хаос потенциально позитивен» [59, с. 311]. Если бы хаотическая система обладала сознанием, то она имела бы основание заявить, что она «забыла» свое прошлое и не знает своего будущего. К счастью, человечество не только помнит прошлое, но в соответствии с ним проектирует еще и свое будущее. В качестве активной силы оно способно придать хаосу определенную структуру, использовать его неопределенностные черты в своих интересах. Все, что относится к хаосу, поддается изучению. Рационализм не останавливается перед ним в беспомощном положении.

Параметры порядка имеют микроскопическую природу. Синергетику часто определяют как науку о самоорганизации сложных систем. Системы называются сложными прежде всего из-за наличия у них многих степеней свободы. Популярное в науке разделение на микро- и макросостояния связано с различиями числа степеней свободы. В микроэкономике приходится учитывать своеобразие каждого потребителя. В макроэкономике учитываются лишь агрегированные параметры, или стратегические факторы. Соотносительность микро- и макроэкономики всегда считалась трудной для понимания. Похоже, что синергетический подход может многое прояснить в этом деле. Согласно принципу подчинения

Тихонова—Хакена устойчивые моды могут быть подавлены неустойчивыми. И как раз они являются параметрами порядков макросистем. Становится ясным, почему число степеней свободы соответственно макро- и микросистем разительно отличается друг от друга. Есть все основания предположить, что в конечном счете все экономические макроэффекты объясняются ценностно-целевым поведением экономических субъектов. Исследователи имеют возможность объяснить не только *как* происходят макроэкономические явления, но и *почему* именно таким образом.

В заключение отметим следующее: как нам представляется, осмысление трех «не» — неравновесия, неустойчивости и нелинейности — потребует от методологов многих усилий и неординарных решений. В связи с успехами синергетики придется переосмыслить и концепцию оптимальности. Состояние экономической теории предъясвляет к методологам все большие требования.

6.6. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЗМЕРЕНИЙ И ПРОВЕРКА ТЕОРИИ

В предыдущих главах и параграфах неоднократно приходилось отмечать практический характер экономической теории. Она должна непременно доводиться до стадии ее проверки, а затем и практического использования. Это вроде бы тривиальное обстоятельство вряд ли вызывало бы особое внимание, если бы его осмысление не предполагало обращение к двум весьма утонченным наукам. Речь идет об экономической статистике и эконометрике, переживающих за последние три десятка лет подлинный бум. Косвенным свидетельством этого обстоятельства является все более частое присвоение эконометрикам Нобелевской премии. За период с 1969 по 2003 г. ее лауреатами стали восемь человек (Р. Фишер, Я. Тинберген, Л. Клейн, Т. Хаавелмо, Дж. Хекман, Д. Макфадден, Р. Энгл, К. Грэйнджер).

Провести демаркационную линию между экономической статистикой и эконометрикой непросто, они в ряде аспектов явно перекрывают друг друга. Порой экономическую статистику рассматривают как элемент эконометрики, но часто последняя понимается в качестве области первой. «Главная цель статистики — получение осмысленных заключений из несогласованных (подверженных разбросу) данных» [170, с. 9]. Эконометрика дословно означает *наука об измерении экономических величин*. Ее главная цель — установить, что можно измерить и что следует измерять, подтверждается ли теория и в какой степени ее целесообразно ис-

пользовать для прогнозов. Эконометрика, подобно экономической статистике, также не может обойтись без разветвленной аргументации по поводу интерпретации данных измерений. Именно интерпретационный аспект является общим для двух рассматриваемых теорий. Но там, где на передний план выходит интерпретация, непременно пробивает час методологии. Строго говоря, и экономическая статистика, и эконометрика находят свое осмысление в методологических дисциплинах, а именно в философии соответственно экономической статистики и эконометрики. Но обе эти теории пока еще не сложились в самостоятельные дисциплины, они находятся в стадии становления. Наша задача состоит в вовлечении их основополагающих аспектов в общую философию экономической теории. Интересную попытку в этом направлении сделал М. Блауг [24, с. 67–70].

Он обратил внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, гипотеза (теория), признающаяся истинной, выбирается; следовательно, всегда есть неисключаемый риск совершить ошибку. Во-вторых, выбор в соответствии с принятой в экономической статистике аргументацией осуществляется между по крайней мере двумя гипотезами (речь идет о гипотезах H_0 и H_1 , где H_0 — гипотеза о сходстве, а H_1 — гипотеза о различии смысла данных с подвергаемой проверке теорией). В-третьих, интерпретация наблюдений невозможна без введения методологических норм, предполагающих, в частности, выбор уровня статистической значимости и статистического метода, а также лемм, например знаменитой леммы Неймана—Пирсона. Блауг критикует К. Поппера за то, что тот не учел уроки статистической проверки гипотез. Он убежден, что это можно было сделать, ибо такая проверка согласуется с концепцией фальсификации Поппера, согласно которой мы выбираем ту гипотезу, которая не опровергнута. Но нельзя не видеть, что при этом концепция фальсификации существенно модифицируется, ей придается вероятностный характер. Мы выбираем ту теорию, которая лучше других согласуется с методологическими критериями экономической статистики и эконометрики. Разумеется, и они не даны от века. Если бы Е. Нейман и Э. Пирсон не изобрели лемму, названную их именами, то ее не было бы. Ее, кстати, нельзя извлечь из эмпирии, в ней заключен огромный потенциал математики. Отметив нормативно-методологический характер основных положений экономической статистики, Блауг не стал обсуждать его соотношение с так называемой позитивной экономической теорией. Согласовать одно с другим едва ли возможно. Если бы

Блауг отважился на такое согласование, то он в качестве одного из adeptов позитивной экономической теории непременно попал бы в затруднительное положение.

Отметим также, что теория статистической проверки гипотез явно льет воду на мельницу экономического плюрализма. Выбор то всегда осуществляется между несколькими гипотезами. Так, H_0 может быть неоклассической версией, а H_1 — посткейнсианской. Статистическую теорию выбора между теориями на основе гипотезы Неймана — Пирсона [241, 223] обычно трактуют как разрешение дилеммы *истинная теория — ложная теория*. Но при плюрализме функция истинности не чужда каждой из теорий. В этих условиях особую значимость приобретает обстоятельство, подчеркиваемое А.Л. Куракиным: «Стремясь всемерно уменьшить вероятность одной из ошибок, мы неизбежно будем увеличивать вероятность другой. Данная связь является фундаментальным законом, без которого бессмысленно приниматься за оптимизацию решаемых систем» [85, с. 120].

А.Л. Куракин сделал интереснейшую попытку выявить мировоззренческие основания теории Неймана — Пирсона. Он показал, что аппарат математической статистики позволяет перейти от традиционного подхода к «позитивистскому» [85, с. 125]. В первом случае рассматриваются условные вероятности $P\{w/H_i\}$, выражающие вероятность P попадания в ту или иную область опытных данных w при условии истинности гипотезы H_i . Во втором случае в выражении для условных вероятностей w и H_i меняются местами. $P\{H_i/w\}$ выражает истинность H_i при условии получения определенных опытных данных w . Исходным пунктом могут быть как гипотеза, так и опытные данные, с анализа которых обычно предпочитают исходить в своих размышлениях неопозитивисты. С точки зрения теории познания речь идет о чрезвычайно интересном положении, свидетельствующем о дополнительности двух подходов, двух теоретических восхождений: а) от теории к фактам; б) от фактов к теории. Пункты а) и б) выступают не в качестве альтернатив, а в качестве дополнений друг к другу.

Что же касается главного урока развития экономической статистики и эконометрики, то он состоит в том, что соотношение теории и данных является в высшей степени нетривиальным и многозвенным процессом. Некоторые его аспекты обсуждаются ниже.

Просматривая литературу по эконометрике, мы обратим внимание на статью К. Холдена [200], довольно тщательно выверен-

ную в философском отношении. Он рассматривает шесть стадий эконометрического исследования и, что особенно впечатляет, всякий раз выделяет их проблемные аспекты. Именно в таком ключе должен действовать методолог. Последуем за К. Холденом, комментируя его выводы в философском отношении.

Стадия 1. Использование теории, в том числе для определения переменных и классификации их в качестве эндо- и экзогенных. На этой стадии масса проблемных вопросов возникает по поводу выбора корректной экономической теории, отнесения переменных к эндоили экзогенным способам их измерения.

Стадия 2. Формулировка теории в виде набора уравнений. Огромные сложности начинаются уже при выборе вида уравнений. Как бы они ни определялись (обычно выбирается параметрическая линейная форма уравнений), в модель целесообразно включить параметр ошибки. Он имеет многофункциональное значение, связанное, в частности, с учетом нелинейных факторов, с подчеркиванием стохастической природы связи и ее типическим характером. Исследователь должен постоянно иметь в виду дилемму смыслового и типичного. Типичное в отличие от смыслового предполагает известное абстрагирование от индивидуального. Немалые сложности связаны также с выбором продолжительности единичного периода. Желательно, чтобы он выражал внутреннюю логику экономического процесса, а не доступность данных.

Стадия 3. Получение данных по каждой переменной. Главная проблема состоит в согласовании статистических рядов с теоретическими понятиями. Сложность здесь заключается в том, что данные собираются государственными службами не для целей научной работы. Как правило, данные пересматриваются, только после этого они становятся пригодными для научной работы.

Стадия 4. Применение эконометрических методов к данным и уравнениям для получения числовых значений параметров. Очень непросто провести спецификацию уравнений, учесть альтернативность моделей, оценить их методом наименьших квадратов или каким-либо другим подходящим способом.

Стадия 5. Изучение результатов на их удовлетворительность (применимость) как в экономическом, так и в статистическом отношении. Определенные на предыдущих стадиях коэффициенты могут не соответствовать их ожидаемым значениям. Обычно это вынуждает пересмотреть исходную формулировку теории. Должны быть соблюдены статистические тесты, в том числе связанные с условием отсутствия автокорреляции и гетероскопичности.

Стадия 6. Предсказание будущих значений эндогенных переменных. Сделанные прогнозы редко принимаются без дополнительных корректировок. Какие-то факторы не были учтены, изменилась экономическая политика, что привело к изменению соотношений генерирующих экономическое поведение переменных. Проверка прогнозов, как правило, выявляет их недостаточность, что инициирует ревизию всех рассмотренных выше шести стадий.

Таким образом, придание теории статистической и экономической основательности выступает как бег с препятствиями, в качестве которых выступают методологические альтернативы, без преодоления которых невозможно достичь концептуальных высот. В связи с ними появляются обвинения исследователей в непоследовательности, в частности в чрезмерном акценте либо на теории, либо на данных. Если имеет место первое, то не обходится без «подгонки данных». Во втором случае от исследователей ускользает концептуальная основательность. Но самое удивительное, что, несмотря на все вышеотмеченные сложности, рост научного знания непременно сопровождается эстафетой триумфов. Пожалуй, наиболее показательным примером в этом отношении является успех, достигнутый в анализе временных рядов с общими трендами [46, 70]. За особый вклад в этот анализ К. Грэйнджер был удостоен Нобелевской премии за 2003 г.

Временной ряд — это значения переменных, относящиеся к некоторой совокупности моментов календарного времени. Исходная эконометрическая задача состоит в выделении структуры, обычно в форме некоторого тренда, временного ряда. Различают стационарные, слабостационарные и нестационарные ряды. Временной ряд считается слабостационарным, если порождающий его механизм не меняется во времени, а процесс достиг статистического равновесия. Если безусловное математическое ожидание, дисперсии и ковариации процесса не зависят от времени и конечны, то процесс называется слабостационарным. При наличии отклонений от слабостационарности процесс называется нестационарным. Наиболее часто встречающимся и сложным для анализа является особый тип нестационарных процессов — так называемые ряды, стационарные в разностях, или интегрированные ряды порядка d . В простейшем случае $d = 1$. Смысл введения оператора разности первого порядка состоит в том, что ряд y_t является нестационарным, но его разность $y_t - y_{t-1}$ является слабостационарным случайным процессом. Операторы разности позволяют преобра-

зывать нестационарные ряды в слабостационарные, тем самым как раз и выявляется их неочевидная структура.

К. Грэйнджер первым показал, каким образом может быть выяснена коинтеграция интегрированных случайных процессов. В случае изучения связи двух интегрированных первого порядка случайных процессов она сводится к оценке посредством ряда тестов уравнения $y_t = \alpha + \beta x_t$ [70, с. 43–44]. Для наших методологических целей нет необходимости входить в детали эконометрического анализа временных рядов. Сказанного достаточно для перехода к методологическим комментариям.

Впечатляет многоступенчатый эконометрический и статистический анализ временных рядов, приводящий в конечном счете к нетривиальным результатам. В его отсутствие в принципе не удалось бы выявить долгосрочную взаимосвязь между экономическими переменными. А ведь это является главным назначением экономической теории. Весьма показательным выступает также и такой момент. До разработки методов анализа коинтегрированных отношений исследователи часто сталкивались со случаями ложной корреляции между значениями переменных. А это означало, что не удавалось непротиворечиво согласовать различные уровни экономической науки, ее концептуальный фундамент и эконометрику [70, с. 40]. Желаемая гармония была достигнута, но, разумеется, она не является окончательной. Грэйнджер не без надежды на новый рост научного знания, относящегося к временным рядам, отмечает, «что процесс, посредством которого достигается удовлетворительная спецификация модели и затем осуществляется оценивание, остается спорным» [46, с. 700]. Показательно, что одну из своих книг он целиком посвятил методологическим спорам по поводу моделирования временных рядов [223].

Итак, многоступенчатость экономической науки (микроэкономика — макроэкономика — экономическая статистика — эконометрика) предполагает концептуальную основательность и согласованность ее составляющих. В этой связи ряд исследователей (Д. Хендри, Дж. Майзон) используют концепт «конгруэнтность экономической модели». «Конгруэнтность, — отмечает Майзон, — требует, чтобы модель соответствовала выборочным данным, характеристикам системы измерений и априорной теории и чтобы она могла вмещать в себя конкурирующие модели» [103, с.717]. Пожалуй, использование в указанном контексте термина «модель» неудачно. Очевидно, что речь идет о конгруэнтности (согласованности) всех структурных составляющих экономической науки,

рассматриваемой как системное целое. Что же касается принципа конгруэнтности, то он нам представляется действительно в высшей степени актуальным. Отметим прежде всего его фундаментальный, «сквозной» для экономической теории характер. Частичная конгруэнтность не скрепляет элементы экономической науки в единое целое и вырождается в конфирмационизм. Его недостаток Майзон вполне правомерно видит в том, что он сужает поле информации, следовательно, не вся она вовлекается в научный анализ [103, с. 717]. Принцип конгруэнтности не терпит какого-либо искусственного сужения. Он связан с требованием удовлетворения любой части и любого элемента экономической науки, в том числе теории и фактов, многозвенному спектру испытаний. Наивное представление о соответствии теории фактам оказывается не у дел. На наш взгляд, конгруэнтность должна восприниматься как фактор, насыщенный концептуальной силой, проявляющей благодаря усилиям исследователей свой потенциал не иначе как в росте научного знания. Именно в нем проявляется векторный характер концептуальных смыслов экономической науки. Если бы они не существовали, то экономическая наука, пожалуй, вращалась бы в кругу логических противоречий. К счастью, действительное положение дел не является таковым.

6.7. ИНФОРМАЦИЯ И ТЕОРИЯ

Буквально в каждом из предыдущих параграфов речь шла об информации. Этот аспект экономической теории заслуживает специального вычленения. Прежде всего необходимо определиться с природой информации. Что такое информация? Обычно этот вопрос молчаливо обходится, причем даже представителями комплекса наук, относящихся к информатике. На наш взгляд, самое общее определение информации гласит, что она является элементом (частью, локальной формой) теории. Вне теории информация в принципе не может существовать. По отношению к информации теория выступает как ее целое, как связанная совокупность отдельных информационных актов. Чаще всего информация существует в языковой, текстовой или речевой форме. Но она может существовать также и в ментальной, и в фактуальной форме. В отличие от кантовской «вещи в себе» любой факт информативен постольку, поскольку он входит в состав науки и, следовательно, выступает как интерпретированная сущность.

Следует отметить особые заслуги экономической науки перед феноменом информации. Ее представители очень рано обнаружили, что информация требует издержек, что, будучи вовлеченной в экономический оборот, она имеет цену. Так появилась теория экономической информации как редкого ресурса. Название классической статьи Дж. Стиглера «Экономическая теория информации» [172] отчасти вводит в заблуждение. Информация и информация как редкий ресурс — это разные вещи.

От понимания информации как редкого ресурса один шаг до уразумения асимметрии информации. Информационное положение инсайдеров и аутсайдеров, продавцов и покупателей, чиновников и ученых оказывается асимметричным. Это обстоятельство используется людьми по-разному: вполне преднамеренно степень асимметричности либо уменьшается, например посредством процесса обучения, либо, наоборот, усиливается, в частности за счет придания информации конфиденциального характера и ее тайного сбора. Асимметрия информации указывает на то, что она может быть более или менее полной и совершенной. Что касается представлений о так называемой полной и совершенной информации, то они являются идеализациями.

Осознание идеализированного характера совершенной информации привело к концепции так называемой ограниченной рациональности. Вопреки установкам экономической классики, выяснилось, что рациональность — это отнюдь не один-единственный горный пик разумности. Существуют различные уровни (ступени) рациональности, определенным образом соотносящиеся друг с другом. Концепция многоуровневой рациональности дает теоретическое истолкование феномена «рационального неведения» там, где последний не критический понимается как иррациональный компонент.

Но и концепция многоуровневой рациональности также не лишена слабых мест. Ей недостает динамичности, игрового характера. Этот ее недостаток восполнила теория игр в синтетическом единстве с теорией ожидаемой полезности. Как выяснилось, в своем наиболее насыщенном варианте информационный акт есть форма игровой рациональности с ее многочисленными трансформациями, корректировками, сменами предпочтений, изобретениями новых ориентиров, коммуникационными хитростями и новациями.

Наш краткий обзор актуализации проблемы экономической информации показывает, по сути, как экономическая теория, теряя

черты монолитности, приобретала ранее невиданную многозвенную структурированность и подвижность. В этом процессе было много действующих лиц, в том числе и ученых. Об их роли следует сказать особо. В отличие от производителей и потребителей предметом господствующего интереса ученых является не частный эффект, например полезность или прибыль, а экономическая теория как таковая, когда ни одному ее аспекту не придается значения средства. Оценивая с этой точки зрения состояние современной экономической науки, резонно отметить, что она еще никогда ранее не была столь информационно насыщенной. Это обстоятельство прекрасно координирует с назначением ученого — обеспечивать рост научного знания (читай: информации). Мы вновь вернулись к принципу роста научного знания, с которого, по сути, начали книгу. Это ли не признак того, что пора перейти к заключению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экономическая наука стоит перед сложными вызовами. С одной стороны, она получает все большее признание и наращивает возможности для своего дальнейшего развития. С другой стороны, даже постоянно видоизменяясь, экономическая теория постоянно рискует попасть в зону перманентного кризиса. В этих условиях нарастает потребность в новой философии экономики. Именно по этому основанию мы оптимистично оцениваем будущее философии экономической науки. Прошли те времена, когда философия экономики расценивалась как всего лишь довесок к экономической науке. Современный экономист вынужден обратиться к философии науки постольку, поскольку иначе ему не сориентироваться в нарастающем потоке разнообразных концепций и подходов. Вся человеческая жизнь становится в философском отношении все более многосторонней и насыщенной. Философия экономики призвана укрепить позиции экономиста, позволить ему сформировать будущее по его замыслам и не быть захлестнутым стихийными силами. В этой связи, как нам представляется, основополагающую значимость приобретает принцип ответственности — разумеется, должным образом конкретизированный применительно к экономическим ситуациям. Читатель, надо полагать, желает извлечь из книги идеи, способные принести ему пользу в его экономической деятельности. Мы считаем возможным сформулировать в предельно лаконичном виде нечто вроде философского кредо экономиста.

- В своих экономических делах неизменно руководствуйтесь принципом теоретической относительности. Пытаясь что-либо понять, всегда обращайтесь к теориям. Относитесь очень придирчиво к той теории, которую используете. Не забывайте, что любое высказывание непременно имеет теоретическую форму.
- Стремитесь к использованию наиболее развитой теории. Ведь очевидно, что по своим достоинствам она превосходит всех своих соперниц.
- Стремитесь к плюрализму. Если используется всего одна теория, то достоинства других концепций упускаются из виду.
- Старайтесь основательно освоить научно-теоретический строй экономики. Это позволит выработать энциклопедический склад ума, который является лучшим оружием против всякого рода неожиданностей.

- Руководствуйтесь прагматическим методом. Избегайте ловушек дескриптивизма.
- Обращайте особое внимание на те ценности, которые входят в состав теории.
- К любой теории относитесь критически, старайтесь с максимальной степенью четкости выделять ее достижения, изъяны и проблемы.
- Не забывайте о философии, но читайте не все подряд, а по преимуществу работы лучших авторов.
- Стремитесь увязать воедино философские и экономические воззрения. Особое внимание обращайтесь на точки их диссонанса.
- Не избегайте этических проблем, старайтесь дать им научное истолкование. Руководствуйтесь принципом ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аврамов Р.* Теория длинных волн: исторический контекст и методологические проблемы // Вопросы экономики. — 1992. — № 10. — С. 63–68.
2. Австрийская школа в политической экономии. К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. — М., 1992.
3. *Автономов В.С.* Единство и многообразие современной экономической теории // История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. — М., 2000. — С. 756–763.
4. *Автономов В.С.* За что экономисты не любят методологов // *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняются. — М., 2004. — С. 7–10.
5. *Адорно Т.В.* Эстетическая теория. — М., 2001.
6. *Айер А.Д.* Язык, истина и логика // Аналитическая философия: Избранные тексты. — М., 1993. — С. 50–66.
7. *Алексеев С.С.* Философия права. — М., 1997.
8. *Алешин Б.С., Александровская Л.Н., Круглов В.И., Шолом А.М.* Философские и социальные аспекты качества. — М., 2004.
9. *Алмонд Г.* Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. — М., 1996. — С. 69–112.
10. *Алчиан Ар.А.* Значение измерения полезности // Теория потребительского поведения и спроса / Под ред. В.М. Гальперина. — СПб., 1993. — С. 337–389.
11. *Альт Дж. И., Алезина А.* Политическая экономия: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. — М., 1996. — С. 625–656.
12. *Андерсон Дж.* Когнитивная психология. — 5-е изд. — М.; СПб., 2002.
13. *Аникин А.В.* Юность науки. Жизнь и идеи мыслителей-экономистов до Маркса. — М., 1985.
14. *Апель К.О.* Трансцендентально-герменевтическое понятие языка // Вопросы философии. — 1997. — № 1. — С. 76–92.
15. Аристотель. Соч.: В 4 т. — М., 1975–1984.
16. *Аронов И., Версан В.* О моделях систем управления: нужна ли альтернатива моделям МС ИСО серии 9000? Каковы стройные действия в этой области? // Стандарты и качество. — 2003. — № 2. — С. 56–59.
17. *Аткинсон А.Б.* Политэкономия: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. — М., 1996. — С. 685–696.
18. *Балацкий Е.В.* Антропологический фактор «регресса» экономической науки // Наукоедение. — 2003. — № 4. — С. 141–163.

19. *Балашова Е.* Финн Кюдланд и Эдвард Прескотт: движущие силы экономических циклов // Вопросы экономики. — 2005. — № 1. — С. 138–143.
20. *Баумоль У.* Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. — 2001. — № 2. — С. 73–107.
21. *Беккер Г.С.* Экономический анализ и человеческое поведение // Thesis. Теория и история экономических и социальных систем и институтов. — М., 1993. — Вып. 1. — С. 24–40.
22. *Беркли Дж.* Соч. — М., 1978.
23. *Бернулли Д.* Опыт новой теории измерения жребия // Теория потребительского поведения и спроса / Под ред. В.М. Гальперина. — СПб., 1993. — С. 11–27.
24. *Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. — М., 2004.
25. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. — М., 1994.
26. Блины М. Обзор современной теории // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Ред. Д. Гринэуэй, М. Блины, И. Стюарт: В 2 т. — СПб., 2002. — Т. 1. — С. 173–191.
27. *Блох Э.* Тюбинское введение в философию. — Екатеринбург, 1997.
28. *Боулз Р.* Экономика и право // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Ред. Д. Гринэуэй, М. Блины, И. Стюарт: В 2 т. — СПб., 2002. — Т. 2. — С. 955–972.
29. *Бурбаки Н.* Очерки по истории математики. — М., 1963.
30. Бьюкенен Дж. М. Сочинения (Нобелевские лауреаты по экономике). Т. 1. — М., 1997.
31. *Вайнтрауб С.* Хиксианское кейнсианство: величие и упадок // Современная экономическая мысль / Под общ. ред. В.С. Афанасьева и Р.М. Энтова. — М., 1981. — С. 91–121.
32. *Вайнтрауб Э.Р.* Теория общего равновесия // Современная экономическая мысль. — М., 1981. — С. 175–190.
33. Вартофски М. Модели. Репрезентация и научное понимание. — М., 1988.
34. *Вебер М.* Избранные произведения. — М., 1990.
35. *Вентцель Е.С.* Исследование операций. — М., 1972.
36. Винарчик П. Спасение идей: Й. Шумпетер и ключевые проблемы противоборствующих экономических теорий // Вопросы экономики. — 2001. — № 11. — С. 15–26.
37. *Винер Дж.* Концепция полезности в теории ценности и ее критики // Теория потребительского поведения и спроса / Под ред. В.М. Гальперина. — СПб., 1993. — С. 78–116.
38. *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. — М., 1994.
39. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. — М., 1991.

40. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Опыт философской герменевтики. — М., 1988.
41. *Гемпель Г.К.* Логика объяснения. — М., 1998.
42. Гештальтпсихология. — М., 1998.
43. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики. — М., 1992.
44. *Гоббс Т.* Избранные произведения: В 2 т. — М., 1964. — Т.2.
45. *Горский Д.П., Ивин А.А., Никифоров А.Л.* Краткий словарь по логике. — М., 1997.
46. *Грэйнджер К.У.Дж.* Эконометрический анализ временных рядов // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт: В 2 т. — СПб., 2002. — Т. 2. — С. 684–702.
47. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию // Вопросы философии. — 1972. — № 7. — С. 136–176.
48. *Гуссерль Э.* Философия как строгая наука. — Новочеркасск, 1994.
49. *Деррида Ж.* Письмо японскому другу // Вопросы философии. — 1992. — № 4. — С. 53–57.
50. *Деррида Ж.* Эссе об имени. — М.; СПб., 1998.
51. *Джевонс У.С.* Краткое сообщение об общей математической теории политической экономии // Теория потребительского поведения и спроса / Под ред. В.М. Гальперина. — СПб., 1993. — С.70–77.
52. *Джевонс У.С.* Об общей математической теории политической экономии // Теория потребительского поведения и спроса / Под ред. В.М. Гальперина. — СПб., 1993. — С. 67–69.
53. *Джеймс У.* Прагматизм. — СПб., 1910.
54. *Джексон Дж.И.* Политическая методология: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. — М., 1996. — С. 699–729.
55. *Дильтей В.* Категории жизни // Вопросы философии. — 1993. — № 10. — С. 129–143.
56. *Дильтей В.* Описательная психология. — СПб., 1996.
57. *Ельмслев Л.* Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // *Ельмслев Л.* Можно ли считать, что знания слов образуют структуру? *Хомский.Н.* Синтаксические структуры. — Благовещенск, 1998. — С. 3–32.
58. *Замулин О.* Концепция реальных экономических циклов и ее роль в эволюции макроэкономической теории // Вопросы экономики. — 2005. — № 1. — С. 144–153.
59. *Занг В.-Б.* Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории. — М., 1999.
60. *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М., 1996.

61. История экономических учений (современный этап) / Под общ. ред. А.Г. Худокормова. — М., 1998.
62. История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. — М., 2000.
63. *Каз М.* Дискурс и развитие экономического знания // Вопросы экономики. — 2003. — № 12. — С. 81–94.
64. *Канеман Д., Тверски А.* Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. — 2003. — Т. 24. — № 4. — С. 31–42.
65. *Канке В.А.* История философии. Мыслители, концепции, новации. — М., 2005.
66. *Канке В.А.* Миропонимание и этика ответственности. — Калуга, 2004.
67. *Канке В.А.* Основные философские направления и концепции науки. — М., 2004.
68. *Канке В.А.* Этика ответственности. — М., 2003.
69. *Кант И.* Соч.: В 6 т. — М., 1964. — Т. 3.
70. *Канторович Г., Турунцева М.* Роберт Энгл и Клайв Грэйнджер: новые области экономических исследований (Нобелевская премия 2003 г. по экономике) // Вопросы экономики. 2004. — № 1. — С. 37–48.
71. *Карнап Р.* Философские основания физики. Введение в философию науки. — М., 1971.
72. *Кейнс Д.Н.* Предмет и метод политической экономии. — М., 1898.
73. *Кейнс Дж.М.* Избранные произведения. — М., 1993.
74. *Клейнер Г.Б.* К методологии моделирования принятия решений экономическими агентами // Экономика и математические методы. — 2003. — № 2. — С.167–182.
75. *Козлихин И.Ю.* Позитивизм и естественное право // Государство и право. — 2000. — № 3. — С. 5–11.
76. *Козловски П.* Принципы этической экономики. — СПб., 1999.
77. *Козловски П.* Этическая экономика как синтез экономической и этической теории // Вопросы философии. — 1996. — № 8. — С. 66–88.
78. *Коррационари Г.* Этика и экономика: вопрос открыт // Вопросы экономики. — 1993. — № 8. — С. 17–27.
79. *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. — М., 1993.
80. *Коул М.* Культурно–историческая психология. — М., 1997.
81. *Крафтс Н.Ф.Р.* Экономическая теория и история // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Ред. Д. Гринзэуэй, М. Блини, И.Стюарт: В 2 т. — СПб., 2002. — Т. 2. — С. 991–1013.
82. *Куайн У.* Вещи и их место в теориях // Аналитическая философия: становление и развитие: Антология. М., 1998. — С. 322–342.

83. *Куайн У.* Онтологическая относительность // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. — М., 1996. — С. 40–59.
84. *Кун Т.* Структура научных революций. — М., 1976.
85. *Куракин А.Л.* Процессы познания и вопросы мировоззрения в терминах математической статистики // Вопросы философии. — 2005. — № 3. — С. 118–127.
86. *Кюнг Г.* Онтология и логический анализ языка. — М., 1999.
87. *Лабскер Л.Г.* Обобщенный критерий пессимизма–оптимизма Гурвица. Финансовая математика (коллективная монография). — М., 2001.
88. *Лакатос И.* История науки и ее рациональная реконструкция // Структура и развитие науки. — М., 1978. — С. 203–269.
89. *Лакатос И.* Методология научно–исследовательских программ // Вопросы философии. — 1995. — № 4. — С. 135 — 154.
90. *Лакофф Дж.* Прагматика в естественной логике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV: Лингвистическая прагматика. — М., 1985. — С. 430–470.
91. *Ларичев О.И.* Теория и методы принятия решений, а также Хроника событий в Волшебных странах. — М., 2002.
92. *Левин С.* Прагматическое отклонение высказывания // Теория метафоры. — М., 1990. — С. 342–357.
93. *Лейбниц Г.В.* Соч.: В 4 т. — М., 1982–1989.
94. *Леман Э.* Проверка статистических гипотез. — М., 1985.
95. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. — М., 1975.
96. *Леонтьев В.* Экономическое эссе. Теории, исследовании, факты и политика. — М., 1990.
97. *Лиотар Ж.-Ф.* Ответ на вопрос: Что такое постмодерн? // Общественные науки за рубежом. — (Философия). — М., 1992. — № 5, 6. — С. 102–114.
98. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. — М., 1997.
99. *Локк Дж.* Соч.: В 3 т. — М., 1985. — Т. 1.
100. *Лумз Г.* Экспериментальные методы в экономической теории // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт: В 2 т. — СПб., 2002. — Т. 2. — С. 726–750.
101. *Лэйси Х.* Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание. — М., 2001.
102. *Маевский В.* О взаимоотношении эволюционной теории и ортодоксии (концептуальный анализ) // Вопросы экономики. — 2003. — № 11. — С. 4–14.
103. *Майзон Г.И.* Роль измерений и проверок в экономической науке // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт: В 2 т. — СПб., 2002. — Т. 2. — С. 751–780.

- нэуэй, М. Блини, И. Стюарт: В 2 т. — СПб., 2002. — Т. 2. — С. 703–725.
104. *Макдональд Р., Милбёрн Р.* Новые разработки в денежной теории // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт: В 2 т. — СПб., 2002. — Т. 1. — С. 351–382.
105. *Макиевелли Н.* Государь: Соч. — М.; Харьков, 1999.
106. *Маккლოსки Д.Н.* Полезно ли прошлое для экономической науки? // Thesis. Теория и история экономических и социальных систем и институтов. — М., 1993. — Вып. 1. — С. 107–136.
107. *Маклин И.* Экономическая и политическая науки // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт: В 2 т. — СПб., 2002. — Т. 2. — С. 928–954.
108. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.23. — М., 1960.
109. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. — М., 1955. — С. 1–4.
110. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1861 гг. — М., 1980.
111. *Маркузе Г.* Одномерный человек. — М., 1994.
112. *Марцинкевич В.* Экономический мэйнстрим и современное воспроизводство // Мировая экономика и международные отношения. — 2003. — № 2. — С. 36–41.
113. *Маршалл А.* Принципы политической экономии. Т. 1–3. — М., 1983–1984.
114. Математическая энциклопедия. — М., 1982. — Т. 3. — С. 601.
115. *Милль Д.С.* Основы политической экономии. Т. 1–3. — М., 1980–1981.
116. *Милль Дж.С.* Система логики силлогистической и индуктивной. — М., 1899.
117. *Милль Дж.С.* Утилитарионизм. О свободе. — СПб., 1900.
118. Молодцов М. Ждет ли идеологию TQM судьба КС УКП // Стандарты и качество. — 2003. — № 4. — С. 73.
119. *Монте К.* Теория игр и стратегическое поведение // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт: В 2 т. — СПб., 2002. — Т. 1. — С. 416–444.
120. *Монтегю Р.* Прагматика // Семантика модальных и интенциональных логик. — М., 1981. — С. 254–279.
121. *Монтень М.* Опыты: В 3 кн. — СПб., 1998. — Кн. I, II.
122. *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика: Антология. — М.: Екатеринбург, 2001. — С. 45–97.
123. *Мостеллер Ф., Тьюки Дж.* Анализ данных и регрессия. Вып. 1. — М., 1982.

124. *Мур Дж.* PRINCIPIA ETHICA // Природа моральной философии. — М., 1999. — С. 22–222.
125. *Мур Дж.* Этика // Природа моральной философии. — М., 1999. — С. 223–326.
126. *Мэнкью Н.Г.* Освежим наши познания макроэкономики // Мировая экономика и международные отношения. — 1995. — № 8. — С. 64–77.
127. *Найссер У.* Познание и реальность. — М., 1981.
128. *Найт Ф.* Понятие риска и неопределенности // Thesis. Теория и история экономических и социальных систем и институтов. — М., 1994. — Вып. 5. — С. 12–28.
129. *Негеши Т.* История экономической мысли. — М., 1995.
130. *Нейман Дж. фон, Моргенштерн О.* Теория игр и экономическое поведение. — М., 1970.
131. *Нерсесянц В.С.* Философия права. — М., 1997.
132. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М., 1997.
133. *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии // Собр. тр. акад. А.Н. Крылова. Т. VII. — М., 1936.
134. *Огурцов А.П.* Аксиологические модели в философии науки // Философские исследования. — 1995. — № 1. — С. 7–36.
135. *Олейник А.Н.* Институциональная экономика: Учеб. пособие. — М., 2004.
136. *Олсон М.* Роль нравственности и побудительных мотивов в обществе // Вопросы экономики. — 1993. — № 8. — С. 28–31.
137. *Осадчая И.* Современная теория экономики на грани веков // Мировая экономика и международные отношения. — 2004. — № 7. — С. 109–114.
138. *Осакве Кр.* Типология современного российского права на фоне правовой картины мира // Государство и право. — 2001. — № 4. — С. 12–22.
139. *Остин Д.* Избранное. — М., 1999.
140. *Отмахов П.* Эмпиризм в экономической науке: теория и практика // Вопросы экономики. — 1998. — № 4. — С. 58–72.
141. *Оффе К.* Политэкономика: социологические аспекты // Политическая наука: новые направления. — М., 1996. — С. 657–672.
142. Панорама экономической мысли конца XX столетия / Ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт. Т. 1, 2. — СПб., 2002.
143. *Пасс К., Лоуз Б., Дэвис Л.* Словарь по экономике. — СПб., 1998.
144. *Пирс Ч.С.* Логические основания знаков. — СПб., 2000.
145. *Пирс Ч.С.* Начала прагматизма. — СПб., 2000.
146. *Поппер К.* Квантовая теория и раскол в физике. — М., 1998.
147. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. — М., 1983.

148. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: В 2 т. — М., 1992.
149. *Право и экономика.* — М., 1999.
150. *Принцип соответствия. Историкометодологический анализ.* — М., 1979.
151. *Раай В. Фред. Ван.* Экономика и психология // *Панорама экономической мысли конца XX столетия* / Ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт: В 2 т. — СПб., 2002. — Т. 2. — С. 973–990.
152. *Реале Д., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4: От романтизма до наших дней. — СПб., 1997.
153. *Рейхенбах Г.* Философия пространства и времени. — М., 1985.
154. *Риккерт Г.* Философия жизни. — Киев, 1998.
155. *Роббинс Л.* Предмет экономической науки // *Thesis. Теория и история экономических и социальных систем и институтов.* — М., 1993. — № 2. — С. 10–23.
156. *Ролз Д.* Теория справедливости. — Новосибирск, 1995.
157. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. — М., 1957.
158. *Рузавин Г.И.* Роль и место абдукции в научном исследовании // *Вопросы философии.* — 1998. — № 1. — С. 50–57.
159. *Руткевич А.М.* Научный статус психоанализа // *Вопросы философии.* — 2000. — № 10. — С. 9–14.
160. *Саймон Г.А.* Рациональность как процесс и продукт мышления // *Thesis. Теория и история экономических и социальных систем и институтов.* — М., 1993. — Вып. 3. — С. 16–38.
161. *Саймон Г.А.* Теория принятия решений в экономической науке и науке о поведении // *Теория фирмы* / Под ред. В.М. Гальперина. — СПб., 1995. — С. 54–72.
162. *Самуэльсон Л.* Принцип максимизации в экономическом анализе // *Thesis. Теория и история экономических и социальных систем и институтов.* — М., 1993. — Вып. 1. — С. 184–201.
163. *Самуэльсон П.* Экономика: В 2 т. — М., 1992. — Т. 1.
164. *Серль Дж.Р.* Что такое речевой акт? // *Зарубежная лингвистика. II.* — М., 1999. — С. 210–228.
165. *Скиннер Б.* Оперантное поведение // *История зарубежной психологии: Тексты.* — М., 1986. — С. 60–96.
166. *Современная экономическая мысль* / Под общ. ред. В.С. Афанасьева и Р.М. Энтова. — М., 1981.
167. *Солсо Р.Л.* Когнитивная психология. — М., 2002.
168. *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике. — М., 1990.
169. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. — М., 1977.
170. *Справочник по прикладной статистике: В 2 т.* / Под ред. Э. Ллойда, У. Ледермана — М., 1989. — Т. 1.
171. *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. — М., 1985.

172. *Стиглер Дж.* Экономическая теория информация // Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. — СПб., 1995. — С. 507–529.
173. *Тарасевич В.* Постнеоклассический вызов фундаментальной экономической науке // Вопросы экономики. — 2004. — № 4. — С. 107–117.
174. *Тарский А.* Семантическая концепция истины и основания математики // Аналитическая философия: становление и развитие: Антология. — М., 1998. — С. 90–129.
175. *Тихонов А.Н.* Математическая модель // Энциклопедия. Математика. — М., 2003. — С. 343–344.
176. *Тутов Л., Шаститко А.* Экономический подход к организации знаний о человеке // Вопросы экономики. — 2002. — № 9. — С. 46–63.
177. *Уильямсон О.* Экономические институты капитализма. — СПб., 1996.
178. *Уэлли Дж.* Прикладные модели общего равновесия // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт: В 2 т. — СПб., 2002. — Т. 2. — С. 776–794.
179. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии. — М., 1986.
180. *Фейерабенд П.* Ответ на критику // Структура и развитие науки. — М., 1978. — С. 419–470.
181. *Фодор Дж., Чихара Ч.* Операционализм и обыденный язык // Аналитическая философия: становление и развитие: Антология. — М., 1998. — С. 234–262.
182. *Фридмен М.* Методология позитивной экономической науки // Thesis. Теория и история экономических и социальных систем и институтов. — М., 1994. — Вып. 5. — С. 20–52.
183. *Фромм Э.* Иметь или быть? — М., 1986.
184. *Фуко М.* Археология знания. — Киев, 1996.
185. *Фуко М.* Воля к истине. — М., 1966.
186. *Фукуканэ Н.* Рыночные структуры и математическая экономика. — М., 1996.
187. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. — М., 1992.
188. *Хабермас Ю.* Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. — 1992. — № 4. — С. 40–52.
189. *Хабермас Ю.* Примирение через публичное употребление разума. Замечания о политическом либерализме Джона Роулса // Вопросы философии. — 1994. — № 10. — С. 53–67.
190. *Хайдеггер М.* Бытие и время. — М., 1997.
191. *Хайлбронер Р.Л.* Экономическая теория как универсальная наука // Thesis. Теория и история экономических и социальных систем и институтов. — М., 1993. — Вып. 1. — С. 41–55.
192. *Халл К.* Принципы поведения // История зарубежной психологии: Тексты. — М., 1986. — С. 38–59.

193. Хаусман Д. Экономическая методология в двух словах // Мировая экономика и международные отношения. — 1994. — № 2. — С. 105–110; 1994. — № 3. — С. 105–110.
194. Хей Дж.Д. Неопределенность в экономической теории // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт: В 2 т. — СПб., 2002. — Т. 1. — С. 304–327.
195. Хикс Дж.Р. Мистер Кейнс и «классики». Попытка интерпретации // Экономика и математические методы. — 2002. — Т. 38. — № 2. — С. 57–65.
196. Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал. — М., 1988.
197. Хикс Дж.Р., Аллен Р.Г. Пересмотр теории ценности // Теория потребительского поведения и спроса / Под. ред. В.М. Гальперина. — СПб., 1993. — С. 117–141.
198. Хинтиikka Я. Действительно ли логика — ключ ко всякому хорошему рассуждению? // Вопросы философии. — 2000. — № 11. — С. 105–125.
199. Хинтиikka Я. Логикоэпистемологические исследования. — М., 1980.
200. Холден К. Макроэкономическое прогнозирование // Панорама экономической мысли конца XX столетия / Ред. Д. Гринэуэй, М. Блини, И. Стюарт: В 2 т. — СПб., 2002. — Т. 2. — С. 829–851.
201. Хомский Н. Синтаксические структуры // Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? Хомский Н. Синтаксические структуры. — Благовещенск, 1998. — С. 23–138.
202. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. — М., СПб., 1997.
203. Хрестоматия по экономической теории / Сост. Е.Ф. Борисов. — М., 1997.
204. Хэар Р. Как же решать моральные вопросы рационально? // Мораль и рациональность. — М., 1995. — С. 9–21.
205. Швери Р. Теория рационального выбора: универсальное средство или экономический иллюзионизм? // Вопросы экономики. — 1997. — № 7. — С. 35–51.
206. Шелер М. Избранные произведения. — М., 1994.
207. Шлик М. О фундаменте познания // Аналитическая философия: Избранные тексты. — М., 1993. — С. 33–50.
208. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 1. — М., 1993.
209. Шумейкер П. Модель ожидаемой полезности: разновидности, подходы, результаты и пределы возможностей // Thesis. Теория и история экономических и социальных систем и институтов. — М., 1994. — Вып. 5. — С. 29–80.
210. Шумпетер Й. История экономического анализа // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 2. — М., 1990.

211. Шэкл Г.Л. Новые направления в экономической теории: 1926–1939 гг. // Современная экономическая мысль. — М., 1981. — С. 68–90.
212. Эйнштейн А. Собр. науч. тр. Т. 4. — М., 1967.
213. Экономико-математическое моделирование / Общ. ред. И.Н. Дрогобыцкого. — М., 2004.
214. Эрроу К.Дж. Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // Thesis. Теория и история экономических и социальных систем и институтов. — М., 1993. — Вып. 2. — С. 53–68.
215. Юм Д. Трактат о человеческой природе: В 3 кн. — М., 1995. — Кн. 2, 3.
216. Amariglio J., Cullenberg D., Ruccio D. (eds.) Post-Modernity, Economics and Knowledge. — L., 2001.
217. Berger L. Economics and Hermeneutics // Economics and Philosophy. — 1989. — № 5. — P. 209–234.
218. Bridgman P.W. The nature of some of our physical concepts. — N.Y., 1952.
219. Caldwell B. Beyond Positivism: Economic Methodology in the Twentieth Century. — N.Y., 1982.
220. Carnap R. Logische Syntax der Sprache. — Wien, 1934.
221. Cassirer E. Philosophie der Symbolischen Formen. Т. 1–3. — Darmstadt, 1994.
222. Cassirer E. Wesen und Wirkung des Symbolbegriffs. Sonderausgabe. — Darmstadt, 1994.
223. Grandger C.W.J. Modeling Economic Series: Readings in Econometric Methodology. — Oxford, 1989.
224. Gregory P. Russian National Income, 1885–1913. — Cambridge, 1983.
225. Hare R.M. Freedom and Reason. — Oxford, 1963.
226. Hare R.M. Grundpositionen der Ethik // Information Philosophie. — 1995. — № 2. — S. 5–22.
227. Hare R.M. The Language of Moral. — Oxford, 1952.
228. Hart H.L.A. The Concept of Law. — Oxford, 1961.
229. Hausman D. (ed.) The Philosophy of Economics: An Anthology. 2nd ed. — Cambridge, 1994.
230. Hausman D. Philosophy of Economics // <http://philosophy.wisc.edu/hausman/papers/enc-617.htm>
231. Hausman D. Philosophy of Economics // <http://plato.stanford.edu/entities/economics/>
232. Hirschleifer J. The expanding domain of economics // American Economic Review (Papers and Proceedings). — 1985. — Vol. 75. — № 6. — P. 53–68.
233. Hutchison T.W. The Significance and Basic Postulates of Economic Theory. — N.Y., 1965.

234. *Keynes J. M.* The Collected Writings of John Maynard Keynes. Vol. XIV. The General Theory and After. — L., 1973.
235. *Keynes J.M.* Treatise of Probability. — L., 1921.
236. *Knight F.K.* Risk, Uncertainty and Profit. — L., 1921.
237. *Lavoie D.* (ed.) Economics and Hermeneutics. — L., 1990.
238. *McCloskey D.* The Rhetoric of Economics. — Madison, 1985.
239. *Menger C.* Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. 2 Aufl. — Wien., 1923.
240. *Mises L. von.* The Historical Setting of the Austrian School of Economics // <http://www.mises.org/hsofase/ch2sec4.asp/>
241. *Neyman J., Pearson E.S.* On the Problem of the Most Efficient Test of Statistical Hypotheses // Philosophical Transaction of the Royal Society. Series A (Math. & Phys. Sci.). — L., 1933. — Vol. 231. P. 289–337.
242. *Nozick R.* Anarchy, State and Utopia. — N.Y., 1974.
243. *Peirce Ch.S.* Semiotische Schriften. Bd. 2. — Frankfurt am Mein, 1990.
244. *Posner R.A.* Economic Analysis of Law. — Boston, 1972.
245. *Quine W.* From a Logical Point of View. — Cambridge, 1953.
246. *Rawls J.* Political Liberalism. — N.Y., 1993.
247. *Robbins L.* An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. 2nd ed. — L., 1935.
248. *Rosenberg A.* Economics is too Important to Be Left to the Rhetoricians // Economics and Philosophy. — 1988. — № 4. — P. 129–149.
249. *Samuelson P.A.* Foundation of Economics Analysis. — Cambridge, 1948.
250. *Solomon S.* Phasis of Economic Growth, 1850–1973. — Cambridge, 1987.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абдукция 33
Австрийская школа 68–71
Американский прагматизм 40, 47, 52, 276–278
Аналитическая философия 104, 156–160, 169–177
Апоретичность теории 116, 117
Безопасный фальсификационизм 252
Бихевиоризм 300, 301
Бритва Оккама 16, 118
Верификация 144, 145
Вероятностно-игровой подход 77–80
Вменение ценностей 58, 69
Возможные миры 282, 288
Временные ряды 229, 355
Время 340–345
Гильотина Юма 49–53
Дедукция 33, 208, 220
Деконструктивизм 197
Дескриптивизм 177, 179, 180
Дескрипции 135
Децизионизм 312
Дидактика 36
Дуализм теорий 231–260
Дуализм ценностей и факторов 175, 245
Законы 8
Идеализации 122, 238
Индукция 33, 143, 151, 208, 220
Инструментализм 160
Интерпретационный подход 30–34, 82
Интерпретация измерений 351–356
Интуитивизм 17, 177, 179
Интуиционизм 170, 177, 179
Информация 111, 357–359
Иррационализм 324, 327
Искусство и наука 52, 208, 209, 266
Истина 36–43, 52, 204, 221, 256
История и экономика 314–316
Кейнсианство 72–77, 110
Классическая школа 62–64, 110
Когнитивизм 175, 177, 181
Конвенционализм 18, 147, 236, 253
Конгруэнтность теории 356
Концептуализм 118
Концепты 12, 14, 67
Концепция мэйнстрима 84–95, 103
Концепция несоизмеримости теорий 27, 167, 168
Концепция понимания (*Verstehen*) 46, 140, 283, 300
Концепция речевых актов 51, 172, 281
Концепция соответствия теорий 27
Критическая теория 192–195
Левитеризм 267
Лингвистика и экономика 279–286
Логика и экономика 142
Маржинализм 64, 110
Математика и экономика 222, 290–297
Материализм 216
Ментальность 13, 14, 16, 300
Методологический анархизм 166, 168
Методологический индивидуализм 324
Методологический плюрализм 60
Моделирование 275
Монетаризм 111
Натурализм 177
Натуралистическая ошибка 170, 214
Наука 8, 35

- Уровни науки 13, 14
 Научно-теоретический ряд 27–32, 80–83
 Научно-теоретический строй 27–32, 80–83
 Научные революции 62–113, 164–165
 Неокантианство 133–136
 Неокейнсианство 99, 111
 Неоклассическая школа 110
 Неопозитивизм 140–148, 225–230, 263
 Неопределенность и риск 335–339
 Номинализм 118
 Нормативная теория 44–55, 231–243, 245–247
 Ожидания 75, 76
 Операционализм 48, 160
 Позитивизм 129–130, 207–210, 217–224
 Позитивная теория 44–55, 231–243, 245–247
 Политология 302–310
 Понятия 17, 184–185
 Постпозитивизм 148–155, 231–260
 Посткейнсианство 111
 Постмодернизм 197–199
 Постструктурализм 197, 198
 Правоведение и экономика 310–314
 Прагматика 40, 194, 273–279, 281
 Прагматический метод 44–55, 60
 Предмет философии экономики 60
 Предмет экономики 59
 Презентизм 3–15
 Прескриптивизм 174, 177, 181
 Претеритизм 315
 Принцип концептуальности 12–14, 202
 Принцип научной актуальности 203
 Принцип ответственности 26, 313
 Принцип относительности 295
 Принцип простоты теории 237
 Принцип теоретической относительности 7–11, 202
 Принцип эффективности 24
 Принципы 8
 Проблемный подход 32–34
 Проверка гипотез 251
 Пролиферация теорий 166–168
 Психология и экономика 298–302
 Равновесие и неравновесие 346–349
 Рационализм 130–132, 177, 319–327
 Рационалистская методология 130–132
 Редукционизм 304
 Риторика 266, 267
 Семантика 39, 194, 273–279
 Семантический синдром 5
 Семiotика 273–279
 Символическое бытие 70, 71
 Синергетика и экономика 349–351
 Синтактика 39, 194, 273–279
 Спор методов 136–140
 Структурализм 195–196
 Субъективизм 71, 328
 Творчество 105
 Тезис Дюгема–Куайна 27, 159
 Тезис Фейерабенда–Куна 27
 Теология 119, 120
 Теория 8, 9, 151
 Теория абстракций 126
 Теория игр 78, 83, 98, 111
 Теория ожидаемой полезности 77–79, 111, 330, 331
 Теория полезности 77–79, 327–335
 Устойчивость и неустойчивость 349
 Утилитаризм 178, 209

Факты 8, 13, 125, 181
Фаллибилизм 25
Фальсификация 150, 151, 251
Физикализм 5
Футуризм 315
Ценности и цели 20–24, 46, 69–71, 218
Эклектика 210
Эконометрика 351–356
Экономическая статистика 351–353
Экономический империализм 60, 303
Эмотивизм 173, 179
Эмпирицистская методология 124–130
Эссенциализм 257
Этернализм 315
Этика 55–58, 169–177, 228
Язык 13, 18, 19, 171, 196, 281–286
Языковая игра 172, 197, 198, 282

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абеляр П. 118
Авенариус Р. 68, 129, 130
Аврамов Р. 343, 362
Автономов В.С. 64, 84–93, 269, 362
Адорно Т. 193, 204, 362, 372
Айер А. 75, 142, 173, 177, 362
Акерлоф Дж. 111
Алчиан А. 111, 332, 333, 334, 362
Анаксимандр Милетский 116
Анаксимен Милетский 116
Андерсен Дж. 300
Апель К.-О. 57, 194, 195, 202, 284, 362
Аристотель 56, 57, 104, 115–118, 273, 286
Армстронг Д. 301
Балацкий Е.В. 294–296, 363
Барт Р. 197, 285
Барро Дж. 110
Баумоль У. 98, 99, 363
Бейли С. 213, 214
Беккер Г. 46, 60, 111, 303, 304, 363
Бём-Баверк Е. 17, 68, 69, 362
Бентам И. 17, 128, 178, 207, 328
Бергсон А. 179
Беркли Дж. 8, 124–127, 207, 273, 363
Бернаике В. 344
Бернштейн Э. 134
Блауг М. 4, 44, 45, 46, 48, 53, 56, 72, 114, 244–270, 352, 363
Блини М. 79, 99, 363
Блох Э. 194, 363
Бор Н. 27, 80, 83
Борн М. 105
Боулэнд Л. 270
Браун Дж. 313
Брауэр Л. 289
Бриджмен П. 160
Бройль Л. де 80, 83, 331
Бруннер К. 111
Бьюкенен Дж. 108, 302, 303, 308, 363
Бэкон Фр. 124–126, 208, 273
Бэххаус Р. 270
Вайнтрауб С. 77, 111, 258, 363
Вайнтрауб Э. 363
Вайсман Ф. 144
Вайль Ф. 193
Валла Л. 121
Вальрас Л. 64, 66–68, 74, 83, 110, 253, 258, 259, 329, 344, 345
Вартофски М. 275, 363
Васильев Н.А. 289
Вебер М. 45–47, 67, 135, 140, 260, 261, 265, 283, 300, 319, 320
Веблен Т. 108, 261, 265
Вейерштрасс К. 91
Вейнгагст Б. 303
Вернадский В.И. 107
Вертгеймер М. 300
Визер Ф. 362
Виксель К. 303, 343
Винарчик П. 103, 364
Виндельбанд В. 21, 46, 133, 134, 138, 140
Винер Дж. 328, 364
Витгенштейн Л. 22, 104, 141, 142, 144, 148, 171, 172, 177, 179, 196, 226, 281–283, 285, 301, 364
Выгодский В.С. 302
Гадамер Х. 188–192, 283, 285, 364
Галилей Г. 83, 122–124
Гартман Э. 21, 22
Гегель Г. 104, 128, 132, 133, 140, 215, 286
Гёдель К. 142, 295, 333
Гейзенберг В. 83
Гейтинг А. 289
Гемпель К. 32, 33, 144, 202, 364
Гераклит Эфесский 116
Гёте И. 321
Гийом Г. 280, 364

- Гоббс Т. 124–126, 273, 364
 Госпелл Г. 304
 Грегори П. 315
 Грей Дж. 111
 Грэйнджер К. 351, 355, 356, 364
 Гурвиц Л. 338, 339
 Гуссерль Э. 18, 126, 183–187, 228, 364
 Гэлбрайт Дж. 108
 Дацис Э. 303
 Дебре Ж. 253, 258, 259
 Декарт Р. 16, 67, 130, 131, 132, 133, 330
 Демокрит 116
 Деррида Ж. 19, 197, 198, 285, 364
 Джевонс У.С. 64, 66, 67, 83, 110, 129, 329, 364
 Джеймс У. 47, 52, 276, 278, 364
 Дильтей В. 46, 136, 138, 139, 140, 188, 283, 300
 Дирак П. 83
 Домар Е. 111
 Дройзен Г. 137, 138
 Дьюи Дж. 156, 160, 276, 278
 Дэвидсон Д. 5
 Дьюгем П. 27, 28, 64, 159, 160, 270
 Евклид 117
 Ельмслев Л. 281, 365
 Жюгляр К. 343
 Занг В.-Б. 349, 350, 365
 Зельтен Р. 80, 83, 111
 Зенон Элейский 8, 116
 Каз М. 286, 365
 Кангер С. 287
 Канеман Д. 111, 298, 337, 365
 Кант И. 9, 16, 56, 57, 131, 132, 134, 136, 137, 140, 194, 286, 306
 Канторович Л.В. 83
 Карнап Р. 12, 27, 104, 142, 143, 144, 147, 153, 155, 174, 202, 210, 226, 262, 365
 Кассирер Э. 133
 Кейнс Дж. М. 72–77, 110–112, 135, 143, 155, 226–229, 245, 345, 365
 Кейнс Дж. Н. 217–218, 231, 233, 235, 245, 261, 264, 268
 Келлер В. 300
 Кенэ Ф. 63, 110
 Кернс Дж. 261, 268
 Клейн Л. 351
 Коген Г. 133, 134
 Козлихин И.Ю. 312, 366
 Козловски П. 56, 366
 Колдуэлл Б. 4, 266, 267, 270
 Кондратьев Н.Д. 315, 343
 Конт О. 50, 129–130, 137, 140, 207, 225, 262
 Коррационари Г. 55, 366
 Коуз Р. 108, 313, 366
 Коффка К. 300
 Коши О. 91
 Крафтс Н. 314, 315, 366
 Крипке С. 287
 Кристева Ю. 285
 Кросс Р. 270
 Куайн У. 5, 9, 10, 15, 27, 28, 64, 104, 156–160, 169, 270, 366
 Кун Т. 5, 27, 29, 31, 164–169, 267, 270, 366
 Куракин А.Л. 353, 366
 Курно О. 222
 Кюдланд Ф. 344
 Лакан Ж. 197
 Лакатос И. 5, 29, 73, 161–164, 244, 252, 260, 262, 267, 270, 271, 366
 Ларичев О.И. 328, 366
 Лассаль Ф. 134
 Лассвелл Г. 304
 Леви-Стросс К. 197
 Левкипп 116
 Лейбниц Г. 16, 19, 91, 130, 132, 133, 273, 366
 Лейонхуфвуд А. 111
 Леонтьев В. 259, 367
 Леонтьев А.Н. 301, 367

- Лиотар Ж. 19, 197–199, 284, 285, 367
 Лист Ф. 108
 Лобачевский Н.Н. 290
 Локк Дж. 15, 16, 19, 124–128, 156, 207, 273, 292, 306, 367
 Лосев А.Ф. 90
 Лукас Р. 76, 80, 83, 110
 Лукасевич Я. 289
 Лумз Г. 337, 367
 Лурия А.Р. 302
 Льюис Д. 281
 Маевский В. 101, 102, 103, 367
 Майзон Дж. 353, 356, 357, 367
 Макиавелли Н. 120, 121, 367
 Макклоски Д. 261, 266, 270, 367
 Маклин И. 310, 367
 Макфадден Д. 351
 Ман Т. 110
 Марки Н. де 270
 Маркс К. 31, 53, 74, 83, 104, 108, 111, 124, 128, 196, 210–217, 244, 264, 286, 302, 341–343
 Маркузе Г. 194, 368
 Марцинкевич В.И. 104, 368
 Маршалл А. 64, 65, 72, 110, 111, 124, 130, 217–225, 244, 261–268, 270, 329, 343, 368
 Маслоу А. 300
 Мах Э. 16, 68, 129, 130
 Махлуп Ф. 46, 261, 264
 Менгер К. 17, 64, 68, 69, 83, 110, 136, 137, 139, 145, 283, 329, 362
 Мерриам Ч. 304
 Мизес Л. фон 110, 261, 265, 283
 Микеланджело Буонарроти 121
 Милль Дж. С. 17, 31, 33, 44, 83, 108, 124, 128, 129, 133, 137, 178, 207–210, 221, 225, 244, 245, 261–267, 269, 286, 302
 Минский Х. 111
 Моммзен Т. 137
 Монте К. 348, 368
 Монтегю Р. 281, 368
 Монтень М. 120, 121, 368
 Моргенштерн О. 80, 83, 111, 112
 Моррис Ч. 20, 276, 278, 368
 Мур Дж. 104, 141, 170, 171, 177, 179, 368
 Мут Дж. 76, 80, 110
 Мэнкив Г. 344
 Мэнкью Н. 96, 97, 111, 368
 Мюллер Г. 300
 Мюрдаль Г. 246
 Найссер У. 300, 368
 Найт Ф. 261, 265, 335, 368
 Наторп П. 133, 134
 Негеши Т. 28, 30, 368
 Нейман Дж. фон 78, 80, 83, 111, 112, 368
 Нейман Е. 352, 353
 Нейрат О. 142
 Нелсон Р. 111
 Никлз Т. 33
 Ницше Ф. 321
 Нозик Р. 309
 Норт Дж. 110, 369
 Нэш Дж. 80, 83, 111, 348
 Ньютон И. 83, 91, 123, 124, 368
 Оккам У. 16, 118, 125, 273
 Олейник А.Н. 324, 368
 Олсон М. 303, 368
 Остин Дж. 51, 172, 196, 281, 369
 Отмахов П. 42, 43, 369
 Парето В. 110, 163, 258, 329, 348
 Парменид Элейский 8, 116
 Патнэм Х. 5
 Петрарка Ф. 121
 Пирс Ч.С. 33, 40, 52, 104, 132, 144, 273–275, 369
 Пирсон Э. 352, 353
 Пифагор 117
 Платон 90, 115, 116, 117
 Познер Р. 313
 Поппер К. 5, 9, 25, 27, 44, 95, 144, 148–155, 160–163, 175, 177, 181, 202, 231, 240, 243, 244, 247, 253, 255, 260, 262, 267, 270, 271, 324, 352, 369
 Прескотт Э. 344

- Пригожин И. 349
 Причетт Г. 304
 Пуанкаре А. 105, 237
 Райл Г. 301
 Ранке Л. 137
 Рассел Б. 50, 104, 140, 141, 174, 210
 Рафаэль Санти 121
 Рейхенбах Х. 142, 147, 174, 202, 262, 369
 Рикардо Д. 31, 108, 124, 207, 209
 Риккерт Г. 21, 46, 133–135, 138, 140, 370
 Роббинс Л. 7, 261, 370
 Роджерс К. 300
 Розенберг А. 267
 Ромер Д. 344
 Рорти Р. 5, 266
 Ростю У. 315
 Роулз Дж. 305, 306, 308, 309, 370
 Рубинштейн С.Л. 301, 370
 Руссо Ж.-Ж. 306
 Рэппинг Л. 76
 Саати Т. 296
 Сагден Р. 337
 Саймон Г. 46, 111, 298, 322, 323, 370
 Самсин А.И. 4
 Самуэльсон П. 30, 48, 49, 110, 111, 160, 258, 261, 265, 370
 Сарджент Т. 80, 83, 110
 Сениор Н. 231, 245
 Серл Дж. 51, 172, 173, 370
 Сиджвик Г. 17
 Скиннер Б. 301, 370
 Скотт Д. 281
 Слуцкий Е. 329
 Смарт Дж. 301
 Смит А. 30, 31, 62–64, 74, 83, 108, 124, 207, 302, 346
 Сократ 117
 Соломон С. 315
 Солоу Р. 103, 111
 Солсо Р. 300, 370
 Соссюр Ф. де 18, 196, 279, 280, 285, 370
 Степанов Ю.С. 279, 370
 Степин В.С. 107
 Стиглер Дж. 111, 358, 370
 Стиглиц Дж. 108
 Стюарт Дж. 110
 Сэвидж Л. 111, 330
 Таллок Г. 303
 Тарасевич В. 106–108, 370
 Тарский А. 36–41, 204, 205, 370
 Тверски А. 337, 365
 Тевено Л. 110
 Тинберген Я. 351
 Толанд Дж. 64
 Торндайк Э. 301
 Трубецкой Н.С. 195
 Тюрго М. 110
 Уинтер С. 111
 Уоллес Н. 80
 Уотсон Д. 301
 Уэлли Дж. 347, 371
 Фалес Милетский 116
 Фейерабенд П. 5, 27, 31, 92, 166–169, 270, 276, 377
 Фергюсон А. 63
 Фихте И. 132, 133
 Фишер И. 329
 Фишер Р. 351
 Флоренский П.В. 107
 Фодор Дж. 301, 371
 Фома Аквинский 118, 120
 Фреге Г. 50, 140, 141, 210
 Фрейд З. 196, 285, 302
 Фридмен М. 3, 4, 53, 80, 111, 112, 135, 231–244, 247, 261–267, 270, 330, 371
 Фромм Э. 194, 371
 Фуко М. 19, 57, 144, 197, 198, 202, 285
 Хаавелмо Т. 351
 Хабермас Ю. 57, 144, 194–195, 202, 282, 309, 371
 Хайдеггер М. 189, 196, 204, 283, 371

Хайек Ф. фон 60, 110, 343
Хакен Г. 349, 351
Халл К. 301, 371
Харрод Р. 111, 226
Харт Х. 311
Хатчсон Ф. 63
Хатчесон Т. 4, 226, 261, 263, 264,
270
Хаусман Д. 4, 44, 53, 210, 261,
262, 267–269, 270, 372
Хей Дж. 336, 337, 372
Хейлбронер Р. 60, 245, 246, 371
Хекман Дж. 351
Хендри Д. 356
Хикс Дж. 73, 74, 110, 111, 258,
329, 330, 372
Хинтиikka Я. 287, 288, 372
Хиршлайфер Дж. 303, 304
Холден К. 354, 372
Холл Р. 110
Хомский Н. 281, 372
Хоркхаймер М. 193, 372
Хэар Р. 57, 174, 175, 177, 179,
181, 182, 205, 372
Хэндз У. 270
Хэнсон Н. 33
Чихара Ч. 301, 371
Шварц А. 111
Шекспир У. 121
Шелер М. 21, 22, 57, 131, 187,
372
Шеллинг Ф. 132, 133
Шепсл К. 303
Шлейермахер Ф. 188, 283
Шлик М. 9, 74, 142, 143, 144,
226, 372
Шмоллер Г. 108, 136–141, 145
Шопенгауэр А. 8, 372
Штакельберг Г. 348
Шульц Т. 111
Шумпетер Й. 103, 110, 112, 338,
343, 364, 373
Шэкл Г. 344, 373
Эббингауз Г. 300
Эджуорт В. 329
Эйнштейн А. 83, 105, 124, 295,
340, 373
Эмпедокл 116
Энгл Ф. 351
Эрроу К. 111, 253, 258, 259, 373
Юм Д. 16, 49, 52, 53, 124, 127,
221, 222, 235, 373

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
------------------	---

Глава 1

ПРИНЦИПЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ.....7

1.1. Принцип теоретической относительности.....	7
1.2. Принцип концептуальности	12
1.3. Спорные вопросы	15
1.4. Ценности и цели	20
1.5. Принцип иерархии и автономии ценностей	23
1.6. Принцип эффективности.....	24
1.7. Принцип экономической ответственности.....	26
1.8. Принципы научно-технического ряда и строя.....	27
1.9. О логике проблемного и интерпретационного методов	32
1.10. О соотношении научного и ненаучного знания.....	34
1.11. Истинность экономической науки	36
1.12. Прагматический метод в экономике. Соотношение позитивной и нормативной теории	44
1.13. Экономическая наука и этика.....	55
1.14. О предмете экономики и философии экономики.....	59

Глава 2

РЕВОЛЮЦИИ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.....62

2.1. Первая революция: классическая экономическая теория	62
2.2. Вторая революция: маржинализм	64
2.3. Третья революция: кейнсианство	72
2.4. Четвертая революция: теория ожидаемой полезности и программно-игровой подход.....	77
2.5. О научно-теоретическом строе экономической науки	80
2.6. Научно-теоретический строй экономической теории и мейнстрим.....	84
2.7. Концептуальная оценка взаимосвязи экономических теорий	95
2.8. Многообразие экономических теорий	109

Глава 3

ЧТО ЭКОНОМИСТУ ЖЕЛАТЕЛЬНО ЗНАТЬ

ИЗ ФИЛОСОФИИ НАУКИ?	114
3.1. Античная философия науки	114
3.2. Средневековая философия науки	118
3.3. Философия науки в эпоху Возрождения	120
3.4. Нововременная философия науки.....	122
3.4.1. Галилеанская революция: метод идеализаций	122
3.4.2. Ньютоновская революция: истинное как математическое	123
3.4.3. Эмпирицистская методология	124
3.4.3.1. Британская линия: Бэкон — Гоббс — Локк — Беркли — Юм.....	124
3.4.3.2. Первый и второй позитивизмы	129
3.4.4. Рационалистская методология	130
3.4.4.1. Рационализм Р. Декарта, Г. Лейбница и И. Канта	130
3.4.4.2. Рационализм И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля	132
3.4.4.3. Два варианта неокантианства и <i>Methodenstreit</i>	133
3.5. Философия науки XX в.	140
3.5.1. Непозитивизм	140
3.5.2. Постпозитивизм К. Поппера и критика непозитивизма.....	148
3.5.3. Можно ли примирить Карнапа с Поппером?.....	153
3.5.4. Прагматический аналитизм У. Куайна	156
3.5.5. Историческая школа в философии науки	161
3.5.6. Аналитический поиск своеобразия предложений этики	169
3.5.7. Каковы предложения экономических наук?	177
3.5.8. Феноменологическая философия науки	183
3.5.9. Герменевтическая концепция науки.....	188
3.5.10. Поиск критической теории	192
3.5.11. Структурализм — постструктурализм — постмодернизм	195
3.6. Кредо современной философии науки.....	200

Глава 4

ВЕХИ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ..... 207

4.1. Джон Стюарт Милль: ранний позитивизм	207
4.2. Карл Маркс: метод диалектического восхождения от абстрактного к конкретному.....	210
4.3. Альфред Маршалл: поздний позитивизм	217

4.4. Неудача неопозитивистского проекта	225
4.5. Постпозитивизм Милтона Фридмена.....	231
4.6. Марк Блауг: жесткий фальсификационизм и умеренный дуализм фактов и ценностей.....	244
4.7. Какая методология нужна экономистам?.....	261

Глава 5

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ.....

273

5.1. Экономическая теория и семиотика.....	273
5.2. Экономическая теория и лингвистика	279
5.3. Экономическая теория и логика	286
5.4. Экономическая теория и математика	290
5.5. Экономическая теория и психология	298
5.6. Экономическая теория и политология	302
5.7. Экономическая теория и правоведение.....	310
5.8. Экономическая теория и история.....	314
5.9. Заключение	317

Глава 6

ОСНОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ .....

319

6.1. Новый экономический рационализм	319
6.2. Функция полезности	327
6.3. Неопределенность и риск.....	335
6.4. Время, циклы и экономическая теория.....	340
6.5. Равновесие и неустойчивость.....	346
6.6. Интерпретация измерений и проверка теории	351
6.7. Информация и теория	357

ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....

360

ЛИТЕРАТУРА .....

362

Предметный указатель.....	375
Именной указатель	378